

Пеньковская Елена

Голубая лилия

12+

Елена Витальевна Пеньковская

Голубая лилия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55161694

SelfPub; 2020

Аннотация

Древняя история об эльфах, давно забытая людьми, вновь оживёт... Юной знахарке Лилии предстоит пережить нечеловеческую жестокость и предательство, узнать настоящую дружбу, и выяснить, в чём заключена чудовищная тайна эльфийского народа. Девушку и её друзей ждут тяжёлые испытания. Справятся ли герои с ними? И что в конце концов станет истинным смыслом жизни?

Содержание

Лилия	11
1	11
2	15
3	20
4	29
5	32
6	34
7	36
8	43
9	46
10	48
11	54
12	60
13	61
14	63
15	66
Лес	68
1	68
2	69
3	73
4	75
5	76
6	79

7	85
8	92
9	96
10	110
11	114
12	117
13	118
14	120
15	122
16	137
Неправильный взгляд	160
1	160
2	166
3	167
4	168
5	170
6	176
7	179
8	182
9	184
10	185
Болотник	188
1	188
2	190
3	193
4	197

5	200
6	202
7	205
8	207
Крепость	210
1	210
2	214
3	216
4	220
5	224
6	229
7	239
8	247
9	248
10	252
11	254
12	256
Индил умирает	257
1	257
2	260
3	263
4	264
5	265
6	267
7	269
8	272

9	274
10	277
11	281
12	286
13	291
14	294
Выполненные обещания	297
1	297
2	300
3	304
4	306
5	308
6	316
7	318
8	320
9	322
10	324
11	326
12	328
13	329
14	331
15	333
16	334
17	336
18	338
Король	339

1	339
2	344
3	345
4	348
5	350
6	352
7	355
8	357
9	359
10	361
11	363
12	365
13	368
14	370
Король говорит	371
1	371
2	376
3	378
4	381
5	383
Знакомство с крепостью	386
1	386
2	391
3	392
4	398
Дерево	401

1	401
2	410
3	412
4	414
5	416
6	421
7	426
8	428
9	433
Поиск занятий.	436
1	436
2	437
3	448
4	449
5	453
Клубника	455
1	455
2	459
3	461
4	467
5	468
6	470
7	473
8	475
9	478
Мельница	482

1	482
2	485
3	487
4	490
5	492
6	499
7	504
На мельницу	509
1	509
2	513
3	515
4	516
5	518
6	520
7	527
8	529
9	535
10	539
11	543
12	545
13	548
14	551
15	553
16	558
17	563
18	564

19	565
20	566
21	568
22	570
23	571
24	573
25	574
26	575
27	577
28	579
Итог	582
1	582
2	588
3	590
Ошибки	594
1	594
2	598
3	601
4	603
5	606
6	611
7	615
Прошлое – будущему.	619
1	619
2	622

Лилия

1

Как часто случается, самые необыкновенные истории начинаются в самых обыкновенных местах. И эта – не исключение.

Итак, все началось в небольшой деревне, одной из тех, в которых все знают друг о друге абсолютно всё. Но, в отличие от многих подобных поселений, жители совсем не благоволили друг другу. Каждое семейство особняком стояло от других. Никогда нельзя было увидеть совместных работ на полях или, скажем, соседа, помогающего другому выправлять покосившиеся надворные постройки. Помощи здесь никто никому не оказывал, да и не просил. Боялся ли каждый быть обманутым или сильнейшая человеческая глупость играла роль, но все сами собой, без причины, как по негласному уговору, стали друг другу врагами.

К несчастью, именно в такое общество попали люди, совершенно от него отличающиеся и к жизни в нем не приспособленные.

Два дома стояли на отшибе и выглядели очень древними. Но сказать, что они были не ухожены, – ни в коем случае! Небольшие хозяйства находились в полном порядке, а

сами дома, судя по всему, регулярно правили. Из живности – несколько рыжих кур-несушек и такой же рыжий, статный петух. Прохожий, в любое время оказавшись возле дальнего дома, мог заметить (если, конечно, желал этого, что было редкостью) симпатичную белую кошку с красивыми изумрудными глазами. Она часто грелась на солнышке, лежа на крыше, или прохаживалась по забору. Но на зов кошечка бежала сразу, чем бы ни была увлечена. Её любимой хозяйке недавно исполнилось девятнадцать лет, выглядела девушка довольно просто, но прелестный юный возраст очень шел ей. Девушка была стройна, но не хрупка – силы в ней всегда оказывалось достаточно, чтобы легко справляться со всеми работами во дворе. Длинные волнистые русые волосы играли на солнце золотистыми блестками. Очень немногие знакомые всегда отмечали красивые, темные, цвета дубовой коры глаза. Действительно, оттененные длинными ресницами, они были глубоки и внимательны, только взгляд их всегда сквозил каким-то затаенным беспокойством. Девушку звали Лилия, или, как называла её иногда старушка-соседка, Лия.

Она жила одна. Так вышло, что родители Лилии погибли. Они были уважаемыми лекарями, но однажды в селении, где жила с родителями девочка, разразилась жестокая эпидемия. Заболевание опасное и непредсказуемое. Невидимый палач забирал с собой всех – детей, женщин, мужчин, стариков. Заболевший мог или выздороветь через несколько дней, или же умереть в жестоких мучениях, не дожив до утра. Все

известные методы лечения не помогали. Травы, отвары, даже магические заговоры – ничто не способно было вылечить недуг. Как будто высшие силы учинили над этим местом страшную расправу за человеческую глупость и злость.

Люди боялись, люди страдали. Естественно, вся вина за происходящее легла черной тенью на единственных и в этот раз беспомощных врачей – семью Лилии. Это произошло почти шесть лет назад, девочка уже тогда перенимала родительский опыт и достаточно хорошо справлялась со знахарским ремеслом.

Когда эпидемия охватила все окрестные деревни, случилось страшное преступление, перевернувшее жизнь Лилии и бесповоротно её изменившее.

На пути в соседнее селение на лекарскую телегу напали неизвестные. Таким сильным было желание отомстить хоть кому-нибудь за все беды. Всегда пытались и пытаются люди найти виноватого в том, в чём невозможно найти таковых. И человеческая жестокость не знает преград, если они все-таки их находят.

Родителей Лилия похоронила на соседнем холме, под молодой рябиной.

Тогда же на попечение её взяла старушка по имени Ревека, милая и добрая женщина с незаурядным умом. Пережившая многое за свою жизнь, она теперь спокойно доживала свой век.

Ревека еще при жизни родителей девушки была достаточ-

но близким другом их семьи. Ни один праздник не обходился без ее участия, и виделись они практически каждый день. В детстве Лилия всегда думала, что Ревека – её родная бабушка. Не удивительно и то, что даже родители девушки часто в глубине души, а иногда и вслух, называли Ревеку «бабушкой».

Ревека и Лилия быстро стали друзьями и союзниками. Девушка помогала по хозяйству, успевая на обоих дворах.

– Если кто-то обидит, скажи мне. Я задам подлецу такого жару, что его родная мать в дом не пустит! – любила говорить старушка, действительно убедительно и весьма устрашающе помахивая ухватом.

Вдвоем им было очень хорошо. Зачастую они ночевали вместе, у кого-то в доме, не видя особого смысла разлучаться, и жили как семья. Ревека многому научила Лилию. Девушка продолжала заниматься родительским делом и теперь была единственной, к кому больные могли обратиться за помощью. Ей очень нравилось помогать людям, она любила знать многое и узнавать еще больше. Особенно увлеченно Лилия изучала травы, снадобья и даже искусство целительной магии, хотя к этому относилась с большим скептицизмом.

2

Чудесный майский день. Солнце глядит на мир с высоты кристально-голубого неба, и кажется, что всё вокруг, наполняясь его светом, приобретает новые краски. Яркая, изумрудная зелень деревьев и лугов ещё не запылена летним зноем. Над головой проплывают редкие белоснежные облака. У опушки леса уже всюю буйствуют первоцветы.

– Лия!

Ревека вышла на крыльцо. Они с Лилей собирались сегодня сходить за холмы, собрать трав. Сейчас самое лучшее время – многие из них растут уже около месяца и собрали в себе все соки, но не успели ещё раскрыться, растерять своих свойств.

– Лия, ты где? Нам пора! – Ревека оглядела двор, огород, подошла к забору и окинула взглядом поле. – Ну, и где мне тебя искать?

Лилия ушла куда-то ещё с утра, обещая вернуться к полудню. Старушка уже привыкла к тому, что девушка постоянно сбегает. Но она всегда возвращалась к обещанному времени...

– Ревека! Ревека! Смотри!

Лилия бежала со стороны своего двора.

– Лия! Вот ты где! Я уже звала тебя – нам пора идти, если хотим успеть до сумерек.

– Подожди, я сначала покажу тебе кое-что. Я только что была в сарае – помнишь, я говорила, что там стоит ящик? Он открывается! Ломом, конечно, пришлось, но не зря я его разворотила! Смотри!

Лилия, запылённая, с зацепившейся за косу щепкой остановилась перед Ревекой. В руках у неё был старый том, книга, обтянутая, кажется, изначально чёрной, но от времени посеревшей кожей.

– А я тебя ищу, ищу... О-о-о...

Ревека наконец внимательно посмотрела на находку, бросив попытки упрекнуть воспитанницу. Глаза её раскрылись в крайнем удивлении, она взяла книгу в руки.

– Надо же... – Ревека бережно перелистывала страницы.

Лилия подошла ближе.

– Это родительская книга, так ведь?

– Да-да, ты права, это она. Посмотри.

Они склонились над открытым томом. Бумага, в отличие от переплета, оказалась почти нетронутой временем. Листы цвета выбеленной кости были исписаны с обеих сторон. Лилия внимательнее вгляделась в написанное и увидела, что книгу писали два человека. Если быть точным, то...

– Это эльфийское наречие, – воскликнула Лия, указывая на строчки, – а вот папин почерк!

Ревека, улыбнувшись, кивнула. На листе действительно были эльфийские письма, начертанные темно-зелёными чернилами. А под каждой строкой чёрным тянулся текст на

общем, человеческом языке.

– Я думала, книгу у твоих родителей забрали.

– Ты знала про неё?! – с удивлением воскликнула девушка. Хотя она привыкла к тому, что очень многое о своих родителях узнавала уже после их смерти.

– Я знала, что она должна быть у твоего отца, – ответила Ревека, – я всё расскажу тебе, но это очень важно, и рассказ может занять много времени. Быстрее занеси книгу в дом и спрячь под лестницей. Пока ещё не поздно, нам нужно сходить за травами.

Девушка не успела ничего возразить, как вдруг...

– Здра-а-авствуйте, птички!

Лилия вздрогнула и быстро повернулась на голос. К слову, он был противным, как и его хозяин. По тропке, идущей от деревни в сторону леса, шёл мужчина. Он был очень мощно, но грубо сложен. По бокам болтались огромные волосатые ручки. Лицо напоминало что-то среднее между бараном и древним человеком: широкий и выдающийся вперёд лоб и тяжёлая квадратная челюсть. Из-под бровей пристально смотрели глаза с желтоватыми белками. Это был деревенский кожевник, единственный, пожалуй, из всех обладавший острым умом. Он же был из тех людей, кого стоило бояться.

– А я иду с поля и думаю – дай-ка куропаток постреляю, – мужчина повёл плечом, на котором покачивался арбалет, – и к вам решил зайти.

Кожевенник ухмыльнулся и оглядел Лилию, скользнув взглядом по её талии. Ревека же смотрела на него, как смотрят на слизняков в своём огороде.

– А что вы тут посреди двора стоите, бездельничаете? – продолжал мужчина, медленно продвигаясь к калитке. – Все люди сейчас в лесу, прутья для корзинок заготавливают. Али дома сидят, прячутся от полуденного солнца...

– Какое тебе дело, кто что делает? – вдруг перебила его Ревека. – Иди себе, куда хотел, и избавь нас от своего общества!

– Ревека, не надо так, – тихо произнесла Лилия, не отрывая взгляда от мужчины. Голос у неё дрогнул – она боялась его. Девушка знала: разозлённый или пьяный, этот человек может сделать всё что угодно. В деревне все знают, что года три назад этот человек придушил свою спящую жену, когда пришёл из таверны. Ему не понравилось, что она его не встретила...

– Послушай девчонку, старуха, она дело говорит, – мужчина взялся массивной ладонью за калитку.

Всё это время девушка смотрела в глаза огромному человеку. Она старалась уловить малейшее его движение.

Кожевенник вдруг изобразил на лице ядовитую снисходительную улыбку. Через несколько секунд он отступил на дорогу.

– Из уважения к сегодняшней прекрасной погоде... и к древности этой кошёлки... – всё так же улыбаясь, добавил

кожевенник. Отвесив оскорбительный поклон, он отошёл от калитки и уже было шагнул дальше, к лесу, но вдруг снова остановился, посмотрел на них.

– Внимательней, птички. По деревне давно-о-о толки ходят. Все эти ваши травки, книжки... заговоры. – Кожевенник многозначительно улыбнулся Лилии. – Как бы не случился у вас, например... совершенно случайно... пожар или ещё чего, – мужчина бросил последний весёлый взгляд, поправил арбалет и наконец ушёл.

– Ладно, пойдём уже. Время потеряли, – Ревека продолжала презрительно смотреть вслед ушедшему.

Вечером они устроились за столом на кухне в доме Ревеки. Она обещала кое-что рассказать, и Лилия предполагала, что это «кое-что» крайне важно. Иначе волновалась бы Ребека, пока собиралась с мыслями? Наконец, после пяти минут молчания, растянувшихся до бесконечности, старушка начала говорить.

– Это произошло лет двадцать назад, когда твои мама и папа только приехали сюда и стали заниматься своим ремеслом. Уже тогда народ глупый и вздорный не мог принять людей, обладающих какими-то непонятными им талантами, пусть даже они спасали многим жизни. «Если не прибрали того, кого отметили недугом боги, значит, нечисть помешала им, значит, эти люди тёмные, если слушает их тёмная сила», – вот что говорили люди.

– Они и сейчас так говорят, – сказала Лилия, – я слышала на рынке, как у меня за спиной шептались девушки.

– Тёмный народ, дальше своего носа ничего не видит и своими птичьими мозгами ничего не соображает, – буркнула было Ребека, но, поймав на себе укоряющий взгляд Лили, добавила, – ну и не смотри на меня так! Ну да, допустим, они просто суеверные трусы... ну... ладно. Так, о чём я говорила?

Ах, ну так вот. Твой отец был необыкновенным. Искатель

приключений. Ему было интересно всё – дикие звери в лесу, деревья, травы, цветы. Он смотрел, как они живут. Изучал их особенности. Он любил мир, познавал его. Каждый раз он уходил всё дальше, пропадал всё дольше.

И вот однажды, когда сошёл снег, твой отец собрал котомку и ушёл, поручив мне смотреть за его женой, твоей матерью. Помню, он сказал мне: «Что-то зовёт меня дальше в леса, то, природу чего я не могу угадать. Но я уверен, оно играет большую роль. Знать бы ещё, плохую или хорошую».

Его не было, насколько я помню, около двух месяцев. Мы волновались, но всё же были уверены в том, что он не пропал в лесах. Ведь твой отец знал там всё. Мне иногда казалось, что даже животные его узнавали... ха, глупо, конечно... но, тем не менее, они никогда не трогали этого человека. Даже удивительно.

Он вернулся рано утром. Сколько было радости! Сам он изменился – помолодел, повеселел.

– Папа рассказал, где был?

– Лия, был бы твой отец твоим, если бы всё толком рассказал? – смеясь, ответила Ревека. – Но, конечно, он мало что говорил. У него была эта книга, которую видели только мы с твоей мамой. Он объяснил, что был у лесных эльфов. Один из них отдал ему книгу, а заодно преподал знание своего языка. Он же сказал твоему отцу, что у него скоро будет дочка.

– Я?

– Да, – кивнула Ревека, – а ещё он попросил дать девочке особенное имя...

Старушка многозначительно улыбнулась.

– Подожди-подожди! Ты сказала, что отец был у лесных эльфов?! Я думала, они давно ушли куда-то далеко...

– Откуда ты взяла это?

– Люди говорили, что...

– Люди могут говорить что угодно, – оборвала её Ревека, – лесные эльфы живут и хранят свои знания. Люди становятся всё хуже, всё невежественнее и из-за этого никак не могут встретить ни единорога, ни дракона, ни уж тем более эльфа. Неужели я зря тебе рассказывала про них?

– Я помню, бабушка... Просто это очень...

– Лилия, мир гораздо больше и загадочней, чем видит каждый из нас. В нём есть место чудесам и искренним чувствам. На них он и держится. Уйдут эльфы – умрёт мир. Наш король – один из немногих, кто понимает это.

– Ревека, а ты видела его?

– Кого?

– Короля Цивеона.

– Он правит уже пятьдесят лет, но, к сожалению, я не видела его. Серебряный город далеко, а я уже тогда была стара, чтобы прийти к Цивеону на поклон....

Ревека о чем-то задумалась. Снаружи давно наступила ночь, под крыльцом сонно квохтали куры.

– Ты знаешь...

– Что? Ревека?

Старушка помедлила с ответом, глядя куда-то перед собой. Потом она улыбнулась, подорвалась с места и кинулась к лестнице.

– Подожди! Упадёшь, она же старая!

– Давай за мной, поможешь!

– Что? Ладно... Подожди! – засмеялась Лилия, увидев, как старушка бойко взбирается по лестнице. Девушка взяла свечу и пошла за Ревекой.

Обе оказались в комнатке под крышей. Чердаком это можно было назвать с очень сильной натяжкой. Потолок очень низко висел над головой, так что Лилии приходилось почти вставать на четвереньки. Без крайней надобности сюда никогда не забирались – только если нужно было подправить крышу. «Надо бы обновить лестницу», – промелькнуло в голове у Лилии, пока она карабкалась за Ревекой.

– Ищи зелёный деревянный футляр. Он небольшой, размером с ладонь.

– Что там? – спросила Лилия, направившись в другой угол комнатки.

– Я почти забыла об этой вещице, – видимо, не расслышав девушку, сказала Ревека, отбрасывая старые доски, – но она точно где-то здесь!

– Вот! – Ревека, немного повозившись, выудила холщовый сверток. У старушки в руках оказалось что-то вроде маленькой плоской шкатулки. Краска на ней немного потрес-

калась. – Давай спустимся.

Лилия бросила тряпки и прочий мусор обратно в угол. Мельком оглядев чердачок, она подумала: «Выкину тут все» – и отправилась за Ревекой.

Внизу они вместе зажгли лампу и ещё пару свечей. Старушка села к столу. Она смотрела на футляр и осторожно поглаживала пальцами его крышку.

– Это отдал мне один странствующий художник, – тихо сказала Ревака.

Лилия села напротив и оглядела прямоугольную крышку. Пламя свечи отбрасывало тени и блики, которые играли на зелёной краске. На несколько мгновений девушке показалось, что это совсем не игра света – она увидела пляшущих на футляре коней, всадников с мечами и копьями. Они догоняли друг друга, сливались вместе и продолжали свой танец. Видение оборвал голос старушки.

– Однажды он проходил здесь. Кто знает, как его сюда занесло? Нужно было очень постараться, чтобы вообще обнаружить нашу деревню! – Ревака с Лилией усмехнулись. – На ночь он остановился у меня. Ох, и забавный был человек! Всё рассказывал мне про дальние края. Как цветут сады сирени к югу от Серебряного города, как ловят рыбу северные люди дальних морей, какие чудесные твари обитают в Хрустальном лесу. Показал часть своих картин. Они были прелестны, это точно... как будто живые.

Странник был в Серебряном городе во время коронации

Цивеона. Он рассказывал, как всё было. Великое множество людей на улицах – жителей города, ближайших деревень, приезжих из других мест. Белые и голубые цветы всюду – целое море! На главной площади и дворца было не протолкнуться. Насколько хватало взора, всюду люди, ожидавшие своего короля.

И они все увидели его. Тем же вечером, когда солнце бросало свои последние, самые яркие закатные лучи, открылись ворота дворца. И вышел король...

Ревека повернула футляр, который держала в ладони, и сняла крючок, что удерживал две его половинки вместе. Изнутри он был весь отделан нежно-голубой тканью, немного истёртой, а в углублении на одной стороне лежал полукруглый портрет в полный рост. Ревека аккуратно высвободила его из футляра и передала Лии.

Девушка увидела изображение поистине прекрасное. На портрете был мужчина, на вид лет тридцати, одетый в камзол, прекрасно подчеркивающий его статную и сильную фигуру. Чёрные кудри, обрамлявшие лицо, венчала серебряная корона с лепестками лотоса – такой знак находился и на всех гербах страны. Король был изображён спускающимся по ступеням дворцового крыльца. Поражала необычайная сложность и живость портрета. Художник запечатлел каждое мимолетное движение, лёгкий наклон головы, мягкую улыбку, мельчайший блеск серебряной короны, те самые голубые и белые цветы на перилах... Но больше всего поражал

взгляд короля. Он был наполнен живым блеском, отчетливо просматривалась его глубина. Казалось, что король вот-вот повернёт голову, поднимет глаза и улыбнётся каждому, кто бы ни держал этот портрет в руках.

– Он... прекрасен! – прошептала Лия, имея в виду и портрет, и короля... тем более что одно от другого, скорее всего, отличалось только сущностью.

– О, да, – согласилась Ревека, улыбаясь. – Цивеон прекрасен во всех отношениях, корона до сих пор не изменила его. Он всё так же чист и благодушен, справедлив и бескорыстен...

Ревека мечтательно умолкла.

– Почему ты так решила? – хитро прищурившись, спросила Лилия.

– Почему я так решила?! Да потому что я знаю! – с негодованием вскричала старушка, но заметив, что Лилия посмеивается, она шутливо пихнула её в бок. – А ты всё смеёшься над бедной старой женщиной, да?! Знаю я тебя, непослушная девчонка!

Пару минут Ревека и Лилия смеялись друг над другом, хотя постепенно их вниманием опять завладел чудный портрет.

– У каждого короля должна быть свита. У Цивеона она была особенной. Его сопровождали юноши в струящихся мантиях небесно-голубого цвета, капюшоны которых почти полностью скрывали их лица. Художник даже изобразил их,

правда, утверждал, что не смог добиться того ощущения, которое овладело им при одном только взгляде на свиту короля. И они пели. Пели так прекрасно, что, хотя никто не смог разобрать слов, каждый будто бы... чувствовал их. Юноша говорил, что пели они о свободе, счастье и мире, который будет лучше и светлее с новым королём. И пели о нём. И о каждом, кто был на площади, о каждом, кто внимал их пению.

– Эльфы!

– Да, это были они, вне всяких сомнений.

– Но Ревека, почему эльфы отделились от нас настолько, что их... — Лилия задумалась, как же закончить свой вопрос.

– Считают всего лишь воспоминанием, канувшей в небытие древностью?

Лилия кивнула.

– Эльфы мудры. Их знания, искусство, образ жизни – всё это они чтят превыше всего и готовы защищать ценой своих жизней. Такие уж это создания. А доверить все эти таинства людям, даже просто показать им что-то...

Ревека сложила портрет обратно в футляр и закрыла его. Была уже глубокая ночь, и вот-вот на востоке должно было показаться слабое зарево.

Старушка заговорила тихо, почти печально.

– Люди стали глупы и злы. Они забыли всё, чему их учили на заре их процветания, всё, что они сами добыли упорством

и трудами. Теперь в них лишь злоба и бессилие. Они ведут жалкую жизнь, рождаются и умирают без цели, без желаний, без смысла. Всё, что они могут, – лишь разрушать то. Даже если это приведёт и к их гибели – никто не понимает этого. Именно поэтому в жизни больше нет истинной магии. Нет истинных чувств. Даже тех, кто пытается возродить хоть что-то, часто ожидает поражение.

Больше они ни о чём не говорили. Посидев рядом ещё немного, потушили свечи и легли спать.

Проснувшись на следующее утро, Лилия обнаружила, что Ревека, судя по всему, давно на ногах. Бельё было аккуратно сложено на постели, куры на обоих дворах оказались сыты и разгуливали рядом с курятником, вполне довольные жизнью. Самой старушки нигде не было видно, что, впрочем, девушку ничуть не удивило, – Ревека часто уходила то в деревню на рынок, то в лес на сбор... Иногда она вообще просто пропадала, не говоря ни слова.

Так что Лилия не беспокоилась; тем более все её мысли занимал вчерашний полуночный разговор.

Девушка весь день провела в сарае на своём дворе, сортируя, промывая и развешивая для просушки собранные накануне травы. Очень много было сирени, жёлтой акации, барвинка и некоторых других.

Травосбор, древний ритуал... И самое важное занятие, которым Лилия и Ревека всегда занимались вместе.

Круглый год, часто по несколько дней и даже недель за сезон, они ходят в леса, за холмы, к берегам рек и топям болот. В середине лета ищут душистые травы, вроде горной белены, и собирают листья некоторых деревьев. Валериану и болотные растения заготавливают в начале осени. За плодами и кореньями (той же горечавки, например) ходят в октябре-ноябре.

Даже зимой, когда всё покрыто снегом и льдом, в лесу есть чем заняться, ведь некоторые растения, засыпая на время холодов, сохраняют всю свою силу в корнях. Раскопать их стоит немало труда. Некоторые виды мхов стоит снимать с камней и стволов лишь в самые лютые февральские морозы. С апреля начинается сбор первоцветов, особенно если весна выдалась ранней.

И так круг замыкается. Лилия успела пройти три цикла травосбора целиком и запомнила очень многое. Названия всех трав, все тропинки и дороги в самых отдаленных уголках той местности, среди которой приютилась их забытая всем миром деревня.

У Лилии сохранилась великолепная книга с иллюстрациями – импровизированный лекарский справочник, в котором было указано всё о всевозможных растительных богатствах. Кое-что в ней дописывал её отец, а несколько недостающих рисунков сделала она сама.

Словом, травничество всегда доставляло девушке удовольствие, приносило душевный покой. Правда, в этот раз за работой её беспрестанно преследовали мысли. Лилия думала о короле, об эльфах, о словах, что сказала ей Ревека, и о не свойственной ей встревоженности, наполнившей их.

Задумывалась девушка и о книге, которую обнаружила в старом сундуке.

Как случилось, что отец нашёл лесных эльфов? Вернее – почему они дали ему найти себя и даже передали часть сво-

его мастерства целителей? Но больше всего Лилию пугала мысль о том, что они предсказали ему рождение девочки и дали ей имя.

Хотя всё больше девушка убеждала себя, что это просто красивая история, когда-то рассказанная её отцом. У многих семей есть красивые легенды, но очень редко они бывают правдой.

Но что-то в ней противилось даже малой доле недоверия. В конце концов, эльфийская книга точно была реальной, хотя история, с ней связанная, и казалась невообразимой.

Лилия неотрывно работала до самого вечера. Вместе с ней в сарае была её любимица – та самая белая кошка с изумрудными глазами. Они сидела на верхних полках, наблюдая за хозяйкой, дремала на столе среди пучков трав, увязанных девушкой для сушки, умывалась возле корыта с водой и иногда переговаривалась с Лилией.

За эту редкую способность кошечки общаться девушка любила её еще больше. Нет, конечно, кошка не разговаривала на человеческом языке. Но у неё в арсенале было множество разных выразительных звуков – кошка умела даже рычать почище любого волка. Диалог выходил всегда интересный. Иногда Лилия рассказывала о том, что видела в деревне, и мохнатая собеседница отзывалась всегда по-разному. На рассказы об омерзительном кожевеннике кошка била хвостом и скалила белые острые зубки. Могла даже пожалеть – наклонив голову, заглядывала в глаза и дотрагивалась мягкой лапкой до руки или лица. Такая забота со стороны кошки была удивительной и давно уже не воспринималась Лилией как простая игра животного с хозяином. Девушка чувствовала – она всё понимает.

Лилия закончила работу, когда уже стемнело. Она немного устала, но осталась довольна; после загнала кур и растопила у себя в доме печку – с заходом солнца заметно похо-

лодало.

Ревека не вернулась, и её отсутствие стало беспокоить девушку. Старушка даже не сказала, куда идет, но Лилия решила, что наутро отправится в деревню – вдруг кто-нибудь её видел.

6

Селение, в котором жили Лилия и Ревека, было маленьким, но вполне полноценным. Тут имелись трактир, широкая улица с рынком, упирающаяся в небольшую площадь, а на ней располагался дом деревенского головы.

Что можно сказать о нём, кроме того, что он был слегка глуповат? Ну, важно отметить его доброту. А добрый и глупый человек – это катастрофа. Самая настоящая. А если он ещё и труслив...

Именно таким и был деревенский голова. Он никому не мешал – его не трогали. Удобный человек.

Главным достоянием деревни была одна неприятная конструкция, располагавшаяся прямо по центру площади на деревянном помосте. Местные называли её «скамьёй мене-стреля». Лилия пару раз видела, как на неё сажали людей.

Перед низкой деревянной скамейкой, походившей на детскую, к деревянному помосту были прикручены большие ржавые колодки с отверстиями для рук, ног и головы. Отдалённо всё это напоминало перевёрнутые вертикально щипцы для колки орехов. Человек был вынужден сидеть, согнувшись, удерживаемый такой ловушкой. Всё тело очень скоро затекало и болело... А если народ был в хорошем расположении духа, в беднягу летели старые вонючие тряпки и иногда предметы потяжелее.

Это всегда было ужасно. Вспоминая об этой штуке на площади, девушка каждый раз морщилась.

До рынка Лилия добралась за пять минут – она торопилась, беспокоясь о Ревеке. К тому же дорога в деревню шла под уклоном. Несмотря на утреннее солнце, день, похоже, обещал быть дождливым – над лесом собирались тучи.

Обычно рыночная улица была забита народом. Не столько торговцами, сколько группками сплетничающих женщин, планирующими очередную попойку мужчинами и снующими туда-сюда детьми, оставшимися без присмотра. Однако сегодня улица опустела, как будто налетевший с утра пораньше вихрь унёс всех куда подальше. Лилии понравилась такая перспектива, но подойдя ближе, она услышала гул, доносящийся с площади.

Вот там собралось много народу – наверное, все, кто был на рынке, и те, кто живёт неподалёку. Девушка смогла заметить, что в центре, на том самом деревянном помосте, похоже, развернулась небольшая потасовка. Один из мужчин – торговец рыбой на рынке – громко разглагольствовал, возмущённо жестикулируя, но из-за гула Лилия не поняла ни слова.

Она подошла к двум женщинам, которые стояли тут же, на краю площади.

– Извините, вы не знаете, что здесь происходит?

Та, что была, на взгляд девушки, моложе, смерила её ску-

чающим взглядом.

– Да какого-то очередного бродягу повязали. За воровство, по-моему. Или нет? – женщина повернулась к своей товарке, и они обе неприятно расхохотались и больше, судя по всему, ничего путного сообщить не могли.

– Понятно, – вполголоса протянула Лилия.

Она уже собиралась развернуться и уйти. Что ей здесь делать? Смотреть на очередное безумие? Ревеку искать тут не имеет смысла.

Но что-то заставило её, перекинув сумку через плечо, начать пробираться сквозь толпу на площади. Чем ближе становился помост, тем отчетливее были слышны фразы, выкрикиваемые торговцем.

– Вор! Бездельник! Какое имеет право?! Я – честный человек!..

Картина была весьма прозаична.

Скамья менестреля называлась так не случайно. Иногда (в последнее время, конечно, очень редко) в деревне появлялись барды, менестрели, сказочники... С одним из них Лилия дружила, когда была маленькой. Почти всегда при них были небольшая арфа, лютня или даже какой-нибудь диковинный инструмент с необычным звучанием. И пели бродячие артисты всегда недурно.

Но люди – существа злобные.

Менестрели вместо похвалы или подаяния почти всегда получали лишь насмешки. А раз они не удовлетворяли люд-

ское желание зрелища своим талантом, то им приходилось становиться участниками другой забавы...

Несчастливого могли «по доброте душевной» отпустить через пару часов. Но чаще кто-то сердобольный освобождал пленника ночью, когда все расходились.

Однако человек, которого увидела Лилия, оказался не совсем похож на менестреля.

Точнее, совсем не похож.

На нём были простые льняные штаны чёрного цвета, заправленные в дорожные ботинки, тёмно-синяя куртка (рукав оторван, видимо, в начавшейся драке), подпоясанная ремнем. Небогатое, но аккуратное одеяние. Менестрели же всегда одевались нелепо – они не могли позволить себе купить одежду, поэтому в основном им отдавали её добрые люди, и они брали всё, что им предлагали.

Волосы бедолаги были затянуты тугим узлом на затылке, но несколько темных прядей спадали на лицо, которое поросло густой щетиной.

Это был мужчина средних лет, но Лилия не могла бы назвать его возраст точнее. В целом он производил впечатление человека сильного и не изнеженного – крепкие руки и загорелая кожа говорили о том, что труд ему не чужд.

Тем временем двое – седеющий крестьянин и кожевник, с которым недавно столкнулась девушка, – затащили незнакомца на помост и усадили на скамью. Лилию поразило то, что он не издавал ни звука: не ругался, не кричал и не

сетовал на своих учителей. Только глядел исподлобья, и в его невидящем взгляде не было злости. Девушке показалось, что она увидела в нем... разочарование?

Она с трудом подобралась к помосту. Мужчину заковали в колодки. Торговец рыбой продолжал разоряться, у него даже охрип голос.

– Назвал меня вором и мошенником! Меня! Честного человека! Проходимец! – потрясая кулаками и краснея от натуги, орал он.

Нужно заметить, что слово «проходимец» было самым... цензурным во всей его последующей тираде.

«Сочувствующие» товарищи, предвкушая очередное веселье, кричали и подбадривали его:

– Как он посмел!

– Негодяй!

– Проучи его, Берг!

Лилия вцепилась руками в ремень своей сумки. Отовсюду звучали оскорбления, смех и пьяный свист. Пленник по-прежнему сидел тихо, с каким-то странным спокойствием на лице. Почувствовав на себе её взгляд, он повернул голову и посмотрел ей в глаза.

У него они были тёмными. Даже темнее, чем у неё самой.

Тут же, совсем недалеко от его лица, о колодки ударились и шлепнулась на помост рыба голова. Раздался смех, и со всех сторон в несчастного полетели объедки и гнильё.

Лилия вздрогнула и отчаянно оглянулась в поисках хоть

какой-нибудь помощи. Это безумие. Его нужно остановить!

Она разглядела в толпе знакомую широкую фигуру деревенского головы. Вмиг протолкнулась к нему сквозь толпу и схватилась за его рукав.

– Вы должны их остановить! – стараясь перекрыть стоящий вокруг гомон, закричала она ему. – Это же варварство!

Голова испуганно выпучил на неё глаза.

– Как же я могу? – он смущённо развел руками. – Люди... они...

Теперь пришла очередь Лилии делать огромные глаза. Она смотрела на этого тучного человека, виновато и загнанно склонившего голову, и понимала – он и правда не может ничего сделать. Даже если и хочет. Ведь он добр, глуп и труслив.

Тем временем народ всё больше горячился. Обиженный торговец даже затеял игру – кто попадёт в голову пленника с пятнадцати шагов, получит лучшую рыбу тушку.

Предложение было принято с энтузиазмом.

Лилия смотрела на всё это и уже забыла, зачем пришла сюда, и не знала, что мешало ей уйти. Ведь и она не могла ничего сделать, учитывая азартно и недружелюбно настроенную толпу селян и её собственное среди них положение.

Раздался взрыв пьяного хохота. Кто-то бросил камень.

К счастью, точно в цель он не попал, но рассек мужчине бровь. Тот дёрнулся и поморщился от боли. Кровь сразу же залила лицо.

– Прекратите! – услышала Лилия свой крик.

Девушка не знала, о чём думала, и думала ли в этот момент вообще, но она вдруг оказалась на помосте между толпой и пленником.

Видимо, её выходка настолько всех удивила, что первые несколько секунд все обескураженно и изумленно молчали. Лилия успела взять себя в руки, когда вокруг начали доноситься новые крики:

– Глупая девчонка!

– Откуда выползла?!

– Это же ведьминское отродье!

Из толпы послышался тихий голос:

– Господа, прошу вас, успокойтесь, мы можем урегулировать конфликт спокойно...

Деревенский голова. В другой ситуации Лилия точно закатила бы глаза. Но, раз на то пошло, спасибо за попытку...

Она уже собиралась хоть что-нибудь сказать, как вдруг на помост взошёл полупьяный кожевенник.

– Ладно, народ! Что мы, звери, что ли?

Махнув рукой запротестовавшим было товарищам, он повернулся, подошёл вплотную к Лилии и, мерзко ухмыльнувшись, больно сжал её запястье.

– Я тебя предупреждал, помнишь? – наклонившись над самым ухом, прошипел мужчина.

Отпустив девушку и глядя ей в глаза, кожевенник одним движением расслабил тиски, освободив пленника под возму-

щённые возгласы на площади. Но ему никто не посмел помешать.

Внутри у Лилии всё сжалось, но она, стараясь не показывать страха, выдержала насмешливый взгляд и наклонилась к освобождённому.

– Вы можете идти? – шепнула она, беря его под руку.

Он кивнул, и девушка поспешила вместе с ним уйти с площади. Под взглядом кожевника люди пропустили их, над площадью повисло молчание, таящее в себе невысказанную угрозу.

Что на неё нашло, что она наделала? Столько лет она видела подобное, и ни разу ей и в голову не приходило протестовать – это было бесполезно, безрассудно и опасно, в конце концов! Интересно, что же теперь будет?..

Все эти мысли сплошным потоком пролетали у неё в голове, пока она тащила бывшего пленника подальше от площади по рыночной улице.

Рукав совершенно неожиданно освобожденного ею незнакомца был надорван на плече, кровь из раны над глазом испачкала светлую рубашку и залила глаз, так что он был вынужден держать его закрытым. Мужчина немного хромал, но в целом держался прямо. Лилия раздумывала, что нужно будет сделать с его раной, глядя на кровь на лице, когда он повернул голову, и их взгляды встретились.

Выражение лица у мужчины было... удивлённым! Не радостным по случаю освобождения, не печальным или страдальческим от едва не перенесённого издевательства.

Удивлённым!

От этого Лилии вдруг стало очень смешно. Она широко улыбнулась, отчего лицо мужчины ещё больше вытянулось. Он теперь выглядел так, как мог бы выглядеть фермер, обнаружив, что вместо куриц в гнёздах сидят чайки.

Однако через пару секунд мужчина фыркнул, и они оба

расхохотались.

Так они шли некоторое время, охваченные нервным смехом, как дети, чья безобидная выходка удалась не так, как они хотели, но даже лучше.

Стало пасмурно – тучи, что висели над лесом, теперь закрыли всё небо. Собирался затяжной дождь.

– А ты храбрая девушка.

– Я?!

Лилия от неожиданности даже остановилась. Мужчина кивнул:

– Ты.

– О, нет. Кто угодно, но только не я! – в сердцах воскликнула девушка.

Он рассмеялся. Голос у него был негромкий, но ясный, глубокий и спокойный.

Лилия смущённо отвернулась. Заметив это, мужчина перестал смеяться.

– Я очень благодарен тебе, правда.

Они шли молча, и только когда до её дома оставалось всего несколько метров, Лилия вдруг заговорила.

– Я на самом деле просто не знаю, как это вышло. Оно вдруг... – девушка нахмурилась, подбирая слова. – Само...

Она покосилась на своего спутника. Тот внимательно её слушал.

– Просто у вас был такой... взгляд грустный.

Мужчина чуть наклонил голову и задумчиво прищурил

глаза.

– То есть меня спас мой грустный взгляд, который очаровал прелестную девушку. Что ж, неплохо.

Лилия вытаращилась на него, и не нашлась, что ответить. А он просто тихо улыбался.

– Ой, – спохватилась она, – я ведь даже не спросила вашего имени!

Её спутник немного странно посмотрел на неё.

– А вы не будете обижены тем, что я не назову его?

– Нет, – немного подумав, сказала девушка, – если вы пообещаете не убивать меня и позволите вам помочь... с этим, – Лилия кивнула на его разбитую бровь.

– Ну, что ж... На это я, пожалуй, согласен. Торжественно обещаю вас не убивать! – нарочито серьёзно произнёс он, приложив руку к груди.

Девушка прищёлкнула языком и открыла калитку.

– Тогда нам сюда.

Дождь, собиравшийся всё утро, наконец начался. Куры во дворе забрались в курятник с тихим кудахтаньем.

Белая кошечка постоянно тёрлась у ног незнакомца. Он сидел на лавке, раздетый до пояса, а девушка разогревала воду и ходила то в сарай, то к колодцу, то за дровами. От него она помощь принимать категорически отказывалась.

Помимо рассечённой брови и уже образовавшегося там отёка, на груди, спине и боках начинали багроветь огромные синяки.

Тёплой водой девушка смыла запекшуюся на лице мужчины кровь и обработала самую ранку.

– Приложите и держите, хорошо? – сказала она, вкладывая гостью в руку небольшую подушечку из свёрнутой мягкой ткани. Она была влажной, прохладной и приятно пахла.

Лилия же села рядом и приложила такую же подушечку к особенно большой ссадине на спине.

– Что это?

– Это кипрей. Плакун. Будет меньше болеть. Синяков у вас много...

Мужчина обвёл взглядом жилище. Ничего особенного, чисто, уютно. Он решил, что девушка живёт одна. Немного посуды возле печки и на столе. Вручную сшитые лоскутные коврики на деревянных половицах. В углу веник.

Заметил он также кучу маленьких туесков, ступок, различных холщовых мешочков, развешанных и расставленных на многочисленных полочках.

– Я ведьма, – серьёзно сказала девушка, проследив за взглядом гостя. Он оглянулся на неё с немым вопросом, в изумлении отняв подушечку от глаза. Девушка усмехнулась и своей рукой вернула его ладонь на место. – Шучу. Это люди так говорят. А вообще-то я знахарка.

– И кого лечишь?

– Кто просит. Всех. Вот, вас лечу. Судьба у меня такая, – пожалв плечами, ответила она.

– Хорошая судьба, – кивнул он.

Белая зеленоглазая кошечка, что вертелась у ног, запрыгнула к нему на колени и ткнулась холодным носом в его ладонь.

– Эй, здравствуй, – мужчина улыбнулся и свободной рукой стал гладить кошку по голове и осторожно трепать ушки. Она громко заурчала и удобно устроилась на коленях, свернувшись калачиком.

– А вы ей понравились, – поднимаясь, заметила Лилия.

– Чудесное животное. Компаньон?

– Вроде того, – отозвалась девушка. Она соорудила ещё одну примочку и вернулась на прежнее место. – Вместе живём да охраняем друг друга от разных неприятностей.

Дождь всё не утихал. День скатывался к вечеру, но солнца видно не было – тучи становились всё ниже и темнее. Лилия зажгла масляную лампу и пару свечей.

В голову стали закрадываться неприятные мысли. Она снова и снова вспоминала злобную толпу и пьяный голос кожевника.

«Я тебя предупреждал, помнишь?»

Девушке очень не понравилось всё это. Она успокаивала себя тем, что слышала много оскорблений и угроз, но они на поверку оказывались лишь обидными словами. Но на сей раз беспокойство не утихало.

К тому же, Ревека так и не вернулась. Лилия старалась не думать о том, что могло случиться, а где искать старушку, она не могла представить.

Гость задумчиво чесал за ухом мирно спящую у него на коленях кошку.

– Мне не нужно ваше имя, – тихо начала девушка, – но, может быть, вы согласитесь рассказать что-нибудь о себе.

– Что же, например? – наклонив голову, спросил он.

– Куда вы направляетесь? Что ищете? Что такого сказали Берту, что я весь день вами занимаюсь?

Последний вопрос Лилия задала нарочито строгим тоном, и гость усмехнулся.

– Если вам угодно...

И он начал рассказывать. Поведал о том, что путешествует с конца осени, то есть около полугода. Всё это время бродил по землям от северных гор до южных снегов, исходил многие леса и поля, побывал в сотнях деревень и городов, говорил со многими людьми. Деньги и пропитание доставал, подрабатывая на крупных ярмарках носильщиком, потом ходил за скотом на фермах, а дальше началась пахота, сев и прочие работы...

– И в Серебряном городе вы были? – спросила Лилия, когда в его рассказе возникла пауза.

– В Серебряном городе... Что вам до него?

Девушка пожала плечами.

– Говорят, он красив. А ещё говорят, что это единственное место, где растут голубые лилии.

– Неужели лишь красота и цветы делают честь городу в ваших глазах? – вдруг усмехнулся мужчина.

– Совсем недавно лишь грустный взгляд спас вас от издевательств селян, – заметила Лилия. – К тому же... вы считаете, что это так уж мало?

Она не продолжала, но гость тоже молчал. Ему казалось, что девушка отнюдь не глупа. Нет. Совершенно точно не глупа. Но он сам никак не мог понять образ её мыслей. Ему хотелось послушать, что она скажет.

Наконец, девушка всё-таки заговорила.

– У меня очень мало опыта и скромные познания. Но

всё-таки я иногда задумываюсь кое о чём... Что бы там ни говорили, ни писали в умных книжках – красота важна. Она заставляет чувствовать. Думать. Мечтать. Только соприкоснувшись с настоящей красотой, можно познать ценность жизни... Её хочется нести всюду за собой, делиться ею, чтобы она завладела всем и всеми.

– Мне даже нравится то, о чем вы говорите, – снова чуть наклонив голову, как он, видимо, всегда делал, задумываясь, медленно произнёс мужчина. – Но... скажите мне одну вещь...

Он вдруг круто развернулся, оказавшись с ней лицом к лицу.

– Как её распознать, эту вашу красоту?

Лилия склонила голову набок, передразнивая манеру своего гостя. Разговоры были ей непривычны, но она почему-то не чувствовала никакой скованности. Девушка загадочно улыбнулась и, немного подумав, ответила.

– А у красоты очень много обличий. Настолько, что сложно себе представить. Поэтому распознать её помогут лишь цветы. Вот вы можете сказать, сколько есть цветов во всем мире? – Мужчина отрицательно покачал головой. – Вот видите. Их ведь и правда много, и все разные. Так же и с красотой. Есть, например, красота страстная, яркая. Таковую мало кто может отрицать. Это красота цветков розы. А есть, например, ромашка, мак или сирень. Их красота простая. Родная, можно сказать. Но и они очень разные. Есть цветы, по-

хожие на райских птиц, – пёстрые, экзотичные. Их красота – вызывающая. А есть такая красота, которую и красотой-то мало кто может назвать. Настолько она кажется ничтожной, несерьёзной. Цветки белены или чертополоха, например. Но и это – красота.

Чем больше говорила Лилия, тем заинтересованнее становился взгляд мужчины. Когда девушка замолчала, возникла долгая пауза. Он думал над тем, что она сказала.

Думал и наконец спросил:

– А лилия? Какую красоту учит видеть голубая лилия?

– Голубая лилия... – Девушка задумалась, подбирая слова. – Учит видеть красоту в необычном. Немного... странном. Может, необъяснимом. Понимаете? Ты вроде знаешь, что она существует, эта лилия. Но мало кто её видел. Особенно в наших краях... – Лилия посмотрела в окно и поняла, что за занятиями и разговорами не заметила, как наступила уже глубокая ночь, хотя звёзды и луну закрывали тучи. – Вот такая вот... красота.

Бросив беглый взгляд на гостя, Лилия поднялась с лавки и подошла к печке. Она вдруг смутилась. Начав убирать в мешочек оставшийся кипрей, девушка подумала, что не стоило, наверное... То, что она сказала, наверняка показалось ему слишком наивным, если не глупым.

– Не думаешь ли ты, что такая красота – всего лишь выдумки? И лилии эти голубые... тоже.

Девушка замерла. Непонятно, что оказалось более нежи-

данным – внезапный вопрос в возникшей тишине или серьёзный тон, которым он был задан.

Лилия обернулась. Мужчина все так же сидел, оседлав лавку. Он смотрел в тёмное окно. Узел на затылке развязался, и волны немного грязных волос теперь закрывали часть его лица. Девушка глядела на него, и слабая неясная мысль вдруг проскользнула у неё в голове. Но гость, не услышав ответа, обернулся и, встретившись с ней взглядом, задал другой вопрос:

– Ты видела когда-нибудь такую красоту?

Лилия не выдержала его взгляд и снова отвернулась. Она не знала, что ответить.

Но он ждал. В тусклом свете лампы его глаза блестели, следя за ней. Он ждал ответа.

Вдруг девушка краем глаза увидела что-то на полках, среди холщовых мешочков и многочисленных склянок. Истёртый корешок старой книги.

Той самой, что она нашла.

– Эльфы, – полушёпотом сообщила Лилия и улыбнулась. – Такая красота живёт в них.

Ей вдруг стало очень легко и радостно. Она не могла объяснить причины, но эта мысль, так внезапно пришедшая ей в голову, показалась очень знакомой. Как будто она верила в это всё время и только сейчас поняла.

Гость чуть приподнял брови.

– И ты видела их?

Лилия, по-прежнему улыбаясь, покачала головой.

– Тогда откуда такая мысль?

Гость ухмылялся, но девушка теперь чувствовала себя свободно и понимала – он не смеётся над ней.

И это было правдой. Мужчина знал сейчас совершенно точно, что эта девушка представляет из себя гораздо больше, чем могло показаться. Ему нравился разговор с ней.

Лилия начала собирать на стол.

– Голубую лилию я тоже никогда не видела.

Вместе они скромно поужинали. Гость настоял на своём и сам убрал посуду, а Лилия переставила свечи и лампу на стол.

Ребеки не было.

События утра очень сильно взбудоражили обоих – спать не хотелось. Тогда мужчина попросил Лилию тоже рассказать о себе, и она рассказала, хотя это заняло совсем не много времени. Девушка говорила о родителях, о своих занятиях, о Ребеке. Гость слушал её внимательно.

– То есть утром ты пришла в деревню, чтобы отыскать её?

– Ага. Только не нашла.

– Значит, мне повезло.

Лилия задумчиво трогала пламя свечки пальцами, стараясь не обжечься.

– Не я, так кто-нибудь другой помог бы вам в беде.

– Сильно в этом сомневаюсь, – протянул он. – По-моему, ты и сама в это не веришь.

Девушка скорчила жутко задумчивую гримасу и пожала плечами.

Оба рассмеялись.

– Кстати, вы так и не рассказали, за что вас настолько невзлюбил наш достопочтенный торговец, – напомнила Лилия.

Теперь её собеседник тоже водил пальцем над свечой.

– Ваш достопочтенный торговец рыбой? О, я всего лишь сказал ему правду.

Девушка вопросительно подняла брови:

– Вы что, сказали ему, что он сам похож на жирного окуня?

Мужчина фыркнул и, состроив страшное лицо и выпучив глаза, воскликнул:

– О боги, нет, конечно!

Потом чуть задумался и добавил:

– Хотя и правда, похож. Но я всего лишь сказал, что рыба у него прескверная, и он явно обманывает честных людей.

– Ну вот. Я думала, вы более оригинальны.

Теперь гость всерьёз удивился, но со смехом парировал:

– Представьте, что бы произошло, если бы я был оригинальнее?! Боюсь, вы тогда точно ничем уже не смогли бы мне помочь!

Немного порассуждав о вариантах развития событий, оба замолчали и, казалось, погрузились каждый в свои мысли. Но когда гость снова заговорил, выяснилось, что думали они об одном и том же.

– Тот неприятный человек с пьяными глазами...

– Кожевенник, – пояснила Лилия.

– Да. Я слышал, что он сказал. И у меня лишь один вопрос. Девушка ничего не сказала. Тогда он продолжил.

– Вам стоит бояться его? Я уверен, вы лучше меня можете

оценить серьёзность ситуации.

Лилия немного нервно скрестила руки на столе и выглянула в окно. Показалось, что стало светлее... Но до утра ещё несколько часов, это точно. Было слышно, как ругаются куры. Что могли не поделить...

– Я немного рассказала вам о людях, что живут здесь. – Он кивнул. – Так что иногда приходится слышать неприятные вещи... Но со временем они забываются.

Девушка замолчала. Она не знала, стоит ли говорить честно, и что вообще будет честным? Не проще ли обратить всё в неудачную пьяную шутку?

Может быть, что-то выдавало её мысли, только собеседник тихо, но твёрдо сказал:

– Я прошу ответить честно. Я у вас в неоплатном долгу за то, что вы осмелились сделать для меня, и хочу знать: если это повредит вам, как можно уберечь от этого?

Лилия смотрела на скрещённые на столе руки и пыталась прислушаться к своим ощущениям. Они редко подводили её, и всё же, подняв голову и встретившись с тёмными глазами, внимательно за ней следившими, девушка хотела бы, чтобы правда оказалась другой...

– Я очень боюсь, что... – голос у неё дрогнул, но девушка не обратила внимания на это, – что на этот раз это так просто не закончится. Кажется, я слишком уж испытываю их терпение.

Мужчина задумался, не отрывая от неё взгляд. Молчали,

наверное, с минуту.

Внезапно со двора послышалось возбужденное кудахта-
нье. Протяжно и испуганно прокукарекал петух. Лилия по-
искала глазами кошку, но её нигде поблизости не оказалось.

Замерев на своих местах, они переглянулись. Больше ни-
чего не было слышно, но куры возились всё беспокойнее.

Мужчина потушил свечи и лампу и выглянул в окно. На
улице не было темно так, как бывает безлунными ночами.
Небо затянуло тучами, но кусты и плетень отбрасывали по-
драгивающие, живые тени в слабом желтоватом свете.

Глазами, полными ужаса, девушка смотрела на них пару
секунд и бросилась к дверям. Она вылетела во двор и оста-
новилась.

Дом Ревеки, который отделял от её собственного длинный
и узкий участок земли, был охвачен огнем. Приглушенный
гул был слышен даже здесь, из окон то и дело показывались
языки пламени, а вертикально вверх поднимался столб чёр-
ного дыма.

– Нет... – выдохнула она и в отчаянии выбежала за калит-
ку.

– Подожди!

Расстояние в почти двести метров они преодолели, каза-
лось, за несколько секунд.

Плетень был выкорчеван, составлен возле полыхающего
дома и уже обуглился – в огне были видны его чёрные острые
остатки, напоминавшие обгоревшие кости.

Пожар ревел с нечеловеческой силой. Казалось, что дом светится изнутри, будто птица феникс отчаянно бьётся о прутья клетки, в которую умудрилась угодить. Послышался звон лопнувшего стекла и громкий треск. Как они могли не заметить этого?! Хотя... конечно, из её собственного дома не было видно этот. И ничего не слышно?

На несколько мгновений сердце девушки в ужасе замерло – что если Ревека вдруг вернулась и что-то произошло? Что тогда? Войти в полыхающий дом было невозможно.

– Отойди назад! – перекрывая гул пожара, крикнул мужчина и, крепко схватив её за руку, оттащил на другую сторону дороги.

И очень вовремя – крыша закрипела и рухнула вниз с грохотом, сравнимым разве что с громом, прогремевшим совсем близко, и в воздух поднялся целый рой искр и клубы чёрного пепла. Огонь, неистово бившийся в слепых окнах, немного поутих, задушенный свалившейся на него тяжестью, но в следующую же секунду забушевал с новой силой, разрушая остатки дома.

Делать что-либо было бессмысленно, и они вдвоём так и остались стоять на месте, глядя в огонь, и от этого глаза болели и слезились. Её руку мужчина так и не отпустил.

Лилия была напугана зрелищем пожара. Ей было очень жаль загубленный дом – совсем старый и изрядно обветшавший, за последние годы он стал для неё родным. Но что-то подсказывало ей, что эта беда – всего лишь предупреждение.

Кто-то (и она догадывалась, кто) очень хорошо знал, что дом пуст. Её просто хотели запугать.

Ребеки не было в доме. И больше старушка никогда сюда не вернётся. Девушка просто знала это, поняла, глядя на пожар, будто огонь нашептал.

И самой ей тоже придётся уйти. Как можно скорее.

Они не спали всю ночь и не произнесли ни слова, рука об руку возвращаясь в уцелевший дом, когда на востоке забрезжил рассвет.

В конце концов девушка уснула, прислонившись к печке. А её гость ещё долго сидел неподвижно, обхватив голову руками. Ему очень хотелось помочь, пусть он точно не знал, как, однако уже во второй раз его мысли совпали с мыслями девушки. Как бы ни хотелось им, пожар оказался не случайностью. Очередной акт человеческой жестокости, слишком трусливой, чтобы допустить убийство, но достаточно коварной, чтобы отравить жизнь.

И мужчина видел в этом свою вину, он знал – именно его спасение оказалось последней каплей терпения. Если бы он сказал об этом Лилии – она бы назвала его глупцом и оказалась права. Ведь в чём он виноват? В том, что оказался все-го-навсего жертвой жестокой забавы невежественных селян? В том, что именно она заступилась за него, пусть это и обернулось для неё прескверно?

Но даже если бы всего этого не случилось – произошедшее уходящей ночью было лишь вопросом времени. Терпение людей уже было на исходе.

Окно выходило на восток, и мужчина долго наблюдал за медленно светлеющим небом. Наступало утро.

Он поднялся и вышел, направившись туда, где вчера бушевал пожар. Сгорело все. Сарай превратился в кучу дымящегося пепла, из которого тут и там торчали обуглившиеся кости досок. Стены дома устояли на уровне его роста – постройка всё-таки была сработана на совесть. Мужчина подумал, сколько она могла ещё простоять, если бы не огонь.

Он наклонился и через пустой дверной проём зашёл внутрь. Там была настоящая свалка – дотлевали доски и брёвна рухнувшей крыши, на полу среди пепла валялись осколки стекла и глины, обрывки холстины. Машинально мужчина затоптал горящую с одной стороны доску и, наклонившись, выглянул в пустое окно. Увидев дом, в котором сейчас спала у печки девушка, он с содроганием подумал, что и тот мог бы выглядеть сейчас точно так же...

Делать здесь было совершенно нечего, и мужчина собирался пробраться через обуглившиеся бревна наружу, как вдруг внимание его привлекла одна, по-видимому, уцелевшая в пожаре вещь. Строго говоря, именно из-за этого он её и заметил. Из-под наполовину прогоревшей холстины торчало что-то похожее на корешок маленький книжки. Переступив через очередной завал, он поднял вещицу.

Это оказалась та самая шкатулка с портретом, которую совсем недавно Лилия и Ревека рассматривали при свете свечей. Как ни странно, казалось, она совсем не пострадала. Мужчина провел пальцем по искусно вырезанным на крышке всадникам и заметил корону, венчавшую композицию.

Открыв футляр, он с минуту разглядывал изображение, также оставшееся в сохранности. Как прежде и Лилия, он восхитился тонкостью и изяществом работы. Кто этот художник, думал он, что смог сотворить такое? Никогда прежде мужчина не видел ещё такой красоты, такой... жизни в портрете.

И тут он заметил изображённые на перилах цветы, на которые не обратил внимания сразу.

– Голубые лилии, значит...

С восходом солнца все волнения, казалось, остались позади, оставив лишь неприятный горький осадок. Воздух был чист и свеж, по небу медленно проплывали редкие облака. Мужчина оглянулся на деревню, лежащую у подножия холма. Даже она стала теперь приветливой и мирной.

Если не подходить слишком близко.

Подул слабый ветерок, и можно было уловить лёгкий шум и мелодичное поскрипывание качающихся деревьев. Мужчина остановился у калитки, но вдруг передумал и двинулся дальше, к опушке леса. Идти туда было недалеко, но он медлил, часто останавливаясь и оглядываясь вокруг. Какое же всё-таки живописное и благодатное здесь место! Кругом, насколько хватает глаз, – зелёные холмы и луга, засеянные и уже зеленеющие поля, фруктовые деревья и огороды у домов приютившейся под защитой леса деревеньки. Полевые цветы, словно праздничные бумажные гирлянды, опоясывали склоны.

Такие места встречаются редко. Тихие, спокойные, плодородные. Именно в таких местах люди проживают всю свою долгую жизнь и медленно угасают, оставляя небогатое наследство своим потомкам.

Как же получилось, что именно здесь людская глупость и жестокость одержали верх? Мужчина подумал, что лишь

девушке, которой он обязан своим спасением, было бы здесь самое место, но судьба всегда распоряжается иначе...

Так размышлял он, медленно шагая вдоль опушки леса. Прошло около часа с момента его ухода, и мужчина решил, что пора вернуться.

Он не стал идти той же дорогой, а начал спускаться напрямик к дому, шагая по склону в высокой траве. Голова его по-прежнему была занята множеством мыслей, так что мужчина заметил неладное, когда уже почти дошёл до деревянного сарая, примостившегося к избе.

Но заметив, последние десятки метров он почти бежал, не отрывая взгляда от потемневшего дерева. И чем ближе он подходил, тем мрачнее становилось его лицо. На стене сарая, обращённой к лесу, что-то висело. Даже не что-то...

Кто-то.

Кошка. Та самая белоснежная зеленоглазая кошка, которая спала у него на коленях минувшим вечером и о которой с такой любовью говорила девушка.

Она была подвешена за шею тонкой верёвкой, привязанной к гвоздю. Мордочка была разбита, и белая шерстка испачкана кровью. Тельце уже зачоченело, лапы торчали в разные стороны, как будто животное всё ещё отбивалось от своих мучителей. Он поднял руку, дотронулся до коготков на передней лапке, которые кошка не могла уже спрятать.

– Я боялась, что вы ушли.

Мужчина вздрогнул от неожиданности, сбросив охватив-

шее его оцепенение. Девушка стояла с туеском в руках, собираясь накормить кур. Она выглядела очень уставшей, но приветливо и с облегчением на лице улыбнулась ему. Но он не мог выдать из себя ни слова и не двинулся с места.

– С вами всё в порядке? – обеспокоенно спросила Лилия и подошла ближе.

Мужчина снял кошку, осторожно перерезав верёвки. За час девушка уложила в заплечный мешок несколько нужных вещей, еду и одеяло и взяла большую лекарскую сумку.

Оставив двери открытыми, они ушли. Кошку похоронили на холме у рябины, недалеко от двух больших камней. Был уже полдень, и солнце стояло высоко в небе. Оглянувшись, Лилия увидела, как поднявшийся ветер разносит пепел, оставшийся после ночного кошмара. Её собственный дом стоял, не зная, какая участь его ждёт. Он уже выглядел давно покинутым.

– Мне очень жаль.

Мужчина протянул девушке найденную на пожарище шкатулку, которую она крепко сжала в руке. Немного помолчав, он спросил:

– Не хотите пойти со мной?

– Нет.

– Куда же вы пойдёте?

Вместо ответа девушка усмехнулась и, наконец, посмотрела на него.

– Я желаю вам лёгкой дороги. Найдите то, что ищете. Или возвращайтесь домой. Наверное, он далеко, не так ли?

Она улыбнулась и, бросив последний, долгий взгляд на рябину, начала спускаться с холма. Мужчина, опустив голову и

исподлобья глядя на валуны, не двинулся с места. Казалось, он о чём-то думал... О чём-то важном, что когда-то им было забыто и только сейчас, под одиноким деревом, начало вдруг просыпаться в памяти.

Когда девушка преодолела половину пути до опушки леса, она услышала окрик:

– Назовите ваше имя!

Немного помедлив, она ответила:

– Лилия. Моё имя – Лилия.

И, ни разу больше не обернувшись, девушка пошла дальше, зайдя в лес с каждым шагом углубляясь в чащу.

Лес

1

Об опрометчивости своего ухода Лилия не задумывалась ещё долгое время. Напротив, такой поступок был для неё единственно верным решением. Гораздо раньше – а если быть точным, уже на следующее утро с того момента, как она начала своё путешествие, – девушка поняла, что единственным её помощником в ориентировке на местности будет полная к ней неспособность.

Безусловно, Лилия хорошо знала тропы, по которым они вместе с Ревекой ходили за травами. Пока места были ей знакомы, она с удовлетворением отмечала, что помнит каждое дерево на развилках, все заросли черёмухи и даже старые беличьи дупла.

К концу второго дня лес стал заметно сгущаться, и девушка теперь шла, немного радуясь, что не может выбрать для себя какого-то определенного направления. Однако, сама того не понимая, Лилия шла всё дальше и дальше на восток...

2

Девушка помнила, что в трёх днях пути от её деревни должно находиться ещё одно селение – как раз туда ехали её родители в свой последний раз. Но она не знала, что два года назад деревню уничтожил пожар, а уцелевшие жители решились на долгий и опасный путь к Серебряному городу, под защитой которого они надеялись обрести новый дом.

Хотя, если говорить честно, Лилия вовсе не хотела отыскать селение, даже если бы могла. А чего хотела – не знала.

Она просто шла через лес, останавливаясь на непродолжительный ночлег каждую ночь.

Вскоре деревья понемногу стали редеть. Чаще открывались обильно цветущие поляны, солнце уже всегда могло пробиться сквозь ветви высоких сосен. Изредка на глаза стали попадаться маленькие охотники – норки, куницы и даже забавные лисы. Они были рыжими, но лапы, мордочку, уши и хвост покрывали маленькие тёмно-коричневые пятна. Пели птицы, многих из них она не узнавала, хотя было предостаточно и привычных ей синиц, овсянок и соек.

Однажды Лилия заметила дятла и очень удивилась – он был намного больше тех, что она видела раньше. Откормленнее. И ярче – красное пятно на голове и зелёные на крыльях выделялись так, словно это было не оперение, а искусно сшитый карнавальный костюм.

Когда и дятел ее заметил, то бросил свое занятие и стал внимательно смотреть, смешно наклонив голову, чем жутко напомнил девушке её недавнего знакомого. Потом он перелетел на следующее дерево, следуя за Лилией. Девушка смеялась и разговаривала с птицей.

– Ты меня провожаешь? Очень мило с твоей стороны. – Птица села на ближнюю ветку и как будто прислушалась. Папа часто говорил, что животные, как люди, слушают речь. Возможно, птица просто редко слышит людей и интересуется. Хотя Лилия могла поклясться, что он за ней следит.

– А ты очень красивый, знаешь? – дятел наклонил голову и вдруг стал бить крыльями и щёлкать клювом. Лилия засмеялась. – Да ты просто прелесть, правда!

Её случайный спутник взмахнул крыльями и легко приземлился перед девушкой. Он оказался действительно огромным, размером едва уступая степному орлу, но это точно был дятел, никаких сомнений! Лилия медленно опустилась на корточки. Дятел внимательно смотрел.

– Ты меня как будто понимаешь... – пробормотала Лилия. Тут девушка поймала себя на мысли, что птица её изучает. Снова наклонив голову, дятел словно пытался понять, стоит ли она его внимания. Как только Лилия начала думать об этом, птица растопырила крылья и начала скакать на месте, как обрадованный чем-то ребёнок. От неожиданности девушка вскочила на ноги. Дятел стал кивать головой и свистеть. Такое поведение было, мягко говоря, удивительно.

– Что ты хочешь?

Дятел, высоко поднимая ноги, пошёл куда-то вправо. Лилия провожала его ошеломлённым взглядом. Тут он остановился и оглянулся на неё, а увидев, что она стоит на месте, пронзительно засвистел. Потом птица снова начала подпрыгивать – несколько прыжков к ней, а потом снова обратно.

– Ты хочешь, чтобы я за тобой пошла?

Тут дятел посмотрел на девушку так, будто сейчас человеческим голосом воскликнет что-то вроде: «Да ладно?!» – он даже, казалось, слегка саркастично прикрыл глаза.

Лилия сделала шаг вперёд. Дятел тут же оживился и вспрыгнул на нижнюю ветку. Девушка подошла к нему, и он перелетел на другое дерево. Так некоторое время они продвигались всё дальше, и внезапно дятел слетел с ветки, поднялся выше и полетел.

– Подожди! Куда ты? – крикнула Лилия и бросилась за ним.

Она бежала, постоянно поднимая голову вверх, выискивая среди листьев белое брюшко своего провожатого. Несколько раз она налетала на деревья, но не отставала. Очень сильно мешала сумка, и на ходу девушка забросила её за спину.

Но вот дятел пропал из вида. Лилия продолжила быстро идти в ту же сторону, подняв вверх голову, но не нашла белого брюшка. Тогда она, пробормотав что-то нечленораздельное, остановилась и посмотрела вокруг.

Произошедшая перемена поразила её. Кругом росли огромные клены с листьями, в длину и ширину чуть больше тридцати сантиметров. Трава под ними была зеленой и блестящей – клёны на удивление хорошо пропускали солнечный свет, и все вокруг приобретало зеленоватый оттенок. Возникло ощущение, что девушка оказалась на дне неглубокого озера, поверхность которого покрыта листьями кувшинок. Лилия была удивлена – по её понятиям, она совсем недолго бежала за необыкновенным дятлом, но окружающая растительность каким-то образом успела радикально смениться. Сосны и редкие берёзы, перемежающиеся с полянками, сменил древний кленовый лес. «А на какие деревья я налетала по дороге?» – спросила себя Лилия. Даже птицы здесь пели совсем по-другому. Их говор был насыщеннее, разнообразнее. Очевидно, здесь им поётся охотнее и свободней.

Лилия медленно продолжила идти мимо стволов. Под руками чувствовалась их мшистая поверхность.

– И где я, интересно...

3

Путешествие Лилии, начавшееся со встречи с большим дятлом, продолжалось уже три дня, и всё это время девушка удивлялась всему, что видела вокруг. Огромные стволы могучих клёнов напоминали колонны величественного зала в каком-нибудь далёком замке. Под ногами – ковёр из травы, достававшей иногда до колен. Нигде не видно было троп, и спустя пару дней пути Лилия решила, что их тут нет совсем. Но идти по мягкой траве было даже лучше.

Под вечер девушка стала замечать в траве редкие цветки. Это оказался клевер, и Лилия решила, что где-то поблизости есть поляна. Девушка не ошиблась, но она никак не ожидала того, что ей предстояло увидеть.

С каждым шагом цветов под ногами становилось всё больше, стволы клёнов отходили друг от друга всё дальше, и, наконец, взору девушки предстало необычайное, можно сказать, волшебное зрелище.

Солнце уже садилось, окрасив небо в нежный цвет розового пиона. Облака облачились в золото, купаясь в лучах, спускающихся сквозь них к земле, как дождевые потоки. У ног Лилии разворачивался, насколько хватало глаз, огромный луг, усыпанный большими и пышными цветками розового и белого клевера так густо, что не видно было даже зелёных стеблей и листьев. Где-то в отдалении виднелся новый

лесной массив.

– Красота какая!.. – выдохнула Лилия, глядя на всё широко открытыми от восхищения глазами.

Казалось, целую вечность она стояла и смотрела на всё это великолепие. Забыв о дятле, об одиночестве своего вынужденного путешествия. Забыла она даже и о Ревеке, своём госте и пожаре. В конце концов, девушка уютно расположилась на ночлег возле последнего клёна. Когда Лилия засыпала, ей чудилось, что воды нежно-розового моря уносят её куда-то очень далеко...

4

Перебравшись на следующий день через душистое море клевера, девушка вновь оказалась в кленовой роще. Из неё, в принципе, можно было и не выходить – обойти поле под сенью деревьев. Но она не видела причин бояться показываться на открытых местах. Здесь никого не было, кроме иногда попадающихся животных. Лилия шла вперёд, всё дальше на запад, и гадала, большой ли этот лес? Когда и где он закончится? И куда же она, всё-таки, так упорно идёт?

Раздумывая над этими вопросами, слушая пение птиц и периодически останавливаясь, девушка продолжала путь до тех пор, пока однажды днём ей не показалось, что она в этом лесу всё-таки не одна.

Приглядевшись внимательнее, Лилия поняла совершенно точно: за деревьями мелькала чья-то фигура.

После того как девушка сбежала из деревни, прошло, кажется, около месяца, и всё это время она оставалась наедине с собой, если не считать встретившегося ей дятла-проводятого. Поэтому то, что в лесу оказался человек, сначала даже обрадовало её. Девушка пошла быстрее, стараясь нагнать того, кто шёл далеко впереди, – его спина маячила среди стволов.

Однако внутри нарастала тревога. Лилия вдруг подумала: а что если незнакомец опасен? Ведь это странно – столько времени не было ни одной живой души, ни одной деревни, и вдруг – человек. Лилия замедлила шаг, но не упускала из виду фигуру впереди и стала соображать, что ей делать. «В конце концов, неужели, если человек тут один, он обязательно должен быть опасен? А может, это лесник, и он живет где-то здесь?..» – так думала девушка, одновременно присматриваясь к впереди идущему. Сначала она заметила только тёмно-зеленую куртку. Но немного приблизившись и присмотревшись внимательнее, она разглядела кое-что, повернувшее её мысли совсем в другую сторону.

Лилия вдруг поняла, что незнакомец идет очень странно – медленно, шатаясь. Поэтому ей так легко удалось нагнать

его. Его волосы были очень светлыми, кажется, даже белыми. Неужели он стар и сед? По фигуре не скажешь, пусть с ним и творится что-то неладное. Вот он прислонился к дереву спиной, так что девушка разглядела его профиль. Лилия медленно приближалась, всё еще размышляя, стоит ли вообще показываться ему на глаза. Она смотрела на фигуру у дерева, и незнакомец показался ей странно измотанным. И он вдруг упал на землю.

Теперь Лилия не сомневалась, вновь пошла быстрее, потом побежала – в опасности, судя по всему, была вовсе не она.

Девушка оказалась возле лежащего на земле, и с первого же взгляда на него у Лилии волосы на затылке встали дыбом – на левом боку она увидела ужасную рану. Очень длинная, с рваными краями, она начиналась почти от ключицы и неровной дугой вспарывала бок. Рана обрывалась только на спине, уже на пояснице. «Кто мог сделать такое?!» Девушку пробрала дрожь, но нужно было что-то делать.

Опустившись на колени, она сняла со спины сумку и начала немного дрожащими руками развязывать шнурки на тёмно-зелёной куртке. Справившись с этим, осторожно разорвала рубашку, снимая ткань с раны, вокруг которой только начала запекаться кровь. Ранили его относительно недавно.

– Могло быть хуже... наверное, – пробормотала Лилия.

Кровь всё ещё сочилась из раны, поэтому девушка плотно перевязала её куда не годной уже рубашкой и бинтами,

которые вытащила из сумки.

Рану нужно было промыть и наложить хорошую повязку. А значит, необходимо принести и согреть воды.

Однако её предстояло ещё найти.

Лилия покосилась на лежащего. Лицо было молодым, как и тело. А вот волосы... Девушка читала в одной книге, что такое бывает. Наследственный дефект?

– Я сейчас вернусь, – сказала она зачем-то и отправилась на поиски, стараясь не заблудиться и надеясь, что ручей тут поблизости всё-таки есть.

Солнце уже стояло высоко, яркими потоками прорываясь сквозь кроны деревьев. Стало жарче, птицы поутихли, но часто было слышно, как они порхают с ветки на ветку, тихим чириканьем, свистом и воркованием общаясь друг с другом. Пару раз девушка видела рыжего зайца, пробежавшего перед ней в отдалении. «Интересно, это один и тот же?»

Лилия около десяти минут уже шла в одну сторону и думала об одной... нет, о двух вещах: как бы не заблудиться и где чёртов ручей в этом лесу? Прошла ещё пара минут, и Лилия повернула обратно. Она собиралась вернуться и пойти на поиски воды в другую сторону.

Внезапно прямо у её ног пролетело рыжее пятно, ринувшееся в ближайшие кусты. Лилия вскрикнула от неожиданности, но быстро поняла, что это опять заяц, и снова рыжий. «Всё-таки это тот же зверёк, – подумала Лилия, глядя на заросли, в которых только что исчезло рыжее пятно, чуть не сбившее её с ног. – Не может быть столько зайцев в одном месте». Никого больше не увидев, Лилия двинулась дальше, но не прошла и ста метров, как услышала шорохи слева от тропинки. Она остановилась. Шорох повторился, приблизился, и из куста малины вылез тот самый рыжий заяц. На нём не было ни единого белого или тёмного пятнышка, шерсть выглядела блестящей и ухоженной. Зверек оказался

небольшого размера, но имел невообразимые по длине уши. Заяц яростно вращал ими, нюхая воздух, прелестно шевеля носиком. Всё это вместе производило просто шикарное впечатление – Лилия рассмеялась громко и искренне и сама удивилась этому. Зверек, увидев, что она смеётся, перестал вращать ушами и посмотрел на неё почти с укором. Девушка постаралась сдержаться и просто улыбалась, глядя на посу-ровевшее животное.

Зрелище определённо великолепное – девушка и заяц среди деревьев стоят и смотрят друг на друга, при этом выражение морды последнего было сравнимо с выражением лица человека, который в очередной раз выслушивает не смешную шутку по поводу своего падения с лошади в прошлые выходные. Зверёк держал Лилию под таким взглядом секунд пятнадцать, потом тряхнул головой, провёл лапой по мордашке и встал на задние лапы.

– Привет, – поздоровалась девушка. – Ты чего тут?

Заяц озадаченно наклонил голову. Взгляд у него, как и у большинства животных, был очень умным. Глазки-бусинки внимательно следили за незнакомкой. Внезапно Лилии в голову пришла странная мысль....

– Ты не знаешь, здесь есть ручей неподалёку?

Да, отлично. Она спрашивает дорогу у зайца. Радует одно – хуже быть уже не может. Или?..

Как только она задала вопрос, зверёк заметно оживился. Он начал снова молотить ушами по воздуху и вращать голо-

вой, пригнувшись. Заяц опустил на все четыре лапы, обежал вокруг Лилии. Поглядел в одну сторону, потом в другую, снова поднялся. Посмотрев на Лилию, он вытянул переднюю лапку к лесу, вправо от того места, где они стояли.

Он показывал ей дорогу.

Лилия стояла, открыв рот в крайнем изумлении. Она тащилась на зайца так, как будто увидела приведение. Их девушка тоже никогда не встречала, как и рыжих зайцев, которые могут показать направление.

Заяц тем временем настойчиво задёргал лапой. Он как будто говорил: «Ну, и что стоим? Ручей нужен, или как?» Потом зверёк опять наклонил голову, как бы размышляя, и, решив что-то, снова обежал вокруг Лилии, касаясь её ног, и устремился в лес – туда, где, должно быть, как он утверждал, есть ручей. Сделав несколько прыжков, он обернулся к девушке.

Лилия не двигалась. Шок от того, что заяц понял её и, более того, собрался, похоже, проводить, уже проходил. Не это заставляло её стоять на месте. Она боялась заблудиться.

Конечно, она была в лесах, собирала травы, ходила за ягодами, грибами. Но она никогда не была в совершенно незнакомом месте совсем одна. Правда, мысль о том, что заяц хочет завести её подальше и принести в жертву волкам (которых, она надеялась, тут не будет), была, мягко говоря, абсурдной.

И тут Лилия вспомнила, зачем вообще сюда пошла. Она

ведь оставила человека с большой раной под деревом, без сознания. Много будет толку, если она даже не заблудится, но не сможет помочь ему?

Заяц подбежал к Лилии и начал свистеть всё настойчивее. Девушка очнулась, покосилась на зверька и сказала:

– Пойдём.

Тот тут же поскакал довольно быстро в указанном им же направлении, через каждые несколько прыжков оглядываясь и убеждаясь, что девушка идёт за ним. Двигались быстро, благо, что лес не хвойный, и деревья в нём растут не так плотно. Уже через пару минут Лилия действительно услышала отдалённый шум лесного ручья. В целом прошло около пяти минут до того, как они миновали заросли кустарника и сразу оказались на берегу неглубокого потока.

Сложно передать, какое облегчение испытала при этом Лилия. Ей стало стыдно за то, что она с таким недоверием отнеслась к своему проводнику. Тот опять занял смотровую позицию на задних лапах, вынюхивая что-то в воздухе.

– Спасибо тебе, – ласково сказала ему Лилия. Заяц, без сомнения, понял и добродушно пошевелил ушами.

Ручей был заключён в каменное русло, берега представляли собой плоские и гладкие глыбы горной породы. Похоже, что эта речка раньше была намного шире и захватывала своим течением и то место, на котором находились девушка с зайцем.

Вода была очень холодная, как ей и полагалось, и удиви-

тельно прозрачная. Глубина в том месте, где Лилия набирала воду, была чуть меньше длины её руки. На дне были видны маленькие, удивительно красивые рыбки – их спинки отличали зелёным, когда они играли на дне.

Девушка набрала воду во все фляги и наполнила котелок. Ей понадобится много, чтобы промыть рану и приготовить повязку. Она почти закончила, когда задумалась о том, каким образом ей снова найти то дерево, у которого она оставила незнакомца с белоснежными волосами.

Лилия аккуратно связала фляги, во вторую руку взяла котелок и, выпрямившись, увидела, что заяц сидит на том же месте и смотрит на неё. Когда их взгляды встретились, заяц покивал головой и опустил на четыре лапы. Он начал снова скакать, оборачиваясь и, очевидно, желая, чтобы Лилия шла за ним.

– Мне нужно вернуться! – крикнула ему вслед девушка, увидев, что заяц направился не туда, откуда они пришли.

Зверёк остановился, обернулся и нетерпеливо и слегка раздосадовано посвистел. Лилия поняла, что он знал, куда ей надо, и знал, куда идёт.

Они снова начали идти, уже по другому маршруту, но так же быстро. Лилия не знала, как смогла понять зайца. Она ведь не просто догадалась, она почти услышала, как он говорит: «Я знаю, знаю, он ждёт, а я тебя к нему веду – не соображай так туго!» Это было удивительно, даже, можно сказать, слишком удивительно, и доля удивительных вещей, случив-

шихся с Лилией за последний месяц, заметно увеличилась по сравнению с её жизнью в деревне. Девушка вспомнила дятла, которого встретила в берёзовой роще. Тот тоже осознанно пошёл с ней на контакт, и он так же, как и рыжий проводник, показал ей дорогу, хотя, конечно, его она об этом не просила (может быть, и попросила бы, если бы тогда знала, что это, оказывается, работает). Лилия не успела подумать обо всём этом – она уже заметила дерево, под которым всё ещё без сознания – естественно – лежал раненый.

Заяц остановился, сел и оглянулся на неё, поджидая. Девушка подошла к нему и тоже присела рядом на корточки.

– Я очень благодарна тебе, рыжик, – сказала она, поладив его по голове. Он был, как ни странно, не против. – Жаль, я не знаю, что могу сделать для тебя.

Зверёк пошевелил бархатным носиком и опустил уши, которыми до этого несколько раз яростно молотил по воздуху. Черные блестящие глазки внимательно смотрели на девушку.

Осторожно перебирая лапами, он подошёл вплотную к Лилии. Вид у него был решительный. Заяц снова наострил уши, покаивал головой и проделал свой фокус снова – повернулся в сторону дерева, под которым лежал раненый, и указал туда лапой. Только на этот раз он не показывал дорогу – они ведь и так уже пришли, куда нужно, верно?

Он хотел, чтобы девушка помогла человеку с белыми волосами.

После того, как заяц убежал, Лилия взялась за работу. Достаточно быстро, практически за полминуты ей удалось разжечь огонь, несмотря на экстренность ситуации. Это воодушевило девушку, тем более то, что нужно было сделать дальше, было её стихией. Она аккуратно достала из сумки множество холщовых мешочков. Разложив чистый платок, небольшими горками высыпала на него засушенные цветки сирени, желтой акации, горечавки. Даже в сухом виде они испускали довольно приятный, узнаваемый аромат. Запахи акации и сирени смешались в привычном нежном сочетании.

Вскипятив воду в котелке, Лилия смешала травы и аккуратно высыпала их в воду, которую сняла с костра. Через двадцать минут всё было готово, и она процедила отвар в маленький керамический кувшин. Его ей когда-то подарил пожилой гончар из соседней деревни за то, что она вылечила руку его сыну. Тот старик был очень добрым человеком, и Лилия всё ещё вспоминала его иногда, хотя с тех пор не видела уже около года.

Кстати, котелки, что Лилия взяла с собой и с которыми работала и дома, были её маленькой гордостью. Они легко умещались в сумке, складываясь один в другой. Можно было не переживать и о тяжести – котелки сделали из меди, закре-

пив тонкими чугунами ободками, так что они были похожи на странноватых, отлитых из металла шмелей. Сходства с шмелями добавляло и ещё кое-что. Размер. Самый большой из трех котелков вмещал в себя всего две чашки – столько же, сколько и глиняный кувшинчик. А маленький – кажется, даже меньше, чем чашку. Это было весьма удобно, ведь травы очень не любят много места. Они предпочитают уют и чистоту. За последним Лилия всегда тщательно следила.

Был у неё и сравнительно большой котёл, на пять чашек, естественно, для воды и еды. Но он – обычный, тяжёлый, чугунный. Его девушка пристёгивала ремнём, потому что он не вмещался в сумку. Но чистила и следила за ним так же тщательно.

Оставив отвар остывать, она подошла ещё раз осмотреть рану. Девушка решила, что её нанесли плохо заточенным оружием – края были неровные. Такой удар мог бы с лёгкостью убить этого человека, если бы он не уклонился. Возможно, это спасло ему жизнь. По крайней мере, на некоторое время.

Лилия принялась готовить компресс, который, как она надеялась, сделает заживление более быстрым и безболезненным. Ей пришлось снова кипятить воду, но уже для других ингредиентов. Арника и кора молодого дуба – очень хорошая смесь. Отвар из них – сильное средство, которое затягивает раны на ура. Но Лилия больше ценила тысячелистник и ромашку. Ревека называла их королевской четой сре-

ди лекарственных растений. Девушка вспоминала об этом, наблюдая, как танцуют в медленно кипящей воде их цветки. Туда же она опустила тонкие хлопковые бинты, чтобы их волокна впитали всю силу трав, которую раскроет вода.

Лилия огляделась по сторонам. Дул свежий ветерок, который был очень кстати – в полдень солнце грело нещадно, несмотря на то, что большую часть тепла и света забирали на себя огромные листья древних клёнов. Они возвышались здесь повсюду, а под ними росла густая зелёная трава. Поход к ручью и знакомство с зайцем позволили Лилии понять, что этот край – дом для тысяч зверей и птиц, место огромного скопления деревьев, кустарников, трав и цветов. Тут было хорошо, хотя величественность растущих вокруг клёнов заставляла почувствовать себя маленьким и беспомощным существом.

Лилия взяла кусок мягкой белой выстиранной ткани, которую до этого ещё подержала над паром, когда кипятилась вода, и кувшин. Опустившись на колени возле раненого, она осторожно окунула кончик ткани в пахнувший цветами чуть тёплый отвар и начала аккуратно обмывать рану, убрав временную повязку. Начиная с краёв, Лилия осторожно смыла остатки затвердевшей крови. Она работала осторожно, даже с некоторой опаской. Раздвигая края раны, чтобы обработать её изнутри, Лилия чуть морщилась, представляя, как это, должно быть, больно. Но несчастный был без сознания и не издавал ни звука, не двигался.

Скоро рана сделалась чистой, но менее страшно она выглядеть не стала. Наоборот, теперь были видны неровные края и глубокая борозда, проникающая в некоторых местах на пару сантиметров.

Чтобы наложить бинт, ей необходимо было приподнять раненого. На несколько секунд Лилии показалось, что у неё не получится сделать это. Ей не было тяжело физически, но на девушку напала какая-то странная неуверенность и казалось, что она не имеет права ничего предпринимать, может сделать что-то неправильно. Лилия разозлилась сама на себя. «Чёрт возьми, что происходит? Я должна выполнять свой долг, меня этому учили! С чего я вдруг?!" Девушка вскочила на ноги, нервно прошлась несколько раз из стороны в сторону. Остановившись возле незнакомца, ещё раз посмотрела на него. Бледный, с длинной раной на левом боку, без сознания. К горлу подкатила такая жалость к нему, что на глазах выступили слезы. С ещё более твёрдым, чем несколько минут назад, намерением сделать для него всё, что в её силах, она опустилась на колени, обхватила лежащего одной рукой за пояс, а другой придерживала плечи. Очень осторожно, чтобы не задеть рану, девушка приподняла раненого и усадила спиной к дереву. Удостоверившись, что он не завалится на бок, Лилия хотела уже вернуться к сумке и продолжить, как человек вдруг застонал. Девушка от неожиданности вздрогнула. Она внимательно посмотрела в лицо незнакомца – глаза были закрыты.

– Простите... – как-то виновато и сочувственно шепнула Лилия. На одно мгновение ей показалось, что он услышал.

Девушка не могла оторвать взгляда от лица несчастного. Ей было даже не жалко его, ей было больно за него, и она не могла понять, почему, ведь она даже не говорила с ним, видит его в первый раз. Но что-то в душе рвалось. Лилия чувствовала нежность к тому, кому пыталась помочь. Такого ещё ни разу не случалось, и в душе разыгралась целая буря, но девушка списала это на то, что впервые в жизни она осталась одна и впервые полностью самостоятельно занимается лечением. Прибавить ещё все недавние события... «Это наверняка из-за избытка впечатлений», — пришла к выводу Лилия и поднялась на ноги.

Она хорошенько отжала ткань, которую собиралась использовать в качестве компресса. Бинты источали терпкий, но приятный аромат, который характерен для хорошо настоянного тысячелистника. Аккуратно, чтобы не было складок, Лилия проложила ими рану.

После этого девушка достала тканые хлопковые бинты из сумки и снова вернулась к дереву. Ещё раз осмотрев рану и компресс, она начала осторожно накладывать повязку. Дело шло медленно – Лилия укладывала слой за слоем очень аккуратно, вдумчиво, постоянно контролируя, чтобы повязка не была слишком тугой, чтобы не причинять боли раненому, который, судя по всему, уже достаточно её испытал, но смогла остановить ещё сочившуюся кровь. Через полчаса

все было готово.

Лилия оглядела повязку и осталась довольна. Что-то заставило её снова поднять глаза. На лицо человека упали светлые пряди. Лилия подняла руку и, немного помешкав, дотронулась до его лба. Холодный. Даже слишком. Девушка провела рукой по нему, отводя белоснежные волосы за ухо.

И вдруг ахнула и отдернула руку.

– Ничего себе! – выдохнула Лилия, пристально и слегка ошалело вглядываясь в лицо раненого.

Тот, кого девушка приняла за человека, был, без сомнения, эльфом.

Лилия сидела и смотрела. Сначала на аккуратно заострённое ухо. Потом внимательно вглядываясь в лицо. Впервые за всё время.

– Так ты эльф....

У него были прекрасные, мягкие, но не лишённые мужественности черты лица. Тёмные ресницы на закрытых веках, немного широкие брови, бледная кожа – всё это превосходно сочеталось в нем. «Какие красивые, должно быть, у него глаза», – подумала девушка, но тут же устыдилась, непонятно почему. Она чувствовала, как её щеки покраснели.

Теперь Лилия увидела, что спутать раненого эльфа с человеком было практически невозможно. Всё указывало на его происхождение: красив и, судя по всему, силён. Прямые, необыкновенно белоснежные волосы. Лицо... Оно было особенным – измождённое и бледное, но спокойное. На нём не

было следов жестокости или обвинения, которые так часто наблюдала Лилия у больных людей, когда приходила лечить их. Некоторые даже в обмороке сохраняли гримасу, которая обвиняла в их страданиях всех вокруг. Лилия не увидела этого на лице эльфа, и, кажется, с этого момента (а может быть, сразу, как увидела его) прониклась уважением и даже привязанностью к нему.

Это сложно объяснить, но так бывает. Порой, чтобы узнать человека, испытать к нему какие-то чувства – будь то уважение или ненависть, привязанность или неприязнь, – нужно провести с ним некоторое время. Иногда много времени. Разговаривать, следить за его глазами, за его поступками, искать его душу. А иногда достаточно просто взгляда, потому что душа не прячется за оболочкой. Душа показывает себя, она является именно в том обличье, в котором существует внутри человека. Лилия только потом поняла, что это относится ко многим эльфам и очень немногим людям.

Поэтому, увидев спокойное лицо эльфа, Лилия признала в нём что-то близкое для себя. Она больше не сомневалась, что поступала правильно, помогая ему.

Об эльфах люди знают много, так им кажется. Но их знания так же незначительны, как маленькая мошка в сети огромного паука – они есть, но не имеют ценности, даже мешают, внушая напрасную надежду на то, что обладание ими принесёт что-то важное. Пауки в этом плане умнее. Они ценят крупную добычу. Имеющую цену. Имеющую смысл, ради которого стоило строить сеть.

Интересно, что бы сказала Ревека, если бы видела, знала, с кем встретилась её воспитанница? Удивило бы её это? А саму девушку это удивляло?

Если да, то не слишком уж ощутимо. Откуда бы ни взялся эльф, кем бы он ни был – другом или врагом, – ранен был достаточно серьёзно, а Лилия знала, что она должна остаться с ним. На самом деле, у неё даже не было сомнений по этому поводу. Девушка ни за что не бросила бы его в любом случае. Интересовала её, впрочем, пара вещей. Эльфы – существа довольно мирные. Но всё же Лилия предполагала, что у эльфа должно было быть какое-то оружие... хоть что-нибудь. А также её не покидала мысль о том, что, если бы на нём была кольчуга, рана могла быть не такой глубокой.

Лилия принесла ещё воды, несколько раз сходяв к ручью, дорогу к которому она выучила, и сухих веток. Холодало. Куртка, которую девушка сняла с раненого, уже никуда не го-

дилась. К тому же она решила, что эльфа сейчас какие-либо манипуляции принесут дополнительную боль, чего жутко не хотелось бы. Так что Лилия накрыла его одеялом, как есть. Она потрогала покрытый испариной лоб – он был холодный, и Лилия опасалась, что эльф потерял слишком много крови. Хотя это было логично, учитывая, сколько он, должно быть, прошёл. Но эльф до сих пор жив, а значит, кроме воспаления, которое может образоваться и с которым можно справиться, если знать, что делать (а она знала), бояться нечего. Но у девушки было плохое предчувствие, хотя она сама не могла объяснить себе, откуда оно.

Вздыхнув, Лилия обошла костерок, в десятый раз подумав о том, что нужно бы больше тренироваться в разжигании огня, и устроилась рядом с деревом, закутавшись в походный плащ. Спать не хотелось. Лилия устала от дороги за последние несколько недель, но эта неожиданная встреча как будто разбудила все дремавшие до этого мысли. В голове проносились одни за другим образы: кошка, пожар, огромный дятел, цветки клевера, рыжий заяц, эльф.

Интересно, кто его ранил? Лилия похолодела от этого внезапного вопроса, который неизвестно почему не пришёл в голову раньше. Что если тот (или те?), кто хотел убить эльфа, до сих пор где-то рядом, в лесу? Хотя, скорее всего, эльф смог убить врага прежде, чем тот нанес ему ещё одну рану. Иначе он не смог бы уйти.

Но что если есть ещё кто-то? Напрягая слух и зрение, Ли-

лия изучала сгущающиеся между деревьев сумерки.

Внезапно она поняла, что даже если по лесу бродит какая-нибудь тварь с мечом, луком, топором или чем-то ещё, это не имеет особого значения. В конце концов, она тут одна, если не принимать во внимание несчастного, лежащего в нескольких шагах от неё. И она не сможет убежать, спрятаться или защититься. Даже на дерево не заберётся.

Лилия кривовато усмехнулась. Как-то она об этой вероятности не подумала, когда убегала из охваченной пожаром деревни. Ну что ж, в любом случае, не ушла бы оттуда – точно умерла бы. А тут она всё ещё жива, хотя то, что творится, нельзя назвать стандартным путешествием.

Лилия взглянула на раненого. В лице у него ничего не изменилось.

Ночь тем временем полностью завладела лесом. Клёны шептались под лёгким ветерком, как будто не желая разбудить многочисленную птичью братию, уснувшую в их кронах. Повсюду слышны были шорохи лёгких кожистых крыльев летучих мышей. Лилия видела одну, когда та приземлилась на ствол дерева, – размах крыльев небольшой, примерно с её предплечье. Ночные бабочки и разнообразные жуки танцевали над костром, кружась в такт только им слышной музыке. Постепенно к ним присоединились и мыши, но танец у них был свой – танец охотников. Тени внезапно появлялись из мрака для смертоносного пируэта в круге света и исчезали вновь. Кажется, этот танец может продолжаться

всю ночь. Лесные жители редко предаются бешеной пляске у костра.

Лилия подбросила ещё немного сучьев в пламя, которое тут же благодарно зашипело и принялось перемалывать новую добычу. Над костром рыжими светлячками взлетали искры, смешивались с танцем лесных букашек, поднимались всё выше и выше, пока не угасали, коснувшись звёздного неба. А оно было воистину прекрасно: нежный, бархатистый тёмно-синий свод, усыпанный мелкими сверкающими бриллиантами. Некоторые из них превратились в серебристую пыль и облачком протянулись через все небо. Были на этом полотне и камни покрупнее – голубые, жёлтые, красноватые. Искры гасли, а звезды падали, казалось, спеша им навстречу.

Восток медленно окрашивался в голубой, розовый, а после и в светло-жёлтый. Когда первый луч солнца пробился сквозь листья, эльф застонал.

– Не двигайтесь! – воскликнула Лилия, вскакивая. При этом она невольно вытянула руки перед собой, как будто собиралась отгонять от себя внезапно очнувшегося незнакомца. Он удивлённо воззрился на неё и, похоже, совсем не понимал, что происходит. Осознав, как глупо, должно быть, всё это выглядит, девушка смутилась. Она опустила руки и уже спокойно повторила:

– Не двигайтесь. Пожалуйста.

Оба молча смотрели друг на друга. Повисло неловкое молчание. Лилия медленно обошла догорающий костёр и подошла вплотную к нему. Ей не нравилось, что лежащему приходится смотреть на неё снизу вверх, поэтому она опустилась на землю, всё ещё не спуская глаз с пришедшего в себя эльфа. Оба по-прежнему молчали.

Сцена со стороны выглядела более чем странно. Девушка была похожа на маленького испуганного зверька, который вдруг обнаружил хищника, попавшего в западню. Зверёк медленно подкрадывался, не в силах опустить взгляда, ожидая, что хищник вот-вот рванётся. Хотя, конечно же, на деле было не совсем так. Лилия не то чтобы боялась эльфа, она просто забыла подготовиться к тому, что он придёт в себя.

– Вы... Я нашла вас без сознания, – неожиданно для се-

бя начала Лилия, запинаясь на каждом слове. Эльф молча смотрел на нее, – вас кто-то ранил.

Лилия мысленно съездила себе по лицу. Можно подумать, он сам не догадался. «Он подумает, что я дура», – решила она. Почему-то её этот вариант расстраивал и мешал сообщать.

– Простите, я... – опять начала девушка, в мыслях горячо желая себе замолчать.

– Ты меня перевязала? – негромко, но неожиданно уверенно и спокойно спросил эльф.

Всё время, пока Лилия сидела на коленях и пыталась разъяснить ситуацию, которая ей самой была не до конца понятна, эльф внимательно за ней наблюдал. Глаза у него были действительно красивыми, как и думала девушка, глядя на него прошлым вечером. Они были самого холодного голубого оттенка, цвета замёрзшего озера в морозный день, когда лёд отливает прозрачной синевой. Но взгляд у эльфа был добрый и неожиданно тёплый, хоть и заметно измождённый.

Странно слышать незнакомый голос. Особенно после того, как ты долго наблюдал за его обладателем, но не говорил с ним. Человеческое сознание каким-то образом пытается предугадать голос и характер другого по его внешнему виду, стараясь дополнить образ самостоятельно. Когда же истина открывается и расходится с созданным образом, это становится большой неожиданностью, хотя и случается чаще всего.

Но, как убедилась впоследствии Лилия, с эльфами дела обстоят иначе. Совершенно. Голос у эльфа не был высоким или низким. Он был таким же тёплым и добрым, как взгляд голубых глаз, именно таким, каким его невольно для себя представляла Лилия, осознав это только в тот момент, когда он заговорил.

– Да, – тихо сказала она, – я промыла рану и перевязала. Она глубокая, но со временем затянется. Шрам, конечно, останется...

Лилия почувствовала, что волнуется. Так всегда случалось, если она начинала говорить с кем-то, кого не знала или знала мало. Девушка старалась смотреть куда угодно, но не на эльфа.

– Спасибо тебе.

Лилия повернула голову и тут же встретила с его голубыми глазами. Эльф улыбался, а она не могла не улыбнуться в ответ. Они некоторое время смотрели друг другу в глаза, и Лилия чувствовала, что с каждой секундой ей становится проще находиться рядом с ним.

– Тебе... стоит лечь, – с улыбкой, вкрадчиво сказала девушка. Она сама не заметила, как вслед за эльфом перешла на дружеский тон, но ей стало от этого еще легче.

– Как скажешь, – улыбнулся он и аккуратно опустился на землю, заметно побледнел после этого движения. Лилию расстроило это, она хотела помочь, но не знала, как. Будучи лекарем, она сделала всё, что могла на данный момент, но не

вполне умела поддержать кого-то по-человечески.

– Сильно болит? – спросила она, желая вложить в эти два слова всё сочувствие, которое у неё вообще было.

Эльф посмотрел на неё и начал тихо смеяться. Так это было просто и от души, что Лилия не могла не улыбнуться тоже.

– Неужели ты за меня волнуешься? – с улыбкой спросил эльф, наигранно подозрительно прищулив глаза.

Вопрос почему-то застал Лилию врасплох. Конечно же, она волнуется за него! Со вчерашнего дня, с момента, когда она увидела рану на его боку, Лилия боялась, что он умрёт, её тревожила боль, которую он испытывает и которую испытает, придя в сознание. Не говоря уже о том, что она не знала, что будет делать, если эльф всё-таки умрёт. Но признаться в этом даже самой себе она не могла. Это было чем-то на подсознательном уровне личным. Она почувствовала, что краснеет.

– Ну... когда ты был без сознания... то выглядел таким несчастным и беспомощным.

Она не стала уточнять, что несчастным он кажется ей и сейчас, когда она смотрит на его измученное бледное лицо.

Эльф стал серьёзнее, но глаза по-прежнему тепло улыбались ей.

– Ты, кажется, добрая девушка, – сказал он, пытаясь поймать её взгляд, который она до сих пор пыталась куда-нибудь деть. – Как тебя зовут?

– Лилия. Если хочешь – Лия. Бабушка так звала, – тут она осеклась и решила поправить себя, – ну, соседка.

– Что ты делаешь в этом лесу? Ближайшее ваше поселение... – эльф слегка нахмурился, соображая. – Если ты пешком, то понятие «ближайшее» вообще растяжимо.

– Может, и нет ближайших. По крайней мере, я их уже с месяц не наблюдаю, – пожалала печами Лилия. – Я издалека.

Утро понемногу вступало в свои права. Было прохладно, но солнце тёплыми лучами прокрадывалось через кроны деревьев, забирая с собой остатки росы. Было слышно, как шумит неподалёку Заячий ручей (Лилия не знала, как он называется на самом деле, но про себя называла его именно так). День обещал быть тёплым и солнечным.

– И где твоя деревня? – спросил эльф.

– Я плохо ориентируюсь, – призналась Лилия. – Она где-то к юго-западу отсюда, у Зелёной гряды.

– Далековато, – согласился он, секунду поразмыслив. – И что ты делаешь тут?

– Ну, я просто... шла и оказалась здесь.

В конце концов, это было правдой. Эльф вопросительно поднял брови.

– Я ушла из деревни, – призналась Лилия. – Там...

Она замолчала и пожалала плечами. Воспоминания о случившемся были ещё довольно яркими. Незнакомец, ставший её гостем, толпа, прибитая к сараю кошка. Искажённое, противное лицо кожевенника встало перед глазами. В тот мо-

мент девушка не осознавала до конца опасность, которая ей грозила. И только сейчас она поняла, как это было мерзко, бесчеловечно... но в основном страшно.

Эльф тронул её за локоть, и это вернуло Лилию к реальности. Она передернулась от неожиданности, но он не убрал руку.

– С тобой тоже что-то случилось, так ведь?

Лилия озадаченно смотрела в сторону, опасаясь встретиться взглядом с голубыми глазами. Её одолевали странные смешанные чувства. С одной стороны – настороженность. Стоит ли рассказывать о себе? Это может быть крайне опасно, и она помнила, что Ревека предупреждала её. Она говорила: «Будь сама по себе. Неосторожное слово, неосторожное доверие – забудь про это».

А с другой стороны, её терзало непреодолимое желание довериться ему. Его лицо, голос и глаза не могли врать. Ей очень хотелось верить эльфу – с самого начала.

Эльф, конечно же, видел её замешательство. Ситуация сложилась отнюдь не стандартная, это нужно было признать. Девушка спасла ему жизнь, и он хотел тоже помочь ей. Больше всего эльфу нужно было, чтобы она не боялась его. Тем более, это в принципе становилось бессмысленно – в таком его положении.

– Ты можешь мне верить, – тихо сказал он ей, – в конце концов, ты всегда сможешь меня добить, если что, – весело добавил эльф.

Эта фраза сильно подействовала на девушку. Она встретила взгляд ледяных глаз – он улыбнулся и приподнялся на локтях, выставив при этом руку вперёд и останавливая Лилию, которая хотела ему помешать.

– Всё нормально. Поможешь мне?

Лилия обняла эльфа за пояс и помогла ему прислониться к дереву. Он старался не показывать, но, несмотря на это, было件нятно, что движения доставили ему боль.

– Так лучше, – устроившись, радостно сообщил эльф. – А то уж очень неудобно разговаривать в лежачем положении.

– Только недолго, – улыбнулась Лилия, – и если станет плохо, сразу скажи.

Вместо ответа эльф на секунду прикрыл глаза.

Убедившись, что всё хорошо, Лилия подбросила несколько веток в костёр, установила небольшую кастрюльку с водой на камень и стала кипятить воду. Девушка подумала, что неплохо бы приготовить чай, чтобы эльф расслабился. Боль утихнет, а он уснет – ему нужен отдых, а ране – покой. У неё была валериана, а чтобы смягчить возможное болезненное состояние, Лилия решила соединить её с ромашкой.

Эльф решил, что рассказ стоит начать ему.

– Ты много знаешь об эльфах?

Лилия утвердительно кивнула, и он продолжил:

– Мы стали меньше общаться с внешним миром, это правда. И тому есть причины. Несмотря на это, эльфы не перестали быть верны своим принципам: ни один не причинит вреда

тому, кто идёт с чистыми намерениями и добрым сердцем. Мы любим разговаривать с людьми и с радостью помогаем им, если нужно. Всё реже и реже, правда.

Лилия оторвала взгляд от мешочков, которые перебирала в поисках нужных трав. Ей в голову пришла одна неожиданная мысль.

– Ты сказал, что есть причины для вашей скрытности. Но они распространяются не на всех, так?

– Есть плохие люди, – задумчиво глядя на занятие девушки, произнёс эльф. – Грубые, невежественные, не знающие ценности жизни. Таких мы не терпим, не показываемся им на глаза никогда. Хотя иногда хочется что-нибудь эдакое с ними сделать... ну, для урока.

Эльф удовлетворенно заметил, что девушка улыбнулась, занимаясь своим делом и слушая его.

– А вот добрые и честные люди нам по душе. Если такой человек придёт в наш лес, ему нужна будет помощь и он её примет...

Он помолчал, наблюдая за тем, как девушка обдумывает его слова, и произнёс:

– Правда, в этот раз получилось по-другому. Я говорю это потому, что хоть ты и помогаешь мне, доверия я не чувствую.

Лилия завязала мешочек с засушенной ромашкой, убрала его в сумку и взглянула эльфу прямо в глаза.

– Я очень хочу довериться тебе. Просто боюсь. И я не хочу рассказывать о том, как оказалась здесь. Может, позже.

Это было правдой. Эльф с понимающим видом кивнул, но ничего не ответил, хотя внутри у него взыграло какое-то совершенно новое для него чувство.

Лилия немного погодя рассказала ему о том, чем занималась. О родителях, Ревеке, кошке. Чтобы развлечь нового знакомого, рассказала парочку действительно забавных историй. Эльф слушал, иногда переспрашивал. Что-то его откровенно удивляло.

Девушка тем временем закончила возиться у костра и, перелив содержимое в кружку, отдала её эльфу. Он поблагодарил её, и некоторое время они молчали.

– Так, значит, тебя зовут Лилия, – протянул эльф как-то задумчиво, – очень красивое имя. Кто дал его тебе?

– Мой папа. Он очень любил цветы, а лилии просто обо-жал.

Девушка смутилась, произнеся это. В другое время она ни за что не позволила бы себе что-то подобное; тем более именно сейчас девушка вдруг вспомнила, что дело здесь не только в цветах. Но в глубине души Лилия чувствовала, что эльф поймёт её правильно.

И она не ошиблась: подняв глаза, увидела, что он одобри-тельно улыбается.

– А как твое имя? – спросила Лилия, только сейчас осознав, что раньше не спросила об этом.

– Меня зовут Индйл.

– Я знаю, что у эльфов все имена что-то значат. Что озна-

чает твоё?

Лилия задала вопрос, поправляя большую ветку в костре и не глядя на эльфа, и потому очень удивилась, когда вдруг услышала смех. Индил смеялся, как мальчишка, запрокинув голову и прикрыв глаза ладонью. Правда, рана заметно ограничивала его веселость.

– Эй, я что-то не то сказала? – воскликнула она. Девушка могла обидеться на его смех, если бы он не был так заразителен.

Отсмеявшись, эльф убрал руку и посмотрел на Лилию. В голубых глазах плясали весёлые искорки.

– Ты права, у имён эльфов есть значения, – улыбаясь, ответил Индил, – но ты решишь, что я выдумываю, если я расскажу тебе про моё.

– Но ты ведь не станешь врать? – подозрительно сощурилась девушка, стараясь подавить смех.

– Конечно, нет. Обещаю. – Индил соорудил очень серьёзную гримасу, но не выдержал и широко улыбнулся, обнажив красивые зубы. – «Индил» – слово, ставшее моим именем, – на твоём языке означает «цветок лилии», – продолжил он, со смехом в глазах наблюдая за реакцией девушки.

Лилия удивлённо уставилась на него.

– Я же обещал не врать, помнишь? – сказал Индил, поднимая обе руки в покорном жесте.

Она знала, что он не врёт, была в этом уверена.

– Мне нравится твоё имя. Оно тебе подходит.

– Возможно, тебе показалось, что такое имя несколько странно носить эльфю мужского пола?

Индил задал вопрос и снова рассмеялся, увидев выражение лица Лилии. Они и правда подумала об этом, но только на секунду, и теперь ей стало стыдно за эту мысль. Ей не хотелось, чтобы Индил посчитал её слишком поверхностной.

– Прости, я просто...

– Ничего, просто иногда даже я задумываюсь над этим вопросом.

Лилия обрадовалась, что Индил не обиделся, и в очередной раз удивилась его способности угадывать мысли.

– Тогда почему тебя так называли? – спросила девушка, теперь абсолютно уверенная в том, что он ответит и не разочлится.

Индил устремил на неё долгий взгляд. Он почти всё время улыбался с тех пор, как очнулся, и каждая улыбка отличалась от другой. Не все могли это заметить, но это было так. Губы эльфа могли складываться в улыбку каждый раз одним и тем же образом, но, тем не менее, каждый раз что-то менялось. Это было в его глазах, в его тоне и ощущениях, которые испытывала Лилия, глядя на него.

И эта улыбка тоже была особенная. Она скрывалась зеленоватыми светлячками в холодных голубых глазах, как скрываются под снегом зелёные стебельки первых цветов. Улыбка удивления и доверчивой благодарности, но в ней таилась тихая печаль. Лилия только потом поняла, почему она была

такой.

– Рядом с тем местом, где я родился и вырос, разливался большой пруд, окружённый старыми ивами, – начал Индил, и казалось, что он с трудом старался вспомнить то, что было очень давно. – В нём росло много белоснежных водяных лилий. Моя мать говорила, что совсем маленьким я мог часами смотреть на них, ловить руками, а с рассветом ждать, когда они раскроют бутоны. И цвет волос...

– Как у лепестков белой лилии, – тихо договорила Лилия, мягко улыбаясь и осознавая, что это правда.

– Точно, – сказал Индил, глядя ей в глаза.

Лилия была рада разделить его воспоминания. Заметив, что эльф до сих пор держит в руках кружку, она взяла её и спросила:

– А где сейчас твоя мать?

Лилия сразу же поняла, что вопрос она задала не самый подходящий... С лица Индила пропала даже тень улыбки, черты ожесточились, а глаза вспыхнули холодным огнём.

Девушка увидела всё это и ужаснулась. Она хотела извиниться и поменять тему, но эльф вдруг произнёс холодным и жестоким тоном.

– Она умерла. Убили.

Выражение лица стало пугающим. В нём смешались печаль и ожесточённость, часто присутствующая у тех, кого лишили самого дорогого в жизни.

– Кто-то... такой же? – осторожно спросила девушка, ука-

зав на его рану.

– Нет, – Индил покачал головой и отвёл взгляд. – Один из эльфов.

Индил смотрел в землю перед собой. Последние слова повисли в воздухе и тяжёлым грузом легли между ними. Даже если бы в его глазах стояли слёзы, это не возымело бы такого действия на девушку. Именно обречённая жестокость, живущая в нём, глубоко расстроила её. Лилия понимала, что эта тяжесть давит на эльфа гораздо сильнее, чем простая скорбь.

Она неуверенной рукой коснулась его лба и отвела бело-снежную прядь. Точно так же она сделала, когда Индил был без сознания. Почему-то этот простой, но ласковый жест казался ей единственно дозволенным и уместным.

Лилия и не думала, что у них окажется больше общего, чем могло показаться в самом начале.

– Мне очень жаль.

Солнце уже поднялось высоко, начался самый разгар дня, но в кленовой роще было не жарко, необыкновенно уютно и тихо. Далеко стоявшие друг от друга деревья тянули друг к другу ветви, расправляя огромные листья, так что вокруг по-прежнему царил волшебный зеленоватый свет. Где-то постоянно пели птицы, невидимые в раскидистых кронах.

Индил взглянул на девушку. Из глаз исчезли тёмные отсветы жестокого упорства. Теперь эльф выглядел глубоко опечаленным. Некоторое время они смотрели друг на друга. Лилия вздохнула, покачала головой и поднялась на ноги.

Она внутренне сокрушалась – как же сложно найти слова утешения, особенно если никакие из них не помогут справиться с болью. Поэтому только жестами и взглядами девушка силилась показать, что ей не всё равно.

Лилия направилась за водой, взяв котелки, когда Индил тихо сказал то, о чём она догадалась ещё ночью:

– Мы окажемся в опасности, если останемся здесь.

Она остановилась и чуть повернула голову.

– Мы всё равно не можем никуда уйти... пока.

Она знала, что Индил прав, и уже чувствовала, что он скажет теперь, – то, что она так не хотела услышать.

– Ты можешь уйти.

Ну вот. Ожидаемо. Благородно. И глупо.

Лилия усмехнулась, слегка покачав головой, и сделала шаг в сторону ручья.

– Послушай, – начал эльф гораздо громче, с ноткой раздражения в голосе. Он, кажется, не понимал, что она не маленькая девочка, которая просто вредничает.

– Ну, скажи, – перебила Лилия, вернувшись на место напротив него. – Ты знаешь этих... – Лилия сообразила, что не выяснила, кто ранил эльфа, – кем бы они ни были, неважно. От них можно убежать?

Лилия наблюдала, как глаза эльфа распахнулись, и на лице появилось выражение горького отчаяния. Он, не посмотрев на неё, покачал головой. Этот жест испугал её. Очень испугал. Она могла представить себе всё что угодно – любое чудовище, разбойника ростом с дом... Но вот такое безмолв-

ное подтверждение действительной опасности внушало уже настоящие опасения.

– Что и требовалось доказать, – бросила Лилия резче, чем собиралась. Заметив, с каким упорством Индил смотрел теперь в сторону, она вздохнула, поставила котелки и присела рядом с ним. – Индил... – он не посмотрел в её сторону, но так ей было даже проще. – Ты тяжело ранен. И я не брошу тебя. Я смогу помочь, по крайней мере, постараюсь. А пока остается надеяться, что у нас не будет гостей.

Эльф наконец поднял глаза на неё, но сразу отвёл их. Девушка знала, что он не смирится. Это было написано у него на лице, принявшем несколько обречённое выражение. Лилия хотела было встать, но, подумав, добавила:

– Ты беспокоишься за меня, хотя совсем не знаешь. Я благодарна тебе.

Индил удивлённо уставился на неё. Лилия не дала ему возможности сказать что-либо, коснувшись его руки.

– Давай я помогу тебе лечь. Стоит поспать.

Индил больше не стал спорить и с её помощью лёг, пару раз поморщившись.

Лилия сходила к ручью, принесла ещё веток и принялась за очередную порцию отвара для промывания раны – её нужно было снова промыть и перевязать вечером. Она делала всё молча, предоставляя эльфу возможность уснуть.

Валериана с ромашкой действительно действовали, и Индила одолевал сон. Перед тем как провалиться в него на

несколько часов, он, повернув голову набок, смотрел на девушку, притихшую у костра, и думал. Чувство беспокойства не собиралось покидать его. Эльфа волновала судьба той, которая так много сделала для него и за которой он наблюдал в этот самый момент. Волосы девушка заплела в косу, которая перекинулась через плечо, пока она занималась делом. На ней было простое платье – то самое, в котором она ушла, так что уже порядком изодранное. Хотя даже в нём Лилия выглядела ухоженно.

Они были знакомы всего день, но девушка уже пробудила в Индиле чувство странной привязанности. Он полностью доверял ей. За разговорами, взглядами они словно узнали друг друга так, как будто уже были старыми добрыми друзьями. Эльф старался понять – почему она делает всё это? Зачем она перевязала ему рану и осталась с ним? Почему не ушла? И лишь сейчас ему стало ясно – во всем, что сделала Лия, не было никакого расчета. Остаться и помочь ему не было взвешенным решением. Причина в добром сердце, в заботливом простодушии.

«Какая же она хорошая...» – вдруг подумал Индил. Это слово показалось ему безнадежно простым, но шло из глубины сердца. Хорошая.

Индил понимал, что Лия начинает всё больше нравиться ему. А где-то в глубине билась отчаянная, полная страха мысль о том, что из-за него девушка может попасть в беду. Ему было страшно за её жизнь.

Эльф почти уснул, когда в голову закралась смутная мысль: лучше бы она не нашла его – тогда, возможно, осталась бы в безопасности. Но эту мысль тут же сменила другая, более ясная, более уверенная. Он не хотел, чтобы Лия уходила.

Остаток дня прошёл спокойно – без больших птиц, рыжих зайцев и кого-нибудь пострашнее. Всё те же цветы Лилия использовала для промывания раны, следила за костром и выстирала и высушила повязки.

Ближе к вечеру Индилу стало хуже. Он ещё не просыпался, но его кожа стала горячей и покрылась маслянистым потом. Лилия размотала бинты и увидела, что рана совершенно невообразимо воспалилась. Хуже того – она выглядела ненормально даже для воспалённой. Кожа по краям почернела, это было похоже на подпалённую каёмку на недогоревшем кусочке бумаги. Выделялся гной ужасающего цвета – землянисто-болотный, и очень много.

«Всё не могло так сильно измениться, – лихорадочно говорила себе девушка, распахнутыми от ужаса глазами разглядывая всё это. – Ещё с утра она выглядела вполне пристойно». Лилия всё внимание направила на кошмар, который видела перед собой, и не заметила, как Индил очнулся. Она поняла это через минуту после того, как он перестал вздрагивать во сне. Лилия убрала руку, которой до сих пор удерживала его, чтобы осмотреть, закрыла глаза, судорожно вздохнула, и только потом осмелилась посмотреть эльфу в глаза.

Индил, казалось, уже обо всём знал. Выражение его лица

невозможно было разгадать. Понимание, смешанное с сожалением. Казалось, что оно говорит: «Тебе нужно было уходить». Лилия поджала губы и отвернулась. Индил со вздохом откинул голову назад, прикрыв глаза ладонью.

Надо было срочно делать всё, что можно. У девушки дрожали руки, но она быстро принялась за дело: вскипятила ещё воды и после того, как помогла Индилу лечь на здоровый бок, начала осторожно вычищать гной, которого стало очень много. От него шёл какой-то затхлый запах, не такой, как обычно. Не то чтобы Лилия видела много гнойных ран, тем более подобных этой, но всё же была с ними знакома.

У неё ушло много времени, она несколько раз кипятила воду. Наконец, девушка промыла рану сиреневой водой, но даже её запах не сбил жуткого тинного смрада. Пока она работала, Индил молчал, не отнимая ладони от лица, и старался не шевелиться. Когда гноя не осталось, Лилия смогла увидеть рану целиком. Почерневшие края кожи и плоти виднелись везде. Как будто что-то невидимое сжигает рану, стремясь добраться как можно глубже. Кожа вокруг раны сильно покраснела и стала горячей.

Это выглядело просто ужасно. Лилии стало страшно. Девушка с ужасом подумала о том, что от такого эльфа легко может умереть, и ещё больше на неё давила мысль, что виновата в этом она. Перед глазами всё заволочло туманом, и Лилия поняла, что плачет от страха. По щекам текли слёзы, а внутри всё панически сжималось. Девушка, стараясь пода-

вить истерику, вскочила на ноги,хватила из сумки бинты и накрыла ими рану, чтобы она не загрязнилась и не привлекала своим болотным трупным запахом насекомых. Она ещё не закончила, когда Индил остановил её, неожиданно крепко схватив за руку повыше запястья. Лилия дёрнулась от неожиданности и от того, что и так была на пределе, но он не отпустил.

– Тебе надо уходить, сейчас. Слышишь меня?

Лилия посмотрела на него, и что-то кроме страха вдруг всплеснулось в ней. Какая-то упрямая решимость, смешанная с отчаянием. Она вырвала руку и тут же вскочила на ноги и, посмотрев на эльфа со злостью, которая была вызвана внезапно проснувшейся уверенностью, устремила в лес.

Удача, что стояло начало лета. Это гарантировало, что Лилия найдёт то, что ищет. Гречиха – трава с красным стеблем, высотой до полуметра и с маленькими розовыми цветками на верхушках побегов. Она обычно растёт на лугах и полянах, но девушка не была уверена, что в этом лесу есть какое-нибудь подобие таковых. И, тем не менее, света везде было достаточно для этого душистого растения.

Пока Лилия металась среди деревьев, отходя всё дальше от лагеря, эльф со стоном приподнялся, чтобы взглянуть на рану. Он этого ожидал. Так всегда выглядели раны тех, кто возвращался раненым с боя с этими тварями. И все они неизменно умирали через сутки-двое.

Он вернул повязки на место и снова уронил голову на согнутую в локте руку. Индил думал, что не боится смерти. Но одно дело – умереть в сражении, забрав с собой как можно больше тех, кто виновен в гибели друзей. А совсем другое – медленно умирать, разлагаясь заживо, беспомощно валяясь в лесу, предоставив себя заботам девушки.

Мысль о Лии заставила эльфа спрятать лицо в ладонях. Перед глазами стояло её залитое слезами лицо и упрямая решимость, даже злость на него за то, что он в очередной раз пытался отослать её. Индил и сам злился на себя, он чувствовал, что не имел права говорить такое. Но в то же время он знал, что Лии грозит опасность, а его неспособность сделать хоть что-нибудь, чтобы оградить её от этого, просто убивала.

Девушка вернулась через полчаса. Глаза были красными, но она больше не плакала. Не глядя на Индила, она села рядом и начала рвать в руках ярко-зелёные сочные листья. Она нашла небольшие заросли гречихи почти сразу за ручьем и была почти вся мокрая – перебираясь через него, девушка неудачно поскользнулась.

Мелкие, размятые в руках кусочки листьев Лилия накладывала на черневшую мелкими прожилками рану, и тут же, поверх листьев, бинты. Она делала всё быстро и методично, не так, как было сутки назад. Индил смотрел на неё, не решаясь сказать что-нибудь, но всё же желание поговорить с ней было сильнее.

–Лия...

–Если ты...– перебила девушка тихим, резким тоном, не терпящим возражений. – Если ты ещё раз скажешь, что мне нужно уйти, клянусь: я в тебя кину чем-нибудь тяжёлым.

Произнося это, она смотрела эльфу прямо в глаза. Её взгляд был жёстким и напряжённым. Индил и не догадывался, что она умеет так смотреть.

Лилия вернулась к разрыванию гречишных листьев. Молчание длилось от силы полминуты, а потом эльф разразился беззвучным хохотом.

– Кидаться чем-то тяжелым – это жестоко, – сквозь смех

выдавил он.

Лилия покосилась на него, и на лице появилась лёгкая улыбка. Потом она снова посерьёзнала, но в этом выражении теперь не было ни капли жесткости.

– Лежи смирно.

Эльф, конечно же, послушался, перестав смеяться, но продолжал улыбаться.

Всю ночь Лилия сидела около Индила. У него началась лихорадка: он бормотал что-то в бреду, иногда начинал метаться. Девушка иногда будила эльфа, давала ему воды и отвара – это помогало бороться с воспалением, и, хоть оно и было очень необычным и сильным, надежды и старания девушки оправдали себя. Ближе к утру Индил всё чаще приходил в себя или спал гораздо спокойнее. Каждый раз, когда он открывал глаза, то находил возле себя Лилию и улыбался ей неизменно спокойно, благодарно и извиняясь. Девушка спрашивала, что он чувствует. Индил, несмотря на то, что чувствовал он одно и то же, честно из раза в раз отвечал ей.

Может быть, кому-то покажется странным, что подобные ежечасные доклады приносили облегчение. Но даже смертельно больному человеку не так больно, плохо и страшно, если тот, кто рядом, понимает, что с ним происходит, пусть и не может помочь.

А Лилия могла. По крайней мере, старалась. Страх, который она испытала, сослужил хорошую службу, заставив действовать, чтобы избежать его. И её присутствие сыграло в эту ночь особую роль в том, что Индил выжил. Если бы она ушла, если бы он не видел её каждый раз, когда сознание в полной мере возвращалось к нему, он, возможно, не стал бы возвращаться. Собственные мысли унесли бы его разум так

далеко, что потом никакое лечение не спасло бы. Но об этом догадывался только Индил.

Перед рассветом эльф уснул спокойно, и Лилия поняла, что лихорадка отступила на какое-то время. Его белоснежные волосы Лилия еще с вечера завязала в хвост своей чёрной лентой, чтобы они не мешали ему, и эта лента теперь отчётливо выделялась, как бы вплетаясь в белоснежный поток прямых локонов. У эльфа под глазами пролегли тени, а губы, складывавшиеся в улыбку, побледнели.

Лилия проснулась, словно от толчка, когда солнце уже выглянуло из-за горизонта. Она увидела, что Индил тоже очнулся. Девушка уже хотела задать ему свой вопрос, но Индил, глядя ей в глаза, поднёс палец к губам, призывая не только сохранять тишину, но и, видимо, не двигаться. Внутри у девушки всё похолодело. Индил опёрся рукой о землю и приложил к ней ухо. Закрыв глаза, он к чему-то прислушивался. Спустя несколько секунд, которые показались девушке часом, он снова взглянул ей в глаза и тихо, с явным беспокойством сказал:

– Эльфы.

Лилия ожидала чего угодно, но не эльфов, и на секунду обрадовалась. Но глаза Индила заставили её сердце снова сжаться. Присутствие его собратьев недалеко от них должно было, как думала Лилия, наоборот, свести всё беспокойство Индила на нет, и поэтому явный страх в его глазах поразил и испугал её.

– Что не так? – шёпотом спросила Лилия.

– Помнишь, что я тебе говорил об их доброжелательном отношении к людям? – покосившись куда-то в сторону и прислушиваясь, спросил Индил.

Лилия кивнула. Эльф, взглядываясь в чашу, произнес:

– Это не вполне относится к моему отцу.

Как только он сказал это, раздался зов рога. Этот звук не был сравним с каким-либо другим. Чистый и раскатистый, он слышался очень далеко и одновременно совсем рядом, проносился сквозь деревья, как ветер, запутывался в траве. Казалось, что этот зов способен настичь где угодно – на самых высоких пиках и на самых больших глубинах озер и рек. Весь лес внимал ему.

Индил схватился за ствол клёна и, подтянувшись, сел, но это оказалось больно настолько, что он чуть не потерял сознание. Лилия схватила его за плечо, чтобы придержать и остановить. Сама она оглядывалась, как загнанный зверь, ожидая, что из-за деревьев вот-вот кто-нибудь появится. Голос рога не затихал, он по-прежнему был везде.

Девушка убрала руку с плеча Индила и поднялась на ноги. Тут же в паре сантиметров над её головой что-то со свистом пролетело и врезалось в дерево. Лилия отпрянула и ахнула. Стрела.

Но девушка осталась стоять, когда из-за деревьев показались всадники. Их было около тридцати, и слышалось только шумное дыхание и изредка всхрапы животных. Сами же всадники сохраняли абсолютное молчание.

Они разделились, сформировав кольцо из семи лошадей; медленно ходили по кругу, центром которого оказалось дерево. Всадники были вооружены огромными луками, и можно было не сомневаться, что их стрелы легко пригвоздят к дереву любого. Ещё около двадцати эльфов остались за пре-

делами кольца, повернув лошадей головами в его центр и не двигаясь.

Лилия стояла возле дерева, рядом с Индиллом. Он сохранял молчание, пока все всадники не заняли места, а когда стала слышна только лёгкая поступь семерых лошадей, что продолжали двигаться по кругу, Индил громко сказал что-то на эльфийском:

—Отец, что ты делаешь?

Лилия не поняла, к кому из эльфов он обращался, а выяснять это было не слишком уместно, особенно учитывая семь стрел, нацеленных на них. Или на неё, если быть точнее. Она только раз покосилась на эльфа в надежде услышать хоть какое-нибудь объяснение, но он не отрывал глаз от движущихся по кругу лошадей.

Это были очень красивые животные. Все имели стройное телосложение, длинные ноги и шеи. Лошади были одинаковые – серые в яблоках. Гривы светлые и достаточно длинные. У многих в гривы вплетены цветы.

– Рбгон, ты не мог бы остановиться? Мне тут и так не слишком хорошо, а вы действуете на нервы. Ты меня испугать хочешь? Или её, может быть? – сказал Индил, обращаясь к темноволосому эльфу. В его голосе звучал приказ и одновременно дружеская издёвка.

Тот, кого, вероятно, звали Рогоном, развернул лошадь, оказавшись, как и все остальные, лицом Индиллу и Лилии. Это заставило остановиться всю семерку. Пару секунд они

оба смотрели друг другу в глаза, потом всадник улыбнулся и сказал:

– Ты ставишь меня в неловкое положение, друг мой. Я не знаю, кому мне подчиняться.

Рогон поднял руку, и все остальные опустили оружие.

– В чем проблема? – тоже повеселев, хоть это и не слишком вязалось с его бледностью и болезненностью, спросил Индил. – Слушай меня, я твой командир.

– А я – твой король.

Серые лошади расступились, и в кругу оказался великолепный конь тёмно-игрневой масти. Он был черный, как смола, а грива и хвост – белоснежные. Как у всадника. И как у Индила.

– Сын мой, если я буду вынужден искать тебя по лесу с вооруженным отрядом после каждой твоей вылазки, то ты станешь не командиром, а главным конюхом, – сурово, но с такой же нотой издёвки, как только что Индил, сказал эльф.

Он изящно спешился, и по его движениям было понятно, что эльф силен, грациозен и прекрасно ездит верхом. Лилия невольно восхитилась им.

Восхищали её также прекрасные лошади, всадники и довольно эффектное появление всей этой процессии, хотя оно и напугало до полусмерти, в чем ей было стыдно признаться даже себе.

Король тем временем приблизился, взял сына за плечи и обеспокоенно смотрел сначала в его лицо, очень изменивше-

еся с их последней встречи, а потом и на повязку, охватывающую всё от груди до бёдер. Лилия видела, как сильно вытянулось его лицо и напряглись мышцы, сжимавшие челюсти.

– Вы их нашли... – не спросил, а будто подытожил эльф, глядя в глаза Индилу.

Тот кивнул.

– Где остальные?

Они в полном молчании смотрели друг на друга. Эльф не убирал руки с его плеч. Остальные не двигались и хранили молчание.

Прочитав ответ в глазах сына, король тяжело вздохнул. Он опустил голову и дотронулся рукой до того места, где под повязками была рана. Ладонь дрогнула.

– Они тебя ранили?

– Позапрошлой ночью, – ответил Индил. – Я убил его. Всего их было восемь.

Его слова стали ударом для отца. Тот зажмурил глаза, ещё сильнее сжал челюсти, уронив голову на грудь. Его обеспокоенность почти ощутимо переросла в обречённость. Индил сжал предплечье руки, которой отец дотрагивался до повязок. Он с жалостью смотрел на него.

– Отец...

Лилии показалось, что все разом испытали одинаковое чувство. Страх.

– Четырнадцать эльфов. Восемь тварей. Это слишком большая цена.

Эльф поднялся на ноги и, обращаясь к Индилу, сказал:

– Нам нужно добраться до Солнечной крепости. У нас есть для тебя лошадь.

– Он не может ехать верхом.

Это сказала Лилия. Всё время она молча стояла на том месте, на котором её застала стрела, и наблюдала. Ей было страшно, но она не могла промолчать

Король медленно поднял голову и повернулся к ней, взглядом – снова – пригвоздив к месту. Индил был очень похож на него. Те же волосы и ледяные глаза, те же черты лица и сложение. Но его отец заметно отличался от него одной деталью. В его глазах совсем не было тепла.

«Это не относится к моему отцу», – раздался в голове у девушки голос Индила. Ей показалось, что она услышала это только сейчас, по крайней мере, смысл дошел до неё под взглядом короля. Эльф, который устремил на неё ледяной, полный недоверия взгляд, не благосклонен к людям. Лилия пожалела, что не выяснила, насколько.

– Кто ты?

Этот короткий вопрос прозвучал, словно пощечина. Лилия не ожидала такой резкости. Индил был единственным эльфом, с которым ей довелось говорить, и его тон всегда был мягок.

Девушка покосилась на Индила, который опёрся рукой о землю и смотрел на отца с явным напряжением. Он встретился с Лилией глазами и едва заметно кивнул. Сама же Ли-

лия решила, что отвечать нужно по возможности быстро и только то, о чем спрашивают.

– Меня зовут Лилия.

– Откуда?

– С юго-западной границы.

– Что ты делала?

– Я... шла, – запнулась Лилия, будучи уверенной, что вопрос она не поняла.

– Что ты делала? —повторил эльф.

Лилия растерялась. Она не могла понять, что он хочет от неё. А его пристальный взгляд и жёсткий тон пугали.

– Что. Ты. Делала? —повторил он, разделяя слова паузами, будто говорил с дурочкой. Лилия ждала раздражения в его голосе, но его не было.

– Лия...

– Молчи. Я хочу услышать её ответ, – резко оборвал отец сына, который хотел вмешаться.

– Я не понимаю, о чём вы спрашиваете, – глядя прямо в глаза эльфу, произнесла Лилия немного дрожащим голосом, но громко.

Холодные глаза встретились с карими, и казалось, что эльф пытается заглянуть ей в душу. Он сделал два шага и оказался прямо перед Лилией.

– Я хочу знать, что ты делала здесь, рядом с моим сыном.

– Я... хотела помочь... – тихо ответила Лилия.

Она чувствовала, как за их разговором следят все эльфы,

которые остались на лошадях, и Индил, уставившись в спину отцу. Когда она ответила, в воздухе повисло почти осязаемое напряжение...

– Помочь? Ты? – с презрением бросил эльф.

– Отец!

Не обращая внимания на оклик Индила, эльф, как рассерженный зверь в клетке, сделал круг, не глядя на неё, а потом вдруг развернулся, больно схватил её под подбородок.

– Да что ты можешь?! – прошипел он, сжав зубы. – Глупая девчонка, даже понятия не имеешь, с чем столкнулась!

Вот сейчас Лилия испугалась окончательно. Эльф шипел ей в лицо, заставляя отходить назад, к лошадям, которые всё ещё стояли на месте. Она подняла руку, желая защититься, но он перехватил и сдавил так сильно, что девушка ахнула. Все это время эльф гипнотизировал её, как удав – кролика, заставляя смотреть себе в глаза.

– Отец, прекрати! Отпусти её!

Это прозвучало как приказ. В голосе Индила неожиданно обнаружился ледяной стержень, доказывающий, что он сын своего отца. Услышав его, эльф, похоже, испытал секундное замешательство, и этого хватило, чтобы Лилия вырвалась из его хватки.

– Индил! – воскликнула она.

Он уже стоял, опершись одной рукой о дерево, другую прижав к ране под повязкой. Лицо исказилось от боли, но Индил упрямо, с вызовом смотрел на отца и не отвёл глаз,

даже когда Лия подлетела к нему, чтобы поддержать.

Индил немного расслабился, когда Лия оказалась рядом с ним. Он почувствовал, как девушка обняла его за талию и её рука легла на его ладонь. Эльф думал, сколько он ещё сможет выстоять – пульсирующая боль в боку и груди отдавалась во всем теле, застилая глаза мутной пеленой. Но Индил знал – сейчас нужно во что бы то ни стало убедиться, что отец, находясь в смятении, не потеряет здравого смысла.

Хозяина игреневого коня, отца Индила, звали Имирин. Он был королём лесного братства эльфов, лордом Солнечной крепости. И нрав у него крутой, особенно это было ясно, когда дело касалось опасности для его народа. И в большей степени – для его сына.

Сейчас вид короля был ужасен. Имирин сжимал кулаки, и ярость пылала в его глазах, искажая лицо. Он не двигался с места, как и все остальные эльфы вокруг них. Мысли его метались, Имирин вперил взгляд в Лилию. Индил знал его... особенности, и такие перемены в настроении короля редко заканчивались безрезультатно. Это и пугало.

Неожиданно произошло то, что заставило Индила сжать пальцы девушки. Лицо Имирина вытянулось, ярость в глазах исчезла... Король, не опуская взгляда, медленно приближался к ним. Лилия судорожно вздохнула, а эльф остановился в метре от нее. Он изучал её лицо. Глаза его метались, то раскрываясь, то изучающе прищуривались. Имирин протянул руку к Лилии. Индил попытался загородить её, но Имирин

схватил девушку за плечо, второй рукой рванул ленту, которой девушка завязала волосы в хвост. Русые волны рассыпались по плечам. Всё произошло так быстро, что ни Лилия, ни Индил не успели как-либо среагировать, но Имирин тут же отступил на шаг.

– Лилия... – прошептал он одними губами, – так тебя зовут?

Девушка коротко кивнула, не отрывая глаз от короля.

– Лилия... так называли маленькую девочку... – король говорил так тихо, что его не слышал никто, кроме них двоих.

– Отец? – позвал его Индил, шокированный очередной переменной. Он посмотрел на Лию, но та так же ошеломлённо смотрела на короля.

Имирин выглядел так, будто его только что ударили по лицу. Удивление и какая-то печаль сменили прежнюю ярость. Как улыбка Индила менялась каждый раз, так и глаза его отца принимали разные выражения. Король, казалось, что-то вспомнил. Что-то важное.

– Отец?

Имирин взглянул на сына. Через несколько секунд его смятение исчезло, будто ничего не было. Глаза приняли свое первоначальное выражение. Холодное.

– Так ты не можешь ехать верхом? – спросил король.

Индил покачал головой. Имирин задумчиво кивнул, обвёл взглядом сына, снова взглянул на Лилию и, развернувшись и направившись к коню, приказал:

– Приготовить носилки. У вас полчаса, и мы отправимся в крепость.

Имирин с лёгкостью забрался в седло и добавил прежним приказным тоном:

– Девушка едет с нами.

Игрневый конь с всадником вышел из круга и направился прочь.

Все остались на местах, несколько озадаченно глядя вслед королю. Индил почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Странное поведение отца и опасения за Лию держали его в напряжении всё это время, и только сейчас он понял, сколько сил это потребовало. Лилия придержала его второй рукой, и очень вовремя рядом оказался рыжеволосый эльф, подхвативший Индила с другой стороны. Вдвоём они помогли ему опуститься на землю под деревом.

–Твой отец превзошёл самого себя, – с искренним удивлением выдал эльф, чем вызвал лёгкий смех Индила.

У рыжеволосого эльфа были большие глаза, цветом напоминающие зеленоватый сумрак кленовой рощи, в которой они находились. Открытое лицо, казалось, всегда улыбалось, даже если он был серьёзен. Этому способствовал ещё и небольшой, задорно вздернутый нос, а также веснушки, усыпавшие его переносицу. Курносый эльф располагал к себе и был, казалось, ещё совсем юн по сравнению с остальными.

Он посмотрел на девушку и, по-дружески улыбнувшись, представился:

– Я Марли. Приятно познакомиться, Лилия.

Он приложил левую руку к груди и легко наклонил голову, улыбнувшись ещё шире. Лилия постаралась ответить ему таким же жестом, чем вызвала его радость и, хотя ей казалось, что это невозможно, ещё более широкую улыбку.

– Я тоже очень рада, – улыбнулась она ему.

Лилия взглянула на Индила.

– Король сказал, что мы отправимся через полчаса? – спросила она, украдкой изучая его лицо, которое побледнело настолько, что голубые глаза казались ярче.

Эльф кивнул.

– Тебе нужно сменить повязку. Я успею, – сказала Лилия и, поискав глазами сумку, обратилась к Марли, который выжидающе смотрел на неё. – Сколько идти до?..

– Солнечной крепости, – с задорной готовностью подсказал эльф, – нам идти два дня.

Лилия нашла наконец сумку и вернулась к Индилу и Марли.

– Вы устраиваете лагерь на ночь?

– Нет, – покачал головой Марли. – В лесу легко передвигаться, тем более на лошадях. Мы можем сделать остановку, чтобы напоить и накормить их.

Марли покосился на Индила и с сомнением добавил:

– Правда, король может решить, что нам не стоит мешкать...

Лилия поняла, что он имеет в виду, и озадаченно задума-

лась, разматывая бинты.

– Что-то не так? – спросил Индил. Он не позволил себя уложить и теперь сидел, прислонившись спиной к дереву.

Лилия встретилась с ним взглядом.

– Мне нужно будет снова промывать рану вечером. Придётся останавливаться...

Оба эльфа промолчали. Лилия сняла бинты до конца, и глаза Марли широко распахнулись. Рана не выглядела хуже, чем была вечером, и девушка вздохнула с некоторым облегчением. Но она по-прежнему была ужасна – чёрные прожилки пронизывали её, и снова начал выделяться тёмно-зеленый гной. Хотя гречишные листья работали – большую часть они вытянули на себя, и плоть в нескольких местах была чистой.

Марли вцепился Лилии в плечо. Оглянувшись, девушка увидела, как он смотрит на рану, которую открыла сброшенная повязка. Лилия удивилась: ей казалось, что уж эльфы, целители, бессмертные создания, привыкли к виду ран, насколько это возможно.

– Все хорошо, – соврала Лия, накрыв ладонью сцепившиеся на её плече руки ошеломлённого эльфа.

Она покосилась на Индила. Тот смотрел на Марли, видимо, сожалея, что он так напуган и расстроен из-за него.

– Марли, – мягко обратилась к эльфу Лилия; тот сразу с вниманием поглядел на неё. – Можешь помочь? Нужно принести воды, тут недалеко ручей.

– Конечно! – с готовностью вскочил эльф и, схватив коте-

лок, рысью направился за водой. Он, кажется, хорошо ориентировался здесь, сразу выбрал правильное направление.

Лилия проследила за ним взглядом, пока рыжие волосы не затерялись среди лошадей и эльфов. Девушка взглянула на Индила.

– Марли – мой оруженосец и воспитанник, скажем так, – сказал Индил, прочитав в её глазах немой вопрос. – Он очень способный, хочет всему учиться. Только робкий и стеснительный.

Лилия почти закончила с новыми повязками. Индил заметил возвращающегося Марли ещё издалека. Девушка проследила за его взглядом, и он сказал:

– Он уже давно не видел своих родных. Я для него как старший брат, и Марли любит меня.

Индил ещё немного понаблюдал за рыжеволосым эльфом, который возвращался всё той же рысью.

– Он и от тебя, кажется, уже в восторге, – улыбаясь почти так же широко, как Марли, добавил он.

Лилия подняла глаза и встретилась взглядом с Индилом. Они оба весело рассмеялись и продолжали хохотать, когда подошел Марли. Тот сначала переводил свои большие и удивлённые глаза с Лилии на Индила, отчего они расхохотались ещё больше. В конце концов, Марли тоже засмеялся.

– Я рад, что ты чувствуешь себя лучше, чем выглядишь, – выдал он, искренне радуясь.

Услышав это, Индил с Лилией снова разразились смехом.

Лилия даже не смогла с первого раза закрепить повязку, и пришлось сначала успокаиваться и придержать концы бинта. Марли, подумав, понял смысл своей фразы и покраснел.

– Простите, я только хотел сказать...

– Я понял тебя, Марли, не волнуйся так, – прервал его Индил. – Ты хорошо всё сказал, хотя я, право, не знаю, насколько плохо выгляжу.

Лилия с улыбкой покачала головой

В отряде короля было двадцать восемь эльфов, не считая его самого, и пятнадцать лошадей, которые предназначались отряду Индила. Он настаивал, чтобы Лилия ехала верхом на одной из них, но она отказалась: ей нужно было идти с ним, и, к тому же, она не слишком хорошо умела обращаться с лошадьми. Поэтому она шла рядом с носилками, которые несли Марли и ещё один эльф по имени Эльдалин. Все вместе они шли за королём и пятью всадниками, составляющими его личную гвардию, как объяснил Марли. Остальные всадники окружали их по бокам и сзади.

Лилия изучала находящихся вокруг эльфов. Почти все были одеты так же, как Индил, в брюки, рубашки и зелёные куртки, только у многих под ними всё-таки обнаруживались легкие кольчуги. На ногах кожаные ботинки. Волосы были прямые, разных цветов – чёрные, тёмно-коричневые, соломенных оттенков. Рыжим был только Марли, да еще Индил и Имирин имели белоснежные волосы. Эльфы носили косы, которые покачивались у них между лопатками. Все в отряде были прекрасны собой.

Девушка очень удивилась, обнаружив, что на лошадях эльфы едут без седел. На спине каждого животного – мягкий гобелен, закреплённый парой тонких ремней. Повод эльфы брали его в руки только для того, чтобы на стоянках свести

всех лошадей в одно место. Во время езды они придерживались за шеи животных, а те слушались гблоса и прикосновения.

Ещё одним открытием был тот факт, что эльфы не говорили на эльфийских наречиях. Даже между собой они общались на человеческом языке, хотя пользовались им с явно бóльшим изяществом, чем люди. Конечно, это было радостно для Лилии – она могла свободно общаться с эльфами, не испытывая проблем в изъяснении. Но девушка недоумевала и даже расстраивалась, что прекрасный язык не используется ими, как прежде. Ведь он был их достоянием, и отец часто рассказывал, сколько тайн хранят в себе эльфийские наречия. Лилия отважилась задать вопрос Марли, не чувствуя себя еще в праве говорить с другими.

– Мы больше... не говорим на языке эльфов, – с извиняющейся улыбкой отвечал он, с сомнением глядя на сородичей. Лилия не стала дальше спрашивать его.

Большая часть пути прошла в молчании. Индила к вечеру замучила лихорадка, рана болела и гноилась. Но заражение не шло дальше.

Вечером король приказал остановиться. Весь отряд спешился, остановившись возле небольшой заводи. Лилия размышляла, не тот ли ручей, который она назвала Заячьим, образует здесь запруду.

Марли и Эльдалин опустили Индила на траву чуть в отдалении от воды. Лилия положила сумку рядом и начала при-

готовления. По дороге она поила Индила отварами трав, чтобы облегчить лихорадку и остановить воспаление, и ей необходимо было приготовить новые для следующего перехода. Это не говоря уж о том, что рану следовало снова прочистить и перевязать. Её черные прожилки и болотный запах беспокоили Лилию – она не понимала, что могло вызвать такой губительный эффект.

Эльдалин предложил свою помощь, но девушка с благодарностью отказалась – она могла полностью довериться Марли, который, по всей видимости, действительно любил Индила. Лилия наблюдала за ним, за его обеспокоенным взглядом и тем, как он старается не причинять Индилу боли, аккуратно обращаясь с носилками. Ей не хотелось отлучать его. Тем более, присутствие других эльфов заставляло её нервничать. Их превосходство было достаточно явным.

Марли занялся костром, пока Лилия принесла воду и отобрала нужные травы. Её восхитила легкость, с которой он раздул огонь из пары искр, высеченных кремнем. Девушка сказала ему об этом, и эльф смутился, так что веснушки на переносице стали ярче. Потом он счастливо заулыбался.

Вид раны уже не вызвал у Марли такой убийственной реакции, но он всё же заметно сник, когда Лилия осматривала изуродованный бок Индила.

– Лилия... – тихо позвал Марли.

Она обернулась к нему, подумав, будто он хочет что-то сказать, но поняла, что эльф лишь хотел обратить её внима-

ние на приближение короля.

Лилия с Марли поднялись; по примеру эльфа девушка склонила голову. Имирин приблизился и поклонился в ответ.

– Оставь нас на минуту, Марли.

Тот быстро кивнул и, уходя, бросил через плечо красноречивый взгляд; Лилия видела, что он неотрывно наблюдал за ними всё время. Девушка была благодарна ему, поскольку боялась, что король всё ещё неблагосклонен.

Имирин, глядя в сторону, дождался, когда Марли удалился. После подошёл к Индилу и опустился на колени рядом с ним. Девушка заметила очередную перемену в короле. От прежней уверенности не осталось и следа, зато ясно видно было смятение и печаль. Имирин осмотрел рану сына; Индил спал и не видел отца.

Лилия обошла носилки и села напротив короля. Тот направил взгляд в землю и молчал. Девушка тоже молчала и ждала. Прошло несколько минут. Наконец король вздохнул и выпрямился.

– Ты Лилия.

– Да.

Имирин кивнул. Похоже, он долго думал над этим, но девушка никак не могла понять, что это все значит.

– Твой отец лечил людей в деревне, что на юго-западе, так ведь? Ты сказала, что пришла с юго-западной границы.

– Д-да, – запнувшись, ответила Лилия, удивившись его

осведомленности.

– А почему же ты не продолжаешь его дело?

– Я продолжаю!

– Как? Тебе ещё нужно учиться, а ты слишком далеко от него! – резко и громко оборвал эльф. – Где он? Где твой отец?

Ей совершенно ничего не было понятно. У Лилии появилось ощущение, что она попала в чью-то историю, в которой всё неправда, да ещё и играет в ней какую-то роль, которую не знает. И играет плохо. Она не могла объяснить ни поведение короля, ни свое собственное.

Раздражение и куча вопросов вздымались внутри, как языки пламени.

– Его убили вместе с матерью люди, которых он лечил, – глядя в холодные голубые глаза, сказала Лилия, удивившись тому, насколько ожесточился её голос. Девушку злило обвинение короля. Поэтому и в её словах прозвучал упрёк.

Не опуская глаз, Лилия упрямо смотрела в лицо эльфу, ожидая его реакции. И удивилась. Он точно знал её отца. А вот о его смерти – нет.

Голубые глаза вспыхнули ярким светом и погасли. Король сжал зубы, между серебряными бровями пролегла тень. Эльф не отводил глаз, как и Лилия. В них было глубочайшее разочарование. Сожаление.

– В этом вся суть добродетели, – сказал он тихо. – Чем её больше, тем ужаснее будет расплата.

Король взглянул на Индила. Тот тяжело дышал – у него опять был жар. Имирин коснулся его головы, пробормотал что-то, прикрыв глаза, и после притронулся к своей груди. Король поднялся на ноги, Лилия последовала за ним.

– Отец передал тебе книгу? – спросил он.

– Откуда вы?.. – Лилия начинала догадываться.

– Неважно, – перебил Имирин, на этот раз мягче. – У него была книга. Где она теперь?

Лилия помедлила с ответом. Она вспомнила, как Ревека в последний вечер требовала с неё обещание беречь книгу.

– Она у меня. Я нашла её около месяца назад.

В глазах короля читалось явное облегчение.

– Книга написана на эльфийском, – добавила она, украдкой наблюдая за королём.

– Да, – кивнул Имирин. В этот момент Лилия впервые увидела его улыбку, и она оказалась одной из лучших. Улыбка теплоты воспоминания. – Но там был перевод.

– Я читала.

Король подошёл к ней вплотную. Лилия в который раз уже бросила взгляд на Марли, стоявшего неподалеку. Имирин оглядел её, будто искал что-то знакомое в её чертах. Положив руку ей на плечо, он наклонился и тихо, так, что даже девушка с трудом его расслышала, прошептал:

– Тебе понадобится ещё раз изучить книгу... если ты действительно хочешь его вылечить.

Эльф убрал руку. Отойдя на несколько шагов, он обер-

нулся:

– Ты найдёшь то, что ищешь, на страницах, написанных красными чернилами.

– Там яды, – заметила Лилия с сомнением; конечно же, во время своего путешествия она просматривала книгу не один раз. – Почему бы вам не помочь ему? Вы ведь наверняка знаете, как.

Но Имирин уходил прочь, и тогда она, опомнившись, крикнула вслед:

– Мне нужно время!

Эльф уже отошёл достаточно далеко, но повернул голову, чтобы она расслышала его.

– Я буду ждать. Мы отправимся дальше, как только ты будешь готова.

И Имирин ушёл. Лилия смотрела ему вслед и видела уже не вспыльчивого, вздорного и нетерпимого короля эльфов, каким предстал он ей в первые минуты. Лилия не могла точно знать и лишь догадывалась, что именно это было, как и о том, откуда он знает её отца и что такого видел в ней утром. Но девушка поняла – что-то изменилось. Настолько сильно, что страшно было подумать. И невозможно ничего понять. Но уже поздно. Нужно играть роль дальше.

Марли вернулся, и Лилия взялась за работу. Она прочистила рану ещё раз, и поручила эльфу отыскать листья व्यюна или повоя. Правда, притрагиваться к ним отказался, но со всем остальным они быстро справились уже вместе.

Ночь провели вместе возле Индила. Под руководством Лилии Марли процеживал отвары и поил ими раненого. Рыжеволосый эльф всё больше и больше нравился ей, он был, как и говорил Индил, очень способным.

Как бы глупо это ни было, но Марли был не похож на остальных эльфов, за которыми Лилия наблюдала целый день. По крайней мере, так казалось девушке. Остальные воплощали в себе истинно легендарный образ – статные, сильные, изяществом в них было наполнено всё – от стиля верховой езды до манеры говорить. Казалось, в них не было изъяна. Это восхищало и пугало, их превосходство любой человек ощущал бы каждой клеткой своего существа. А Марли был не таким. Он немного наивен и прост, часто улыбался. Вообще его настроение и иногда даже мысли Лилия могла прочесть у него на лице, в то время как лица других были ещё непроницаемы. Этим Марли оказался похож на Индила. Этим походил и на эльфов из рассказов перед сном.

Отец ведь часто рассказывал об эльфах, и Лилия представляла себе их. Сочетание мудрости и остроумия, умение жить по-настоящему, жизнерадостность и открытость души... Все это Лилия увидела в Марли и Индиле. И закрытую холодность – в других. Да, она лишь день провела среди них. Но даже ни намек... Ничего.

Конечно, пройдёт время... если оно у неё будет, прежде чем что-то откроется ей и в других.

Глава книги, которую несколько часов не выпускала их

рук Лилия, та самая, что написана действительно тёмно-красными чернилами, содержала сведения о всевозможных ядах: их происхождение, способы приготовления и проникновения, действие на человека и (в некоторых случаях) на лошадей и скот. И, конечно, практически ко всем было противоядие.

Лилия поняла, что Имирин имел в виду, когда отсылал её к этой главе. Она не думала раньше, но было очень похоже, что такое необычное воспаление вызвано ядом. Девушке предстояло среди сотни страниц и тысячи описаний найти то, что вызывает такие симптомы. И при свете костра она изучала бисерный почерк отца под витиеватым эльфийским текстом. Марли сидел возле Индила и ухаживал за ним, а также поддерживал костер. Лилию он старался не отвлекать, а она, иногда наблюдая за ним, надеялась расспросить на следующем переходе. Девушка почему-то знала, что это нужно будет сделать. Индила продолжала мучить лихорадка, и он часто погружался в тяжёлый сон.

Наконец Лилия нашла то, что искала. Солнце к этому моменту еще не поднялось, но на востоке облака окрасились в оттенки голубого и розового. Девушка чуть не уснула несколько раз, но находка взбодрила её. И показалась плохой шуткой.

Яд носил название «Морнгван». В книге сказано, что он действует, только если попадёт в открытый порез или рану. Описано то, как он разрушает человека, пока тот не сгнивает

заживо. «Раны чернеют, словно их опалило пламя, и сочатся гноем, который, чем ближе конец, тем более темным становится», – вот что прочитала Лилия Марли. Ничего больше не было – ни слова о других симптомах и происхождении самого яда. Впрочем, и этого было достаточно, чтобы не ошибиться, – Лилия в этом уже убедилась.

Марли подсел к девушке, заглядывая на страницу.

– Серый болотник? – нахмурившись, прочитал он.

– Название так себе, правда? – Лилия разбирала написанное. – У него просто нет эльфийского имени.

Пока Лилия зачитывала всё, что было на странице, она не заметила, как к ним подошел Эльдалин. Ночью он тоже навещал их несколько раз – они расположились немного в отдалении от остальных. Эльдалин – высокий черноволосый эльф с темно-серыми глазами. У него был низкий голос и спокойный нрав. Сначала Лилии не нравился его отчуждённый вид, но, проведя в его компании некоторое время, она нашла его вполне дружелюбным. Хотя, конечно, до Марли ему было далеко.

– Правильно, у этой травы есть название, только на твоём языке, потому что нашёл его человек, – Эльдалин присел напротив Марли. – Что тебе в этом скверном растении?

– Судя по всему, оно мне необходимо, и как можно скорее, – ответила Лилия, оглянувшись на Индила.

Эльдалин оглянулся вместе с ней и кивнул, дав понять, что понял.

– Ты знаешь, как оно выглядит? – спросил он.

Лилия помотала головой.

– Тут есть его краткое описание. А если исходить из названия, то искать придется на болотах.

Эльдалин подумал минуту и поднялся на ноги.

– Да уж, люди так логичны, – эльф язвительно выделил слово «логичны» и состроил саркастичную гримасу, – я пойду с тобой, а то заблудишься ещё. Искать я тебя ночью точно не стану. Подожди здесь минуту.

Лилия не успела ответить, потому что он развернулся и быстрым шагом направился прочь. Она лишь проводила его недовольным взглядом. Девушка отложила книгу и присела возле Индила – нужно было очистить гной, который продолжала источать рана несмотря на все ухищрения.

– Эльдалин, похоже, не в лучшем расположении духа, – с сомнением заметил Марли, оглядываясь на лагерь.

– А он в хорошем бывает когда-нибудь?

Лилия немного раздражённо произнесла это – слишком уж язвительный тон Эльдалина разозлил её.

– Иногда бывает...

Девушка хмыкнула и пожала плечами. Марли подобрал книгу и спросил:

– А что нужно будет делать с болотником? То же самое, что и с этими листьями?

Лилия сжала губы и не ответила. Марли, не дождавшись ответа от неё, принялся разбирать текст на странице. Вдруг

он побледнел, округлил глаза и усталился сначала в книгу, потом на Лилию и Индила.

– Но так нельзя!

– Другого варианта всё равно нет. А вот то, что он умрёт, если все будет так продолжаться, – это наверняка, – не глядя на Марли, ответила Лилия.

Через несколько минут вернулся Эльдалин. Он застал Марли сидящим с таким видом, как будто тот только что отдал лапу любимому щенку. Бросив вопросительный взгляд на Лилию, эльф понял, что вопросов задавать не стоит, молча кивнул и тут же слегка пожал плечами. Лилия поднялась, подошла к Марли и положила руку ему на плечо.

– Ты сможешь посидеть с ним, пока я не вернусь?

Марли молча встал и подошёл к раненому. Лилия вздохнула и присоединилась к Эльдалину.

– Ну что, куда нам нужно? – спросил эльф, пока они шли через лагерь.

– На болото, – как можно язвительнее процедила девушка.

Стоянка, через которую они шли, представляла собой неоднозначное зрелище. Никаких шатров, палаток и прочего не было. Вместо этого эльфы расположились прямо на земле несколькими группами и разговаривали, иногда пели, причём без сопровождения музыкальных инструментов. Похоже, их не было, хотя тогда её это не удивляло – все-таки они были в боевом порядке. Лилия заметила, что у многих в руках кинжалы; ими они вытачивали что-то из веток, занимая

время.

При их появлении эльфы отвлекались от своих занятий и приветствовали девушку каждый по-своему: кивали, улыбались, кто-то прикладывал руку к груди и лбу. Лилия отвечала всем такими же жестами, вызывая явное одобрение.

– Они горят желанием пообщаться с тобой, – сказал Эльдалин, когда они вдвоём вышли за пределы лагеря.

– Со мной? Почему? – изумилась Лилия.

– Мы давно не общались с людьми, – пожал плечами эльф. – И то, что ты делаешь...

– Но я особенно ничего не делаю, – возразила девушка.

– Ну да, – усмехнулся Эльдалин.

В молчании они шли ещё некоторое время, всё дальше уходя от лагеря, вдоль протока, который отходил от заводи, возле которой они остановились. Около получаса прошло, прежде чем Эльдалин и Лилия достигли места, в котором ручей замедляет ход и теряется, образуя топь.

– Осторожно! – предупредил эльф. – Тут не глубоко, но пораниться можно легко. Лошади часто ломают здесь ноги.

Они прошли ещё чуть дальше, прежде чем приступили к поискам.

Главная сложность заключалась в том, что Лилия только представляла, что искать. В книге было всего несколько слов: «Длинный стебель, круглые листья, серый цвет». Главным ориентиром было последнее, и в то же время главный вопрос – никогда ещё девушка не видела серых растений. Даже не

могла представить, как это должно выглядеть.

И они искали. Несколько раз натыкались на какую-то разновидность плюща – листья у него были блекло-зелёные со светлыми пятнами. Эльдалин предположил, что такую расцветку вполне можно назвать серой, тем более что у растения были круглые листья и длинные побеги, но, в конце концов, они отказались от этой идеи. Лилия посчитала, что растение со столь коротким и лаконичным описанием должно быть узнаваемо, и узнаваемо без сомнений. Эльдалин согласился с ней, и они продолжали искать.

Болота и топи занимали, по представлениям Лилии, очень большую территорию. Деревья тоже росли здесь, и девушка старалась представить, сколь длинными должны быть корни, чтобы удержать их в зыбкой почве. Солнце, уже начавшее свой путь по небосклону, скрылось – небо заволокли тучи.

– Ты не хочешь вернуться в лагерь? – спросил эльф, с сомнением разглядывая их.

Лилия покачала головой. Она не была уверена, что под дождем они смогут найти что-нибудь, но ею овладела тревога.

Мысли об ужасной смерти, о которой явно знали эльфы и которая может постигнуть Индила, если они ничего не найдут, заставляли её сердце сжиматься. С каждым часом это ощущение усиливалось – дело шло к вечеру. Лилия устала, но мысли об Индילה не давали ей останавливаться и отвлекаться. Она успела сильно привязаться к нему: к его доб-

рым глазам, открытой улыбке. Девушка вспомнила, как он старался защитить её от отца. Его искажѐнное болью лицо и прямой взгляд. Она вновь почувствовала, как он сжимает её пальцы, – жест, обещающий ей его покровительство. В тот момент Лилия поняла, что их, возможно, связывает нечто большее, чем чувство долга или благодарности.

Начался дождь. Солнце с полудня было скрыто за тучами, но эльф сказал, что оно клонится к закату. Они так ничего и не нашли.

– Пойдем, – сказал Эльдалин, накидывая плащ и протягивая второй Лилии.

Оба были грязные и уже по колено мокрые. Лилия в лагере заплела косу, чтобы волосы не лезли в лицо, но лента, похоже, зацепилась за ветку и отвязалась, и волнистые пряди разметались за спиной. Она промолчала и не пошевелилась, тогда эльф сам завязал на ней плащ и мягко, хоть и не без тени сожаления, произнес:

– Мы все равно ничего не найдем... а Индилу нужна твоя забота. Марли очень любит его, но не знает, как помочь ему.

– Я тоже не знаю, – ответила на это Лилия.

Вместе они под усиливающимся дождем двинулись обратно.

Вернувшись в лагерь, увидели, что, кроме часовых, почти никого не осталось. Эльдалин объяснил, что эльфы ушли прочёсывать лес в поисках нежелательных гостей. Часовые поприветствовали их и озадаченно переглянулись, узнав, что

они ничего не нашли.

Лилия, извинившись и оставив Эльдалина с часовыми, быстрым шагом начала огибать заводь. Ей нужно было увидеть Индила и избавить Марли от одинокого бдения.

Уже совсем стемнело. Дождь закончился, и Лилия скинула капюшон. Небо местами прояснилось, и стали видны яркие звезды.

Приближаясь, Лилия поняла, что сейчас случится что-то не слишком хорошее. Индил, судя по всему, в себя так и не приходил. Рядом с ним стоял король, и его фигура, поза, само его присутствие, в общем-то, сулили неприятности. Марли стоял с другой стороны от Индила и, заметив её, со страхом и растерянностью следил за её приближением и косился на короля.

Лилия подошла ближе, и Имирин обернулся к ней. Её руки, одежда и плащ были в грязи, Лилия чувствовала смертельную усталость от поисков и смятение неудачи. И присутствие короля никак не подняло ей настроение.

Она молча перевела взгляд с Марли на Индила и уставилась в глаза королю. Лилия развязала тесьму и бросила мокрый плащ на землю. Все молчали.

Лилия поклонилась королю, но он не ответил на поклон.
– Где ты была?

В его голосе звучала угроза, и это разозлило Лилию. Непоследовательный и вздорный характер короля начинал действовать ей на нервы, девушка уже не понимала, о чём он

думает и что хочет от неё, но как можно спокойнее ответила:

– Вы сказали мне делать всё, что будет нужно.

– И чего ты добилась за целый день? – не дав ей договорить, спросил эльф.

В его тоне слышались язвительность и то, что можно назвать саркастичной заинтересованностью. Король знал, чего она добилась. Он словно чувствовал это.

Лилия промолчала. Вместе с Эльдалином они потратили целый день, излазили почти все болота в округе, но ничего не нашли. Досада и усталость будто обрели новую силу со словами Имира. Девушка закусила нижнюю губу.

– Ну так что?

Лилия покачала головой. Краем глаза она заметила, как Марли тревожно переступил с ноги на ногу, не сводя глаз с неё и короля.

Имирин улыбнулся. Но от этой улыбки у Лилии внутри всё похолодело.

– Надо же. А я думал, Индил знает, кому доверять, – Имирин сделал ещё несколько шагов, заставив Лилию попятиться. – Но он, похоже, повредился головой. Лично я бы даже будучи при смерти не доверил жизнь девчонке, которая не может хотя бы следовать указаниям! Может, мне сразу убить его, как думаешь? С твоей помощью он всё равно умрет.

Имирин замолчал и остановился. «Он прав», – подумала Лилия, видя перед собой только холодные глаза короля. Боль неудачи и страх сдавили ей сердце. Девушка не могла сдер-

жаться, и по щекам прокатились друг за другом две слезинки.

Увидев это, король ухмыльнулся.

– Такая же никчемная, как и этот Марли, которого так любит мой сын, – ядовито сказал король, глядя ей в лицо.

Лилию словно ударило молнией. Она через плечо посмотрела на Марли. У того был пришибленный вид. Он виновато опустил голову и смотрел в землю. Руки у него дрожали, хоть он и сжал их в кулаки. Время будто остановилось. Лилия не могла отвести глаз от фигурки эльфа. В один миг он словно уменьшился, съежился. Марли действительно был почти мальчиком – неуверенным в себе, немного наивным и простодушным. Но более всего – чистосердечным, добрым и преданным. Он поднял голову, и зелёные глаза встретились с карими. Какие это были глаза...

В одно мгновение Лилия в ярости обернулась к королю и ударила его по лицу со всей силой, с которой могла. Имирин не ожидал этого и не защитился.

– Вы не смеете так говорить о нём, – дрожащим от злости голосом заявила девушка. – Марли любит Индила и заботится о нём, в отличие от вас! Почему вы ничего не делаете?! Вы требуете от меня, чтобы я изучала книгу, знаете, где искать то, что было нужно! Почему же вы сами не поможете?!

Лилия задохнулась и несколько секунд переводила дух. Она только что поняла, что накричала на короля. В глазах у неё стояли слёзы. Имирин изумлённо и с нескрываемой зло-

бой сверлил её взглядом.

– Довольно.

Девушка обернулась и сразу же наткнулась на меч.

Лилия не слышала, как Эльдалин оказался у нее за спиной. Он с непроницаемым лицом стоял, легко сжимая рукоять клинка, который остриём теперь почти касался её живота.

Девушка не испугалась – внезапный всплеск ярости ещё не до конца оставил её. Небо совсем прояснилось, и заводь осветил голубоватый свет, который источали звезды, а берег освещал костёр. В его жёлтом неверном свете, который дрожал и терялся в темноте среди деревьев, замерли все четверо.

– Опустите меч, Эльдалин.

Эльф покосился на короля и лёгким движением убрал лезвие. Лилия тупо уставилась на него, забыв про Имирину.

– Ты за это ответишь, – одними губами произнес Эльдалин, и девушка, скорее, догадалась, что он ей сказал. Лицо у него было по-прежнему непроницаемо, но Лилия заметила, как беспокойная складка появилась между бровей. Однако она так быстро изгладилась, что она решила: это лишь игра теней... Но почему он сказал ей это? Неужели думал, что она не понимает?

Или она понимает не всё?..

Об этом Лилия думала, когда за спиной раздался холодный голос:

– Я ничего не сделаю.

Девушка повернулась к королю. Она ожидала угрозы, ярости в его глазах, голосе – хоть чего-нибудь. Но услышала и увидела лишь... обиду? Лилия не могла поверить себе. Почему? Неужели Имирин действительно услышал то, что она сказала? Неужели ему не всё равно?

– Что... не сделаете?

– Ничего, – глядя ей в глаза, повторил Имирин, – я ничего не буду делать. Вы оба, если так преданы моему сыну, теперь отвечаете за его судьбу.

Он на секунду остановил взгляд на Марли, взглянул на Индила и, развернувшись, пошел прочь. Эльдалин помедлил.

– Это было глупо, – заметил он.

Лилия стояла, разбитая и расстроенная, и не могла поверить. Имирин сейчас показался ей сумасшедшим. Безумным. И безмерно печальным, как это ни странно...

– Ты меня слышишь? – слегка раздражённо позвал Эльдалин и взял её за локоть.

Девушка вырвала руку. Лилия злилась, но понимала, что на это нет причин. Она среди них чужая, и, если бы на то была его воля, эльф мог бы и убить её. Но не тронул.

Эльдалин не был зол или надменен, напротив, она увидела на его лице сочувствие – но он был чужим. Как и все остальные, как бы хорошо к ней ни отнеслись за то короткое время, что они все вместе провели, следуя через лес. Девушке

хватило нескольких мгновений, чтобы осознать это, потому что и так понимала всё с самого начала, пусть и незаметно для самой себя. Ей захотелось домой.

– Прости, что напугал тебя. Ты же знаешь, я бы ничего тебе не сделал. А вот он – мог.

Она готова была заплакать и ничего не ответила.

– Он будет ждать тебя. Лагерь не снимется с места.

– Скажи мне, – не глядя на Эльдалина, начала Лилия, – он действительно будет просто ждать, когда Индил умрёт, только чтобы наказать меня?

– Не наказать, а преподать тебе урок. Король Имирин просто предупредил тебя.

У девушки внутри что-то оборвалось. Как же спокойно он сказал это!

– Ты издеваешься надо мной?! Он же не проживет и двух дней, и это – чтобы преподать мне урок?! – закричала она на эльфа, уже не сдерживая ни слёзы, ни обиду.

– Можно подумать, что-то изменилось! – громко сказал эльф, чтобы она его услышала. – Он и до этого не пошевелил и пальцем, но тебя это не беспокоило, пока он прямо не объявил об этом!

Действительно. Король Имирин сразу предоставил сына её заботе. И подходил к нему три раза за всё время... Но при чём тут она?

– Но почему...

– Почему Имирин ничего не делает? Почему делает вид,

что у него нет сына? – резко прервал эльф, по-видимому, начиная злиться.

Лилия кивнула.

– Потому что он не может.

– Индил? – от неожиданности они оба чуть не подскочили.

– Он ничего не делает, потому что не может, – повторил эльф, повернув к ним голову.

Лилия бросила взгляд на Эльдалина и подошла к Индилу, присев рядом с ним. Выглядел он плохо. Глаза были покрасневшими, их голубизна поблекла. Кожа его, хоть и была благородно-бледной и до этого, сейчас почти светилась и, как показалось Лилии, приобрела нехороший желтоватый оттенок, хотя в блеске костра это было сложно понять.

Индил был неприятно удивлен, увидев Лию. Вид у неё оказался измученный, одежда грязная и мокрая. И глаза заплаканные. По выражению её лица он также понял, что сам выглядит не лучшим образом, но это его не сильно беспокоило.

– Как ты? – спросила она его; рядом присел Марли, опустив глаза.

Индил посмотрел на обоих. Чувствовал он себя хуже некуда – рана болела постоянно и сильно, будто кто-то медленно и методично углублял её, не давая затянуться. Глаза слезились, и он не мог хорошо видеть, а лихорадка бросала его то в жар, то в холод, и ему было очень тяжело удержать сознание. Боги, сколько раз он видел таких раненых! И все

страдали, как сейчас он, и, возможно, видели такие же убитые лица друзей рядом с собой. Эльф покачал головой.

– Что случилось?

Лия закусила губу и отвернулась; она не успокоилась, поэтому вопрос Индила снова заставил её заплакать, и девушка корила себя, но не могла совладать с этим – слишком устала.

Марли просто не знал, что сказать. Он был обескуражен и смущён. Марли очень любил Индила и многим был ему обязан – в том числе и тем, что гнев короля в присутствии друга его не касался. Страдания Индила он переживал, как свои собственные, но мысль о том, что он может умереть, была для него совершенно неприемлемой. Он слушал перебранку Лилии с Эльдалином, и сердце его падало, и душа леденела, и не мог он ни на кого смотреть. Индил всегда говорил ему, что он особенный. Что многое может.

Но какой в этом толк, если Индил умирает, а он, Марли, не способен даже взглянуть ему в глаза...

Неправильный взгляд

1

Близилась полночь. Стало прохладнее. На свет костров слетались бессчётные стаи комаров. Их отвратительный писк заглушал даже сонное стрекотание сверчков и сводил с ума.

Правда, эльфов комары совсем не беспокоили. Они спокойно сидели у костров или ходили с места на место. Недавно в лагерь вернулись те, кто отправлялся посмотреть, нет ли у них незваных гостей.

Эльдалин куда-то ушёл.

– Я вернусь через час, хорошо? – спросил он, вставая.

Девушка не удостоила его ответом. По правде говоря, ей было плевать, куда он идёт, вернётся, не вернётся... Самой бы уйти куда-нибудь, и подальше, честное слово.

Она сидела у костра, наблюдая за Индиллом и погрузившись в мрачное настроение. Марли примостился рядом, методично подбрасывая ветки в костёр. Индилл однажды позвал его, видимо, хотел поговорить... Эльф не пошёл. Как ребёнок, он обхватил колени руками и уткнулся в них лицом. На уговоры Лилии он тоже не отреагировал, и девушка пошла сама.

– Я слишком плохо выгляжу, да? – спросил Индилл, увидев

её.

– Теперь точно не лучше, чем себя чувствуешь, – неожиданно для себя сказала Лилия немного сдавленным голосом.

Индил шумно выдохнул – видимо, это можно было засчитать как оценённый чёрный юмор.

– Не обижайся на него, – попросила Лилия, через плечо взглянув на Марли, – он просто боится...

Она не стала договаривать, чего. Индил повернул к ней голову.

– Я не обижаюсь, мне его жалко.

Лилия кивнула. Она и сказала это просто так, чтобы не молчать. Девушка отбросила лёгкое одеяло, которым они укрыли Индила. Повязки снова пропитались гноем, и она начала снимать их.

– Зачем?

Лилия не обратила на эльфа никакого внимания.

– Не дёргайся, – бросила она, когда он хотел помочь ей. Индил хмыкнул.

Конечно, рана снова заплыла. Лилия смочила чистую ткань и начала промывать её. Индил морщился от боли, но молчал. И, к его чести, ни разу не попытался схватить её за руки, как частенько бывало, когда девушка промывала мужчинам в деревне порезы от кос, топоров и прочей прелести.

– Молодец, слушаешься, – сказала она почти с нежностью, когда прошлась напоследок по всей ране чистым уголком ткани.

Забросив грязные повязки в карман сумки, она ещё раз вымыла руки и закрыла рану чистыми бинтами.

– Я не знаю, что с тобой делать дальше, – призналась она.

Индил лежал на спине, молча глядя в небо. Тучи почти рассеялись, и теперь повсюду стали видны мерцающие звёзды. Эльф никак не отреагировал на её слова, и невольно Лилия тоже подняла голову и вспомнила, как так же смотрела на звёзды в ночь перед тем, как их нашли эльфы. Что-то было в этом успокаивающее... Звёзды будут сверкать, что бы ни случилось здесь, внизу. Им совсем ни до кого нет дела...

– Ты знаешь, что потом будет?

Лилия перевела взгляд на Индила.

– Что потом?

Девушка сначала не поняла, о чем он говорит. Почему-то мысль о безразличии звёзд словно «выключила» её из реальности на несколько секунд. Но Индил не пытался повторить или объяснить свой вопрос. Он просто смотрел на неё. Лилия ожидала увидеть в глазах страх, тоску, жалость к себе... Ведь он умирал, и знал это не хуже других. Даже лучше, пожалуй, и в первые секунды Лилия решила, будто этот вопрос он задаёт, чтобы подготовиться к тому, что почувствует.

Но вопрос Индил задал лишь для того, чтобы понять, знает ли она об этом.

– Что ж... – Она машинально начала складывать ткань, которой промывала рану. – Лихорадка будет продолжаться, ты, скорее всего, уже ничего не будешь соображать... ча-

са через два, – Индил удовлетворённо кивнул, услышав это, словно она правильно отвечала выученный урок. Когда Лилия подумала об этом, то вспомнила свою угрозу запустить в него чем-нибудь.

Она замолчала. Индил бросил на неё короткий взгляд и задал ещё один вопрос.

– Ты останешься или пойдёшь дальше?

– Я...

«Когда я умру», – вот что не сказал эльф. Не сказал, но Лилия поняла.

– Не хочу, чтобы ты умирал. Ты хороший, – выпалила она; потом, немного подумав, сказала: —Я бы осталась, если мне позволят.

Индил усмехнулся.

– Марли уже признал в тебе друга. Да и я, если честно, тоже. Хотя я не настолько хороший, как тебе кажется. Многие грозятся меня побить примерно раз в неделю.

– Шутка юмора, да? – немного мрачно прокомментировала Лилия.

– Что? – удивился эльф. Кажется, он такого выражения не слышал. Ну, откуда бы, действительно.

– Ничего. Пошутил, говорю, так себе, – вот тут на её лице наконец появилась улыбка.

– Ну, за юмором – это не ко мне, согласен, – сказал Индил и тут же поморщился. Рана стала донимать его всё чаще и чаще.

Лилия отвернулась, опустив глаза на ткань, которую развернула и теперь аккуратно складывала, чтобы потом постирать. Как же ей было жалко его! И Марли... Он так переживает. Как маленький ребёнок, наверное. «Интересно, сколько ему лет?» – подумала Лилия.

По привычке она снова пригляделась к тому, что осталось на ткани. «То, что отторгает тело во время болезни, может многое рассказать. Не пренебрегай этим». Так учил отец. Хотя девушка уже много раз смотрела на зелёную слизь, выделяемую раной, и никаких соображений это не дало, но привычка – вторая натура. В темноте, пусть и при свете костра, болотного цвета гной казался серым, почти чёрным.

И вдруг её осенило. И, она надеялась, в правильном направлении.

– Марли, иди сюда, быстро! – позвала она, немного не рассчитав, – эльф с огромными от испуга глазами вскочил и буквально подлетел к ней.

– Что случилось?! – воскликнул он, ошарашенно глядя на Лилию и Индила (он подумал, что друг его уже умирает, а потому даже испугался, когда встретил такой же, как у него, изумлённый взгляд голубых глаз).

– Пока ничего, – поднимаясь, бросила девушка. Забросив ткань в сумку, как попало (зачем только я её складывала?), она надавила на плечи эльфу, заставив его почти упасть на своё место. – Ты сидишь здесь. Даёшь вот это, – она указала на котелок со свежим отваром. Потом перевела взгляд на

Индила и указала пальцем на него, – а ты стараешься не умереть до моего прихода, понятно?

Оба ошарашено кивнули, но девушка этого не дожидаясь. Набросив на плечи плащ, который оставил ей Эльдалин, она уже шла по берегу. Но вспомнила ещё что-то и обернулась.

– Марли, разожги ещё один костёр! Пусть хорошо прогорит, но не увлекайся лапником!

И снова, не дождавшись очередного кивка, помчалась, огибая запруды.

2

Почему она сразу не поняла, в чём загвоздка? Ведь всё логично! Хотя, когда приходишь к разгадке, всегда кажется, что пусть к ней мог быть проще.

Но где искать Эльдалина? Лилии не хотелось признавать это, но сейчас он был её нужен. Одна она на болотах попросту заблудится.

Почти бегом Лилия направилась к часовым. Один из эльфов заметил её ещё издалека и, выйдя из сени деревьев, поджидал.

Когда она подошла, к ней обернулся и второй.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Нет, но вы не знаете, где Эльдалин?

Часовые переглянулись, и, не успел никто из них что-то сказать, как Лилия выпалила:

– Мне он очень сейчас прямо здесь нужен!

Предложение получилось весьма сумбурное, но эльфов это не озаботило. Тот, кто заметил её первым, пару секунд подумал, глядя на неё.

– Подожди здесь, я быстро, – кивая, сказал он ей и быстрым шагом удалился, через несколько метров уверенно свернув налево. Лилия проводила его взглядом и обернулась на его товарища. Тот чуть склонил голову, как бы говоря: «Не знаю, что стряслось, но желаю удачи».

Эльдалин в сопровождении часового появился через пять минут. Кажется, эльф не счёл нужным сообщить, зачем он позвал его, поскольку лицо Эльдалина, когда он увидел девушку, выражало крайнее изумление. Он кивнул часовому, и вдвоем они удалились, тут же растворившись в тени деревьев.

– Что стряслось?

– Нам нужно на болота.

Эльдалин наградил её суровым, изучающим взглядом.

– Ночью там делать нечего. Слишком опасно.

Лилия вспыхнула.

– Нужно идти прямо сейчас! Это единственный шанс, и мы должны поторопиться, а без тебя я потеряюсь!

Эльдалин нахмурился, глядя на неё. Видимо, что-то в её голосе или выражении лица убедило его. Он расправил плащ, переброшенный через руку.

– Минута.

Вернулся он раньше – принёс факел.

– А теперь быстро пойдём, и по дороге расскажешь, что происходит.

Девушка кивнула, и вдвоём они быстрым шагом двинулись в сторону болот. С удивлением (и уважением) Лилия отметила, что часовых теперь попросту не было видно.

4

После того как она объяснила эльфу мысль, пришедшую ей в голову, лицо Эльдалина приняло странное выражение – сомнение, смешанное с недоверием...

– Почему ты думаешь, что всё именно так?

– Я не знаю, меня вдруг словно осенило! Я говорила, что никогда не видела серых растений, ты – тоже. Но они серые потому, что попросту не могут быть зелёными!

Эльдалин чуть обернулся к ней, нахмурившись. Тропа стала узкой, так что им пришлось идти друг за другом.

– Зелёный цвет у растений из-за того, что их тело, назовём это так, поглощает солнечный свет. Без солнца они гибнут. А вещество, которое впитывает этот свет, – зелёное, понимаешь? Зелёного цвета.

– Откуда ты...

– Мне отец рассказывал, – отрезала Лилия. – Так вот, что если ему просто не нужен этот свет? Может, оно питается по-другому или болеет от него...

– А значит, и вещества, о котором ты говоришь, в нём нет, – с полувопросительной интонацией заключил Эльдалин.

– Да! И поэтому оно может быть серым. А раз солнце ему не нужно, то всё должно быть так, как я тебе сказала.

С минуту Эльдалин молчал.

– Значит, если зелёные растения складывают листья на ночь, это – складывает их днём? Правильно?

– Именно, – девушку начала раздражать его дотошность – она только что говорила ему то же самое.

– И поэтому мы его не нашли, – продолжал Эльдалин.

– Я так думаю.

Длинные побеги, круглые листья, серый цвет. Это будет трудно, но если её идея хоть немного имела право на существование, то стоило попробовать.

– Почему в книге нет об этом ни слова? – снова нарушил молчание Эльдалин.

– Я думала об этом, пока ждала тебя, – кивнула девушка. – Мне кажется, тот, кто его нашёл, сделал это либо вечером, либо ранним утром, когда листья ещё не успели сложиться. А о цвете и о том, что это ночное растение, он не подумал.

Кажется, Эльдалин одобрил такую мысль.

– Очень надеюсь, что ты права, – пробормотал он, – очень надеюсь.

Ночное болото оказалось самым настоящим испытанием.

Во-первых, в темноте не было видно ровным счётом ничего, кроме отсвета факела на воде. Эльдалин, будучи эльфом, видел лучше, и, кажется, ему помогали и другие чувства, потому что он успешно обходил топи и находил устойчивые места в илистом дне. Когда они шли, он брал девушку за руку, освещая дорогу факелом; его же подносил к растениям, которые Лилия выуживала из-под воды и ряски.

Во-вторых, комары. Лилия уже представляла, как всё будет чесаться на следующее утро. А звон в голове останется дней на десять.

В-третьих – ночью просыпался не только серый болотник.

Хотя последнее оказалось не такой уж неприятностью, даже наоборот. И определённую пользу делу это, кажется, принесло.

– Дай.

– Что? – спросила Лилия, оторвавшись от изучения очередного растения.

– Что? – недоумение отразилось на лице эльфа.

– Ты попросил что-то дать тебе.

– Я ничего не... – вдруг он улыбнулся. – Это не я сказал.

Девушка нахмурилась.

– Ты что, издеваешься? Момент не самый подходящий, и,

если хочешь, можешь отпустить шуточки, когда мы...

Когда мы вернёмся, хотела сказать Лилия. Но тут она почувствовала, как что-то сильно дёрнуло её за рукав и повисло на нём. И сразу же услышала:

– Дай.

От неожиданности девушка вскрикнула и уже собиралась стряхнуть это «что-то» со своей руки, как Эльдалин остановил её.

– Эй, не нужно так, полегче! Они не опасны, не психуй.

– Они?! Кто?

Вместо ответа Эльдалин опустил факел, осветив её руки. Лилия едва сдержалась, чтобы ещё раз не завизжать, когда на рукаве обнаружилось внушительных размеров (по меркам болота) животное.

– Что это? – прошептала она. – Насекомое?

– Где ты видела, чтобы насекомое могло говорить? – серьёзно посмотрев на неё, спросил Эльдалин.

«Чудный вопрос. Просто чудесный. Самый чудесный вопрос, который я слышала за всю свою жизнь», – подумала девушка. Эльф тем временем протянул руку, уверенно, двумя пальцами, обхватил нечто, вцепившееся ей в рукав, и осторожно потянул.

Это оказалось маленькое (да, теперь девушка видела, что оно маленькое) животное, чем-то напоминающее летучую мышь, может, чуть большее по размеру – пушистое тельце умещалось эльфу в ладонь. Шёрстка была, насколько мож-

но было судить в свете факела, бурая. Переднюю пару лапок заменяли крылышки, но они казались слишком маленькими для неведомого зверька. Голова у него была словно от другого тела – как у худого котёнка, она очень выделялась на фоне остального туловища. Огромные треугольные ушки зверь прижал к голове, когда Эльдалин поднял его повыше, чтобы девушка смогла рассмотреть. Острая мордочка напоминала смесь хорька и обычной мыши. На девушку испуганно смотрели большие красно-оранжевые глаза.

Зверёк цеплялся на пальцы Эльдалина маленькими коготками. Внезапно он открыл пасть, показав маленькие белые зубки – совсем не острые – и розовый язычок.

– Дай! – жалобно, почти плачущим голосом потребовал зверёк, протянув передние лапы к Лилии, когда она наклонилась поближе.

– Ой! – воскликнула она, отпрянув, но снова наклонилась. – Какой ты хорошенький!

– Дай! – уже не так жалобно, но, казалось, немного обиженно пискнуло пучеглазое создание. Голосок у него был тонкий, как у маленького ребёнка, и неожиданно громкий.

Лилия выпрямилась и вопросительно посмотрела на Эльдалина. Тот улыбался во все тридцать два зуба.

– Мы их называем попрошайками, – сказал он, большим пальцем погладив зверька, который всё ещё следил за Лилией огромными глазами. – Они безобидные, но как только видят кого-нибудь, сразу цепляются за одежду. «Дай» – един-

ственное, что они говорят. Зато по делу.

– Дай, – опять повторил попрошайка, словно подтверждая его слова.

– И что он хочет, чтобы ему дали? Он голоден? – спросила девушка, продолжая разглядывать непонятное создание. Он вдруг начал заинтересованно обнюхивать пальцы эльфа. Обнаружился ещё и хвостик – маленький, длиной не больше трех сантиметров.

– Он хочет внимания, – продолжая улыбаться, ответил Эльдалин.

Зверёк вдруг оглянулся на девушку, забавно шевеля носиком.

– Дай! Дай! – снова сказал он, задними лапками вцепившись в руку Эльдалина, а передние, с крыльями, протягивая к ней. – Дай!

– Он хочет... на ручки? – указав на попрошайку, с сомнением спросила Лилия. При этом она почувствовала себя невероятно глупо.

– Да. Если не боишься, можешь его взять, он, наверное, перестанет говорить «дай», – протянув ей зверька, сказал Эльдалин.

Едва Лилия поднесла свою ладонь, раздумывая, как лучше ухватить маленькое существо, как попрошайка, уцепившись за её пальцы коготками, ловко перебрался сам.

– Какой он пушистый! – вырвалось у Лилии. Эльдалин заулыбался ещё шире, хотя девушка полагала, что это невоз-

можно. Зверёк сидел у неё на ладони, зажмурив глазки от удовольствия. Он действительно замолчал.

– Давно мы их не встречали, – сказал эльф, наблюдая, как она осторожно гладит попрошайку по спинке.

– Давно по болотам ночью не бродили, да? – съязвила девушка.

Эльдалин фыркнул.

– Именно. Так что спасибо за прекрасную возможность. Хотя бы встретили занятную зверушку.

Девушка покосилась на него, но не стала ничего отвечать. Хоть эльф и продолжал язвить (как, впрочем, и сама Лилия), но перемена в его поведении, когда он обнаружил попрошайку, всё-таки обрадовала её.

Однако, как бы ей самой ни нравился этот зверёк, им нужно было идти и искать дальше.

– И что теперь с ним делать? – спросила девушка. – Он летать-то умеет? Как его отпустить?

Словно почувствовав неладное, попрошайка открыл глаза и уцепился коготками за её пальцы.

– Дай, – тихонько сказал он, почти шёпотом. Выражение мордочки у него было такое человеческое, что у Лилии дрогнуло сердце, когда она посмотрела на зверька.

Они с Эльдалином переглянулись.

– Давай посадим его тебе в капюшон и пойдём дальше, – пожал плечами эльф. – Захочет – сам улетит. – Секунду помолчав, он добавил с извиняющейся улыбкой: – У меня не

хватит смелости его прогонять.

Попрошайка возмущённо воскликнул «Дай!», когда Эльдалин взял его, но быстро успокоился, оказавшись у девушки в капюшоне.

– И чем ты ему приглянулась? – с пренебрежением спросил эльф, рассеяно погладив попрошайку между ушей.

Лилия улыбнулась.

– Даже не пытайся включать грубияна, мистер Я-В-Восторге-От-Милых-Животных.

Гордо прошествовав мимо него (насколько позволила вода по колено, конечно), она наслаждалась выражением его лица.

6

Эльдалин снова шёл впереди, Лилия держалась за его руку. Встреча с попрошайкой (он теперь беспрестанно пыхтел, сидя в капюшоне) приподняла им настроение, надежды на успех тоже прибавилось.

Однако, когда девушка покачала головой, узнав в очередном побеге плющ (их тут сотни видов, подумалось ей), Эльдалин остановился.

– Подержи, – он передал ей факел. – Надо подумать. Мы не можем всю ночь здесь проторчать.

– Если придётся... – начала Лилия, но Эльдалин прервал её.

– Это плохой план. Так можно вглядываться в каждое растение, а их на этом болоте тысячи. Ты сказала, что оно выпускает листья ночью, потому что боится солнца, так? – Девушка кивнула, и Эльдалин продолжил. – Может, есть ещё что-то? То, благодаря чему мы сможем его найти. Думай!

Лилия покачала головой.

– В книге очень мало сказано. Я не знаю, цветёт оно или нет, где растёт... – она на несколько секунд задумалась, вспоминая... Длинные стебли, округлые листья, серый цвет...

Она снова покачала головой.

– Нет, ничего. Кроме цвета, даже не за что зацепиться.

Эльдалин пристально смотрел на неё, вздохнул.

– Может, всё-таки ты что-то придумаешь. А пока – пойдём дальше.

Голос у него враз стал каким-то уставшим, подавленным. Лилия отдала ему факел, когда он протянул руку, и вздрогнула от неожиданности, едва над самым её ухом попрошайка громко напомнил о себе.

– Дай!

Даже Эльдалин на мгновение напрягся. Потом рассеяно поднял руку, погладил зверька.

– Как ты думаешь, у него есть шанс? – вдруг спросил он. – У Индила.

Чтобы посмотреть в лицо Эльдалину, Лилии пришлось обернуться. Но эльф не поднял на неё глаз, продолжая поглаживать зверька двумя пальцами. Как показалось девушке, делал он это несколько машинально. Эльф ещё ни разу не спросил её об Индиле, по крайней мере, так прямо. Ей вдруг стало стыдно – до сих пор она воспринимала его как грубого и даже бесчувственного... Может, Марли чувствовал себя хуже, и вообще по натуре был очень эмоционален. Но, наверное, Эльдалину было ничуть не легче. И насколько, интересно, тяжело скрывать то, что внутри?

Кажется, Лилия знала ответ на этот вопрос. Если подумать, а лучше посмотреть со стороны, то чем она была лучше него в последнее время?

– Пойдём искать дальше, – осторожно предложила она.

Эльдалин кивнул, переложил факел из одной руки в дру-

гую. Попрошайка вдруг чихнул, и Лилия почувствовала, как он выбирается из капюшона. Тихий шелест крыльев – и он исчез во мраке болота.

– Видимо, мы ему надоели, – с видом человека, долго размышлявшего над каким-то вопросом, заключил Эльдалин.

– Ну, внимание он точно получил.

Эльф опять улыбнулся. «Наверное, его недельный лимит исчерпан», – вдруг подумала девушка. И тут же укорила себя за очередное проявление предвзятого к нему отношения.

Пока они вдвоём продолжали тщательно обыскивать болото, а Лилия ещё и думать о том, что могло бы облегчить этот поиск, Индил чувствовал, как очередной приступ лихорадки сковывает его тело. Приступы тошноты ежеминутно подкатывали к горлу, голова раскалывалась, мышцы сводило судорогой. Рана стала беспокоить его меньше, но он точно знал, что это ненадолго.

Марли сидел возле него молча, округлившимися глазами глядя на то, как его друг и командир сражается за жизнь. Он много раз сражался, но так сильно Марли за него никогда не переживал. Потому что знал – победа будет за Индилом. Но теперь...

– Тебе не хуже? – спросил Марли тихо, немного испуганно.

– Нет, – ответил Индил, и голос его прозвучал довольно убедительно.

Марли задавал этот же вопрос и полчаса назад. За время, которое прошло, Индилу стало не хуже, нет... Тяжелее. Он чувствовал, что заражение уже не может быть сильнее, и его просто медленно душит чья-то тяжёлая, горящая огнём рука. Индил уже почти выбился из сил, сопротивляясь ей. Почти наверняка знал, что придётся в конце концов сдаваться.

Но ему не хотелось. Очень. В краткие – пока ещё – перио-

ды беспамятства он видел родные леса. И тот, в котором они сейчас были, – если пройти чуть дальше на север, он знал, там будет река.

А ещё он видел двор, на котором тренировались его друзья, но видел со стороны. Словно сам находился в комнате, окна которой выходили на этот двор, и наблюдал за тем, что происходит. Тренировка. Стрельба из лука по мишеням – неплохое развлечение для многих – всегда было пыткой для Марли. Он и его увидел; в который раз его друг промахивался. Стрелы никогда не улетали за мишень, но точно в цель он попасть не мог, а потому опустил глаза, когда к нему подошёл Эльдалин.

Эльдалин всегда был хорошим учителем, но с Марли у него отношения редко складывались гладко. Он часто язвил, когда эльф в очередной раз не выполнял задание так, как надо. Индил увидел (по-прежнему выглядывая из какого-то «окна»), как Эльдалин молча изучил мишень: три стрелы оказались от обозначенной цели на расстоянии сантиметров двадцати-двадцати пяти. Для него это было неприемлемым результатом. Марли это знал, Индил видел его расстроенное выражение лица. Эльдалин обернулся к нему, помедлил несколько секунд. Индил уже был готов к очередной выволочке для своего юного друга, но учитель только покачал головой и забрал лук у Марли. Встал вплотную к нему, натянул тетиву и попросил внимательно слушать и смотреть (Индил не понимал, откуда он это знает).

Чуть поодаль, весело переговариваясь, безупречно, как всегда, справлялись Алальме, Рогон, Манэль... Остальных Индил не успел узнать.

Один раз он увидел отца – на одном из традиционных смотров, – но видение быстро пропало.

А ещё он увидел девушку. Недлинная, аккуратная коса переброшена через плечо. Девушка, нахмурившись, копается в своей сумке, оттуда появляются бесчисленные холщовые мешочки. Индил чувствует слабый, приятный запах засушенных трав. Вдруг она поворачивает голову, встречается с ним взглядом. Губы растягиваются в улыбке.

– Ты ведь не думал, что я уйду, верно? Всё будет хорошо!

– Я верю тебе...

– Что? – Марли встревоженно смотрит на него. Ну да, ведь он вслух разговаривает со своими видениями.

– Ничего. Не волнуйся ты так, – улыбку он долго удержать не смог. Но следующая фраза Марли, произнесённая нервным голосом, заставила его всё-таки улыбнуться шире.

– Лилия сказала тебе не умирать до её прихода, а я не волнуюсь, потому что раз она так сказала, значит, всё хорошо. Да, я так думаю, – и Марли вскочил на ноги, решив, что настала пора опять влить в друга новую порцию отвара.

Что было дальше, Индил не помнил. Очнулся он лишь через пару часов.

8

Только она могла споткнуться так, что даже Эльдалин не успел её подхватить. Оказавшись на коленях в воде по пояс, она сказала:

– Кажется, надо отдохнуть пару минут.

– Только я не буду повторять твой манёвр, можно? – изогнув бровь, уточнил Эльдалин. Через секунду протянул ей руку.

Вдвоём они присели на ствол старого, давно погибшего дерева, которое всё ещё держалось корнями за почву, уходившую из-под ног. На болоте они провели уже два или три часа, и оба промокли до нитки, так что падение девушки в воду ровным счётом ничего не усугубило.

– Тут есть более мелкие болота? – вдруг спросила Лилия.

– Они везде есть. Думаешь, надо поискать там?

– Думаю, мы достаточно искали здесь.

Эльдалин кивнул.

– Вон там, видишь? – он указал рукой на заросли рогоза и незнакомой ей травы. – Я думаю, там что-то вроде маленькой заводи, и воды меньше. Запах оттуда доносится специфический.

– Но я ничего особенного не чувствую.

Эльдалин усмехнулся.

– Хорошо тебе. Ну что, пойдём туда?

Через высокие растения прошли легко, обнаружилась даже полоска более-менее твёрдой и сухой почвы, видимо, и отделявшая основное болота от «закутка», на который они вышли. Вода тут оказалась полностью затянута ряской, тиной. Попадались островки круглых листьев кубышки.

И комаров было значительно больше.

Спустя пять минут Эльдалин уже запутался в какой-то траве. И очень выразительно что-то сказал. На эльфийском наречии.

Лилия пыталась понять, в чём он застрял, и, не отрываясь от своего занятия, спросила:

– И что это ты сказал такое?

– Индил весьма осуждающе посмотрел бы на меня, будь он сейчас здесь, – ответил Эльдалин и попытался высвободить ногу. Почти получилось, но длинный стебель обвился вокруг лодыжки.

– Ну, хоть какой-то плюс в том, что он не может быть здесь, – пробормотала девушка и вытащила маленький нож, который всегда носила с собой, чтобы срезать растения, когда это нужно, – не шевелись, я отрежу это. Заодно посмотрим.

Кто мог подумать, что именно таким образом они найдут то, зачем пришли.

Обратно добирались практически бегом. У Эльдалина это получалось легче, но в конце концов Лилии удалось остановить его, подоткнуть свое платье... и вот тогда она неслась по колено в воде почти так же быстро, как и эльф.

– Ты уверена? – третий раз за десять минут спросил Эльдалин, рысью перебегая по кочкам.

– Уверена, уверена. Сам же всё видел.

Да, он видел, это правда. Всё, как и говорилось в книге, – длинный стебель (даже слишком длинный – когда Лилия сделала надрез в одном месте, из воды они выудили ветку длиной не меньше двух метров!), круглые листья, но самое главное – цвет. В свете факела это было сложно, и они почти две минуты рассматривали растение, чтобы точно знать, что не ошиблись.

Это действительно был серый болотник.

– Мы заходили в эту часть болота днём? – запыхавшись, спросила девушка.

Эльдалин немного подумал.

– Не помню. Скорее всего, нет. Ты думаешь, поэтому мы его и не нашли?

Лилия кивнула на бегу – они уже выбрались к тропе.

– Скорее всего. Может, заметили бы и днём. Но вряд ли. Я всё ещё не знаю точно, почему у него такой цвет.

«Хотя какая разница?»

Через полчаса Эльдалин и Лилия уже добрались до поста часовых на опушке леса. Оба – мокрые и грязные, а девушка ещё и задохнувшаяся от быстрого бега.

Часовой, который привёл Эльдалина, вышел им на встречу.

– Вы снова были на болотах? – воскликнул он, оглядев их с ног до головы. У него было такое обеспокоенное выражение лица, что Лилия поняла – выглядят они оба, должно быть, так себе.

Однако его вопрос говорил ещё кое о чем. Покосившись на Эльдалина, она убедилась, что её предположения оказались верными. Никто, кажется, точно не знал, что творится сейчас с Индиллом и что они пытаются делать. Это определённо плюс, но Лилия удивилась, как Эльдалину удалось сохранить это в тайне от всех. Его ведь наверняка донимали расспросами.

Не дождавшись ответа, эльф задал другой вопрос.

– Не известно, сколько ещё продлится стоянка?

На этот раз Эльдалин удостоил его ответом.

– Возможно, утром мы отправимся дальше. Может, днём. Приказ будет отдан перед самым отходом.

Часовой поклонился.

– Удачи вам, – сказал он, когда Лилия и Эльдалин двинулись дальше. Оглянувшись, девушка поняла, что относится это пожелание, в основном, ей. Она поблагодарила эльфа

КИВКОМ.

Пусть они ничего не знали, но догадывались. Или чувствовали. Интересно, предчувствие у всех было плохое или хорошее?

Болотник

1

Индил был без сознания, когда Лилия и Эльдалин вернулись к нему и Марли. С востока небо из иссиня-черного стало тёмно-синим. Через пару часов рассветёт.

Марли развёл костёр, как она и просила. Сейчас там остались пышущие жаром угли и кусок толстой ветки, который ещё продолжал гореть.

«Идеально».

– Что делаем? – с готовностью спросил у неё Эльдалин. Сейчас он никуда не собирался уходить. А его помощь действительно была нужна.

По обеим сторонам от костра они воткнули две длинные палки. Между ними Эльдалин ловко и быстро натянул кусок бечёвки, который выудила из своей сумки девушка. Верёвка была достаточно высоко, чтобы не вспыхнуть, но так, чтобы сухой жар от углей дотягивался до неё.

Вокруг бечёвки, протянутой над костром, Лилия начала обматывать часть стебля болотника (примерно половину его длины). Получалось что-то отдалённо похожее на лозу дикого винограда, который обвивает карниз под крышей.

– Его нужно сушить так? – наблюдая за тем, что она дела-

ет, спросил Эльдалин.

– Сушить его нужно обычным способом, на солнце, несколько дней. Но у нас просто нет времени на это.

– Ты хочешь подвялить его, как мясо?

И Лилия, и Эльдалин от неожиданности подняли головы. Марли ни слова не произнёс с тех пор, как они вернулись.

– Да, ты прав, это очень удачное сравнение, – чуть улыбнулась девушка. – Именно это я делаю. Хватит получаса. Подвяленное растение не так хорошо, как правильно высушенное. Но я уже говорила...

– Времени нет, – закончил Эльдалин.

– Следите, чтобы оно не соскользнуло на угли, – сказала она эльфам («Не должно», – сказала сама себе). – Мне нужно всё приготовить.

Следующие полчаса она готовила чистые повязки, мыла руки, осматривала рану Индила. Представила себе, что и как нужно будет делать. Повторила всё про себя несколько раз.

И ещё раз.

И ещё.

Так трудно не было никогда. Не удивительно – всё когда-то бывает в первый раз.

– Эй...

Голос у Индила был очень тихим, почти неслышным, но Лилия вздрогнула так, словно над её ухом опять прокричал попрошайка.

– Привет, – чуть улыбнулась она.

Он пришёл в себя, но Лилия видела, как непрочно стоит на ногах его сознание. Ему было плохо. Глаза от постоянного жара покраснели и слезились. Кожа бледная, вся покрыта испариной, несмотря на нежаркую ночь. Индила трясло, и он поморщился, когда тело скрутила очередная судорога.

У них уже всё готово. Следовало начинать, и девушка надеялась, что он не придёт в себя, пока они не закончат.

– Мы сейчас попробуем тебе помочь, – осторожно сказала она, – но будет больно.

Эльф на секунду прикрыл глаза и снова взглянул на неё, уже яснее.

– Хуже ты точно... не сделаешь, – выдавил он сквозь крепко сжатые зубы. Попытался улыбнуться, но вместо этого получилась полная страдания гримаса.

Лилия похолодела, когда увидела это. «Ему слишком больно», – пролетело у девушки в голове. Как бы она хотела, чтобы он не мучился. Чтобы снова смог улыбнуться.

Девушка сжала его ладонь, почувствовав, какая она хо-

лодная, хотя всё его тело пылало огнём. Даже просто находясь рядом, это можно было почувствовать.

– С тобой всё будет хорошо, – сказала она. Получилось не так убедительно и бодро, как хотелось бы.

Затуманенным взглядом Индил скользнул по Эльдалину и Марли, стоявшим рядом на коленях. Его сильно передёрнуло, он скривился от боли.

– Всё готово? – спросил Эльдалин, снова проявляя мастерство самоконтроля – голос прозвучал совершенно спокойно и ровно.

– Ага, – кивнула девушка. Держите его. На всякий случай.

Эльдалин с готовностью опустил на колени напротив неё, вместе они повернули Индила на здоровый бок.

–П-подождите! – Марли сел рядом с Лилией. – Другого способа точно нет? Обязательно... поджигать?

Она понимала эльфа – ей самой было жутко. Другой способ немало обрадовал бы её, но...

– Не глупи! Твоя наивность в конце концов угробит либо тебя, либо его! Если так страшно – уйди отсюда.

Эльдалин высказал всё это с неожиданной резкостью, раздражением в голосе и злостью, заискрившейся в тёмных глазах. Лилия замерла, широко раскрытыми глазами уставившись на него. Но он не отворачивал рассерженного лица от Марли.

– Не нужно так... —начала девушка, но Эльдалин ещё не успокоился.

– Индил опекает его. Я не собираюсь это делать, – прошипел он.

Лилиля покачала головой и быстро отвернулась. Индил наверняка слышал всё это, и вряд ли ему стало легче.

Однако Марли не двинулся с места.

– Ладно. Пора начинать.

Листья болотника стали неприятными на ощупь. Правильно высушенное растение должно быть шершавым, при прикосновении издавать нежный шелест. Это же выглядело жёстким, листья сморщились, образовав крупные складки. Но выбора всё равно не было. Гореть должны... Так что Лилия, точно следуя намеченному в голове плану и указаниям в книге, начала осторожно отделять скрученные листья от стебля.

Рану она почистила не далее как десять минут назад, а потому немало удивилась (и испугалась), когда увидела в нескольких местах тёмную слизь. Эльдалин тоже видел.

– Это всегда очень быстро развивается, – тихо сказал он, – я вообще удивляюсь, что с такой раной Индил протянул больше трёх дней.

Лилия ещё раз промокнула мягким бинтом загнивающие места и аккуратно заложила в рану листья. Индил поморщился – жёсткие края впивались в плоть и причиняли боль.

– Да ладно?! – простонал Эльдалин; кажется, у него начали сдавать нервы. – Я тебя сейчас сам по голове ударю!

Девушка скривилась, искоса бросив взгляд на Эльдалина. Хотя ей была понятна его реакция – на самом деле все они надеялись, что Индил не придёт в себя. Теперь их задача однозначно усложнялась, ведь то, что нужно сделать, обещало

быть весьма болезненным... Так что на секунду «предложение» эльфа показалось ей почти разумным. На секунду.

– Только попробуй, – сжав ладони в кулаки, прошипел Индил, – я ещё пока живой, и тебе достанется от меня.

– Ну у вас и шутки, – оглянувшись на них через плечо, бросила Лилия.

Она уже стояла у огня с оставшимся высушенным стебельком в руках.

– Я не шучу.

В очередной раз девушка подумала о том, насколько всё происходящее удивительно. Жалко только, что в негативном ключе. Что Индил пытался скрыть за «шутками», понять было сложно... Но его глаза и ужасно воспалённую рану скрыть невозможно.

Стебельки наконец загорелись – на кончике каждого из трёх лепестков маленький жёлтый огонёк.

У Лилии дрожали руки – такого ей делать ещё не приходилось. Марли затравленно наблюдал за ней. Она, хоть и хотела бы его пожалеть, успокоить, только покачала головой. Эльдалин прав. Сейчас не время.

– Держите его, – почти беззвучно шевеля губами, напомнила девушка, – только аккуратно.

Эльдалин коротко кивнул и убийственным взглядом заставил Марли занять нужное место. Лилия взяла стебли в одну руку. Горели они очень хорошо, так что девушка даже почувствовала некоторое облегчение. «Значит, с листьями

проблем тоже не будет».

Она опустилась на колени перед Индилом и, глубоко вздохнув, прикоснулась горящими стебельками к листьям. Сначала слева, затем справа. Последний раз – в центре. Три стебля, три прикосновения. Всё точно так, как написано.

Листья начали слабо дымиться, потом появились первые язычки огня. Они двигались, и двигались не хаотично. Из центра оранжевый огонёк расплзся симметрично в обе стороны, а с боков – с той же скоростью ему навстречу.

Как только занялись все листья, огонь поменял цвет. Лилия и Эльдалин переглянулись, но не нашли ответа в глазах друг друга. Они могли только догадываться о том, что происходит. Из жёлто-оранжевого пламя вдруг стало тёмным, сменяя цвет с ярко-зелёного до синего. Листья быстро скручивались. Лилия наклонилась ближе и увидела, как огонь опалает кожу вокруг раны.

Индил нашёл её руку и сжал в ладони.

– Он сломает тебе пальцы! – воскликнул Эльдалин, увидев это.

– Не сломает, – ответила девушка; в голосе слышалось облегчение. – Ему не больно.

Марли округлил глаза, посмотрел на Лилию, на Эльдалина и, наконец, на Индила. Тот лишь плотно сжал губы, но не издал ни звука. Даже не дёрнулся.

– Но листья... горят! – воскликнул Марли.

Девушка покачала головой.

– Не знаю, как это возможно. Но от этого у него только лёгкие ожоги на коже, видишь?

Действительно, края раны были опалены. Но плоть, вся внутренняя поверхность раны, совершенно не изменилась.

Нет, что-то поменялось. Присмотревшись внимательнее сквозь угасающие зелёные язычки огня, Лилия поняла, что сгореть должны были чёрные прожилки, так напоминающие ей паутину. На глазах они тускнели, становились серыми. Пламя, наконец, погасло совсем.

Прежде чёрные отметины стали красными.

– Что теперь? – выждав несколько секунд, шёпотом спросил Эльдалин.

– Не знаю, – ответила девушка тоже шёпотом, не понимая, почему.

Внимательно осмотрев рану, она удивилась тому, что в ней ничего не осталось. Никакой слизи, никаких следов сгоревших листьев – вообще ничего. Рана была чистая.

Лилия закрыла её бинтами и перевязала с помощью Марли. Эльдалин вызвался поухаживать за раненым, а Лилия пока убирала остатки растения (от срезанных длинных стеблей осталось прилично – она аккуратно свернула их, завернув в ткань) и умывалась.

Всё заняло у них гораздо меньше времени, чем рассчитывала девушка. Солнце ещё не вышло из-за горизонта, хотя на стоянке заметно посветлело.

– Ты скажешь королю, что мы можем ехать? – обратилась Лилия к Эльдалину, когда он присел у потухшего костра рядом с ними.

– Прямо сейчас? – в голосе эльфа читалось сомнение.

– Ну да, я думаю, тянуть не стоит, – сказала девушка. – Индил сможет немного отдохнуть, пока вы свернёте лагерь. В крепости будет удобнее за ним ухаживать. Кстати, сколько ещё идти?

– Если будем делать короткие стоянки, придём к следующему вечеру, – не сводя с неё серых глаз, сказал Эльдалин. – Но я не про него. Ты не спала всю ночь.

– Уже две, – подал голос Марли.

– Вы тоже, – усмехнулась Лилия.

– Ты – человек, – заметил Марли, и Эльдалин кивнул.

Девушка пожалала плечами. Она не пыталась геройствовать, но все последние события привели к тому, что она чувствовала себя так, словно может свернуть горы. Эмоциональное возбуждение не вымотало её, а, наоборот, заставило энергию бить ключом. И спать совершенно не хотелось, о чём она и сказала эльфам.

– Это пройдёт, и ты быстро устанешь. К тому же, если заболеешь – мы тебе не сможем помочь, – Эльдалин покачал головой, поднялся. – Отъезд можно отложить до вечера.

– Но...

– Что?

Лилия подняла на него глаза.

– Было бы лучше поскорее привезти его домой.

Эльдалин приподнял брови, снова задумался. Оглянувшись на Индила – тот, кажется, заснул, в очередной раз провалившись в беспамятство. Снова окинул девушку внимательным взглядом. Выглядела она, на его взгляд, действительно неплохо после двух бессонных ночей, неприятных прогулок по болотам и всего остального. Бледная, да, глаза немного покрасневшие, волосы давно растрепались, но в целом... «Интересно, что он подумал, когда увидел рядом с собой эту девушку? Что теперь нам с ней делать?»

Он не допускал другой формулировки вопроса. Не понятно, откуда взялась эта девочка, но Эльдалин знал, что ей

предстоит остаться с ними. Но как всё для неё обернётся? Мало того – что будет с Индилом?

– Я думаю, что сто́ит...

– Я понял тебя, – оборвал её Эльдалин. Неужели он так надолго задумался, что она решила напомнить о себе? – Но отдам приказ на сборы через три часа. Марли присмотрит за Индилом, а ты сможешь вздремнуть.

С этими словами эльф поднял с земли свой плащ, перебросил его через руку и пошёл прочь.

– И дальше поедешь верхом, – отрезал он, не оглядываясь.

– Я... Спасибо! – крикнула Лилия ему вслед, но не поняла, услышал ли он её.

Она обернулась на Марли. Тот уже выглядел не так пришибленно, кажется, даже повеселел.

– Эльдалин у вас... один из главных? – спросила она его, не зная, как приемлемо называть это у эльфов.

– Да, он один из командиров, если ты об этом, – широко улыбнувшись, кивнул Марли. – Рогон выше чином, но все подчиняются и Эльдалину. Король принимает у себя только его... Ну, если не считать Индила, конечно.

«Странно всё это», – подумала девушка, но решила, что вдаваться в подробности дальше просто бессмысленно.

Через три с половиной часа весь отряд двинулся дальше. Лилия – на одной из лошадей, предназначавшихся отряду Индила.

– А я не упаду с неё? – с сомнением в голосе спросила она. Пару раз ей доводилось ездить верхом, но те лошади были приземистыми тяжеловозами, к тому же полностью заседланными. Эти же – настоящие скакуны, высокие и сильные. Ни стремян, ни седла...

– Не упадёшь. На самом деле так ездить проще, чем в седле, если ты об этом думаешь. И не смотри ты так на лошадь, умоляю, это не дракон!

Несколько эльфов, уже сидящих на своих животных, рассмеялись, но добродушно.

– В крайнем случае, будешь падать – язык у тебя есть, – заключил Эльдалин.

Не спрашивая, заберётся ли она сама на лошадь, эльф посадил её.

– Ногу лучше не перебрасывай – платье у тебя неудобное. Сиди боком, держись за шею.

– Но...

– Не упадёшь ты, не упадёшь!

И он отошёл помогать Марли с носилками.

Лилия невольно огляделась, встретила взглядом с Рого-

ном. Он просто улыбнулся, указал на её лошадь, и сказал:
– Её зовут Аласея. Это значит «счастливая».

Лилия уставилась на шею и аккуратные ушки лошади.

– Аласея?

Кажется, кобыла знала имя – тряхнула головой и тихонько заржала.

Король отдал приказ, и все двинулись вперёд. Аласея шла сама.

6

Два дня, которые прошли в пути, были даже приятны. К лошади Лилия быстро привыкла, а когда радостно сообщила Эльдалину, что больше не боится с неё упасть, он вздохнул и закатил глаза. Но в уголках губ пряталась улыбка.

Клёны оказались позади уже давным-давно, а к вечеру первого дня они въехали в буковую рощу. Древние буки будоражили воображение – гладкие серо-зелёные стволы, поросшие лишайником самых разнообразных цветов и оттенков. Ярко-зелёная крона, в которой возятся птицы. Пару раз мимо пролетали дятлы – Лилия сразу вспомнила одного своего знакомого.

Под деревьями – приятная глазу лиственная подстилка. Изредка попадаются маленькие кустики. Ни травы, ни цветов.

– Бук забирает весь свет себе, – неожиданно сказал Рогон. – Под ним никогда ничего не растёт, за редким исключением. Но тут не так темно, как в хвойном лесу, это радует, правда?

Эльф хотел увлечь девушку разговором – на его взгляд, вид у неё был скучающий и немного растерянный. На особый успех он не надеялся, однако девушка с радостью ответила:

– Да, я тоже подумала об этом. Но скоро мы снова увидим сосны, не так ли? – она старалась тщательно подбирать слова.

– Точно, – кивнул Рогон. – Глупый вопрос... Но, вы, конечно же, не бывали в этих местах?

Лилия мотнула головой.

– Ни разу. Насчёт сосен...

Она начала оглядываться и через несколько секунд указала на что-то слева от дороги. Рогон тоже заметил, но секундой позже. Маленькая сосенка, высотой сантиметров тридцать, веточки с венчиком длинных иголок можно пересчитать по пальцам.

Он повернулся к Лилии.

– Признаться, немного удивлён.

– Немножко что-то знаю, – пожала плечами девушка.

Рогон усмехнулся. Некоторое время ехали молча, и, в очередной раз взглянув на неё, он увидел, что её лицо снова приняло растерянное выражение.

Кажется, никакого другого быть и не может, подумал Рогон. Она даже не знала, куда едет. Рогон несколько раз ловил себя на навязчивой мысли – спросить, зачем всё-таки она решила остаться с принцем. Но он знал, что вопрос грубый – в конце концов на поверку девушка просто добрая душа... И очень неосторожна.

И поведение короля его смущало... В последнее время намного сильнее. Рогон не мог не задумываться о том, что Имирин будет с ней делать. Кажется, в девочке он признал знакомое лицо... Но разве это может спасти от его крутого нрава?

Рогон не знал, но сомневался в этом.

Интересно, а что она сама думает по поводу ситуации, в которой оказалась?

Эльф покосился на девушку.

И не стал задавать вопросов.

– Скоро появятся первые сосны. А в десяти километрах от того места, куда мы направляемся, растут секвойи. Вы их когда-нибудь видели?

Лилия покачала головой.

– Они красивые?

Рогон улыбнулся.

– Вам должны понравиться.

Они остановились дважды – первый раз в буковой роще, тем же вечером. Эльдалин позаботился об Индиле, Лилия выполняла свою часть забот. Эльфы даже не сошли с тропы – остановились прямо так, спешили, напоили и накормили лошадей. Девушка иногда оглядывалась, ожидая, что к ним может подойти король; ей в этот момент благоразумнее будет ретироваться.

– Он не придёт.

– Что?

– Ты думаешь, что король придёт к нему, – Эльдалин кивнул на Индила, – успокаиваю тем, что ты его не увидишь до тех пор, пока мы не окажемся в крепости.

Девушка хотела спросить ещё что-то, но эльф знаком дал понять, что тема для него исчерпана.

Жар Индила немного спал к вечеру, но это ровным счётом ни о чём не говорило. Единственное – хуже ему, кажется, не становилось. Он глубоко спал, а проснулся, только когда они собирались идти дальше.

Марли с энтузиазмом рассказал ему о том, как «волшеб-но» горели листья, и что теперь всё вроде бы хорошо, и пусть он не волнуется.

– Да я... не волнуюсь, – слегка с ошарашенным видом произнёс Индил, слушая его.

– Да, я знаю! – радостно воскликнул Марли.

Лилия и Эльдалин оставались поодаль.

– Я даже в ясном сознании теряю нить его словесного потока, – скептически изогнув бровь, заметил эльф, когда Марли вдруг перешёл к тому, как Лилия сразу не поверила Эльдалину, что не упадёт с лошади. Он говорил, что это было забавно.

– А по-моему, у них очень мило выходит, – сказала девушка. Марли заметно нервничал и пытался сделать, что может в конкретный момент, а именно – развлечь разговором. По крайней мере, Индил даже улыбался.

– Сама в порядке? – Эльдалин не отводил пытливого взгляда, пока девушка не сказала: «Да, в полном».

Они немного понаблюдали за Марли, который слушал, что ему говорил Индил. Что-то о жеребце.

– Марли занимается лошадьми. Тренирует. Ухаживает, – пояснил Эльдалин. – Индил остался без своего коня и, видимо, хочет, чтобы именно Марли подготовил ему другого.

– А разве есть разница? В лошадях.

Эльдалин посмотрел на неё так, что девушка просто вынуждена была признать: сказала глупость. Хотя ей всё равно было интересно, в чём разница.

Вторая остановка была большая – на два часа. На рассвете, когда до крепости оставалось чуть более двенадцати часов езды, эльфы свернули в лес. Там оказался ручей, и деревья – а это уже были сосны – стояли достаточно далеко друг от друга. Все завели своих лошадей прямо в воду (Рогон взял и кобылу Лилии тоже), ополоснули их ноги и бока. Пили животные уже после того, как их вывели на берег.

Лилия проверила повязку, снова сменила её. Эльдалин оказался прав, когда говорил, что скоро бессонные ночи и прогулки по болотам дадут о себе знать. Едва только ночь перевалила за половину, девушка почувствовала, как глаза сами собой закрываются, а голова кружится так, что пару раз она вздрагивала, чуть не падая с лошади. Животное по этому поводу заметно нервничало – кобыла вертела головой, оглядываясь на своего седока. Пару раз Рогон спрашивал, всё ли в порядке, и к утру девушка все же наловчилась вполне убедительно изображать бодрый вид. Правда, приходилось часто трясти головой, хотя засыпать не давали ещё и бесчисленные комариные укусы, которые жутко чесались.

Когда Лилия заканчивала с повязками, голова болела так, что хотелось плакать.

– Тебе надо отдохнуть, – сказал ей Индил севшим голосом.

Слышать это от того, кто почти переступил порог двери, открывающей дорогу в никуда, было почти забавно – по крайней мере, девушка усмехнулась. Но довольно кисло, и ничего не сказала.

– Послушай... Я беспокоюсь за тебя.

Индил повернул к ней голову, и голубые глаза испытующе взглянули на неё. Лилия была тронута и несколько удивлена, но не успела ничего ответить.

– Сейчас она пойдёт и отдохнёт, – рядом возник Эльдалин, – после того, как мы поговорим. Не против?

Вопрос был адресован Лилии, и, естественно, она была не против.

– Что говорит отец? – вдруг спросил Индил, приложив кулак к переносице. «Наверное, у него голова болит сильнее, чем у меня сейчас. Кошмар».

– Как раз об этом речь. Но пока ничего, – сухо сказал Эльдалин. – Пойдём.

У Лилии по спине пробежали мурашки, а сон пусть немного, но отступил. Ей не понравился тон. И выражение лица – слишком уж озабоченное.

– Отдыхай, – сказала она, пожала руку Индила и встала.

Они пошли вдоль ручья, туда, где не было лошадей и эльфов. Вместе присели на ствол давно упавшего дерева. Кажется, в эту сосну когда-то ударила молния – из воды торчала полусгнившая, но явно прежде опалённая верхушка.

– Гноя нет. Чёрных отметин – тоже, – сообщила девушка.

– И больше не появятся? – спросил Эльдалин, прислушиваясь к доносящимся голосам эльфов.

Лилия пожала плечами.

– Я не знаю. Но надеюсь на это.

– Лучше бы не появилось, – немного резко бросил Эльдалин.

– Почему ты так... говоришь? – опешив от его тона, спросила девушка. Ей послышались в его голосе нотки... обвинения, как бы это абсурдно ни показалось.

Эльдалин на несколько секунд сжал руки, так что костяшки пальцев побелели. За время его молчания девушка уже прокрутила в голове все самые резкие ответы, которые могла придумать, но тоже молчала, не веря в то, что Эльдалин хотел в чём-то обвинить её.

Кажется, усталость играла свою роль, потому что позже Лилия удивлялась, как такая абсурдная мысль вообще пришла ей в голову...

Крепость

1

– Мы скоро доберёмся до Солнечной крепости.

Лилия кивнула, хотя целый день, по её мнению, – не так уж и скоро.

– И... ты не знаешь, почему король взял тебя с нами?

По правде говоря, она думала. И достаточно много, несмотря на... плотный график. У неё было несколько соображений, но слишком уж странным было всё случившееся. Особенно разговоры с королём, когда его поведение менялось, казалось, независимо от него самого. Эльф знал её отца, это точно. Но могло лишь одно это быть причиной? Вряд ли, учитывая, как он относится к своему сыну. Кажется, её и короля эльфов связывало кое-что ещё...

– Полагаю, нет, – вздохнул Эльдалин, в принципе, почти верно истолковав её молчание. – Я надеялся, что получу ответ хотя бы от тебя.

Он оборвал засохшие иголки у лежащей рядом ветки.

– Тогда слушай. Когда мы прибудем в крепость, может случиться всё что угодно. Скорее всего, на это не смогут повлиять ни Индил, ни его состояние, ни тем более кто-то из нас. И в этом я вижу очень серьёзную проблему.

– Разве он не позволит мне... остаться хотя бы до тех пор, пока Индил не поправится?

Лилия не была уверена в выздоровлении эльфа на все сто, учитывая его нынешнее состояние. Но чувствовала, что, если у Индила есть шанс, она обязана помочь ему. Чувство ответственности за него дополнялось и привязанностью. Он ведь... действительно хороший. Просто сказано, зато абсолютно правдиво.

Тем более – разве не для этого, в большей степени, король буквально приказал ей ехать с ними?

– Я не знаю. В этом и проблема – я не знаю, что он собирается делать. И ты должна это понимать.

Слова Эльдалина ввели её в ступор.

– И... что это значит? То есть, он может меня прогнать?

Эльдалин задумчиво, даже с некоторым интересом взглянул на неё.

– Об это я не думал. Мне кажется, он бы не тащил тебя с нами, если б собирался прогнать, – эльф недовольно поморщился. – Но он может запереть тебя. Посчитает, что погорячился, решив взять тебя с собой. А выгнать тебя одну в лес – жестоко даже для него.

Лилия промолчала. Ей пока все было понятно – в глубине души она предполагала такое развитие событий.

– С Индиллом всё ещё может что-то случиться, я правильно понимаю?

«Он ещё может умереть?» – это ты хочешь спросить?

– Может, – кивнула она. Смысл отрицать очевидное?

– Так вот... если это случится, то король вполне может решить, что ты... ну, поспособствовала этому.

– Но это же абсурд! – воскликнула девушка. – Если с ним что-то случится, я же... Это будет ужасно!

– Успокойся, я это знаю. И король, наверное, тоже. Но с его разумом творится что-то неладное... Последние годы.

Увидев, что она собирается продолжать возмущённую тираду, он поднял руку в предупредительном жесте.

– Я говорю тебе то, что, как считаю, обязан. И ты будешь слушать внимательно, ладно? – убедившись, что «ладно», Эльдалин продолжал.

– В этом случае Имирин действительно прогонит тебя. А может приказать кого-нибудь застрелить тебя, как кролика.

– Что?! – невольно вырвалось у девушки, но эльф даже не взглянул на неё.

– Никто из эльфов не выполнит приказ, и ему ничего не останется, как оставить тебя в покое. Может, ты останешься с нами. Может, тебе придётся уйти. Надеюсь, это не расстроит тебя? Меня бы не расстроило, если честно. Избавиться от этого сумасшедшего дома...

Эльдалин развел руками и усмехнулся, как бы говоря «сама понимаешь».

– В любом случае, я хочу сказать вот что. Постарайся не злить короля. И, если что-то всё же пойдёт не так... – он на мгновение замаялся. – Тебе придётся доверять мне. Я знаю,

что ты меня уже терпеть не можешь, но я смогу помочь. В большей степени потому, что меня просит об этом Индил. Его, знаешь ли, волнует твоя судьба, – эльф пожал плечами.

Лилия сидела, откровенно пялясь на Эльдалина. У неё в голове смешалось два противоречивых желания: хорошенько ударить его и поблагодарить. В итоге она лишь сказала:

– Не могу понять одно. Друг ты или нет.

– Не друг, будь уверена. Но и не тот, кто захочет тебя убить.

2

Оставшуюся до крепости часть пути Лилия смотрела, в основном, на подёргивающиеся ушки Алассеи. С Рогоном не разговаривала, только кивнула, когда он указал на первые секвойи, появившиеся среди сосен.

Её голову занимали размышления о том, что будет дальше. Что если этот... обряд, можно назвать это так... что если он не помог? И, ещё хуже, – было уже поздно?

Собственная судьба почти не волновала её. Эльдалин ясно дал понять, что она не погибнет. По крайней мере, не от руки короля. А так... В конце концов, она просто продолжит своё бесцельное путешествие, так? Но расставаться с эльфами ей было жалко. Особенно с Марли и Индиллом. Хотелось ей узнать и всех остальных, может, даже подружиться... Но пока они ничего для неё не значили.

Однако, кажется, больше всего Лилия думала о том, что сказал Эльдалин. Последняя его фраза.

Не друг, но и не тот, кто захочет тебя убить.

Зато честно. Спасибо и на этом, всего хорошего, было приятно пообщаться.

«Но как такое вообще может быть?» – снова и снова спрашивала себя девушка. Потом почти смирилась с этим новым в её жизни фактом – до недавнего времени она, на свое счастье и горе, считала, что убить её никто никогда не захочет.

«Ты прав, я тебя уже терпеть не могу, – мысленно обратилась она к Эльдалину. – Но что-то заставляет меня видеть в тебе друга. А если ты просто не хочешь моей смерти... Что ж, уже неплохо. Только помоги мне, если кто-то другой её захочет».

– Восстановить строй!

3

Поначалу девушка не поняла, что это значит. Очередная остановка?

– Впереди стена, – кажется, заметив её замешательство, объяснил Рогон. – Смотри прямо перед собой. Видишь?

Она смотрела прямо перед собой. Увидела возглавляющего их небольшой отряд короля. А дальше толстые стволы секвой, кусты ежевики, кажется. Никакой стены.

Лилия покачала головой.

– Смотри внимательно. Если хочешь.

– Я ничего не вижу, кроме деревьев и эльфов на лошадях, – устало сказала девушка, и Рогон замолчал.

Игрневый конь остановился. Остальные тоже придержали лошадей. Вся колонна остановилась, и до их слуха донёсся глухой стук и тихий скрип. Словно где-то открылась дверь.

Очень большая дверь, как выяснилось. Лилия увидела, как открываются створки огромных ворот. В высоту, кажется, не менее пяти метров. Но три лошади могли проехать в них, только плотно прижимаясь к крупам друг друга.

От удивления она чуть не свалилась с лошади.

– А ворота... Просто... на чем они держатся?!

Две массивные створки плавно поворачивались наружу, открывая проход. Что было там, девушка ещё не видела. А

ворота... они словно одиноко стояли посреди леса, перего-
раживая тропу. Вокруг них летали птицы, росли деревья. Де-
ревья девушка увидела и дальше, за воротами. Не было ни
«дверного проема», ни стен, ничего.

Колонна двинулась вперед, за королём.

– Ты правда не видишь её? – окликнул её Марли, шедший
впереди носилок.

– Я и ворота не видела, пока они не открылись, – по-преж-
нему таращась на стоящие сами по себе створки, ответила
Лилия.

Некоторые эльфы, шедшие впереди, изумлённо огляну-
лись. Начали переговариваться.

– Ты сейчас серьёзно? – удивившись, кажется, даже силь-
нее девушки, воскликнул Марли. – Ты не видишь вообще
ничего?!

– Зато мы проверили, как это работает... – немного рас-
сеянно заключил Эльдалин.

– Что работает? – не поняла девушка. Её начало пугать,
что она не видит того, что видят все.

– Это долгая история, – с интересом глядя на неё, сказал
Рогон. – Но много лет назад нам было завещано забвение. В
глазах всех людей, что живут здесь. Нам сказали, что никто
из них даже случайно не найдёт нас. Не увидит нашу кре-
пость. И, в скором времени, о нас все забудут.

– Но мы не были уверены, что это действительно так, –
закончил за него Эльдалин.

Лилия взглянула на эльфов, ехавших впереди и позади них. Они были ошеломлены. Один из них встретился с ней взглядом, нервно улыбнулся, словно пытаясь сказать: «Ну, скажем так, ничего страшного не случилось». Но она содрогнулась, когда увидела, как быстро улыбка сползла с его губ. Как будто его ударили по лицу, а он не в силах был защититься.

«Нам завещано забвение...» Что это значит?

– Но... почему? Что случилось?

Рогон не ответил – они уже медленно шли к воротам.

– Вы сами сделали это?

– Нет, конечно, нет! – вдруг воскликнул эльф, который так безуспешно попытался улыбнуться. Но вдруг что-то заставило его побледнеть. – Хотя... кажется, мы...

Эльф бросил взгляд на товарища, ехавшего рядом, и погрузился в молчание, уставившись в гриву своего коня.

«Да что тут происходит?!» – мысленно простонала девушка, опять повернувшись к воротам.

Стену она увидела только тогда, когда её кобыла почти ступила в ворота. Слово из ниоткуда, возникли высоченные каменные стены, серо-зелёный камень которых покрывали мох и лишайник. Над воротами за шершавые выступы цеплялось какое-то растение. Кажется, дикий виноград.

– Вот это да... – выдохнула Лилия, задрала голову и разглядывая свод арки, под которой они прошли. – Эти стены метра три толщиной!

Теперь уже Рогон рассеяно кивнул.

Ворота закрылись за ними; оказавшись внутри, их колонна рассыпалась, сгрудившись неплотной кучкой на дворе, умощённом булыжником. Скорее, это больше похоже на площадь, решила девушка. Сумерки уже сгущались, так что другие эльфы, встретившие их, держали в руках факелы.

Король спешил, к нему поспешил высокий, светловолосый эльф. Выражение лица было крайне озабоченным.

– Ваше величество, – он поклонился королю, остановившись в двух шагах от него.

Но Имирин, кажется, даже не обратил на эльфа внимания. Обернулся к отряду.

– Эльдалин!

Эльф, ни на кого не взглянув, вышел вперед.

– Я слушаю вас.

Король эльфов бросил на него холодный взгляд. Эльдалин ждал. Девушка заметила, что эльф даже не склонил головы.

– Доставьте принца в его покои, – приказал он. – Оставьте с ним кого-нибудь. Мальчишка подойдёт.

Лилии потребовалось несколько секунд, чтобы поднять: под «мальчишкой» король имел в виду Марли.

– Алальме.

Голос у Эльдалина был тихим, но этого оказалось достаточно, чтобы один из эльфов, стоящих поодаль с факелами,

быстрыми лёгкими шагами подошёл и поклонился ему.

Черноволосый эльф молча указал на носилки, рядом с которыми с растерянным видом стоял Марли. Тот, кого звали Алаahme, коротко кивнул, встал на недавнее место Эльдалина. Девушка заметила, какие длинные у него волосы. Тоже рыжие? Если так, то очень тёмные.

Вдвоем эльфы с носилками двинулись к широкому каменному крыльцу, мимо всех остальных, которые оставались неподвижны. Индил был без сознания, заметно бледен, жар вернулся, и девушке это очень не понравилось. Уже должны были появиться улучшения.

– Что-то ещё? – спокойно спросил Эльдалин.

– Да.

Имирин за пару секунд отыскал её глазами среди эльфов. Лилия почувствовала, что от страха её сердце стало биться чуть ли не в два раза быстрее. Все эльфы оставались верхом и упрямо смотрели перед собой. Девушка заметила напряжённый взгляд Рогона. А потом всем её вниманием завладели ярко-голубые глаза.

«Ну же, что вы думаете по этому поводу?» – яростно спросила про себя девушка.

Однако она почувствовала ещё один внимательный взгляд. Эльдалин стоял к ней боком, но чуть повернул голову в её сторону. Тёмные глаза тоже неотрывно следили за ней. Он чуть заметно качнул головой.

Девушка снова взглянула в глаза Имирину. Король словно

изучал её, будто это могло подсказать ему, что с ней делать. Он первым отвёл взгляд, повернувшись к Эльдалину.

– Её в лабиринт.

На мгновение Эльдалин, кажется, напрягся, но потом как ни в чем не бывало ответил, на этот раз поклонившись:

– Как скажете.

– Ваше величество, позвольте!

Все вздрогнули, когда тишину разорвал голос Рогона. Имирин бросил на него один-единственный взгляд.

– Не позволяю.

– Но, мне кажется, принцу необходим определённый уход...

Эльдалин посмотрел на Рогона так, что тот был вынужден замолчать, не закончив мысль. Девушка поморщилась – зря, зря он это сделал. Хоть и понятно, почему.

– Это не ваша забота, командир. Вам ясно?

Теперь холодные голубые глаза сверлили Рогона. Тот промолчал, сжав в руках поводья. Его конь беспокойно ударил копытом по булыжнику.

На несколько секунд воцарилась тишина.

– Выполняйте! – рявкнул Имирин и, повернувшись на каблуках, стремительными шагами направился в замок, который невозможно было разглядеть в сгущающейся темноте и бликах факелов. Эльфы, стоящие на крыльце, почтительно расступились.

Теперь, когда король ушёл, взгляды всех были направле-

ны на девушку. Она растеряно оглянулась и, немного помедлив, спустилась с лошади.

К ней уже шёл светловолосый эльф, которого король не удостоил вниманием.

– Приветствую в Солнечной крепости, военном укреплении и жилище лесных эльфов под командованием и защитой короля Имира, – улыбнувшись, сказал он ей.

– Спасибо, друг, очень важная информация, – повысив голос, произнёс Эльдалин. – Пойдём.

Невольно обернувшись, Лилия наткнулась на сочувствующие, а где-то явно недовольные взгляды. Эльф, с которым они говорили недавно, чуть заметно кивнул ей.

Вместе с Эльдалином и светловолосым эльфом, имени которого она не знала, Лилия спустилась по старым каменным ступеням. У Эльдалина в руке был факел, и в его свете Лилия разглядела, что каменные ступени и колонны вокруг увиты тем же диким виноградом, что и внешняя стена. Внизу лестница кончалась, но никакой дорожки или тропинки не было. Они ступили сразу на траву – это как идти по пыльной проселочной дороге и вдруг внезапно оказаться посреди поляны.

Эльдалин шёл впереди и остановился, поведя факелом в одну и в другую сторону. Лилия увидела живую изгородь. Очень высокую изгородь. И, судя по всему, очень колючую – шипы было видно с расстояния десяти метров. И хотя Лилия не знала, что это за кустарник, её это совсем не удивило.

–Что такое? – спросил светловолосый эльф.

Эльдалин промолчал, и он, приподняв брови, обратился к Лилии.

–Не бойся, тебе никто не причинит вреда. Я это гарантирую.

–Ну да, мы всего лишь пытаемся посадить тебя под замок, – усмехнулся Эльдалин. – Только я давно здесь не был и забыл, что дальше с этими сорняками делать.

Девушка уже собиралась спросить, что он имеет в ви-

ду, как вдруг от темной изгороди отделилось что-то. Ветка, словно вырастая на глазах, вытянулась и хлестнула Эльдалина по плечу, как кнутом. Эльдалин охнул, а ветка, извиваясь, как змея, вернулась обратно в изгородь.

– Это тебе за сорняк, – засмеялся светловолосый эльф.

– Ах, ну, конечно, – оборачиваясь к ним и потирая ушибленное плечо, проворчал Эльдалин. – Я забыл, что они такие чувствительные.

Лилия в момент внезапного проявления активной жизненной позиции кустарника отпрянула чуть назад и теперь стояла с приоткрытым ртом, в ужасе глядя на изгородь.

– Что... —начала она, но изгородь прямо перед ними начала шевелиться.

Плотно переплетавшиеся ветви расплзались в разные стороны с тихим шуршанием, пока не образовали проём – арку высотой около двух метров или больше.

– Вот спасибо! – воскликнул Эльдалин и поманил их в образовавшийся проход. – И прости за сорняк, – добавил он, проходя под аркой, за что тут же получил щелчок по уху от маленькой веточки.

Они оказались в длинном коридоре, стенами которому служил всё тот же кустарник. По проходу одновременно могли легко пройти четыре человека. Над головой кустарник не плел свои ветви, так что, подняв глаза, Лилия увидела ясное звездное небо.

Но путь был освещен не только светом луны и звезд. На

всем протяжении коридора, который через сотню метров заворачивал направо, изгородь цвела. Через каждые три или четыре метра на уровне глаз из листвы выглядывали соцветия, по три крупных белых цветка в каждом. Они чем-то напоминали астры – очень пышные, с множеством лепестков. Из серединки цветков пробивалось белое свечение – будто маленькая живая звездочка сидела в каждом и тихонько мерцала сквозь лепестки.

– Красиво, правда? – обратился к ней светловолосый эльф, – это место находится в полном подчинении у короля.

Лилия кивнула, решив ещё и рот закрыть. На всякий случай.

– Если это темница, то самая милая из всех. Хотя это вообще первая, в которую я попала.

Эльдалин, услышав её, повернулся и саркастично вскинул брови.

– Да неужели?

Светловолосый эльф благосклонно улыбнулся.

– Наш король не так жесток, как кажется.

Он сказал это тихо и немного неуверенно – будто просил просто поверить ему. Лилия не была уверена, что может это сделать, поэтому просто пожала плечами.

Эльдалин тем временем подошел к трем цветкам, которые были ближе всех, и протянул руку. Он что-то шепнул, и изгородь, как и в первый раз, с тихим шелестом стала расползаться.

– Заходи, – отрезал эльф, повернувшись к Лилии.

Она с сомнением посмотрела на арку.

– А это... безопасно? – спросила Лилия, вспомнив ту ветку, отомстившую Эльдалину за «сорняк».

– Абсолютно, – весело ответил светловолосый эльф. – Ты сама сказала, что это самая милая темница в мире. На самом деле, так и есть. В твоём случае точно. Кто-нибудь придёт утром, а пока постарайся... подружиться с ней.

Сказав это, эльф кивнул на изгородь.

Лилия уже достаточно была шокирована и слишком устала, чтобы выяснять, что имелось в виду на этот раз. Она вздохнула и зашла в проход.

Ветки за спиной у неё сомкнулись, и Лилия оказалась в небольшой квадратной комнате (если комнатой можно назвать место без потолка и со стенами из живой изгороди), а под ногами росла трава.

Итак, она одна. Внутри не было никаких цветов, о чём Лилия пожалела, – была глубокая ночь, хоть и открывался великолепный вид на звездное небо. Девушка села, хотя прислоняться спиной к изгороди не решилась, памятуя о длинных колючках и о том, что кустарник довольно мстительный. Вдруг ему не понравится подобное обращение? Так что Лилия устроилась по центру своей живой темницы и обняла колени.

Что ж... Она ушла из деревни, избежала участи, уготовленной ей селянами, ушла далеко на восток. И вот она сидит

в темнице у короля эльфов (ах, да, в процессе путешествия она нашла эльфов!).

Она раздумывала о многих вещах. Например, о том, что из себя представляют убийцы по меньшей мере четырнадцати эльфов; Лилия понимала, что до этого от их отравленного оружия многие погибали. А ещё – что это за «забвение», о котором говорили эльфы? Что творится с их королём? Что теперь она собирается делать? И что будет с Индиллом?

При воспоминании об эльфе Лилия ещё крепче обхватила колени – ей вспомнился ужасный запах паленой плоти и землистого гноя.

Девушка тряхнула головой, стараясь отогнать воспоминания. Она всё сделала правильно. Индил должен прийти в себя, поправиться. Но всё же Лилия беспокоилась за него. Очень уж плохо он выглядел, когда эльфы унесли его в крепость.

Из-за бессонных ночей и всего, что случилось, Лилия очень устала. Она легла на землю и подумала о том, как за месяц её жизнь умудрилась повернуться таким невообразимым образом?...

Успокоив себя тем, что об Индиле она спросит завтра утром, Лилия заснула. В полусне она вдруг увидела знакомые голубые глаза. Сквозь сон улыбнулась им, и больше ей ничего не снилось.

Не вспоминала она ни Ревеку, ни родителей, ни свой дом – полагая, что давно лишилась и того, и другого... и третьего.

Лилия проснулась от громкого свиста. Она вздрогнула, открыла глаза и увидела маленькую пичужку. Та повертела головкой, потеревила перья на крылышках и, издав ещё один пронзительный свист, легко вспорхнула, всколыхнув лишь пару веточек.

Солнце уже взошло. За высокой изгородью его видно ещё не было, зато выглядывало голубое небо и огромные пушистые облака.

Лилия потянулась. Она наконец-то выпалась, и даже мысль о том, что она, на минуточку, пленница, не омрачила её настроения. Лилия села, и с её плеча упало покрывало. Девушка взглянула на него, думая, кто мог прийти к ней ночью, как вдруг поняла, что в этом не было необходимости.

– Ничего себе! – выдохнула она.

То, что Лилия приняла за одеяло, было плотным ковром переплетающейся травы. Он оплетал ей ноги, талию и плечи, как зеленый кокон; причём, достаточно плотный. Лилия перепугалась и вскочила на ноги, выбираясь из него. И тут произошло нечто ещё более удивительное – травинки зашевелились, длинные стебли сами собой расплетали свой ковер и, укорачиваясь, прятались в землю. Спустя несколько секунд под ногами у Лилии остался лишь ровный, а самое главное – неподвижный травяной покров.

– Вот это да... – прошептала девушка, оглядывая траву и изгородь и раздумывая, не сошла ли она с ума?

За спиной послышался шорох, услышав который, девушка чуть не подскочила на месте. В изгороди снова образовывался проход.

– Привет!

Это оказался эльф, имени которого девушка до сих пор не знала и который вчера привел её сюда.

– Доброе утро, – слегка дрожащим голосом ответила она.

Он вошел, и изгородь зашевелилась, закрывая арку.

– Я так понимаю, таланты этого места ты уже успела оценить? – усмехнулся эльф.

Видела бы Лилия выражение своего лица... К испугу добавилось ещё и изумление, и всё это придавало ей такой загнанный вид, что эльф засмеялся.

– Знаю, знаю. Поэтому решил, что тебе неплохо будет составить компанию ненадолго.

– Какая хорошая... мысль, – протянула Лилия, озираясь по сторонам.

Она никак не могла поверить во всё происходящее: живая изгородь, которая была какая-то слишком живая, пугала её. А светящиеся цветы? А трава?

– Эй, всё нормально, – присаживаясь на землю, сказал эльф. – Тут всё кажется странным и слишком... м-м... невероятным. По крайней мере, для тебя. Но, поверь, – это самое безопасное и безобидное место. Давай позавтракаем?

Из сумки, которую принёс с собой, он достал несколько лепешек и кувшин с интересной деревянной пробкой, в котором оказалось необыкновенно вкусное молоко. Лилии оно показалось почти сладким.

– Лепешки из кукурузной муки – самые вкусные, на мой взгляд, – непринужденно говорил эльф. – Хотя другие бывают редко – кукуруза у всех крестьян, живущих поблизости, видимо, единственное, что они могут вырастить.

Они сидели рядом и запивали лепешки молоком. Лилия подумала, что это самый необычный пикник, который только можно представить.

– Как твоё имя?

– Меня зовут Манель.

Девушка кивнула.

– Значит, вы покупаете еду у крестьян? – поинтересовалась она.

– Зерно, в основном, – сообщил Манель.

– То есть, выходите к людям?

– Ну, кто-то переодевается – изображает купца или богатого крестьянина – и едет по ближайшим деревням. В обычном виде мы у людей особого восторга не вызываем, – эльф слегка смущенно почесал затылок. – Так что поездки с перевоплощением проходят весело.

Манель закатил глаза и деланно вздохнул, вызывая у девушки смех. Он и сам улыбался.

– Вообще-то, этим обычно принц Индил занимается. У

него лучше всех получается удержаться от шуток. А это иногда важно, знаешь ли...

– Как он?

Лилия буквально выпалила этот вопрос. Ей хотелось задать его сразу же, но она боялась услышать плохие новости.

– Как тебе сказать... – протянул эльф. Он заметно сник и, казалось, был в замешательстве.

Лилия молча ждала, пока он ответит, и в голове её пронеслась тысяча нехороших мыслей...

– Вчера его принесли в покои, он пришел в себя, и ему, кажется, было лучше. По крайней мере, судя по громкому спору с его отцом, – Манель нервно усмехнулся. – Принц никого к себе не допускал – с ним был Марли. А ночью он вылетел от него и сказал, что Индил опять без сознания.

– Он потерял много крови... – начала Лилия, но Манель покачал головой.

– Опять этот запах.

Эльф посмотрел на неё. Он был очень обеспокоен.

У Лилии встал ком в горле. Болотный запах... почему? Она была уверена: ему поможет то, что она сделала. Что же случилось? Может быть, она все-таки перепутала растение... Но об этом не могло быть и речи. Во-первых, пламя. Марли был прав, когда говорил о том, что оно практически волшебное. Во-вторых, оно не причинило Индиду боли. В-третьих, ему всё-таки было лучше.

Вдруг оказалось слишком поздно?

– Нужно срочно что-то делать! – воскликнула Лилия.

– Исключено, – помотал головой Манель.

– Но ему надо помочь!

– Тебя не выпустят отсюда! – Манель начал заметно нервничать и уже не мог говорить спокойно.

Лилия поднялась на ноги и принялась ходить из угла в угол. Шесть шагов туда. Шесть обратно. Индил мог погибнуть, пока она тут сидит. Хотя она и не знала, что нужно делать, но...

Лилия вдруг остановилась и, всплеснув руками, почти радостно воскликнула:

– Так зачем вам меня выпускать отсюда? Вы можете просто повторить всё ещё раз! Марли и Эльдалин знают, что делать!

Почему эта идея не пришла ей раньше?! Ведь эльфы – прирожденные целители, и это их книга помогла понять, как вылечить такую рану. Да, пусть король ничего не делает, но остальные-то в своем уме!

Но, обернувшись на Манеля, Лилия остолбенела. Он не смотрел на неё, но выражение лица у него было такое, как будто она предложила убить Индила, а не попытаться помочь. Он сгрёб рубашку на груди в кулак и молчал.

– Что такое? Манель?!

– Мы не можем.

Он наконец взглянул на неё, и Лилия увидела, что он чуть не плачет.

– Почему?.. – выдавила она. Узел у неё в горле уже затянулся до предела.

Манель покачал головой и только сильнее сжал руку в кулак.

Лилия стояла и смотрела на него, пораженная. Она начала вспоминать...

С того момента, как эльфы нашли их, никто не пытался помочь Индилу. Кроме Марли, но тот лишь выполнял её указания – разжигал костёр, носил воду, но не притрагивался к травам. А Эльдалин носился с ней по болотам, но срезать растения не стал... Имирин знал, что нужно делать. Об этом было написано в книге, и он знал, где искать. Что им мешает?

Мысли в голове закрутились одна за другой. Эльф выглядел так, что задавать ему вопросы было, кажется, бесполезно, к тому же Лилия не знала, что спросить.

Она снова начала метаться из угла в угол, чтобы привести мысли в порядок.

– Почему ты себя так ведешь?

Лилия застыла на четвёртом шаге. Манель смотрел на неё странными глазами...

– Почему Я себя так веду?! – напустилась на него девушка, не понимая уже ровным счётом ничего.

– Ты встретила посреди леса раненого эльфа и прервала своё путешествие. Ты не знала, кто он, и к тому же была одна, но осталась с ним один на один. В тебя стреляли из лука, потом ты лазила по болотам день и ночь, а теперь сидишь

здесь, в темнице! – на одном дыхании выпалил эльф. – И тебе не плевать на него?

– Именно поэтому, может, и не плевать, – в ярости бросила девушка.

– Ты должна злиться за всё это!

– Я и злюсь! Злюсь! На вашего короля, на эти мерзкие болота, на себя!

Лилия понимала, что они теперь кричат друг на друга, но остановиться уже не могла.

– Я ничего не понимаю! Ничего!

Манель молча смотрел на её истерику. Отпустив рубашку, сам он, кажется, немного успокоился. Лилия отвернулась от него, дошла оставшиеся два шага из шести и опустилась на своё место.

– А Индил тут ни при чём. Он добрый.

Немного помедлив, девушка обняла себя руками и добавила:

– Мы даже успели подружиться.

Оба растерянные и расстроенные, Лилия и Манель просто сидели, не глядя друг на друга. Что, что теперь делать? Хотя... ей делать нечего. Её не выпустят, так сказал Манель. Но почему они не могут ничего сделать? Если это какая-то игра... Или дело в этом их... забвении?

Внезапно протрубил рог. Лилия решила, что это тот же самый, прозвучавший в лесу. Звон его проникал везде, доносился отовсюду...

Эльф тут же легко поднялся на ноги и направился к изгороди.

– Подожди! – девушка схватила его за рукав, – объясни мне хоть что-нибудь, пожалуйста!

Проход уже открылся, и Манель вышел наружу, мягко отняв руку. Ветки изгороди начали медленно «сшивать» арку, скрывая эльфа. Он обернулся и покачал головой.

– Мне жаль. Правда, жаль.

Проход закрылся. Лилия схватилась руками за голову и тут же уронила их. Она снова принялась ходить из угла в угол, как рассерженный зверь. Нужно что-то придумать. Решение всегда есть.

Лилия остановилась в центре, сделав три шага, и скрестила руки на груди. Взгляд её упал на траву – Манель забыл кувшин. Машинально она заткнула его пробкой и поставила подальше, в угол.

Где-то грянул гром. Девушка подняла голову и увидела, что, пока они разговаривали, небо затянуло тучами. Прекрасно. Если пойдёт дождь, ей придётся мокнуть. Хотя после путешествий по болотам... пускай.

Она села на траву и снова обняла колени.

«Почему ты себя так ведешь?» – как будто издалека, слышался вопрос, который ей задал Манель. Действительно, кто бы мог представить, что Лилия одна пойдёт в лес, заметит там мужчину (эльф он или нет, не важно) и, вместо того, чтобы уйти от него подальше, потащится за ним?

Хотя, с другой стороны, кто мог представить всё то, что было до этого? Ведь именно из-за этого она оказалась одна. Но что заставило её последовать за Индиллом?

Неужели ей было просто всё равно?

На руку ей упала капля. Снова грянул гром, уже ближе. Начинаясь дождь – редкие капли несмело шелестели о траву и листья. Без особой надежды Лилия огляделась вокруг. Укрыться от дождя было совершенно негде. Ну что ж...

Но тут слишком живая изгородь преподнесла ещё один сюрприз. Как только капли начали падать чаще, послышался шорох. Лилия оглянулась на то место, где должна появляться арка, но ветки там были неподвижны.

Нужно было смотреть вверх.

Изгородь начала выпускать новые побеги. Они стремительно росли и верхушками устремлялись к центру квадрата. Гибкие веточки тянулись со всех сторон, переплетаясь между собой. И, не успев дождь начаться, они плотно срослись друг с другом, образовав купол.

Стало темно. Разошедшийся дождь барабанил по листьям изгороди.

Лилия опять смотрела на всё это действие широко распахнутыми глазами. Ночью трава спасала её от холода, сейчас кустарник загородил от дождя. «Подружись с ней», – вспомнила она.

Так вот оно что...

– Спасибо... – немного неуверенно сказала Лилия, наде-

ясь, что её как-нибудь поймут.

Теперь она сидела в темноте. Вот сейчас Лилия начала думать о Ревеке (жива ли она ещё?), о своем госте, о дотла сгоревшем доме и мертвой белой кошке с изумрудными глазами...

Ей ведь действительно было всё равно после всего этого. Куда идти, что делать – совершенно не важно. Идти было некуда. Лилия вдруг поняла, что всё время шла без цели, даже не задумываясь о том, что она будет делать, если дойдет до деревни или города. Ей казалось, всё, что остаётся, – просто идти.

Бесконечно?

Да, точно. Ей было всё равно.

Дождь и не думал заканчиваться. Кажется, даже наоборот – звук падающих капель слился в единый гул.

Интересно, вернётся ли эльф вечером? Или ей придётся сидеть тут ещё долго в одиночестве и задавать себе вопросы?

Этого всего не случилось бы, не пойди она за Индиллом в лесу...

–Что за дурацкие мысли! – вслух одернула себя девушка.

Она вспомнила, как Индил, очнувшись, беседовал с ней, как она впервые увидела, какие у него голубые глаза. Он морщился от боли, но ни разу не пожаловался. И улыбался – каждый раз по-разному...

Лилия думала долго и не заметила, как кончился дождь. Стало тихо, капли больше не шелестели в кустарнике.

Где-то снаружи громко прострекотал дрозд. Кажется, птичка обнаружила, что дождь кончился, и теперь радовалась. Вслед за птичьим голосом послышался легкий треск.

– Ну конечно, – улыбнувшись, сказала себе Лилия.

Это снова была изгородь. Дождь кончился, и зелёный купол теперь раскрывался. Ветви отпускали друг друга, выпрямлялись, открывая чистое, умытое дождём небо. От туч остались лишь слабые белые разводы. Подул лёгкий ветерок. Листья начали дрожать, и с них, сверкая жемчужинками, разлетались во все стороны капельки.

Птичка вспорхнула внутрь и села на забытый кувшин.

– Эй, здравствуй, – умилилась девушка.

Дрозд переминался с лапки на лапку, скребя коготками по глине, и будто разглядывал человека.

– Хочешь что-нибудь сказать?

Птичка покрутила немного головой, моргнула. Светлой лапкой потеряла клювик и продолжила смотреть на девушку.

– Ты такая симпатяжка, – улынулась ему Лилия.

Дрозд, услышав это, издал короткую трель и спрыгнул с ручки кувшина на траву. Ближе к ней.

– Не боишься?

Пичужка наклонила голову, замерев на несколько секунд. Лилия тоже не шевелилась, боясь испугать птицу. И тут птичка начала подбираться ещё ближе. Она делала пару

осторожных скачков, останавливалась, вертела головой, ещё прыжок.

Лилия замерла. Прошло полминуты, и дрозд оказался рядом с ней. Он встряхнул крылышками и тихонько свистнул.

Девушка медленно опустила руку, раскрыв ладонь. Она подумала, что сейчас птица испугается и улетит, но этого не произошло.

– Ну, идём ко мне?

Птичка качнула хвостом и сразу же прыгнула в раскрытую ладонь. От неожиданности Лилия чуть не отдернула руку. Она чувствовала, какие у дрозда шершавые лапки и маленькие острые коготки.

– Молодец! – удивленно и радостно прошептала девушка и подняла руку повыше, чтобы разглядеть своего маленького посетителя.

Кажется, дрозд ничуть не боялся её – сидя на ладони, он спокойно чистил пёрышки. А какой он был ладный! Желтый клюв, пёстрая грудка, блестящие бурые крылышки. Птичка закончила чистку и подняла голову. Она так внимательно смотрела на Лилию, что та даже выпрямилась...

Вдруг дрозд запел. Тот, кто слышал хоть раз в лесу песню дрозда, никогда и ни с кем его больше не спутает. Трели, свист, стрекотание – такое многообразие звуков сливается в общую мелодию, переплетается с шумом ветра в кронах деревьев, текущего мимо вековых стволов ручья...

Песня дрозда проникает везде, раздаётся отовсюду. Как

песня рога лесных эльфов.

Лилия слушала птицу, и ей казалось, что проходят часы. Но вдруг дрозд умолк и закурил головой, словно к чему-то прислушиваясь. Невольно Лилия тоже оглянулась. Откуда-то снаружи доносился слабый звук голоса – кто-то, видимо, шёл сюда.

Дрозд чирикнул и упорхнул.

Спустя несколько секунд изгородь действительно начала шевелиться. Проход не успел открыться полностью, когда Марли буквально залетел внутрь и крепко обнял девушку.

– Лилия! Я попросил Эльдалина, чтобы он меня подменил, я не хотел отлучаться, но мне надо было тебя увидеть! Король в ярости, я не знаю, что мне делать, и вообще – мне нужна твоя помощь!

Марли выпалил это почти единым предложением, активно жестикулируя. Его лицо меняло цвет от белого фарфора до спелого шиповника, пока он говорил. Лилия хотела уже остановить его, но он вдруг умолк, посмотрел по сторонам и начал вертеться вокруг себя, оглядываясь.

– О! Что ты сделала?! – воскликнул он как-то немного испуганно и подошёл к кустарнику, изумленно ощупывая ветки.

– Я? – стараясь особо уже не удивляться и не раздражаться, девушка подошла к Марли. – Я ничего не сделала. Тут в принципе делать-то нечего.

– Ты серьезно?!

Марли начал идти по периметру, перебирая ветки.

– Да что ты делаешь?! – воскликнула Лилия, все-таки начинающая злиться. – У нас сейчас есть более важные темы для разговора! Марли!

– Просто у кустов должны быть острые шипы, – слегка обиженный её тоном, пояснил Марли, видимо, объясняя свои действия.

– Да ну?! Я, вообще-то, заметила, что у этой изгороди огромные...

Она осеклась. Марли-то спокойно их трогал.

Лилия обернулась к ближайшей зеленой стене и увидела, что шипов нет. Она протянула руку и погладила стебли – чуть шершавые, но ни шипов, ни иголок, ни их следов не оказалось.

Марли закончил свой «круг почета» и огромными глазами уставился на Лилию.

– Серьезно, ты точно ничего не делала? Колдовать, случайно не умеешь?

– Ты издеваешься? – Лилия подняла бровь и пальцем указала на себя.

– А... ну да. Просто они же куда-то делись. Снаружи они есть.

– Я не знаю, – пожала она плечами и на всякий случай ещё раз потрогала ветки, – они были, когда меня сюда привели, а когда пропали – без понятия.

Про себя Лилия решила, что это ещё один из «фокусов»

этого места. Но если Марли не знает о них, то они потеряют время.

– Марли, ты ведь помнишь, что я делала? – начала она, следя за его выражением лица. – Тебе придется повторить.

Марли расстроено плюхнулся на траву. Волосы у него немного запутались и были убраны тёмно-зелёной лентой в низкий хвост на затылке.

– Марли! – позвала его девушка. Он яростно замотал головой.

Лилия села рядом с ним. У неё ещё утром появилась одна мысль – как раз после того, как она не смогла добиться от Манеля какого-либо вразумительного ответа.

– Я, кажется, знаю, почему так получилось, – сказала она.

Марли поднял голову и широко открытыми глазами посмотрел на неё. А Лилия вдруг поняла, что уверена в том, что хочет сказать.

– Листья были высушены над костром. То есть подвялены. Но это не то же самое. Поэтому они не подействовали как надо.

– И что теперь делать? – упавшим голосом спросил Марли.

Лилия подумала немного.

– Я собрала остальные побеги в сумку, когда мы уходили. За это время они должны были высохнуть! – Лилия схватила Марли за руку. – Нужно попробовать ещё раз, с ними! Должно получиться! Я расскажу тебе всё ещё раз, вы справитесь!

– Нет! – вскричал Марли и вырвал у неё руку.

– Иначе он умрет!

На лице эльфа появился какой-то беспомощный страх. По сравнению с остальными, он был юн, и сейчас это стало особенно заметно.

– Прости, я не могу тебе сказать, не могу! Но нам нельзя этого делать. Если мы сделаем... что угодно... То убьём его.

– Что? Почему? Что ты говоришь?! Вы его убьёте точно, потому что не сделаете ничего!

Лилия накричала на Марли, хотя не хотела этого. Однако он просто сидел и смотрел на неё почти детскими, испуганными глазами и молчал.

– Я не хочу, чтобы Индил умер. Я бы жизнь отдал за него, если нужно... – Голос у него дрожал, и Лилия сразу пожалела, что разозлилась. – Но я не могу ничего для него сделать.

Марли поднял на неё светлые зелёные глаза, полные слёз. Лилия была ошеломлена. Ведь она знала, что эльф говорит правду. Но раз нельзя ничего сделать, это означает только одно...

Кажется, её мысли каким-то образом отразились на лице, потому что эльф вдруг снова побледнел.

– Значит, он умрёт? А как же я... без него?

Марли растеряно смотрел на девушку, но Лилия не могла ничего ответить.

Она вдруг поняла – для эльфов Индил значит гораздо больше, чем ей казалось. Особенно для Марли. И невозмож-

ность помочь ему – явная, хоть и не понятная девушке, – для них была тяжёлым испытанием. Быть может, и король скрывает под маской жестокости боль, которую испытывает...

– Я что-нибудь придумаю, – уверенно сказала Лилия. В ней снова проснулась какая-то странная решимость, хотя она ещё не знала, что будет делать. Или всё-таки знала?

– Марли, кто-нибудь дежурит возле каменной лестницы или где-то неподалёку?

У эльфа по-прежнему был пришибленный вид, но он быстро подумал и ответил:

– Нет. В этом нет необходимости. Изгородь сама выпускает и впускает только тех, кого нужно. Стража только у ворот и в лесу.

От радости Лилия чуть не расцеловала его. Она и не надеялась на такое! Может быть, её идея сможет осуществиться...

Марли, кажется, понял, о чём она думала, и замотал головой.

– Ты не сможешь отсюда выйти, даже не думай! Это опасно! Король запретил даже разговаривать с тобой, он не отпустит тебя! Изгородь... – он осекся, но договорил. – Она живая. В смысле, ты не знаешь, насколько она жива. Она тебя не пустит. Девушка улыбнулась.

– Уж я-то знаю, насколько.

Когда Марли уходил, они обнялись на прощание.

– Всё будет хорошо. Я тебе обещаю.

Эльф кивнул и скрылся за изгородью. Лилия знала, что он верит ей, но всё же Марли боялся, что следующие дни для него будут последними днями, когда он сможет побыть с Индиллом. Она это чувствовала.

Что же она задумала?

Лилия, вспомнив изумление Марли по поводу отсутствия шипов у кустарника, поняла, что такое бывает не каждый раз. А то, что он при всём этом знал особенности данного места, воодушевляло ещё сильнее. Возможно, девушка действительно каким-то образом «подружилась» с изгородью. Так почему бы ей не попробовать попросить у неё помощи?

Конечно, Лилия отнюдь не была уверена, что всё получится. Но это единственный выход. Добровольно отчаявшийся король вряд ли её отпустит...

Девушка легко убедила Марли поговорить с Эльдалином. Она не любила его, но он мог помочь.

Итак, если всё удастся и она сможет выйти, то эльф встретит её на лестнице и проведёт в замок. А там они попробуют помочь Индиллу.

Осталось дождаться вечера.

Лилия проснулась, когда опустились сумерки. Она осторожно поднялась, стараясь не порвать траву, которая снова оплела её коконом во время сна.

Уже пора.

Девушка подошла к изгороди – прямо к тому месту, где кустарник образует арку. Она чувствовала себя немного глупо – не каждый день приходится общаться с кустарником... Хотя разговоры с дятлами и зайцами были очень полезны. Не зная, что собирается делать, она присела на траву, прислонившись к изгороди.

– Здравствуй, – полушёпотом сказала она. – Не знаю, понимаешь ли ты меня....

Лилия подняла глаза на высокую живую стену, ограждающую её от всего мира.

– Я благодарна тебе. За заботу, – девушка провела рукой по зеленым листьям. – Ты даже спрятала шипы.

Подул лёгкий ветерок, и кусты тихо зашелестели. Но Лилия не поняла, стоит ли считать это за осознанную реакцию... того, с чем она разговаривает.

Темнело быстро – на небе появились первые звезды. Несколько минут прошли в молчании. Лилия положила ладонь на изгородь и думала – понимает ли растение её слова? Не факт. Хотя неосторожную фразу Эльдалина про сорняк

она явно услышала и незамедлительно отомстила.

Лилия села на колени, лицом к изгороди, не отрывая от неё руку.

– Мне нужна твоя помощь.

Она прислушалась. Ни звука. Ни движения.

В груди у девушки сердце предательски дрогнуло. Что если ничего не выйдет?

– Мне нужно выйти отсюда.

Тишина.

– Отпусти меня! – Лилия прижалась лбом к холодным листьям. – Пожалуйста... отпусти.

Да, это звучало глупо, очень глупо, но что было делать? Даже если они придумают другой способ, даже если чудом король согласится на ещё одну попытку, будет уже поздно. И если сейчас у неё не выйдет...

– Ты слышишь меня? – громко позвала Лилия; ответа не последовало, и она с бешено колотящимся в груди сердцем воскликнула:

– Я должна выйти отсюда!

Лилия не успела отдернуть руку – тотчас же вокруг её запястья и предплечья обвилась внезапно ожившая ветка. Девушка в испуге дернулась, но хватка у изгороди оказалась железная. Её словно поймали в капкан.

– Почему?..

Шёпот, как ей показалось, доносился откуда-то сверху, и она задрала голову; но тотчас же услышала тихий, едва уло-

вимый голос справа:

– Почему... почему... почему?..

И слева:

– Почему... почему... почему?..

Лилия вертела головой во все стороны, рука её по-прежнему была прикована к изгороди.

– Почему... почему... почему... почему... почему..? – доносилось теперь со всех сторон, и шёпот множества голосов начал оглушать девушку. Она не могла понять, были они мужскими или женскими, и был ли он вообще, или это у неё в голове...

Вдруг ветка сдавила руку девушки так сильно, будто хотела сломать. Лилия попыталась выдернуть её, но внезапно кожу пронзила острая боль.

Изгородь выпустила шипы, и они глубоко впились в руку.

Лилия вскрикнула от боли; с локтя на траву закапала кровь.

– Почему... почему... ПОЧЕМУ?

Шёпот теперь стал криком – свободной рукой девушка попыталась зажать уши, но громоподобные голоса просто сдавливали ей голову, а шипы всё глубже вонзались в плоть.

– ПОЧЕМУ?

Вдруг стало тихо. Так тихо, что эта мёртвая тишина давила на барабанные перепонки сильнее, чем хор голосов. Лилия дрожала и не могла отдышаться; опустив взгляд, она увидела испачканную в крови траву у своих колен – в сгущаю-

щейся темноте она казалась чёрной.

Кажется, она потеряла сознание

Сначала Лилия не видела ничего, а потом...

– А вы ей понравились....

Это же она! В доме, а рядом темноволосый человек, которого она привела в дом. А возле его ног белая кошечка...

Вдруг комната пропала, и Лилия увидела одинокую фигурку, спускающуюся с холма.

– Назовите ваше имя!

Фигурка обернулась, и Лилия снова узнала себя.

– Лилия... Моё имя – Лилия.

«Что происходит?..»

Но девушка не успела подумать: вдруг она словно полетела сквозь деревья, тёмные рощи сменялись полянами, потом мимо пронёсся зелёный сумрак – кленовая роща!

– Так ты эльф....

Лилия увидела, как она, бледная и потрясённая, протягивает руку к лежащему Индилу. А ведь сначала она и впрямь думала, что он человек...

– Кидаться чем-то тяжелым – это жестоко.

Индил лежал и посмеивался, глядя на неё, и Лилии показалось, что он вдруг оказался прямо здесь – только сделать шаг.

Вдруг мимо пронеслась кавалькада во главе с королём, и девушка увидела, как Марли улыбается и говорит ей:

– Я Марли. Приятно познакомиться, Лилия.

Девушка моргнула, и тут же Индил сказал:

– Он и от тебя, кажется, уже в восторге.

Вдруг всё потемнело, и...

– Довольно.

Лилия увидела, как она, разгорячённая, расстроенная, злая, со слезами на глазах, оборачивается и натывается на меч Эльдалина. Король Имирин стоит позади и смотрит на неё... изумлённо.

Вдруг она почувствовала, как её ладонь кто-то крепко сжимает. И сразу же:

– Он ломает тебе пальцы!

– Не ломает...

Вмиг картинка их ночного обряда угасла, и перед глазами у неё возник ручей. Она и черноволосый эльф сидели на стволе мёртвого дерева и разговаривали. Но Лилия услышала только одну фразу:

– Не друг, будь уверена.

Лилия зажмурилась и почувствовала, как по щекам у неё текут слёзы.

– Почему?..

Она всё ещё тупо смотрела на кровь, измаравшую траву.

– Если ты ему поможешь...

– Что? – девушка подняла голову; она едва ли могла говорить, но голос, доносящийся непонятно откуда, был немногим громче.

– Если ты ему поможешь... Пути назад не будет... Он умрёт... А ты останешься здесь... В безопасности...

– Он не умрёт, если ты меня отпустишь, – просипела Лилия, крепко-крепко зажмурился глаза.

– Пути назад не будет...

Изгородь шелестела, и голос едва был слышен. Но Лилия слышала его прямо в своей голове. Ей казалось, шёпот замолк и больше не вернётся, но вдруг почувствовала боль в руке. Изгородь спрятала шипы, и теперь её кисть и предплечье были покрыты глубокими ранами.

– Девочка... С таким же именем... —зашептал ветер в листьях, – С таким же именем... Поможет принцу выжить... Девочка... С именем...

Шёпот затихал, повторяя одно и то же. Ветка вдруг ослабила хватку, и девушка вытащила израненную, кровоточащую руку.

– О чём ты говоришь? – не поднимая головы, спросила девушка. Но ответа не дождалась.

Ветви расступились, и прямо перед Лилией оказался проход.

12

– Глазам не верю. У тебя получилось.

Из темноты на лестницу ступил Эльдалин. Он высоко поднял фонарь со свечой, едва освещавшей пространство.

– Что с твоей рукой?

– Неважно. Пошли быстрее!

Эльдалин кивнул, и вдвоём они бесшумно начали подъём вверх.

– И, кстати, – вдруг сказала Лилия, шагая по ступеням, – я всё равно рада тебя видеть.

Эльф только покосился на неё. Промолчал.

– Пути назад не будет... —прошелестело над изгородью. Но никто не услышал.

Белые цветы в коридорах погасли.

Индил умирает

1

Вместе поднявшись к воротам, они почти что бегом пересекли двор – было темно, и Эльдалин вёл её за руку. Потом крыльцо, и коридор, и лестницы, и снова коридор.

– Лилия! – Марли поднялся ей навстречу; глаза у него были красные. – У вас получилось!

– У неё, – тихо поправил Эльдалин и, поставив на стол фонарь, начал быстро зажигать свечи, факелы и камин в покоях. – Надеюсь потом услышать, как.

На постели лежал Индил. Его страшно лихорадило – кожа блестела от пота, он метался, сгребая руками простыни.

– Марли, помоги подержать его!

Лилия с помощью эльфа повернула его на бок, лицом к себе. Повязка была вся чёрная и влажная. Девушка чертыхнулась и огляделась по сторонам.

– Где моя сумка?

Оттуда она достала маленький острый нож и принялась резать повязку. Получилось не сразу, Лилии мешала израненная рука, и Эльдалин помог ей. Повязка отошла легко, и комнату наполнил неопиcуемый болотный гнилостный смрад.

Ни слова не говоря, Эльдалин притащил ведро с тёплой водой. У них не было времени готовить что-то ещё – Индил уже умирал.

Лилия лихорадочно вычищала гной, и ей казалось, что ещё немного – и рана окажется дырой, которая откроет им внутренности. Но такого пока не случилось, хоть и без этого всё было плачевно – багровые и чёрные полосы расплзались, будто сетью опутывая бок, живот, грудь и спину Индила. Воспаление и заражение уже овладели почти всем телом.

Девушка выбросила грязные лоскуты в камин вместе с повязкой. Огонь вспыхнул коричнево-зелёным пламенем.

Как она и подозревала, растение, завёрнутое в ткань, в сумке полностью засушилось; Лилия отрывала листья, укладывая их в рану.

– Ты сейчас будешь делать... то же самое? – дрожащим голосом спросил Марли.

Он и так знал, что сейчас будет, и Лилия это понимала, как понимала и то, что он не мог не спросить об этом. Девушка кивнула и сказала:

– Вам вдвоем придётся его подержать... может быть, сейчас он почувствует. – Почему-то она была почти уверена в этом. Сейчас всё будет сделано, как надо... К тому же, его состояние стало заметно хуже.

Марли болезненно поморщился; Эльдалин встал на одно колено напротив него.

Лилия глянула на Индила, без чувств метавшегося в бре-

ду. Несколько прядей прилипли к мокрому от пота лбу, и девушка, как тогда в лесу, отвела их за уши. Лоб был очень горячим.

Лилия вдруг подумала – он не выдержит. Индил на грани, и эта последняя попытка может убить его. Но что же делать? Неужели всё должно закончиться вот так?

– Лилия?

Девушка подняла глаза на Эльдалина. До этого он был спокоен, но сейчас... Она поняла, что эльф думал примерно о том же, о чём и она. Выглядел он беспомощно – впрочем, они все выглядели так. Правда, один из них – хуже всех.

Лилия кивнула – себе, им и мысли о том, что «хуже всё равно некуда», и, взяв оставшуюся без листьев веточку болотника, подожгла её от свечи. Цвет огня и запах были ей уже знакомы, и она почти уверенно поднесла огонёк к листьям.

Кажется, она невольно зажмурилась, когда всё в ране запылало сначала оранжевым, а потом сине-зелёным пламенем. Сейчас листья горели ярче, гораздо ярче. Эльдалин и Марли держали Индила – его трясло, он бился в их руках, словно птица, угодившая в силки. Они почувствовали запах горелой плоти.

Не приходя в сознание (на секунду их это даже порадовало), Индил сдавленно вскрикнул – и замер.

2

Бледные, они сидели и смотрели друг на друга и на Индила.

Когда он вдруг перестал метаться, в голову им пришла самая страшная мысль. Но Марли, охнув, протянул руку и обхватил ладонью шею Индила.

– Живой, – выдохнул он. – Дышит. И сердце бьётся.

В комнате воцарилась тишина. Листья догорели, и в свете костра Лилия видела, как чёрные и багровые полосы тускнеют у Индила на груди. Кожа вокруг раны была обожжена. Рана теперь была чистая, но всё такая же глубокая.

– Индил?.. – тихо позвал Марли, всё ещё не решаясь отпустить его руки.

– Он не слышит, – резче, чем ему хотелось бы, сказал Эльдалин.

– Я бы не была так уверена, – промолвила девушка.

Некоторое время они молчали, стараясь избавиться от напряжения. Первым заговорил Эльдалин.

– Что дальше?

Лилия неуверенно повела плечами.

– Нужно лечить ожоги... и ухаживать за ним... – она опять посмотрела в лицо Индила. Если бы её рука не лежала у него на груди и она не чувствовала сердцебиения – слабого, но всё же, – то решила бы, что он и вправду мёртв.

– Он будет жить? – осторожно спросил Марли.

Лилия глянула на него.

– Надо ждать.

– Нечего ждать.

Все трое обернулись и увидели стоящего у дверей короля эльфов.

– Что? – Лилия вспомнила их последнюю беседу и то, чем она закончилась.

А также то, что она, по сути, сбежавшая пленница, и у неё сейчас могут возникнуть проблемы. Однако ей было почти всё равно до того момента, как Имирин снова заговорил.

– Индил умрёт утром. Или к завтрашнему вечеру, – он склонил голову и взглянул на сына.

Надо ли говорить, что вся троица была изумлена до крайности. Король говорил о смерти сына и бровью не повел. На лице у него не было и тени сожаления или печали. После первого дня в лесу, когда эльфы нашли Индила, у него на лице вообще не было никакого выражения.

Лилия стала было подниматься на ноги, как вдруг Эльдалин крепко сжал её локоть и потянул вниз.

– Да, не вставайте, прошу вас, – ровным тоном продолжал Имирин. – Я лишь пришёл предупредить – не пристало в этой крепости тешить глупые надежды. Особенно эльфам.

С этими словами король пристально посмотрел Эльдалину в глаза. Взгляд короля он выдержал.

– Не пристало королю эльфов не знать о том, что пустых

надежд не бывает.

Имирин взглянул на Лилию и улыбнулся.

– А, девочка. Тебя здесь быть не должно.

– Меня отпустили, – сквозь зубы выдавила она.

– Я вижу, – наконец разозлившись, сказал Имирин, и взгляд его упал на её окровавленную руку. – Тебя выпустили. Я взял тебя с собой. Но это всё ничего не значит!

Лилия смотрела на Имирину во все глаза и думала, что он, кажется, потерял рассудок. Хотя, если говорить прямо, она была не уверена, что он вообще был при нём.

– Это ваш сын.

Слова сами вырвались, и девушка не знала, почему сказала именно это. Они не были похожи на обвинение, хотя Лилии хотелось бы именно этого – обвинить его. Обвинить в жестокости и холодности.

Или нет?

Лилия уже ждала очередную вспышку ярости; рядом Эльдалин заметно напрягся.

Но ничего подобного не последовало.

Имирин ещё взглянул на Индила, и лицо его приняло обычное выражение. Казалось, все молчали целую вечность, но вдруг король заговорил – тихо, как будто издалека:

– Я помню. И тем печальнее будет его смерть.

3

Лилия лечила ожоги Индила, и накладывала и меняла повязки, старалась отпаивать эльфа всевозможными отварами, они добавляли туда мёд, чтобы поддержать его силы.

Но он угасал.

Страшнее всего было, когда Марли и Эльдалин уходили рано утром. Они возвращались через три часа – вместе или нет, но за это время девушка совершенно изводилась одна. Сколько раз ей казалось, что эльф не дышит, сколько раз она бросалась к нему, сколько раз убеждалась, что ошиблась. Сквозь окна пробивался яркий свет солнца, но от отчаяния не спасал, хоть и старался изо всех сил.

Девушка постоянно готовила отвары, постоянно листала книгу, хотя уже выучила её вдоль и поперек, – и ежеминутно поглядывала на Индила.

Он был неизменно бледен. Правда, довольно часто оставался в сознании, но из-за слабости почти постоянно спал. Индил был жив – пока.

И Лилия изводила себя этим «пока» и надеялась, постоянно думала о том, что ждать нечего, – и ждала.

Думала о том, что он не может умереть, и каждый раз опасалась, что это уже случилось.

В первый же день Эльдалин вернулся один, и Лилия вышла из покоев. Вернулась она через полчаса, когда Эльдалин позвал её.

Эльф убедил её в том, что руку нужно залечить. Она ужасно болела, и Лилия немного радовалась, что изгородь выбрала левую, – иначе делать что-либо было бы крайне проблематично.

Запястье и предплечье покрывало около тридцати маленьких, но глубоких ран. Почти все воспалились и некоторые ещё кровоточили.

Эльдалин помог ей перевязать руку.

– Как это всё-таки вышло? – тихо спросил он.

– Плата за свободу, – задумчиво сказала девушка. По крайней мере, сама она думала так.

Эльдалин покачал головой.

– Маловато. Здесь что-то другое.

Но Лилия не ответила, лишь отвернулась.

Так, в заботах и волнениях, прошел первый день. За ним второй. И третий.

Индил был жив. Но слабел с каждым днём. Эльдалин, Марли и Лилия почти не разговаривали между собой. Занимались делом, девушка изредка спала, но постоянно её будили кошмары. В конце концов, она почти бросила это занятие и всё время бдела подле Индила, периодически оставляя его, когда Марли или Эльдалин ухаживали за ним.

Оставалось только ждать – всё, что было возможно, они уже делали. И если это не поможет, то...

Лилия никогда в жизни искренне не желала кому-либо смерти; сама она боялась её до невозможности, хоть и была молода. Что там, дальше? Говорят, другая жизнь. А если это не так? Что если там нет ничего? Вот совсем. Пустота. И всё, что любишь, навсегда для тебя остается потеряно. А потом ты неизменно об этом забываешь...

Мысль о том, что Индила ждёт смерть, сжимала ей сердце...

Почему именно он? Индил добр, силен и смел. А ещё безмерно красив – об этом Лилия не могла периодически не думать и едва заметно улыбалась.

– У тебя волосы... цвета белой лилии, помнишь? – говорила она ему, когда оставалась одна.

Если Индил не спал, то находил в себе силы немного тоскливо улыбнуться. Однажды он открыл глаза и взглянул прямо на неё так ясно, что девушка удивилась.

– Пока помню... Когда напоминаешь, – Индил то ли усмехнулся, то ли поморщился. – Сидишь?

– Сижу, – кивнула девушка.

Индил прикрыл глаза – кажется, чувствовал он себя явно неважно.

– Я рад... почему-то.

– Отдыхай давай.

Девушка не могла поверить, что ему уготовано умереть и забыть обо всех, кому он дорог. Лилия вспоминала Марли.

– А как же я... без него?

Если бы Лилия была до конца честна с собой, то знала бы – ей он тоже стал дорог.

6

За окном смеркалось. Это был шестой вечер с того дня, как они попытались спасти Индилу жизнь.

И, кажется, у них ничего не вышло.

Всё время Лилия усиленно ухаживала за эльфом с помощью Марли и Эльдалина. Жар и страшные чёрные отметины прошли, но теперь кожа у него была холодной. К вечеру ему стало намного хуже, чем все прошлые дни, – он всё чаще терял сознание. И совсем не разговаривал, хоть девушка и видела, что он слышит, если его позвать. Но не находит сил открыть глаза.

Все трое молчали, глядя на закат. Лилия сидела на полу у стены, Марли у изножья кровати, а Эльдалин стоял, скрестив руки на груди, возле окна.

– Завтра к закату он умрёт.

Эльдалин не отрывал глаз от окна. Все молчали.

– У него есть ещё шанс, – сказала девушка, уставившись на свои руки – здоровую и перевязанную.

– У него был шанс. Индил прожил дольше, чем думал его отец, – Эльдалин опустил голову. – Завтра он умрёт. Больше не выдержит.

Лилия закусила губу и опёрлась затылком о каменную стену. Она знала, что Эльдалин прав. Теперь сомнений быть уже не может.

Индил умрёт.

Прикрыв глаза, она услышала приглушённые всхлипы.

Марли сидел, смотрел в окно и почти неслышно рыдал, прижав кулак ко рту.

Впервые Лилия увидела такой горький плач. Она и сама готова была плакать, глядя на угасающий закат, неподвижно стоящего Эльдалина и Индила. Как могло всё так случиться? Они действительно сделали всё, что могли? Или что-то было бессовестно упущено?

Девушка хотела бы сказать ему что-нибудь... Что всё будет хорошо, например. Но это неправда. Что он хороший друг. Это чистая правда, но разве она поможет?

Лилия судорожно вздохнула и опустила голову на колени. До наступления темноты никто не двинулся с места.

Утром Эльдалин и Марли снова ушли.

Девушка, кстати, узнала у них, куда.

Они находились в крепости с военным гарнизоном. Все эльфы были воинами и каждое утро по три часа занимались, оттачивая боевые навыки и выносливость.

Резонно, думала девушка.

Вполне логично, думала она.

Почему так вышло, спрашивала себя Лилия.

Почему так вышло?

Она сняла воду с травами с огня и, набросив ткань на кувшин, процеживала отвар.

Почему так вышло?

Лилия отставила кувшин в сторону – остыть немного – и снова села на стул у постели.

– Почему так вышло? – глядя на Индила, тихо спросила она.

Зачем бы ей не оставить его одного? Он умирает, и умирает неотвратимо, – разве не разумнее бы было отступить-ся, раз уже всё решено? Почему она сидит здесь, смотрит на него и ждёт?

Лилия вздохнула и посмотрела в окно. Рассветало.

– Солнце восходит, – сказала девушка. – Сегодня будет хороший день. Тёплый.

Лилия осеклась. К чему теперь ему хорошие дни? Кому она это говорит?

Минуту она молчала, как вдруг услышала тихий шелест и трель. Повернув голову, девушка увидела дрозда. Он приземлился на каменный подоконник окна и взглянул на неё черными глазками. Дрозд застрекотал и принялся чистить пёрышки.

– Ты мой старый знакомый? – тихо спросила она, вспомнив птицу, что прилетела к ней, усевшись на забытый Манелем кувшин. – Жаль, вас очень трудно различать.

Дрозд покрутил головой и сделал пару прыжков по подоконнику. Туда – обратно.

– Если это ты, – продолжала Лилия, – то можешь передать... – Интересно, кому? Кустам? Но девушка не дала себе задуматься, и продолжала: – Что меня зря отпустили. Ничего путного из этого не вышло.

Девушка вздохнула, улыбнулась.

И заплакала.

Дрозд озадаченно смотрел на девушку, встряхивая хвостиком. Он вопросительно свистнул, подпрыгнул ближе, внутрь, и свистнул ещё раз.

Лилия шмыгнула носом и выдавила:

– Ты хоть понимаешь, что я говорю?

Дрозд покрутил головой и залетел в комнату, приземлившись на изголовье кровати. Сверху он ещё немного озадаченно повертел головой, и девушке показалось, будто дрозд

рассматривает Индила. Его кожа и волосы сейчас сливались с простынями и одеялами. Он выглядел как призрак.

Дрозд свистнул. Раз, другой, перебегая по изголовью. И, наконец остановившись, он издал длинную и громкую трель.

Не будь это птица, Лилия подумала бы, что она тоже плачет. Дрозд поворачивал голову, смотрел на Индила и горестно при этом щебетал.

Девушка раскрыла рот, глядя на него.

Он ПРАВДА его оплакивал. По-своему.

– Лети, лети отсюда!

Лилия встала и, разрыдавшись, выгнала птицу. Та вылетела в окошко с громким и отчаянным свистом. Зажав рот ладонью, девушка смотрела дрозду вслед, пока свист не умолк где-то далеко. Возможно, в зарослях изгороди.

– Глупая, глупая птица! – в сердцах бросила Лилия, зашла вглубь комнаты и, отыскав чашку, стала наливать туда из кувшина. Приятно запахло травами.

Девушка не знала, почему прогнала дрозда и почему вдруг разрыдалась; точнее, знала, но не могла бы объяснить.

Индил был ещё жив, и хотя Лилия знала, что Эльдалин был прав минувшим вечером, ей казалось, что оплакивание только ускорит его гибель.

Хотя она и сама плакала по нему всю ночь.

Напоив – а точнее, влив в Индила отвар, – она снова села рядом и смотрела, как едва заметно поднимается его грудь.

8

– Так, значит, тебя зовут Лилия? Очень красивое имя.

Лилия увидела, как он улыбается и кивает девушке в оборванном платье. Ей.

– ...и цвет волос...

– Как у лепестков белой лилии! – радостно выпалила девушка.

Лилия видела себя и Индила со стороны, как будто пряталась за деревом в роще. Это напомнило ей видения в изгороди.

– Ты можешь уйти.

Да, точно, он говорил так. Она правда могла уйти.

– Лорд Индил, я рад, что вы чувствуете себя лучше, чем выглядите!

А это Марли. Ой, он покраснел аж до кончиков ушей!

Вдруг всё потемнело. Лилия приглядывалась и поняла – это на запруде. Той, возле которой они с Эльдалином обошли все окрестные болота. Она увидела возле Индила Марли, опасливо поглядывающего куда-то влево.

– ...Лично я бы даже будучи при смерти не доверил жизнь девчонке, которая не может следовать указаниям! Или мне сразу убить его, как думаешь? С твоей помощью он всё равно умрет.

И девушка увидела Имирина, почти кричавшего ей в ли-

цо, и себя саму – побледневшую, мокрую, со слезами на глазах.

Вскрикнув, Лилия очнулась. Она заснула, сидя на стуле. Рука под повязками болела невыносимо; девушка подняла её и увидела, как сквозь ткань просачиваются кровавые пятнышки.

Взглянув на Индила и убедившись, что он ещё здесь, она задумалась.

Что всё это значит?

Марли вернулся один и застыл на пороге. Лилия улыбнулась ему и поднялась, чтобы он смог поухаживать за Индиллом. Но эльф оставался стоять на месте.

– Марли?

Он даже не смотрел на неё.

– Марли, ты чего?

Лилия подошла к нему ближе; эльфа трясло, и Лилия все-таки испугалась.

– Что. Случилось. Марли? – Девушка взяла его за плечи – он единственный из эльфов был с нею одного роста – и, чеканя слова, немного встряхнула его.

Марли наконец взглянул ей в глаза.

– Он ещё жив, правда ведь?

Лилия кивнула (ещё бы я здесь так спокойно сидела...).

– А если он будет умирать... – «Когда», чуть не поправила его девушка, но вовремя прикусила язык; Марли договорил: – Он не очнётся?

Лилия открыла было рот, снова закрыла, обернулась на Индила. Несколько секунд присматривалась, чтобы уловить слабое дыхание. Когда она снова взглянула на Марли, то помотала головой.

Эльф заметно сник.

– А как ты думаешь... Он слышит, что говорят?

– Я не знаю, – ответила Лилия.

– А думаешь как?

В голосе Марли чувствовалась настойчивость. Какая-то... отчаянная.

– Думаю, слышит, – сказала она; по крайней мере, ей очень хотелось в это верить...

Марли покивал, задумался, снова покивал. Лилия ждала. Она не понимала, что он хочет.

Он поднял глаза и сразу же их опустил.

– Я просто... Мы ведь даже не поговорили. Не попрощались толком...

Она смотрела на него во все глаза.

– Да, я знаю, это очень глупо, но мне казалось... – он загнулся и посмотрел на неё. – Что всё не могло так закончиться.

– Нет, – Лилия закусила нижнюю губу, чтобы она не дрожала. – Нет, это... это не глупо...

Она вдруг поняла – Марли ведь прав. Это так странно – он жив, они видят его каждый день.

Но ничего не могут сказать друг другу.

Она отпустила Марли и пошла к двери. Остановившись, она обернулась: эльф стоял на том же месте.

– Я уверена, он тебя услышит...

Марли коротко кивнул.

– Если что, я здесь... позовёшь.

Лилия вышла, быстро закрыв за собой дверь и прижав-

шись к ней спиной. Она кусала губы и заламывала руки.

Как будто снова оказавшись в плену изгороди, в своей голове она различила шёпот:

– Почему... Почему... Почему?

Ткань на руке теперь почти вся была тёмной от крови – маленькие пятнышки продолжали расползаться. Лилия прижала её к груди и медленно пошла по коридорам.

Марли сделал всё, что нужно, в полном молчании. Он думал.

Присев на каменный подоконник, он некоторое время сидел с опущенной головой.

– Я уверена, он тебя услышит...

Марли поднял глаза.

Начинался день, и в комнате было светло. Камин почти погас – Лилия, кажется, пока закончила с отварами.

Или совсем закончила.

От этой мысли эльфа передёрнуло, и он начал методично выгребать золу. Просто так, руками, хотя рядом лежали и каминные щётки, и скребок. Сбрасывая кучку в плоский ящик, специально для этого приготовленный, он так яростно работал руками, что часть золы просыпалась на пол. Марли взял в руки щётку, собрал просыпанное в кучку возле ящика, а потом резким движением забросил щётку в камин, вскочил на ноги, метнулся к двери и обратно. Застыл возле кровати Индила, по-прежнему молча.

Если бы Эльдалин видел его сейчас, то точно изумился бы. Или даже забеспокоился.

Лилия бы точно забеспокоилась.

На лице эльфа застыло жёсткое, упрямое выражение. Сам он наверняка не знал об этом, но такое же выражение часто

появлялось у Индила. Оно означало, что сдаваться он не намерен. Какими бы ни были ставки.

Кажется, впервые за долгие годы Марли проявил характер. Не присущий ему, не подходящий ему. Но в эти короткие моменты, что он провёл подле бледного, как полотно, друга, что-то у него внутри щёлкнуло.

– Я не знаю, слышишь ты меня или нет. Лилия говорит, что да. Я ей верю. – Марли замолчал. Он знал, чувствовал, что хочет сказать, но ему нужно было подумать... над тем, как это лучше сделать.

Слова внезапно полились сами собой.

– Вот что. Если ты решил, что хочешь умирать, – пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты страдал. Потому что очень тебя люблю, ты знаешь. Если ты умрёшь, я буду оплакивать тебя столько, сколько хватит сил, – Марли судорожно вздохнул, подавив подступившие к горлу рыдания. – Но если ты просто решил сдать... Если так, то слушай. Да, я очень хочу верить в то, что ты слышишь меня. Если ты решил сдать, то подумай ещё раз. Это очень похоже на шантаж... но я не смогу без тебя. Я умру без тебя. Ты должен это знать! Может, тебе кажется, что я смогу взять себя в руки, стать сильнее... Но я не такой. Я не смогу. Только благодаря тебе и ради тебя я всё ещё здесь – живой, хотя ни на что не годный.

Упрямое выражение никуда не ушло с лица Марли, но теперь он плакал. Ребёнок, которым он являлся, пусть не совсем по возрасту, никуда не пропал... Но Марли продолжил,

взяв себя в руки.

– И если ты всё ещё не убедился, что нужен нам живым, то я ещё кое-что скажу. Лилия всё время сидит около тебя. Мы с Эльдалином спрашивали, почему. Она не говорит, просто улыбается. Она и спит, по-моему, тут же, хотя я звал её к себе. И послушай. Кажется, мы с ней подружились. Даже Эльдалин. И о тебе она горюет так же, как и мы, хотя знает тебя... мало. – Марли не стал прикидывать, сколько знакомы Лилия и Индил, особенно если учесть, что большую часть проведённого вместе времени последний был в бессознательном состоянии. – Так вот. Если ты умрёшь, она точно отсюда уйдёт. Я ей нравлюсь, она меня тоже любит, как тебя, но, кажется, она всё-таки уйдёт. Или король прогонит её.

«Или убьёт», – подсказал ему внутренний голос, изредка подающий здравые идеи.

Но Марли отмахнулся от него. Он никогда не хотел, чтобы Индил беспокоился, и если не нарочно так всё-таки получалось, очень переживал. И сейчас Марли вздрогнул – всё, что он тут наговорил, точно бы заставило его друга беспокоиться. Если он действительно слышал всё. Или хоть что-нибудь. И мог понять.

И вот теперь его решимость, даже злость (непонятно, на кого, но выместил он её частично на каминной щётке) мигнули и погасли, как догоревшая свечка.

– Я просто хочу сказать... Я люблю тебя. И она тоже. И Эльдалин. И...

Марли даже забыл, что хотел сказать. Его руки сами сжались в кулаки. Лицо уже было мокрым от слёз, но он не пытался сдерживаться. Как он устал от всего этого!

– Пожалуйста... только живи, – прошептал он и прижался губами к холодному лбу Индила.

Может быть, какая-то его часть надеялась, что его друг очнётся. Откроет глаза и скажет, что они так быстро от него не избавятся, и вообще с чего он, Марли, плачет.

Но Индил не шевельнулся.

Лилия сидела в широком проёме окна в конце коридора. Иногда поглядывала на дверь. Не хотела мешать Марли, но беспокоилась. Он знает Индила гораздо дольше её. Он его друг, учитель... защитник. Глядя на Марли, девушка иногда думала, что она не имеет права даже просто грустить. А уж плакать тем более.

Но странным образом Индил стал для неё очень важен. Может, потому, что они встретились в такой момент, когда и эльф, и она сама оказались в ужасном положении. Или просто им суждено было стать друзьями (Лилия никогда не отвергала подобные мысли). Но, как бы там ни было, она не желала Индилу смерти так же, как не желала бы её Ревеке. Или отцу и матери.

Лилия задумчиво подняла левую руку к глазам. Она стала болеть ещё сильнее. Воспаления не было, не могло быть. Но ранки словно открылись сами собой. Повязка уже почти вся пропиталась кровью. «Придётся просить помощи у Эльдалина, когда он придёт».

В голове у неё мелькнула странная мысль. Точнее, вопрос. Был ли дрозд, которого она прогнала, всё-таки тем же самым?

Но кто знает. Они действительно, на первый взгляд, все одинаковые.

Она немного вздрогнула, когда открылась дверь.

Марли вышел оттуда в состоянии даже более убитом, чем зашёл. Глаза у него немного покраснели, но не в этом было дело. А в его выражении лица. Оно казалось безмерно печальным и в то же время отрешённым. Лилия не думала, что такое выражение вообще может быть...

– Марли? – она позвала его, когда эльф поднял голову и начал искать её глазами.

Марли сразу обернулся к ней.

– Как дела? – спросила девушка, когда он подошёл и сел рядом на подоконник.

Марли тряхнул головой – волосы были убраны в косу на затылке – и кривовато усмехнулся. В этот момент его лицо приняло обычное добродушное и открытое выражение. Хотя печаль глубоко в глазах осталась.

– Даже не знаю, что сказать. Я словно... застрял где-то, понимаешь? Не в буквальном смысле, но...

Марли задумался, вопросительно посмотрел на девушку. Она уже поняла, о чем он говорит, но решила, что эльф должен сам оценить своё состояние.

– Ничего не происходит. Совсем ничего. Иногда я думаю – пусть уже что-нибудь случится.

«Пусть он или откроет глаза, или умрёт, наконец».

Да. Лилия тоже ловила себя на этой мысли. Понятное дело, что они не желали Индилу смерти и могли сидеть подле него столько, сколько потребуется. Но это было тяжело, и

девушка понимала Марли. О чём ему и сказала.

– Это ужасная мысль, особенно если не забывать, что у сложившейся ситуации два выхода.

Марли отвернулся, поглядел в окно. На глаза навернулись слёзы.

– Но это не зазорная мысль. Она естественная.

Эльф опять посмотрел на девушку.

– Ты так считаешь?

– Я это знаю, – спокойно ответила она. – Я стала лекарем в пятнадцать лет. И видела людей, у которых умирали родственники. Кто-то умирал достаточно быстро, и это было даже проще. Но бывало, они долго лежали в постели. Или на лавке. Или просто на полу.

Марли внимательно слушал её. Он сидел так же, как Лилия, – забрался на подоконник и подтянул коленки к груди, положив на них подбородок. Из-за этого красивые зелёные глаза смотрели немного исподлобья.

– И часто со мной разговаривали... делились переживаниями, так скажем. Почти у всех возникало похожее чувство уже на второй день, – Лилия теперь тоже смотрела на Марли. – Однажды я почти две недели приходила к одной старушке. Ей было так много лет... по нашим меркам, естественно, и я удивлялась тому, что она ещё жива. Она очень сильно болела. Не ела, не двигалась, не разговаривала. А рядом всегда сидел её муж. Старик. Дряхлый старик. И однажды он сказал мне: «Я не могу больше. Я не хочу больше

сидеть и ждать того, что произойдёт дальше».

– Она умирала? – спросил Марли.

Лилия на пару секунд задумалась.

– Да, – ответила она, – умирала. Он, наверное, чувствовал это, но не знал точно.

– Ты не сказала? – Марли немного удивлённо приподнял голову – теперь подбородок не лежал на коленях.

– Нет. Хотя знала, что помочь не могу.

– А зачем тогда ты ходила?

Лилия посмотрела в окно. День намечался прекрасный. В голубом, чистом небе не было ни облачка. Из леса долетал приятный прохладный ветерок.

– Моя обязанность. Я наблюдала за ней. Пыталась понять, что происходит. Но, наверное, я приходила и из-за того старика. Странно было оставлять его одного, наедине с умирающей женой. И когда в тот раз он сказал мне это, я спросила: «Неужели вы хотите, чтобы она умерла?»

– Но он же не хотел! – воскликнул Марли.

– Мне было шестнадцать, я ещё этого не понимала, – Лилия чуть улыбнулась искреннему возмущению Марли. – Но он так же посмотрел на меня. Как ты сейчас.

Эльф невольно выпрямился, снова упёрся подбородком в колени.

– Он сказал: «Ни за что я не пожелаю ей смерти! Никогда! Но если она умрёт, и ничему другому не суждено произойти... почему это не может произойти быстрее? Прямо сей-

час? Как было бы легче...»

Некоторое время они молчали. Марли упорно о чем-то думал. Лилия видела, что ему не нравится всё это. Он не дурак, и обманывать самого себя не станет...

Марли действительно узнал свои мысли в том, что сказал, по словам его подруги, старик. И ему это совсем не нравилось, совсем...

– Он что-нибудь ещё сказал? – вдруг спросил её Марли.

Лилия даже вздохнула от облегчения. Эльф всё понял. Задал правильный вопрос.

– Да, – ответила она. – «Я только жалею, что не умру вместе с ней».

Марли не стал чувствовать себя лучше, но ему стало определённо немного спокойнее. Он ушёл, пообещав, что, когда сделает свою работу в конюшне, сразу вернётся.

Лилия вернулась в комнату, к Индилу. Убрала на место ящик, вытащила из камина щётку. Прикинула, когда снова разжечь камин и поставить воду. Понаблюдала за Индиллом, пришла к выводу, что ему явно не хуже, чем было день, два назад. «Но, конечно, всё случится очень быстро, когда он перестанет сопротивляться».

Девушка не знала, что Марли сказал ему. Хотела спросить, но решила, что ей это ни к чему.

Она присела на свое место – стул возле кровати. На нём она сидела постоянно, когда никого больше не было. С Марли они иногда сидели на полу. Эльдалин предпочитал стоять у окна.

Марли всегда переплетал Индилу косу, так что сейчас она аккуратно, завязанная тёмно-зелёной, как у Марли, ленточкой, лежала на плече и груди эльфа. Длинная, тяжёлая.

– И цвет волос, как у лепестков белой водяной лилии, – улыбнулась Лилия. Взяла Индила за руку. Холодная.

– Я хотела бы узнать тебя лучше, – вдруг добавила девушка. – Хотя уже знаю, ты хороший. И ты нам нужен. И мне тоже, веришь, нет?

Прошлой ночью она видела в темном коридоре короля. Он стоял, прислонившись к стене меж двух окон, у дальнего конца, совсем рядом с лестницей. Сложив руки на груди и опустив голову, он, кажется, думал. Лилия, как всегда, оставила дверь открытой (так комната лучше проветривалась). Обычно она оставалась рядом, поглядывала за Индиллом. Но в эту ночь что-то заставило её поступить по-другому.

Король её видел, совершенно точно. И мог догадаться, что и она заметила его, несмотря на темноту.

Лилия вышла и направилась к лестнице, которая была ближе к ней. К той, что вела вниз, к крыльцу, на площадь.

«Ну что? Может быть, вы зайдёте к нему? Хотя бы посмотрите, что случилось нашими стараниями...»

Так она думала, когда, не оборачиваясь, спускалась вниз. На один пролёт. Остановившись на первой площадке, Лилия прислушалась. Её слух старался зацепиться за малейший шорох. Может, шаги, голос. Что-нибудь, что сказало бы о том, что её просьба услышана.

Спустя пять минут она поднялась. Короля не было видно. Но когда Лилия, стараясь не шуметь, подошла и заглянула в открытую дверь, его не оказалось и там.

Король ушёл.

Лилия до сих пор не могла понять, что за странная связь получается между отцом и сыном. Имирину явно было не всё равно, но... что он чувствовал?

Или... Неужели он боялся приходить? Или чувствовал се-

бя виноватым? Или просто не хотел видеть сына в таком виде?

– Ничего не понятно, – пробормотала Лилия.

Вдруг левую руку пронзила острая боль, неприятная, словно что-то укололо её в нескольких местах. Девушка поморщилась, бросила взгляд на ладонь.

Повязка давно была вся испачкана, а теперь кровь медленно вытекала на пальцы, которые повязкой не закрывали.

– Та-ак, – протянула Лилия.

Это было уже нехорошо. Она ничего не делала, чтобы ранки так открылись. А даже если бы они открылись, откуда столько крови?

Девушка снова поднесла руку к глазам, внимательно осмотрела повязку. Развязала узел, когда услышала шаги в коридоре.

– Марли уже приходил? – заглянув в комнату, спросил Эльдалин.

– Да. Ушёл в конюшню, – ответила Лилия.

Эльф кивнул, прошёл в комнату, встал у изножья кровати. Бросил оценивающий взгляд на Индила.

– Ничего нового?

– Ну, не хуже.

Лилия машинально дергала повязку, которую только что собиралась снять. Эльдалин заметил это.

– Что у тебя с рукой?! – воскликнул он, опустив глаза на её ладони.

Девушка снова взглянула на свою руку, как будто впервые её увидела. Поморщилась, скорее, от недовольствия, нежели от дискомфорта.

– Не знаю. Я ничего не делала, но это с самого утра продолжается.

Эльдалин взял стул, стоящий у стены, и сел рядом с ней.

– Там стоит вода, – Лилия указала на одну из полок, низко висящих рядом с камином.

Эльф дотянулся до одной из чашек, вымыл руки. Пока он проделывал это, Лилия разматывала намокшие повязки. Из-за пропитавшей их крови они немного прилипали друг к другу, но девушка быстро освободила от них сначала ладонь, потом предплечье. Кажется, если бы она не закатывала рукава платья, правый точно оказался бы в ржавых коричневых пятнах.

– Уже ведь неделя прошла? – Эльдалин хмурился, вытирая руки чистой тканью.

Лилия кивнула. Она поняла, о чем подумал эльф, – раны должны были начать затягиваться. Из-за боли Лилия ожидала, что они воспалились... изгородь, в конце концов, могла быть ядовитой, не так ли? Кстати, об этом она почему-то подумала впервые.

Но причина, кажется, была не настолько проста.

Рука не воспалилась, хоть и болела. Кожа была грязной, вся в кровавых разводах из-за пропитавшихся повязок. А ранки не просто не пытались затянуться – они выглядели

так, словно шипы изгороди лишь минуту назад высвободили девушку из своих крепких объятий. Кровь медленно сочилась из каждой. Пока девушка изучала это интересное, на её взгляд, явление, на каменный пол упало несколько капель, расцветая маленькими красными цветочками.

Эльдалин пробормотал что-то нечленораздельное, но интонации были не слишком довольные. Взял изувеченную ладонь девушки в свои, тоже начал внимательно осматривать её. Слегка надавил пальцем между двумя ранками на предплечье. Лилия поморщилась, но промолчала.

– Ты не думаешь, что это...

Эльдалин вдруг замолчал, бросил взгляд в окно, нервно усмехнулся.

– Что? – Лилия не поняла его.

– Мне кажется, это из-за изгороди, – понизив голос, немного вопросительно сказал эльф.

– Естественно, это из-за изгороди, я же...

Лилия умолкла, увидев, как Эльдалин смотрит на неё. Взгляд эльфа говорил: «Подумай, я говорю не просто так».

– Когда это началось? – убедившись, что она его поняла, спросил Эльдалин. – Утром, но конкретно?

– Когда я прогнала птицу, – без запинки, сама себе удивившись, ответила девушка. Эльдалин удивленно вскинул брови.

– Рассказывай.

И Лилия рассказала всё, что случилось утром. Не упустила ни одного сказанного слова, рассказала, как вел себя дрозд и как она выгнала его. Эльдалин внимательно слушал. Он смывал кровь с её руки, и молочного цвета ткань постепенно становилась розово-коричневой.

– Это она, – уверенно сказал эльф, когда Лилия закончила.

– То есть ты хочешь сказать... – девушка задумалась, глядя, как Эльдалин пытается остановить кровь, зажимая её ладонь тканью. «Это очень странно, но не страннее, чем всё, что произошло», – рассудила Лилия, и закончила свою мысль: – Ты хочешь сказать, что она так злится на меня? Что дрозд, который прилетал, передал ей мои слова.

Эльдалин снова нервно усмехнулся, покачал головой.

– Я ничего не хочу сказать, но ты должна понимать, что эта изгородь не совсем обыкновенная...

– Спасибо, уж в обыкновенности я её не обвиняю, – перебила Лилия Эльдалина.

– Знаю, знаю, – немного раздражённо ответил эльф; он начинал нервничать, когда не мог объяснить что-то. Но всё-таки продолжил.

– Всё здесь уже не так. И я говорю не о том, что было ещё раньше. О том, что происходит сейчас. Мы уже многого не

можем. У нас есть сила и знания, что-то ещё хранит нас, но всё идет... не в ту сторону. Нас стало меньше, многие, нет, почти никто не знает о том, что мы ещё здесь, прямо под носом у людей.

– Не совсем под носом, – уточнила девушка. Она вспомнила, как они подъезжали к крепости. Вспомнила, какие лица были у эльфов, когда они поняли, что их стена для неё не видима. – Я слышала о... забвении.

Эльдалин не удивился – он ведь тоже слышал их разговор на дороге. Но от сказанного поморщился.

– Можно сказать, это всё побочные эффекты одного и того же. Я не собираюсь рассказывать обо всём. – Эльдалин бросил на неё короткий, странный взгляд, но тут же продолжил свое занятие. – Но эта изгородь, возможно, самая сильная из всего, что здесь есть.

Лилия во все глаза смотрела на эльфа. Он ещё ни разу не говорил так много, и то, что говорил сейчас, было, несомненно, важно. Девушка по-прежнему понимала не всё, но кое-что стало проясняться у неё в голове.

Она взглянула на Индила, прежде чем продолжить. «И снова ничего нового», – со странным спокойствием подумала Лилия. Нервное беспокойство и печаль вдруг отпустили её. Наверное, временно.

– Изгородь магическая, всё ещё подчиняется королю, но обладает своим разумом, – подытожила девушка таким тоном, словно они говорили о погоде за окном. Кстати, как

и обещало утро, она была великолепна. Настоящий летний день, не предвещающий ни дождя, ни урагана.

– Именно, – сказал Эльдалин. На самом деле он думал, что девушка начнёт убеждать его в том, что всё это – абсурд. Он сам так иногда считал.

– Но я всё-таки не понимаю, почему она делает... вот это. Если это она.

Лилия кивнула на свою руку. Как ни старался Эльадлин, кровь всё равно медленно сочилась из ран.

Эльф не ответил. У него были на этот счет кое-какие предположения, но не более того. Он совсем не думал о случившемся – по правде говоря, его мысли занимали Индил, обязанности командира...

И король.

Так что девушка, изгородь и много чего ещё выпало из его внимания, и Эльдалин решил исправить эту ошибку в ближайшее время. И сделать это было необходимо

Ещё пять минут они молчали – у девушки теперь жутко болела не только рука, но и голова. Её тело не могло смириться с такими, пусть сравнительно небольшими, но постоянными потерями. Несмотря на все старания Эльдалина кровь, казалось, стала течь сильнее. Девушке показалось, что она слышит какой-то шёпот. На мгновение даже подумала, что это Индил очнулся и решил что-то сказать, но, внимательно к нему присмотревшись, сразу поняла, что ошиблась.

«У меня уже шумит в голове», – с беспокойством подумала Лилия. Встряхнула головой, и шёпот прекратился. Но лишь на секунду.

– Лилия? – Эльдалин решил, что девушка сейчас лишится чувств. Но ясный взгляд убедил его в обратном.

– Кажется, у нас ещё одна проблема, – извиняющимся тоном сказала она.

– Я думаю, с тобой ничего не должно случиться. Скоро это закончится, что бы оно ни значило.

Эльдалин бросил быстрый взгляд на Индила, но Лилия его всё равно заметила. И поняла, что имеет в виду эльф.

– Ты думаешь?..

– Не уверен. Скажи, что мне делать.

Лилия на секунду зажмурилась, прогоняя боль и лишние мысли, а потом посмотрела на свою руку. «Если Эльдалин

прав... а я правильно понимаю его догадки, то с этим ничего не сделаешь». Но если так пойдёт и дальше, то потеря крови к вечеру сравняется с серьёзным ранением. А если ещё вспомнить тот печальный факт, что помочь ей никто не сможет, то...

Лилия подняла раненую руку высоко над головой и подержала так, оставив правую свободно висеть вдоль тела. Обычно это помогало, если кто-то ранился, но... Кровь медленно потекла вниз, на локоть, испачкав-таки рукав платья. Ситуация принимала совсем нехороший оборот.

– Возьми повязки в сумке, – попросила она Эльдалина, – может, получится ненадолго передавить руку.

Эльф быстро поднялся, немного подумав, отбросил окровавленную тряпку к остальным использованным повязкам. Он был спокоен до этих пор.

«Девочка ни в чем не виновата. Что ты делаешь?!» – вдруг подумал Эльдалин, направляясь в угол, к сумке. Он сам не знал, кому адресован этот посыл, и, в принципе, даже не задумывался об этом... Снова.

Эльдалин осторожно взял сумку в руки. Девушка уже как-то просила его найти в ней одну из баночек, и он убил на это никак не меньше двух минут. «Целый походный лазарет», – подумал он тогда, и эта же мысль снова посетила его.

– Пока ты не перегрелся, можешь просто принести её сюда, – в голосе девушки Эльдалин услышал смешливые нотки и, оглянувшись, увидел, что она действительно посмеивает-

ся. И на самом деле было над чем – редко когда можно увидеть эльфа, так сосредоточенно изучающего обыкновенную лекарскую сумку. «А он даже не знает, сколько там всего ещё могло бы поместиться», – подумала девушка.

– Что с твоей рукой? Почему... кровь?

Эльдалин и Лилия вскрикнули от удивления и испуга. Эльф чуть не выронил сумку, девушка вскочила со стула, который едва не опрокинулся.

Тихий, но ясный голос принадлежал Индилу.

Он очнулся.

В первые секунды все трое сначала недоумённо смотрели друг на друга.

– Индил? – как будто проверяя, что не сошёл с ума, переспросил Эльдалин.

– Привет, – ответил принц. Эльдалина он видеть не мог – тот по-прежнему стоял в дальнем углу комнаты – и повернулся к девушке, со всё более нарастающей радостью в сердце глядящей на него. Глаза болезненно поблескивали, но яркости и красоты не утратили. – Я вас слышал. Всё время.

– Это хорошо, – зачем-то сказала Лилия. В следующую секунду она уже плакала, обнимая Индила за шею здоровой рукой. Он живой! Правда живой!

Выполненные обещания

1

В первые минуты Лилия – вполне обоснованно – думала, что Индил мог прийти в себя ненадолго. Так бывает, и пришедшую поначалу радость сменила тревога. Однако что-то, предчувствие или даже просто подсознательное знание, сказало ей о том, что всё прошло.

Индил останется в живых.

Каким-то чудом, но останется.

Они дали ему воды, которую он принял с радостью – девушка помогла ему. После Лилия оставила их вдвоем с Эльдалином (весьма предусмотрительно, даже эльф не сразу подумал об этом).

Она хотела найти Марли на конюшне, но решила не торопиться... к тому же боялась потеряться, а сейчас для этого был не слишком удачный момент. Возвращаясь, она столкнулась с Эльдалином в дверях.

– Что-то не так? – с тревогой спросила она.

– У нас всё хорошо, – улыбнулся Эльдалин, – но осталась одна проблема.

Он указал на её руку, и Лилия бы охнула от ужаса, если бы не прекрасное настроение, вызванное внезапным возвраще-

нием Индила. Она совсем забыла про неё, и теперь от локтя до кисти всё снова было в крови. Повязки не было, и подол и рукав оказались в пятнах. С пальцев капало так, словно она окунула руку в воду.

– Вау, – только и сказала Лилия, и Эльдалин взглянул на неё, как на умалишённую.

– Что?

– Всё прекрасно, – без тени иронии сказала Лилия.

Вместе они прошли обратно в комнату, Лилия по дороге захватила сумку, которую Эльдалин оставил на том же месте, и села на стул рядом с кроватью, прижимая окровавленную руку к груди и лучезарно улыбаясь.

– Расскажи, что ты чувствуешь, – попросила она Индила.

Эльфу сразу вспомнились часы, проведённые в лесу. Тогда девушка задавала ему такие же вопросы, когда он приходил в себя.

И хотя сейчас его сознание, на удивление, было яснее, чем тогда, он не стал отвечать сразу. И на то была причина.

– Что с тобой случилось? – спросил он, не отрывая глаз от её руки, из-под которой по платью начинало расплзаться кровавое пятно. Словно её ранили в грудь, а не в руку. Индил, конечно же, ничего не знал, хоть и слышал, действительно слышал всё, о чем они говорили.

– Небольшая неприятность, – ответила девушка, передавая Эльдалину повязки, – мы успеем поговорить, но сначала мне нужно узнать, что ты чувствуешь. Это важно, поэтому

ответь.

Действительно, они могли всё рассказать Индилу, но после. Во-первых, он мог не всё понять – после стольких бессознательно проведенных дней он был истощён и слаб. Спасла его только собственная природа. Будь он человеком – всё уже давно бы пришло к логическому завершению. Во-вторых, ни Лилия, ни Эльдалин не хотели, чтобы их друг волновался.

В-третьих, и девушка, и эльф ждали, разрешится ли эта проблема самостоятельно. Как это ни странно, но оба чувствовали – с Индиллом всё будет хорошо. Не скоро, пройдёт много времени, они все будут ухаживать за ним. Но опасность миновала.

Что-то в этот день, когда до заката, которого все ждали с тяжёлым сердцем, оставалось несколько часов, изменилось. И это было к лучшему.

Но кое-что изменилось и к худшему, и Эльдалина тревожило это больше, чем девушку.

– Я не тороплю, но если тебе совсем плохо – лучше скажи об этом сразу. Если потеряешь сознание снова – я смогу помочь.

Индил наблюдал за тем, как его друг набросил повязку девушке на запястье. Перебросил концы наружу, крест-накрест затянув повязку. Лилия взялась за один конец и затянула ещё туже. Эльдалин бросил на неё короткий взгляд, но промолчал, продолжая делать так, как она указала.

Теперь Лилия смотрела на Индила, и невольно эльф перевёл взгляд на её лицо.

«Сколько она сидела со мной?» – спросил он себя, но знал, что пока ему не ответят. А потому Индил решил обдумать ответ на вопрос девушки.

Голова у него болела от слабости и яркого света. Рана на боку тоже ныла, и сильно, хотя её больше не дёргало. Жара он не чувствовал. Зато почувствовал странный холод; прикоснувшись пальцами одной руки к кисти другой – медленно, его мышцы словно не могли вспомнить, как двигаться, – он обнаружил, что руки у него холодные. Такого с ним никогда не бывало... Девушка внимательно проследила за его движением, секунду-другую изучала выражение лица эльфа.

– Ты потерял много крови, – сказала она, – и много сил. Через несколько дней тебе будет лучше.

– Я чувствую себя так, словно почти умер, – тихо произнёс Индил. Услышав свой голос – тихий и немного дрожащий, – он поморщился.

Лилия заметила это и улыбнулась.

– Всё пройдёт. Мы о тебе позаботимся, и всё будет хорошо. Ты хочешь есть?

Индил покачал головой, прикрыл глаза на секунду – они немного слезились, отвыкнув от света, – и опять взглянул на девушку.

– Ты спасла мне жизнь, – сказал он.

– Хорошая новость – сообщаешь ты неплохо, – внезапно прокомментировал Эльдалин, не отрываясь от своего занятия.

Лилия рассмеялась, Индил пока смог только улыбнуться. Эльдалин всё-таки поднял голову.

– Я рад, что вижу твои глаза, друг мой.

– А я рад видеть ваши, – ответил ему Индил.

Лилия спросила его о боли в ране, руках, голове. Спрашивала, чувствует ли он тошноту, головокружение. Задавала вопросы без промедления, точно зная, какие ответы должна получить, чтобы быть уверенной. Индил честно отвечал, и она слушала, помогая Эльдалину закончить перевязку.

Руку они затянули сильно. Даже слишком, больше, чем на час, её нельзя было оставлять. Однако новая, свежая повязка уже вся пропиталась кровью. Теперь Эльдалина это серьёз беспокоило, он уже не пытался скрывать этого. Девуш-

ка немного побледнела, и он это тоже заметил.

Как и Индил.

Он хотел приподняться, но почувствовал, что ещё не может себе этого позволить.

– Что произошло? – в который раз спросил он.

– Это придётся долго объяснять... – начала Лилия и умолкла; Эльдалин решил, что она хочет, чтобы он помог развернуть разговор в нужном направлении. Эльф и сам знал, что они должны сначала разобраться сами. Только как?

– Я думаю, тебе сначала нужно отдохнуть.

Тон Эльдалина не терпел возражений, однако на Индила это, естественно, не подействовало. Даже в таком состоянии.

– Меня это очень сильно...

«Меня это очень сильно беспокоит», – собирался сказать он. Однако умолк. Его взгляд упал на Лилию. Девушка нехорошо изменилась в лице – оно вытянулось, глаза распахнулись. Эльдалин тоже взглянул на неё и сразу понял: она замолчала не потому, что не придумала, что сказать. Она просто не смогла продолжить.

– Лилия? – позвал он её.

Индил протянул руку, дотронулся до намокшей повязки – на его пальцах осталась кровь. Теперь он испугался всерьёз.

– Всё нормально, – быстро ответила она, уверенно высвободив руку.

Сначала Эльдалин подумал, что это правда, и у девушки просто закружилась голова. Или она переволновалась. Но в

следующую секунду она вскочила, опрокинув стул, и выбежала в коридор, прижимая здоровую руку ко рту.

3

Тошнота подкатила так быстро и так сильно, что Лилия уже решила, что сейчас точно лишится чувств. Однако ей хватило глупости предположить, что это пройдёт, именно поэтому она ещё несколько секунд оставалась на месте, стараясь не двигаться.

Не прошло.

Выбежав в коридор, она быстро – насколько могла – добралась до одной из маленьких комнатушек. Эльдалин показал её сразу, той же ночью, когда Лилия оказалась свободна. Там всегда можно было найти медные миски, ковши и тазы, в больших бочках всегда была вода. И отверстие, прикрытое резной деревянной дверцей. От него вдоль крепостной стены шёл жёлоб. Туда девушка всегда сливала воду после стирки или умывания.

Лилия прикрыла дверь, подхватила таз, не успев поморщиться от боли в раненой руке при этом движении.

И её вырвало. Сильно, больно. Девушка редко болела, несмотря на свою работу. И теперь могла понять тех, кого лечила. То, что происходило с ней сейчас, пугало; у неё дрожали руки, когда она омыла таз водой и выплеснула его содержимое в жёлоб.

«Это плохо. Очень плохо».

Её всё ещё тошнило, так что Лилии пришлось опуститься

на пол возле стены, прижав колени к животу. В этот же момент дверь распахнулась, и на пороге застыл Эльдалин. Она подняла на него побледневшее лицо.

– Я позову Марли, – сказал эльф. – Тебе нужно помочь. Я скоро приду. Оставайся здесь.

Эльдалин ушёл, закрыв дверь. Лилию снова вырвало.

– Что ты хочешь от меня? – тихо простонала она, сворачиваясь в клубочек у стены.

То, что с ней происходит что-то, выходящее за рамки нормального ранения, давно стало ясно. Но сначала эту мысль оттесняла преждевременная скорбь, потом – внезапная радость. Однако теперь у девушки в голове всё прояснилось, хотя из-за боли и тошноты она не могла думать совсем уж ясно.

Это изгородь. Совершенно точно. Кажется, её поступок (немного странно употреблять это слово по отношению к растению) не был актом дикой жестокости или защитной реакции, как иголки у многих цветов и кустов. Это была своеобразная оплата свободы...

Девушка попросила отпустить её. Изгородь, естественно, не собиралась этого делать. Но её кое-что заставило: обещание. «Он не умрёт, если ты меня отпустишь», – так она сказала. И её отпустили. Было и ещё что-то, но всё так туманно... настолько, что Лилия почти всё забыла с тех пор, как начала высиживать дни и ночи подле раненого.

Снова вспомнился дрозд. Теперь девушка знала, что если это даже была не та самая птица, то одна из тех, кто там обитает. В изгороди. Чьё пение она постоянно слышала.

Внезапно Лилия улыбнулась.

– Я же сама просила тебя передать...

Как же всё просто! Конечно же, он улетел туда. И навер-

няка плакал на ветке так же, как плакал, сидя на изголовье Индила. Тогда они все были уверены, что эльф погибнет.

А кусты уверены в этом и теперь. И, может быть, если и не хотят убить её за это, то накажут основательно.

– Ну и как мне сказать тебе о том, что ты зря это делаешь?! – в сердцах прошипела девушка, чувствуя, как к горлу подкатывает очередной приступ тошноты.

В этот час на залитой солнцем площади никого не было, как не было почти никого ни в коридорах замка, ни на дорожках. Многие были в обеденном зале, а кто-то занимался своими делами.

Как Марли.

Лошади всегда успокаивали его. Теплое дыхание, тихое, сытое ржание животных, тяжёлый запах сена, овса, яблок... Конюшня была для Марли другим миром. Ласковым, теплым. Здесь можно было забыть обо всех неудачах, о ругани, о том, что он не такой, как все остальные. О том, что кто-то над ним даже смеётся. Здесь Марли был лучшим. Лучшим для своих многочисленных подопечных. И даже лучшим для своих сородичей. Именно в конюшне он превосходил самого себя и все ожидания. Эльфы сами ухаживали за своими животными – чистили, лечили, но Марли всегда был готов помочь. Ему удавалось даже выходить лошадей со сломанными ногами или сильной простудой. А то, как он обучал животных, порой было за гранью обычного представления. Марли чувствовал их, а они – его. Их связывало что-то... похожее на дружбу, да. Дружбу, уважение. Любовь.

Сегодня лошади, как всегда, приветственно ржали при его приближении. Он обошёл всех – на это ушёл час, – просто чтобы сказать слово или успокаивающе прикоснуться к шел-

ковистой морде, а заодно посмотреть, куда принести воды, сена или корма. Конюшня крепости была огромна. Более шести сотен отменных скакунов, и среди них и жеребцы, и кобылы в равной степени.

Было и отдельное здание: ясли.

Когда он вошёл в просторное, светлое помещение, кроме привычных запахов, его встретил также запах кобыльего молока.

Сейчас в яслях находилось всего четыре жеребёнка с матерью при каждом – трое жеребчиков и одна маленькая кобылка. К ней и направился Марли.

Девочке совсем недавно исполнился месяц. Малышка была ещё покрыта курчавой шерсткой, которая уже сошла у её более взрослых сородичей (старшему жеребёнку было 5 месяцев, ел он из одной кормушки с матерью, но Марли не торопился их разлучать).

– Привет, дорогая, – эльф подошёл к жеребёнку и погладил её по маленькой головке, проведя пальцами между больших и уже умных глаз.

Её мать тихо и ласково заржала – она тоже любила Марли. Малышка поднялась на ноги и прижалась к эльфу, толкая его. Маленькая, но уже достаточно тяжёлая, с этим она без труда справлялась (Марли, к тому же, не сопротивлялся).

Когда он уселся у стены, скрестив ноги, кобылка с заливыстым, тонким ржанием, напоминающим смех ребёнка, плюхнулась перед ним и положила голову на подставленные руки.

Марли рассеяно поглаживал её по голове и коротенькой гриве. Ему уже пару дней казалось, что малышка худовата, но ни у неё, ни у её матери проблем не было.

– Ты просто грациозный ребёнок, да? – ласково спросил он жеребёнка.

Она, как ему показалось, кокетливо прищурила глаза и дёрнула ушами.

Жеребёнок, надо сказать, действительно был ладный, красивый. Ровные ножки, симметричная морда правильной формы (ещё очень маленькая, а потому по-детски милая). И цвет. У всех их лошадей – за исключением нескольких, игрневых – была яблочная шкура. Серые в яблоко лошади, которые так восхитили Лилию, когда она их увидела. Марли не знал, как так получилось, но ни одной серой лошади без пятен при нём не рождалось.

До этой кобылки. Её шкурка была полностью серая. На спинке чуть темнее, грива и хвост почти чёрные (а не белые или светло-серые, как у остальных). Никаких пятен. Конечно, такой окрас был вполне оправдан, если рассуждать, как коневод со стажем. Но Марли всё равно казалось, что этот жеребёнок особенный.

– Мы тебе ещё имя не придумали, – сказал он, легонько потрепав жеребёнка за ушко; имя он никогда не давал, пока жеребёнок не доживал до месяца, – есть идеи?

Лошадка мигнула своими большими глазами и озадаченно взглянула на эльфа.

– Понятно. Я так и думал.

Эльф поглаживал жеребёнка, глядя на голубой квадрат неба, выглядывающий из открытого окна, и думал об Индиле. День. Несколько часов, чуть больше, чуть меньше, и его друга не станет. Да, Марли всё ещё надеялся, что его мысли и слова, его силы могли помочь Индилу сражаться за свою жизнь дальше. Но вспоминал он и Эльдалина, который всегда учил его тому, что надежды не оправдываются. К сожалению, часто. Чаще, чем хотелось бы.

Его ладонь замерла в нескольких сантиметрах от мордочки малышки, и она, выждав несколько секунд, обиженно ткнулась в неё тёплым носом.

Марли вздрогнул, устало улыбнулся.

– Прости. Никак не могу успокоиться. Мне грустно, понимаешь ты это?

Серенькая лошадка взмахнула головой, словно кивая.

Раздался тихий свист, и эльф обернулся в поисках источника звука. На нижней перекладине окна сидела птица.

Дрозд.

Он повертел головой, чирикнул, взмахнул крыльями, перелетел на другую сторону – поближе к Марли.

– Ну, что ты хочешь? – нарочито пренебрежительно протянул Марли. Правда, сразу же усмехнулся.

Когда эльф поднялся на ноги, отодвинув лошадку, жеребёнок возмущённо заржал.

– Да ладно тебе. Я же никуда не ухожу.

Марли отошёл в угол, оглянулся. Дрозд оставался сидеть, казалось, наблюдая за ним. Тогда эльф снял большой камень, лежащий на крышке ящика с овсом. Насыпал на ладонь несколько зёрнышек.

– Возьмёшь или мне оставить их? – спросил он, вернувшись к окну. Дрозд даже не шелохнулся при его приближении. Тогда Марли протянул к нему открытую ладонь.

Жеребёнок озадаченно следил за эльфом тёмными глазами.

Дрозд глянул на ладонь эльфа, потом на него. Коротко свистнул.

– Ладно, как скажешь, – улыбнулся Марли; взял зёрнышки и аккуратно разложил их на узкой перекладине подальше от дрозда, чтобы не спугнуть его.

Лошадка довольно уткнулась эльфу в колени, когда он снова сел. Дрозд несколько секунд оставался на месте, вертел головой. Потом, шаг за шагом, шустро перескакивая боком по перекладине, подобрался к первому зёрнышку. Взял его.

Жеребёнок потребовал внимания тонким ржанием. От неожиданности дрозд взмахнул крыльями, дёрнулся, но не улетел.

– Нельзя же так, – с упрёком сказал Марли, легонько стукнув пальцем по морде лошадки, от чего она шумно чихнула, – ты не должна так привязываться ко мне. У тебя будет другой хозяин, слышишь меня?

Лошадка преданно смотрела на него. Марли знал, что сам виноват, – слишком уж часто он проводил с жеребёнком больше времени, чем нужно. Но ничего не мог с собой поделать.

А кто, интересно, станет хозяином для этого ребёнка? Конечно, это ещё не скоро произойдёт. Малышка должна подрасти, потом он воспитает и обучит её.

И всё-таки, кто же? Марли не хотелось, чтобы она простаивала в конюшне, выходя лишь на прогулку. По иронии, эльфов в крепости и так было меньше, чем лошадей... Но эта девочка будет особенной, он уже знает это. И дело не только в её окрасе. Легконогая, послушная, грациозная, быстрая, умная. Такой он её видел. И хозяин ей нужен особый.

Сейчас только у короля был особенный жеребец. И по масти, и по уму. Слишком, правда, упрямый, но в этом Марли даже видел определённую правильность. Лошади очень чувствительны к своим хозяевам. Настолько, что их привычки и темперамент перенимаются животными уже через полгода совместной работы.

Жеребец Индила погиб. Рыжий, со светлой бежевой гривой.

Индил... он может быть особенным хозяином, тем самым. Марли пристально взглянул на жеребёнка. И... нет, кажется, нет. Индилу необходимо другое животное. Более дерзкое. Скорее всего, для него Марли придётся обучать одного подросшего жеребчика, которому скоро исполнялся год. Свет-

лая игреневая мазь... то, что нужно.

Что ж. Марли с радостью обучит его, если будет такая необходимость. Более того – ему хотелось, чтобы такая необходимость возникла. Он хотел, чтобы его друг был жив и смог снова вскочить на лошадь и поскакать через ворота, в лес. И дальше, дальше, дальше...

– Хотя вряд ли это когда-нибудь приведет хоть к чему-то хорошему, – вслух заметил Марли, – но я верю, что он сможет. Хочу верить и буду верить, пока могу.

Жеребёнок поднял голову, услышав его голос. Сначала они просто смотрели друг на друга. А потом Марли улыбнулся и провёл рукой по тёмной гриве.

– Так тебя и назовём. Вера. Estel. Эстель.

Последнее слово он произнёс так же, как и на эльфийском наречии. Хотя нет... Прозвучало оно по-другому. По-человечески и, в то же время, по-эльфийски. Ему понравилось.

– Как тебе? – спросил он лошадку.

Малышка ответила ему нежным ржанием. Похоже, она тоже не против.

Их идиллическое уединение разорвал грохот, с которым распахнулись ворота яслей. Животные недовольно и испуганно заржали, жеребята сразу помчались к матерям. Кроме малышки, которая лишь вскинула голову и тихо заржала.

Внутрь влетел Эльдалин.

– Я просил тебя никогда так не делать, даже если ты собираешься меня отчитывать! – возмутился Марли; за своих

питомцев он всегда стоял горой. – Тут же жеребята!

Эльдалин на мгновение застыл на месте, огляделся вокруг. Кобылы укоризненно глядели на него.

– Прости, Марли, – неожиданно для юноши мягким и виноватым тоном извинился эльф. – Но у меня очень важные и срочные новости.

6

Дрозд слышал всё, что сказал черноволосый эльф. Видел, как оба они быстро – насколько могут эльфы, не птицы, конечно, но тоже неплохо, – покинули ясли. Ему показалось, что рыжеволосый юноша плачет, хотя сам дрозд не видел на это причин.

Принц жив.

Маленькая девочка-жеребёнок посмотрела вслед уходящему родителю (именно так она воспринимала юного эльфа), а потом оглянулась и пристально взглянула на дрозда. Он залился радостной трелью, отчего лошадка встряхнула головой. Но, конечно же, не поняла его. Слишком уж она маленькая, чтобы понимать.

Но были те, кто должен узнать. И они точно поймут.

Подхватив с перекладины последнее зернышко овса, дрозд вспорхнул в синеву неба. Пролетел над площадью, взмыл высоко-высоко, до самой высокой башни замка, и камнем нырнул вниз.

К темнеющей зелени изгороди.

Проносясь по центральной галерее, дрозд бросил зернышко на землю. Оно упало прямо перед носом маленькой рыжей полёвки, которая поблагодарила его довольным писком.

Дрозд залился громкой, мелодичной трелью. Пролетая

вдоль живых стен, задевал крыльями ещё закрытые цветы, отчего они начинали качаться. Задевал листья и веточки, залетал в один коридор, в другой, облетел вокруг маленькую круглую площадку, находившуюся в центре. Усевшись на ветку, защебетал. И это был не плач, как в прошлый раз. Нет, теперь он не собирался плакать. Теперь никто не должен плакать.

И девочка в том числе. А она сейчас наверняка плачет, так, по крайней мере, думал дрозд.

Поэтому нужно было торопиться. В песне дрозда слышались настойчивые нотки.

И он добился своего. Наконец-то изгородь ожила. Точнее, не так... наконец-то перестала делать вид, что она просто куст. Дрозд вообще редко видел «просто» кусты. Всех можно разбудить.

Изгородь выпустила свои ветки. Они покачались на ветру, щупая воздух. Дрозд продолжал нетерпеливо заливаться.

Наконец ветви перестали качаться. Несмотря на ветер, поднявшийся в последние секунды и уже свистевший в пустых галереях. Зашелестели листья, и дрозд замолчал.

Если бы хоть кто-нибудь был здесь сейчас, кроме птицы... Если бы пришёл Эльдалин, или Лилия. Или они оба. Они бы слышали голоса, говорившие на людском языке. Может, и на эльфийском. Но дрозд слышал только трели.

И ему всё было понятно.

Эльфы буквально мчались через площадь, на крыльцо, вверх по лестнице. Потом по длинному коридору. Оба молчали, но Эльдалин видел, как Марли плачет. От счастья, конечно же. Иногда он удивлялся юноше – сам эльф никогда бы не смог заплакать, даже от сильной боли. Ему так казалось.

Они миновали длинный коридор, Эльдалин остановил Марли.

– Подожди. Несколько секунд. Отдышись.

Никто не запыхался, но дело было, естественно, не в этом. Эльдалин хотел, чтобы горячность Марли хоть немного остыла. На это потом уйдут многие часы, но и эти несколько секунд не прошли даром.

Итогом стало то, что Марли не задушил Индила в своих объятиях. Эльдалин проследил за этим – стоял у двери не больше минуты. Слушал, как мальчик радуется, как Индил успокаивает его, обнимает одной рукой – более способной двигаться. На лице Эльдалина тоже заиграла улыбка, он не мог сдержаться. Однако оставалась ещё одна неразрешённая проблема, и он, закрыв дверь, быстрым шагом направился в умывальную.

Марли про девушку он ещё ничего не сказал. Конечно, он очень скоро спросит про свою подругу – боги, как же его раздражала скорость, с которой мальчишка привязывался ко

всем! – но это пока не его заботы.

«Кажется, с кем-то обязательно что-то должно было случиться. Таких чудес не бывает».

И всё же он быстро шёл туда, где надеялся ещё обнаружить Лилию в каком-нибудь здравии. В его голове уже созрел план, но нужно было торопиться.

Эльдалин по привычке постучал, открыл дверь, и то, что он увидел, заставило его глаза широко распахнуться.

Когда Эльдалин ушёл, девушку вырвало ещё раза три. Ела она в последнее время мало, но это её ничуть не спасало. Последний раз на дне тазика она увидела капли крови и ужаснулась... Но тут же поняла, что это не страшно. Она всего лишь сильно прикусила язык. Девушка ощутила солоноватый вкус возле передних зубов.

Лилия разорвала повязку на руке, она была не только бесполезна, но и мешала: кровь накапливалась в ткани, причиняя дополнительные неудобства. Поддерживая локоть, девушка теперь держала руку над тазиком. Выглядело это всё как в одной рассыпающейся книге с единственной иллюстрацией о том, как древние собирали кровь для жертвы богам чумы. Только таз там был каменный. Или хрустальный?

А у неё медный.

Приступы рвоты больше не повторялись, и Лилия посчитала это хорошим знаком. Да, из почти тридцати ран на руке хлестала кровь, но, в конце концов, это можно было терпеть. Правда, голова начинала кружиться всё сильнее...

«А Эльдалин знает, что делать?» – спросила себя девушка. Решила, что если не знает, то, может, придумает. В любом случае, если на неё ему было даже и наплевать (хотя оба знали, что это не так), то природное упрямство не позволило бы ему сдаться.

Одно ясно – кажется, им придётся идти к изгороди. Возможно, снова поговорить.

Только что сказать?

Руку в запястье скрутило болью, словно кто-то резко рванул её на себя, свернув сустав. Девушка поморщилась.

– Если кое-кто поторопится, я буду благодарна, – прошипела она сквозь зубы, чтобы отвлечься от злосчастной руки.

Для этого же Лилия начала думать об Индиле. И о Марли. Эльдалин ведь пошёл за ним, и скоро, кажется, они будут здесь. Будет ли Марли радоваться? Несомненно! Он может не поверить словам Эльдалина, не поверить своим глазам, это точно. Марли ведь уже попрощался со своим другом, не так ли? Да, Лилия полагала, что да. И надеялась, что радость его будет во много раз сильнее боли, перенесённой за прошедшие две недели. Вот её радость была именно такой.

Мешала кровоточащая рука, но сердце больше не стремилось разбиться о кости. Оно стало спокойно, хотя его, кажется, всё же пугало то, что видели глаза.

А видели они то, что дно тазика уже закрыли слившиеся воедино рубиновые капли.

Наконец Лилия услышала тихие, быстрые шаги. Эльдалин привел Марли и сейчас, скоро придёт сюда.

Однако едва она уловила звонкий голос юноши, доносившийся словно откуда-то очень далеко, а не через пару десятков метров по коридору, совсем рядом услышала другой звук, на который сразу же обернулась.

Дрозд.

Сейчас у неё даже не возникло сомнений.

Та же птица.

В голове, как светлячок, загорелась идея. Если дрозд каким-то образом понимал, что происходит, может быть...

Но Лилия не успела ни закончить мысль, ни сказать что-то вслух. Дрозд вывел длинную трель и влетел внутрь маленькой комнатушки. Кажется, он не нашёл места для посадки, потому что описал пару кругов вокруг девушки. На третьем что-то упало ей на колени, а дрозд, наконец, прекратил метания и возвратился на своё любимое место – карниз окна.

Девушка вздрогнула и отшатнулась, когда то, что нёс в лапках дрозд, из них выпало. Несколько секунд она смотрела на этот предмет, сначала словно не видя его.

А потом от изумления даже опустила руки, задев медный таз и чуть не окунув руку в то, что там уже было.

На коленях у неё лежала маленькая веточка. Длинной с ука-

зательный палец, с шестью зелёными листиками. Шипов на веточке не было, но их и не должно было быть. Лилия узнала знакомые листья.

Кажется, кое-кто признал свою ошибку. Но проблема всё ещё осталась нерешённой.

– Что мне делать с этим? – подняв голову к окну, Лилия нашла глазами дрозда.

Он прошебетал что-то, повертел головой. Подогнул лапку, оставшись, как журавлик, стоять на одной. На правой он стоял, а левую поджал, словно передразнивая её.

Лилия ждала от него ещё чего-нибудь, но дрозд не шевелился. Стоял на одной лапке, пристально косясь на девушку правым глазом. На мгновение девушка испугалась, не зная, что теперь ей предпринять.

Но уже в следующую секунду чуть не хлопнула себя по лбу здоровой рукой.

– Я поняла тебя. Наверное...

Не надеясь на что-то, Лилия сделала, как поняла. Просто взяла веточку левой рукой, добавив пару пятен на подол.

Оторванная веточка была всё ещё живая, она чувствовала это. И словно в подтверждение этого, прямо на глазах у Лилии на верхушке раскрылся ещё один, седьмой, листочек.

А потом веточка стала расти и ветвиться; дальнейшее заняло никак не больше полминуты.

И в этот же момент Лилия услышала шаги, а потом дверь открылась, и Эльдалин застыл на пороге.

Веточка, которую она зажала большим и указательным пальцами, вытягивалась. Снизу, как у молодого деревца, начали расти новые веточки.

Дальнейшее заставило Лилию вспомнить произошедшее той ночью, когда её чудом отпустили из заточения. А Эльдалин просто не мог вспомнить, когда видел подобное в последний раз.

Веточки росли, ползли, обнимая сначала пальцы, кисть, а потом и предплечье девушки. На них распускались всё новые маленькие листики, они переплетались друг с другом, словно одевая руку в зелёную рукавицу.

Шипов по-прежнему не было видно. Но Эльдалин всё равно напряжённо следил за происходящим. Не глядя закрыл за собой дверь, опустился на колени рядом с девушкой. Краем глаза заметил дрозда, который, впрочем, сразу же улетел.

Ветви продолжали выпускать новые листья, добравшись уже до локтя.

– Их можно срезать, – предложил Эльдалин. У него был тонкий кинжал, который он всегда носил с собой.

Лилия взглянула на него, и эльф увидел, что она не уверена, стоит ли принимать его предложение. Она ровным счётом ничего не понимала. Что если будет только хуже?

Тогда Эльдалин обхватил длинными пальцами рукоятку.

Чтобы быть готовым хотя бы не дать поранить девушку ещё сильнее. Но тут же на ум пришла мысль: что если изгородь вовсе не собиралась вредить? Что если наоборот?

«Она так же безумна, как и её хозяин, – подумал Эльдалин. – Я уверен в этом».

Часть её сознания ожидала, что в любую секунду её руку зажмут в тисках ветвей. Или что кожу прорежет не меньше двадцати острых шипов.

Но что-то заставило её не согласиться на предложение эльфа. Она не верила, что дрозд принёс ей веточку только для того, чтобы ей в очередной раз выразили неудовольствие.

Нет.

Ничего не будет. Ничего плохого точно.

И однако девушка, как замороженная, следила за оживающими, разрастающимися ветвями. Ей казалось, что десятки маленьких змеек с гладкой, прохладной кожей скользят по её пальцам, запястью, ползут к локтю. Это было действительно... приятное ощущение. Успокаивающее. Пульсирующая боль постепенно утихала.

Вновь распускающиеся листики становились грязными, сразу измазываясь в крови. Но это их не смущало, если вообще могло. Когда «змейки» оплели её предплечье, их движение стало почти незаметным.

Эльдалин хотел что-то сказать, но передумал. Вместо этого он крепко обнял девушку за плечи свободной рукой. На всякий случай.

Зато растение не стало себя ограничивать: человек и эльф

услышали едва слышный шёпот множества невидимых голов.

– Ты слышишь? – изумленно спросил Эльдалин, тоже шёпотом. Он не знал, что именно так Лилия общалась... с изгородью, или тем, чем она была на самом деле. Сам эльф не слышал голоса деревьев уже очень давно.

– Слышу. Понять не могу.

Хотя что-то подсказывало ей, что даже если бы она разобрала слова, то всё равно ничего не поняла. Как и в тот раз.

Шёпот прервался, и девушка почувствовала, как стебли вновь пришли в движение. На этот раз «уползая», оставляя на коже кровавые разводы.

Эльдалин заметно напрягся, девушка почувствовала, как едва заметно его рука дернулась, вытащив кинжал из ножен.

– Не трогай её! – тихо, но твёрдо воскликнула Лилия. – Не трогай.

Веточки словно росли в обратном направлении – укорачивались, становились почками. Листики сворачивались. Теперь, правда, все стебли были не зелёными, а грязно-коричневыми. Пальцы, которыми девушка сжимала веточку, разжались. И держать оказалось нечего: как только веточка стала такой, как прежде, – маленькой, и седьмой листик свернулся... растение сразу погибло. Сморщилось, стало серо-коричневым. Словно сгорело. Остатки листьев упали на дно таза.

Лилия и Эльдалин ещё несколько секунд смотрели на то, что осталось от зелёной веточки. Потом эльф всё-таки подал голос.

– Как ты?

Лилия взглянула на него, прислушалась к своим ощущениям. Её не тошнило, но голова продолжала кружиться.

Эльдалин расценил её молчание как нехороший знак. Однако, обхватив её руку ладонями, тут же понял, что все опасения были напрасны.

Кровь из ран больше не шла.

– Она... вылечила тебя?

Лилия теперь тоже рассматривала затянувшиеся раны. Они выглядели так, как должно... То есть так, как должны выглядеть хорошо пролеченные глубокие порезы недельной давности.

– Не совсем. Она просто исправила результат своего неудовольствия.

– То есть, это всё-таки была она? – Эльдалин вскинул брови, поднимаясь на ноги, чтобы взять воды.

Девушка пожала плечами и кивнула. «А как же ещё?» – словно бы спрашивал её взгляд.

Эльдалин принёс воды, они смыли запёкшуюся на коже кровь и убедились в том, что ранки затянулись. Болели, конечно, но лишь немного. Так, как должны были болеть.

– Оставишь так? – спросил Эльдалин.

Лилия секунду подумала.

– Нет. Ещё рано. – Девушка ещё раз осмотрела несколько последствий общения с шипами. – Надо закрывать.

Когда Эльдалин, кивнув, поставил перед ними сумку и уверенно достал свёрнутые полоски перевязочной материи, девушка удивлённо взглянула на него.

– Я решил, что понадобится, – пожал плечами эльф. – Что действительно удивляет – откуда, позволь спросить, у тебя столько чистой ткани?

– Вообще-то, представь себе, она постоянно стирается, – немного съязвила девушка, передёрнув плечами. Эльдалин вскинул брови, чуть улыбнулся.

– Ладно. Давай уже закончим с этим. И... – эльф оглядел её, – надо что-то делать с одеждой.

И правда. Её платье было испачкано... всем, чем только могло испачкаться за прошедший день. Не только не гигиенично, но и смотрится так себе.

– У меня есть другое платье, – пожала плечами Лилия; увидев, что эльф, хоть и пытаюсь скрыть это, удивился, она

добавила: – А это тоже постирается.

– Прекращай, – немного возмущённо бросил Эльдалин, однако, улыбаясь.

Девушка переделалась. Эльдалин ждал её в коридоре, а когда она вышла, удивился, как одной рукой она справилась со всеми этими завязками на груди и рукавах. Платье было льняное, некрашеное, но по воротнику обшито маленькими голубыми бусинками. Рукава прикрывали большую часть повязки, и, кроме бледности, ещё не сошедшей с лица – Эльдалин полагал, что на это потребуется несколько дней, – ничего не могло сказать о том, что случилось всего час назад.

– Интересно, что нас ещё никто не хватился, – промолвил Эльдалин.

– Под «никто» ты имеешь в виду...

Лилия не успела закончить фразу, как дверь справа по коридору открылась, и в коридор вышел Марли. Он был донельзя счастливым и беспокойным одновременно.

– Контрастное ты существо, – пробормотал Эльдалин, тоже отметив это. Услышав такие слова, Лилия не удержалась и весело рассмеялась.

– Лилия! Что случилось?! – Марли сразу же двинулся к ним, оставив дверь открытой. – Индил сказал, что вы...

– Всё уже хорошо, – в подтверждение своих слов девушка подняла руку с чистой повязкой. Марли не совсем понял её: утром он не заметил крови, и Лилия могла его понять.

– Но что произошло? – задавая этот вопрос, Марли стал

неожиданно... взрослым, что ли.

– Мы успеем об этом поговорить. Мне тоже интересно, – немного озадаченно осадил его Эльдалин. – Как Индил?

Наконец-то беспокойство, так странно соседствовавшее со счастьем, сползло с лица Марли. Он широко улыбнулся, оглянулся на дверь, из которой только что вышел. Потом взглянул на девушку, и Лилии показалось, что в ярко-зелёных глазах пляшут золотистые искорки.

– С ним всё будет хорошо, я чувствую. Ты точно волшебница, можешь убеждать меня в обратном хоть десять тысяч раз.

Вся серьёзность ушла из его глаз, и он порывисто обнял девушку за талию. Лилия рассмеялась, а Эльдалин снисходительно наклонил голову, улыбнувшись одними губами.

– Ладно. Хватит обниматься, дети. Пойдём. – И он двинулся к открытой двери. Марли поднял голову, посмотрел Эльдалину в спину.

– Сколько тебе лет? – спросил он девушку.

– Девятнадцать. А тебе?

– Ну... По нашим меркам, столько же. Мне девяносто пять.

Лилия изумленно открыла рот, посмотрела в смеющееся лицо Марли.

По коридору раскатился очередной взрыв весёлого смеха.

Эльф всё ещё не мог поверить во всё произошедшее – так стремительно развивались события. Позже, ночью, когда девушка уснёт прямо там, где просидела оставшийся день и вечер, а Марли выйдет на балкон взглянуть на ясное звёздное небо, Эльдалин будет смотреть на них и на Индила, чувствуя себя более чем странно. Кто мог ожидать, что беда – которая не пришла в одиночестве, следуя славной традиции, – так относительно безболезненно минует их? Что-то было в этом... неправильное. Слишком всё оказалось хорошо.

Но Эльдалин не забывал и о том, что впереди могут ожидать ещё более серьезные проблемы. Девушка оставалась по-прежнему неприкаянной, жила возле Индила. А крепость становилась, кажется, всё более уязвимой. Знать это было чудовищно... Однако Индил жив. По крайней мере, этой ночью большего чуда и не нужно.

Следующие два дня прошли в некоторых заботах. Теперь, когда Индил был в сознании – хотя ел, пил и говорил он всё равно очень мало, – кто-то, Эльдалин или Марли, всегда оставался с ним и Лилией. Девушка всё ещё неотрывно следила за эльфом.

В первый день встал очередной вопрос. Индил тихо, но на удивление твёрдо заявил, что девушке нужно найти комнату. Чтобы она спала не сидя, стоя или ещё каким-либо образом, благо, способов Лилия нашла много. Чтобы могла уединиться, в конце концов.

Лилия не знала, согласна она с этим или нет, потому молчала, предоставляя эльфам обсуждать это самим.

– Тут дело даже не в том, где ей спать, ты же понимаешь, – Эльдалин начинал немного злиться – что-то, и девушка пока не знала, что, его беспокоило.

– Надо разобраться хотя бы с этим.

Эльдалин стоял у окна, как всегда, сложив руки на груди. Взглянул на Лилию.

– Что скажешь?

Девушка пожала плечами, твёрдо напоминая себе, какую линию поведения выбрала.

– Мне и так неплохо, в принципе.

Эльдалин поморщился. Лилия и Марли снова устроились

рядышком на полу – теперь у Эльдалина всё больше складывалось впечатление, что они оба – дети, а он их гувернёр. Юный эльф подал голос.

– Она могла бы жить у меня. Или у Манеля, он, кстати, всё время пытается выяснить, что у нас тут происходит.

– Очень надеюсь, что ты молчишь, – устало вымолвил Эльдалин. – И мне надоело напоминать, что это плохая идея.

– Почему? – Марли изображал удивление на не удивляющие его фразы довольно умело, так что Лилия прыснула.

Эльдалин сверкнул глазами и прикрыл лицо ладонью, пряча едва заметную улыбку.

– Что, друг, не справляешься с воспитанием?

Лилия и Марли уже открыто захохотали, услышав нотки иронии в голосе Индила. Эльф успел понять, какого рода отношения сложились между ними тремя. И не пренебрегал возможностью повеселиться на этот счет.

– Очень смешно. Воспитанием будешь заниматься ты, и я посмотрю, как у тебя это получится, – фыркнул Эльдалин.

Постепенно девушка рассказала им об изгороди. Марли помогал, рассказывая, как у кустов исчезали шипы. Выражение лица Эльдалина было невозможно понять, а вот Индил действительно был удивлен.

– Я помню, что она многое умела. Но с тех пор, как изгородь стала темницей, я там не был.

– Повезло тебе, – мрачновато высказался Эльдалин, вспомнив мстительность «сорняка».

– Уверен в этом, – слабо усмехнулся Индил.

О том, что случилось вчера, Лилия рассказывать не стала. Точнее, ей пришлось, но почти все детали она опустила. И даже того скудного описания, которое девушка дала только из честности, хватило, чтобы на лицах Марли и – особенно – Индила появились удручённые, удивлённые и сочувствующие выражения.

– Это ужасно, – пробормотал Индил.

Лилия поймала его взгляд и после этого ушла на балкон с Марли. Ей было непривычно небезразличие, которое она видела в глазах эльфов. В этом плане с Эльдалином ей общаться было даже проще. Очень часто он вел себя достаточно пренебрежительно к окружающим, чем оказался... привычнее.

Лилия как раз пришла к этому выводу, когда Марли ле-

Гонько ткнул её в бок.

– Что? – девушка отвернулась от темнеющих за стеной деревьев.

– Ничего. Просто захотелось ткнуть тебя.

Ну да, с Марли тоже было просто общаться.

Вопрос о том, куда поместить девушку, решался исключительно Эльдалином, но у него были определённые трудности. Доверить это он никому не мог – о том, что происходило в замке никто не знал. На вопрос девушки, почему, он ответил достаточно честно.

– Всё ещё может поменяться.

Однако не менялось. И Эльдалин в глубине души знал, что так и будет. Лилия тоже оставалась там, где была. В конце концов, Индил пришёл к выводу, что так спокойнее всем. Даже ей. Даже ему. Он регулярно справлялся у девушки о её самочувствии и удобстве. Даже если бы она соврала, отвечая, Индил бы узнал. Но, на удивление, всё действительно было хорошо.

Однако ещё через несколько ночей кое-что всё же соизошло случиться.

Король

1

Эльдалин поднял голову.

– Вы слышите?

Индил спал, а они втроем сидели возле камина, слушая дождь. Эльфы недавно вернулись с утренней тренировки, день только занимался.

– Что? Гром? – спросила Лилия.

– Нет, – Эльдалин встал. – Не гром.

Они замолчали и напряжённо прислушались.

– Я слышу! – сказала Лилия. – Какие-то... трубы?

– Это рог, – улыбнулся Эльдалин, подойдя к окну.

Девушка вспомнила звук рога эльфов, который слышала дважды – в лесу, а потом в плену изгороди. И это явно было на него не похоже, но, как только она хотела сказать об этом, Марли уже пояснил:

– Не наш.

– Полагаю, ваш, – оглянувшись на неё, сказал Эльдалин.

– То есть как?.. – недоумённо посмотрела на него Лилия.

Они с Марли тоже присоединились к нему около окна. Правда, видны были только серые полосы дождя, тучи и теребящийся в дымке лесной массив.

– Я не понимаю, – призналась девушка, оперевшись локтями о подоконник.

Девятнадцать лет прожила в деревне и рога не слышала ни разу в жизни, а он говорит, «ваш»...

Но тут до неё дошло. И она почему-то испугалась.

– Ты хочешь сказать... люди?

– Почти, – Эльдалин словно видел что-то сквозь серую пелену. – Король Цивеон с визитом.

И, отходя от окна, тихо добавил:

– И, надеюсь, помощью.

Король Цивеон! Неужели! Пусть она никогда не видела его и, честно говоря, слабо верила в его существование, Лилия помнила, что Ревека говорила о короле в последний вечер. В сумке у неё лежал тот самый зелёный футляр, украшенный всадниками на прекрасных жеребцах.

– А они... имею в виду, король Цивеон и... ваш король, – Лилия осеклась, не пожелав почему-то назвать его по имени, и закончила, – они дружат?

Марли сделал огромные глаза, к удивлению девушки. Он будто говорил: «Как можно задавать такие вопросы, тем более Эльдалину?!»

Но, удивив и Марли, и Лилию, эльф весело фыркнул.

– Если ты спрашиваешь меня, то я могу сказать вот что – у Имирина очень давно нет друзей. Но Цивеон – другое дело. Кажется, вздорный нрав короля может выправить в нужном направлении только он. Не считая, конечно, принца, –

Эльдалин оглянулся – Индил спал. – И, как бы странно это ни показалось, да, они, как ты выразилась, дружат... Имирин грозитя умертвить Цивеона каждый его приезд, а тот... Он... просто улыбается.

Эльдалин пожал плечами, как бы говоря – я давно не понимаю, что происходит.

Дождь не утихал, но всем вместе в комнате с камином им было спокойно и тепло. В основном потому, что Индил, вопреки всему, остался жив, и... Лилия не знала, так ли это на самом деле, но ей казалось, что его жизнь каким-то образом сблизила их. Всех четверых.

Они помолчали.

– Ты сказал, надеешься, что Цивеон приедет с помощью, – начала Лилия; она подумала, что, раз Эльдалин соизволил ответить хоть на один вопрос, стоит продолжить разговор. – Почему?

– Если ты не заметила, у нас есть некоторые проблемы, – сказал Эльдалин, указав на Индила.

– Ну, конкретно ЭТО сейчас уже почти не проблема, – усмехнулась девушка.

– Может, ты права... но король Имирин беснуется, и с этим нужно что-то делать. Мы не имеем права отдавать приказы без него и Индила.

– Это связано с тем... с отравленным оружием, да?

Эльдалин так посмотрел на неё, что Лилии показалось, будто он сейчас уйдёт, хлопнув дверью. «У них у всех такие

резкие перемены настроения, интересно?...» – подумала она.

Но он вдруг сказал:

– Да.

– Эльдалин... – Марли взялся за его рукав, словно ребёнок, упрасивающий родителей не ругаться.

Эльф устало вздохнул и стряхнул его руку.

– Я не люблю, когда юлят, отвечая на прямые вопросы, и сам не буду, – огрызнулся он. – И раз уж ты, по крайней мере, пока, здесь, – Эльдалин вкрадчиво посмотрел на Лилию, обращаясь к ней, – то скажу: из-за этого мы все в большой опасности, особенно если король не прекратит своё безумие рассудка...

«Ага, значит, он всё-таки тронулся умом. Я знала», – невольно подумала про себя Лилия. Но Эльдалин ещё не закончил.

– Настоятельно рекомендую тебе не продолжать расспросы. Я всё равно не отвечу. Но помни – я предупредил, – помолчав немного, он добавил: – И хорошо, если выйдет так, что тебе не придётся покидать эту крепость.

Лилия смотрела на Эльдалина и хотела было уже спросить, что он имеет в виду, как сама вдруг поняла.

Индил выжил и выздоравливает, пусть медленно.

Здесь ей больше нечего делать.

Волосы у неё на затылке встали дыбом, но она не успела ничего сказать – раздался звон рога. Теперь эльфийского.

– Ответный сигнал, – сказал Марли на её вопросительный

взгляд. – Так король людей узнает, что путь свободен и безопасен, – в лесу наши разведчики, и они проводят их.

– Их? – переспросила Лилия.

– Не думаешь ли ты, что король путешествует один?

Лилия кивнула. Она вспомнила...

«У каждого короля должна быть свита. У Цивеона она была особенной. Его сопровождали юноши в струящихся мантиях небесно-голубого цвета, капюшоны которых почти полностью скрывали их лица...»

Эльфы!

2

Снаружи снова послышался рог – теперь гораздо ближе. С одной из сторожевых башен возле ворот.

Эльдалин и Марли сразу поднялись.

– Нам предстоит встретить Цивеона у ворот и на главной площади, – промолвил Эльдалин.

Уходя, он помедлил в дверях и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

– И, кстати, на всякий случай не выходи отсюда, ладно?

Лилия кивнула, хотя эльфы уже ушли. «Как-то не особо и хочется», – подумала она о последней реплике Эльдалина.

Снаружи всё ещё лило, как из ведра.

«Неужели они будут стоять в такой дождь?»

3

На главной площади очень быстро появлялись эльфы – в основном они приходили по дороге, идущей между конюшен и оружейных.

Эльдалин был командиром почётного караула. Собрав эльфов – около двадцати, – он подал стражникам сигнал – отворить ворота и выбросить на стену знамёна.

Знак, изображённый на них, уже много тысячелетий символизировал власть эльфийских королей. Раньше, очень давно, знамён с ним было гораздо больше, каждый ребёнок знал этот знак. На полотне цвета еловой хвои были вышиты серебряными, как паутина, нитями тонкий лист и лук, скрещённые между собой, и обрамляющие их листья и ягоды остролиста.

Так было с незапамятных времён, такой знак видели люди на улицах городов, когда эльфы являлись с визитом. Однако знамёна, развернутые сторожевыми на стене, выглядели иначе.

Теперь над тем местом, где скрещивались в едином движении лук и лист, взлетал вышитый чёрным дрозд. На тёмно-зелёном полотнище чёрный цвет не просматривался чётко, но тем хуже. Казалось, на ткани расплылся выгоревший силуэт.

Эльдалин оглянулся на знамёна и поморщился. Птица до-

бавляла им шарма, но Эльдалин помнил прежнее знамя и счастливое время, протекавшее под его реянием.

С лесной дороги, уже ближе, вновь пропели рога. Разведчики встретились с гостями, и оба рога пели вместе, не заглушая друг друга, но дополняя и придавая торжественности и мощи зову каждого. От этого по спине Эльдалина пробежала приятная дрожь.

Дождь не прекращался, но эльфы любят его. Тяжёлые прохладные капли, наполненные живительной силой, исполняющие волю стихии. Эльдалин задумчиво стянул с головы капюшон плаща – ему хотелось почувствовать, как вода с небес омоет его лицо, запутается в волосах...

Будет ли приезд Цивеона что-то значить? Он никогда не появлялся, когда в нём не было нужды, пусть эльфы и не всегда узнавали о ней сразу.

Однако в голове у Эльдалина возникал ещё один вопрос, смысл которого он не мог понять, как и то, почему ему так хочется узнать на него ответ.

Значит ли что-нибудь появление этой девочки?

Эльдалин невольно обернулся и бросил взгляд на замок. Это удача, что она вдруг оказалась на пути Индила, думал Эльдалин. Счастливая случайность.

Но всё противилось таким разумным выводам. Эльдалин сам не верил в это, хотя не мог понять, в чём дело. Но что-то есть в этом... Что-то, что ему очень не нравилось. Он чувствовал опасность, пусть пока ещё смутно, но...

Кому она грозит? Вот вопрос.

От раздумий его отвлек повторный зов рогов. Из леса выступили всадники с синим знаменем. Ветер всколыхнул намокшие флаги – на полотнах красовались белые лотосы.

Король Цивеон был поистине мудрым правителем. Он происходил из древнего королевского рода, который правил людьми в этом мире уже более тысячи лет. Сильные, волевые, упорные и, к сожалению, очень часто жестокие мужи сменяли друг друга на троне в Серебряном городе, оберегая его честь и благополучие всей страны. Но, как бы это ни показалось странным, борьба за процветание вдруг стала борьбой с безумием – во всем владыки видели угрозу: в грозовых тучах, несущих с собой дождь, чтобы напоить посевы; в горячем солнце, дающем жизнь.

В эльфах, безвозмездно предлагающих свою дружбу, короли видели опасность в первую очередь. Виделось им, что они силятся притворным дружелюбием подточить бдительность властителя, расположить к себе их народ и захватить его.

А эльфы жили рядом с людьми. Помогали им. Многие короли всё же благоволили своим бессмертным и мудрым друзьям, заключали с ними союзы, ни один из которых не касался войны.

Сражаться ни тем, ни другим было, к счастью, не с кем.

Но потом что-то произошло. Нечто страшное, непоправимое. И эльфы стали всё реже появляться на улицах. Всё чаще прятались в лесах. Кто-то, кажется, ушёл в места столь

далёкие, что многие даже не знали о таких.

И правители людей забыли о прежней дружбе. Забыли о том, что когда то два знамени в серебряном городе реяли на ветру рядом. Прекрасные сады превратились в заброшенные, мёртвые изваяния. Забылись полученные от эльфов знания. Забылся благословенный язык. Прекрасные легенды канули в Лету.

Но простые люди по-прежнему ждали эльфов, и они приходили, хоть их встречи были не столь часты и радостны. А безумные правители снова и снова впадали в ярость, называли эльфов тёмными колдунами и предателями, кляли их всем сердцем, а простой народ забывал о том, что было, и уже никто, почти никто не помнил добра и счастья, что нёс с собой бессмертный и прекрасный народ.

Кто знает, какая сила почти через сотню лет заставила молодого, но не по годам мудрого правителя искать давних друзей своего народа? Кто знает, как это удалось ему, и сколько честности было и есть в его сердце, чтобы вновь сойтись в союзе с королём эльфов?

Но ему удалось. Добротой и открытостью сердца он сильно отличался даже от своего отца, а мудрость его не уступала эльфам. Но союз никогда не может быть делом одного.

Эльфийский король не перенёс обиды. Их дружба была странной, Имирин клял короля людей за всё, но прислушивался к нему. Эльдалин оказался прав – в какой-то степени они были друзьями.

Дождь разошёлся, превратился почти в ливень, когда капитан почётного караула и его воины замерли в поклоне, приветствуя короля Цивеона. Он спешился, за ним последовала его свита. Четверо юношей в тяжёлых тёмно-синих плащах – вот и все его сопровождающие. Не люди, правда. Эльфы. Четверо молодых воинов, в первый приезд Цивеона пожелавших уехать с ним, дабы охранять короля и подтверждать дружбу с ним.

Цивеон ответил на поклон эльфов, а потом протянул руки к Эльдалину.

– Дорогой друг! Не можешь удержаться от церемоний даже в такую скверную погоду.

Эльдалин усмехнулся, и они обнялись. Сдержанно, но тепло. С тёмных волос Цивеона, обрамляющих красивое лицо, на дорожный плащ струями стекала дождевая вода.

– Ваши покои уже готовы, – сказал Эльдалин. – Вы сможете переодеться и отдохнуть, а потом, полагаю, захотите...

– Мы переходим на «вы» в каждый мой приезд, – вздохнул Цивеон. – Сколько можно?

Его глаза смеялись, несмотря на нарочитую серьёзность. Эльдалин улыбнулся.

– Я понял. Тебе, видимо, хочется попросить аудиенции у нашего короля сейчас же.

Цивеон покачал головой.

– Нет. Сначала устрой моих юных друзей... даром что они старше меня на пару сотен лет, – он снова рассмеялся. – Я с радостью переоденусь, но аудиенцию нужно назначить как можно скорее. Слишком тревожные вести дошли до меня, и слишком многое нужно обсудить.

6

– Я решительно не понимаю, почему он так себя повёл! – озабоченно и рассерженно воскликнул Эльдалин.

Эльф вернулся только через три часа. Так уж вышло, что Имирин отказался принять Цивеона. Более того – достаточно грубо предложил ему убраться к его любимым подданным. Об этом уже узнали все в крепости. Лилия, Марли и Индил – последними.

– И теперь он уедет? – с тревогой спросила девушка.

– Нет. Пока нет, – покачал головой Эльдалин. – Но то, что произошло, – очень плохой знак.

– Мой отец всегда кричит... и грозит Цивеону смертью. Кажется... пока всё по плану, – тихо, но не без иронии в голосе заметил Индил.

– Ты забываешь, что, несмотря на все угрозы, он никогда не отказывал ему в беседе, – ответил Эльдалин.

Эльф немного помолчал, наблюдая, как посеревшее небо становилось всё темнее. Дождь и не думал кончаться.

– Цивеон спрашивал о тебе, – Эльдалин обернулся к Индилу. – Он хочет увидеть тебя.

Бледные губы Индила чуть растянулись в улыбке. Говорил он ещё с трудом.

– Да... представляю... какое удовольствие сейчас... на меня смотреть... сомнительное.

– Может, не надо? – Марли встрял очень тихо, но его услышали.

– Я тоже так думаю, – кивнул Эльдалин, озадаченно разглядывая лежащего на кровати Индила, больше смахивающего на живого мертвеца, – но решать тебе.

Лилия ни капли не удивилась, когда Индил, подумав немного, тихо произнёс:

– Нам нужно немного поговорить... так что иди к нему и скажи, что я... жду его.

– Сейчас? Цивеон готов прийти в любую минуту, как только я скажу, – всё ещё с явным сомнением сказал Эльдалин.

Индил кивнул, и эльф вышел.

– Я всё ещё думаю, что, может, не надо?.. – глядя прямо перед собой, в никуда пробормотал Марли. Он тоже устал, и иногда это становилось особенно заметно.

Надо сказать, что вид у обоих – и у юного эльфа, и у девушки – был так себе. Несомненно, намного лучше, чем у Индила, но волнение, переживания и, в случае Лилии, бессонные ночи делали своё дело. Иногда девушка и сама ловила себя на том, что смотрит в одну точку.

Однако сейчас она соображала достаточно хорошо. И поняла, что, как бы её это ни пугало, ей и Марли нужно будет остаться здесь, когда придёт король. Индил хмыкнул, едва ощутимо пожал её пальцы.

– Интересно, он будет зол, когда придёт, или нет? – снова выдал Марли куда-то в пространство.

Лилия нервно повела плечами – хватит с неё непредсказуемых королей на весь последующий год.

Видимо, Эльдалин говорил правду насчёт готовности короля Цивеона нанести визит Индилу тотчас же. Ибо уже через двадцать минут они услышали шаги. Лилия и Марли встрепенулись, нервно переглянулись.

– Ну почему у нас всегда проблемы... – пробормотал Марли.

Как выяснила Лилия, Марли короля видел, и не раз. Но он по натуре был таким... напуганным. Хронически. А вот девушку беспокоила исключительно непредсказуемость. Никто из эльфов не обмолвился о характере короля, что могло послужить хорошим знаком. И если это и вправду тот самый человек, о котором рассказывала ей Ревека, то...

Но Ревека ведь не знала его лично, не так ли?

Лилия и Марли переглянулись, встали со своих мест, отошли к стене у камина (как условились раньше). Она взглянула на Индила. Он был спокоен. Лилия не удержалась – соорудила гримасу, призванную показать, что ей это всё не нравится. Индил мотнул головой – Лилия и Марли уложили его на подушках, так что он полулежал в кровати, – и подмигнул ей.

Первым в комнату быстрым шагом вошёл Эльдалин, с удивлением обнаружил их у стены и вопросительно поднял брови. Решив, что, в принципе, позиция удачная, встал ря-

дом с ними, положив ладонь на рукоятку меча.

Когда вошёл король, все трое поклонились – пряди волос упали девушке на лицо. Но перед этим Лилия увидела его, и её сердце пропустило удар.

8

Цивеон застыл в дверях, взглянув на принца. Глаза раскрылись в изумлении и даже ужасе.

– Индил! Боги, ты выглядишь кошмарно.

Эльф поклониться не мог при всём желании, но приветственно приподнял руку, улыбнулся. Его взгляд был ясен, несмотря ни на что.

– Сожалею, мой друг, что приходится предстать перед тобой в таком положении, – трое друзей, застывших у стены (Цивеон их, конечно, видел, но не разглядел точно), отметили, что Индил старается говорить ровно. – Но, кажется, мой отец пренебрёг твоим обществом.

– Твой отец, Индил, самое странное и непредсказуемое, что есть у меня в жизни, – воскликнул Цивеон; изумление, вызванное таким радикальным отказом Имираина говорить с ним, всё ещё отражалось на его лице. – Но... что с тобой случилось?! Ты выглядишь так, словно одной ногой стоишь в могиле! Я прошу тебя, скажи, что это не так!

Брови Цивеона сошлись у переносицы. Он подошёл к постели Индила и внимательно, с беспокойством и жалостью рассматривал его лицо и лежащие поверх лёгкого одеяла руки. Кожа цветом мало отличалась от простыней, на которых лежал принц.

Индил сделал странное движение головой, намекая, что

волноваться не о чем.

– Это не так, я чувствую себя вполне пристойно. – Индил рукой указал Цивеону на стоящих у стены Эльдалина, Марли и Лилию. – Этим я всецело обязан своим друзьям. Эльдалина и Марли ты знаешь, а...

– ЛИЛИЯ??! – глаза короля распахнулись ещё шире, когда он посмотрел туда, куда указывал Индил, и разглядел лица всех присутствующих.

– Добрый день, – снова поклонилась девушка, не зная, что ещё сказать.

Стоит ли объяснять, что король Цивеон оказался тем самым мужчиной, которого Лилия чуть больше месяца назад вызволила из лап своих односельчан и ссадины которого лечила? Тот мужчина, который стал свидетелем того, что случилось после, – пожар, мёртвая кошка...

И побег.

Сейчас он выглядел... почти так же, как в тот день в деревне. Одежда такая же простая, но новая и целая. Волосы вымыты, борода аккуратно подстрижена.

Все, включая Индила, с изумлением смотрели на двух людей, которые никак не могли быть знакомы. Даже Лилия до последней минуты так думала. Но она узнала короля сразу же, как только он вошёл.

Лилия и Цивеон смотрели друг на друга с не меньшим удивлением. Наконец, король заговорил.

– Я боюсь даже представить, как ты тут оказалась.

– Если подумать, я тоже, – отозвалась девушка.

– Не знал, что вы знакомы, – наконец вмешался в эту абсурдную ситуацию Эльдалин.

Лилия с немного ошалелым и беспомощным видом посмотрела на тех, кто стоял рядом с ней. Потом перевела взгляд на Индила. Растерялся даже он.

– Ты говоришь... эта девушка лечила тебя, так? – спросил

Цивеон, опустившись на стул рядом с кроватью и не спуская глаз с Лилии.

– Полагаю, я обязан ей жизнью, – всё ещё ничего не понимая, кивнул Индил.

– Тогда, полагаю, я тоже.

– Вы ошибаетесь, ваше величество, – Лилия не до конца растеряла свою беспечность и манеры. – Кажется, вам грозило всего лишь избиение.

Лицо Цивеона вытянулось, он, видимо, хотел что-то сказать. И не смог. Немного нервно рассмеялся.

– Индил... прости меня... но это всё слишком удивительно. Я даже забыл, зачем ехал сюда!

– Если вы всё расскажете, всем, возможно, станет проще, – серьёзно сказал Эльдалин.

И Цивеон достаточно коротко рассказал им историю, случившуюся за пару дней до того, как девушка была вынуждена уйти. И за месяц до того, как она встретила Индила в лесу.

Эльфы слушали, не перебивая. Марли побледнел и с жалостью, чуть ли не со слезами на глазах смотрел на Лилию. Девушка улыбнулась ему. На самом деле всё, о чем рассказывал Цивеон, казалось таким далёким... словно не относилось к ней. Хотя она тоже всё прекрасно помнила, но всё же ничего у неё внутри не отзывалось на воспоминания. Разве что кошка... Да, она была её единственным другом, и кошку было до боли жаль до сих пор.

Слушая Цивеона, Индил не отрывал глаз от лица Лилии. Она ведь так и не рассказывала ему, что с ней случилось. Когда Цивеон закончил, эльф прежде всего обратился к девушке.

– Я очень сожалею. То, что случилось... – он не договорил, видимо, не сумев подобрать слова.

Лилия благодарно улыбнулась ему, всем видом стараясь показать, что с ней всё хорошо. Собственно, так и было.

– Но... почему ты не сказал, кто ты? – воскликнул Эльдалин. – Тогда они ни за что бы не посмели...

– То, что эти люди даже не знают, как выглядит их роль, – целиком моя вина, – ответил Цивеон, не давая эльфу

договорить.

– Но что ты там вообще делал? – не унимался Эльдалин.

– Это слишком уж долгая история, – покачал головой Ци-веон, – и сейчас нужно говорить не об этом. Но я рад, что ты в безопасности. Совесть замучила меня после того, как ты ушла с того холма.

Цивеон поговорил с Индиллом. Новость о нападении чудовищ на его отряд поразила его. Он внимательно выслушал и Эльдалина, рассказывающего, как некие существа (Лилия по-прежнему не знала о них ничего) стали смело заходить в лес и, кажется, уходить даже дальше.

– Если они доберутся до вашего народа – всё может принять оборот более серьёзный, – заключил эльф.

– Вы так и не выяснили, что это такое? – спросил Цивеон. Он был серьёзен. И обращался теперь к Индилу.

– Они спускаются с гор. Это всё.

Цивеон вздохнул. Опираясь руками о колени, он, кажется, думал.

– Мне нужно переговорить с твоим отцом. Люди пока вне опасности, но, полагаю, это скоро случится. Люди в деревнях – не в тех краях, откуда ты пришла, – Цивеон сказал это, оглянувшись на девушку, – уже видели кое-то. Кое-где уничтожен скот. Однако нападения на эльфов... Боги, они чуть не убили тебя! Мы должны что-то делать, и быстро.

– Отец вряд ли будет тебя слушать, – покачал головой Индил. – Но приказы могу отдать я, если будет нужно.

Цивеон с сомнением поглядел на принца. Часто вопросы решал именно он. Но что творится с королём эльфов, думал Цивеон. Неужели он не видит опасности? Или решил, что

эльфы бессильны?

Но такого просто не может быть.

Король поднялся.

– Если будет такая нужда, я обращусь к тебе. Но не сейчас. Сейчас, полагаю, тебе нужно восстановить силы. Время... его мало, но оно ещё терпит.

– Благодарю тебя, – кивнул Индил. На секунду прикрыл глаза. Разговор вышел недолгим, но он устал.

– Но, кажется, один из вопросов необходимо решить прямо сейчас...

Цивеон распрощался с Индиллом и вышел в коридор. С ним – Эльдалин и Лилия.

– Я счастлив, что ты жива и невредима, – быстро заговорил король, – но, насколько я понимаю, долго ты тут не удержишься.

– Король ничего не говорит, – ответил Эльдалин.

Лилия переводила взгляд с одного на другого. Поняла, о чём речь. «Хорошо, если тебе не придётся покидать эту крепость».

Цивеон продолжал.

– Имирин не терпит людей – ни одного человека в своей крепости! В моём случае его останавливает только...

Король задумался. Кажется, он сам толком не знал, что останавливает Имирина, когда он не выполняет своих постоянных угроз.

– Имирин знал её отца. Я тоже видел его, и с ним он обращался почти на равных! – Эльдалин, кажется, был не в восторге от разговора. Однако его слова заинтересовали Лилию.

– А с ней? – спросил Цивеон.

Эльдалин хотел было что-то ответить, но передумал.

– Я так и думал, – Цивеон повернулся к девушке, взял её за плечи. – Послушай меня. Что бы ты ни говорила, я знаю, что обязан тебе. И я не хочу, чтобы с тобой снова случилось

что-то ужасное...

– Я тоже, но... – начала было девушка, однако король сжал её плечи ещё сильнее, призывая слушать.

– Король Имирин непредсказуем. Его не остановит то, что ты помогла его сыну. Я останусь здесь до тех пор, пока Имирин не образумится и не согласится на аудиенцию со мной. Мы должны кое-что решить, – когда король сказал это, Лилию посетило неприятное чувство – с ней разговаривали, как с ребёнком. – Если до этого времени всё будет хорошо – прекрасно. Но в случае чего... Ты поедешь со мной. В Серебряный город.

Ни Цивеон, ни Эльдалин не ожидали того, что она сделала. Резким и уверенным движением она высвободилась из рук короля, отступила на шаг.

– Я с вами не поеду. Не считите это за неуважение, ваше величество, я благодарна вам, меня трогает то, что вы обо мне беспокоились. Но я с вами не поеду.

Эльдалин смотрел на неё, и почему-то в его глазах отразилось облегчение. Но Цивеон нахмурился.

– Ты не понимаешь. Он может прогнать тебя. В лесу опасно, и идти тебе некуда! – тон короля был почти умоляющим, но Лилия и глазом не повела.

– Даже если меня прогонят – я пойду своей дорогой. Только и всего.

– Подумай...

– Я подумала. Я. С вами. Не. Поеду.

– Но почему? Неужели тебя что-то держит, учитывая, что ты, я знаю точно, хорошо понимаешь, что к чему!

О, Лилия хорошо понимала. Она знала, что её могут прогнать. Но что если нет? И потом... она успела привязаться к этому месту. Нет, не к месту. Она привязалась к Индилу. И не хотела оставлять эльфа даже теперь, когда его жизнь вне опасности. Да, изначально она собиралась сделать это... но теперь?

А Марли? Даже с Эльдалином они, кажется, подружились.

– Я понимаю, что к чему. А вам не доверяю. Ведь вы меня обманули, не так ли?

С этими словами она открыла дверь в покои, где остались Индил и Марли, и зашла внутрь.

Когда Цивеон попытался удержать её, Эльдалин достаточно уверенно остановил его.

– Она не понимает...

– Лилия всё прекрасно понимает, – отрезал Эльдалин. – И находится под нашей опекой. В частности, под моей. С ней ничего не случится.

Хотя Эльдалин говорил довольно уверенно, у него всё же были сомнения. Ещё как были...

Лилия и Марли помогли Индилу лечь, убрали лишние подушки. Марли не замолкал ни на секунду – его явно оживил рассказ короля о случившемся. В сотый раз выразил сочувствие.

– То, что произошло, уже не опасно, – рассудила Лилия. Так часто говорила Ревека.

– Но у тебя был дом. Кошка... – Марли смущённо посмотрел на неё.

Неожиданно девушка улыбнулась.

– Дом не был хорошим, а жизнь с такими людьми сложно почитать за счастье. Если быть честной, только кошка и была мне другом.

– А что случилось с женщиной... твоей няней? – спросил Индил.

Взглянув на эльфа, Лилия немного помолчала.

– Я не знаю, где она. Кажется, ушла куда-то. Я искала её в тот день, когда... когда это всё случилось.

Они немного помолчали. Ждали, когда вернётся Эльдалин. Но Индил вдруг снова нарушил молчание.

– Тебе следовало послушать его. Он заберёт тебя... с собой... Цивеон честный человек. Он не даст тебя в обиду.

Они слышали их разговор, не удивительно. Лилия взглянула на него с изумлением, почти с обидой.

– Я не хочу никуда уезжать с ним! И что мне делать в Серебряном городе?

– Я тоже хотел бы, чтобы ты осталась. Но ты должна понять, – Индил заговорил неожиданно громко, и девушка вдруг увидела на его лице волнение, а в глазах – слёзы...

Лилия опешила. Не знала, что сказать.

– Но вы тоже не дадите меня в обиду, – наконец выдавила она, с ужасом глядя на вдруг так изменившееся лицо Индила. – Так ведь?

Индил прикрыл глаза. Девушка ждала, что он скажет что-то ещё, но тут открылась дверь, и вошёл Эльдалин.

– Лилия... Идём со мной, – девушка обернулась. – Король зовёт. Король Имирин.

Эльдалин взглянул а Марли, на Индила. Индил приподнялся на локтях, несмотря на попытку Марли остановить его.

– Что ему нужно?

Эльдалин только мотнул головой и снова перевёл взгляд на девушку.

– Пойдём.

Индил в бессильном волнении и злости сильно прижал кулак ко лбу. Лицо Марли вытянулось и побледнело.

А Лилия не на шутку испугалась, и страх держал её в своих тисках, пока Эльдалин вел её по коридорам замка.

– Ты помнишь всё, что я тебе говорил? – спросил Эльдалин, пока они преодолевали очередной лестничный пролёт.

– Да.

Больше они друг другу ничего не сказали.

Кажется, её судьба разрешится быстрее, чем она думала.

Король говорит

1

Кивнув стражникам – Лилия не знала ни одного из них – Эльдалин толкнул высокую, тёмного дерева дверь, украшенную причудливыми коваными узорами, похожими на какие-то лианы.

Вдвоем они оказались в просторном зале. Он был так огромен, что в нём, казалось, вполне могут уместиться две тысячи человек. Или, разумеется, эльфов. Пол был выложен отполированным серым камнем. Высокие стены прорезаны многочисленными узкими окнами, решётки которых изображали те же лианы, что и кованое украшение на двери. Только вечерний свет, изливавшийся в зал из этих окон, освещал его. На стенах в красивых, резных подставках висели факелы, но ни один из них не горел.

Чего девушка не нашла в тронном зале, так это трона.

Она ожидала увидеть его возле стены против той, в которой располагалась дверь. Но и там были лишь окна.

– Прекрасный вечер.

Лилия вздрогнула и едва сумела подавить вскрик – так неожиданно король эльфов показался, отделившись от стены между двумя из множества окон. Голос его был громким,

но столь безэмоциональным, что складывалось впечатление, будто его хозяин разговаривает во сне.

Лилия покосилась на Эльдалина, поклонилась, при этом повторяя жест многих эльфов, – приложила ладонь к сердцу.

– О, девушке подобает кланяться по-другому. Особенно, если на ней платье.

Она действительно была в платье – в своём старом голубом платье с длинными рукавами. И впервые её смутил его потрёпанный вид.

– Но я не собираюсь обучать тебя этикету.

Лилия снова взглянула на короля Имира. Он вышел в центр зала и остановился напротив неё. Обе руки одна на другой лежали на рукояти меча, пристёгнутого к поясу. Король был одет точно так же, как в тот день в лесу. Но теперь за спиной у него был плащ цвета сиреневых лепестков. Он обнимал его за плечи и спускался на пол. Сейчас шлейф остался лежать сбоку – Имирин не стал отбрасывать его за спину.

Лилия не смела заговорить. Смотрела в глаза королю и думала – станет ли он язвить, если она опустит взгляд?

Наконец, Имирин заговорил. Всё тем же бесстрастным, холодным, как ярко-голубые глаза, голосом.

– Полагаю, ты уже имела честь познакомиться с королём Цивеоном, который соизволил прибыть в крепость утром. Твоим королём.

Слово «твоим» он произнёс с нажимом, и прозвучало оно, как...

Как оскорбление.

– Я с ним знакома, – сухо ответила девушка. Её страх никуда не ушёл, но уступил место презрению, которое она испытывала к королю эльфов.

– Вот как. Прекрасно! – в голосе появились едва заметные нотки иронии. – Он требует аудиенции у меня. И хотя видеть Цивеона для меня такое же счастье, как для тебя стоять сейчас здесь, думаю, мне всё-таки придётся это сделать.

«О чем он говорит?» – лихорадочно думала Лилия. Но по-прежнему опасалась открывать рот. Имирин продолжил; говорил медленно, при этом отвернувшись от неё. Теперь он вышагивал перед ней из стороны в сторону, а нежно-сиреневый плащ тихонько шуршал, волочась за ним по каменному полу.

– Я встречу с ним. Ничего нового он мне не расскажет, но! Полагаю, его не затруднит моя просьба. Он отправится в Серебряный город, вашу столицу... Ты слышала о нём? Прекрасный город. И заберёт тебя с собой. Полагаю, он отправится туда через две недели. Так что, если у тебя есть какие-то дела... – Имирин остановился, и презрительная улыбка появилась на его лице. – Советую их завершить.

Пока он говорил, Лилия чувствовала, как грудь словно сдавливают тугим обручем, а к горлу подкатывает неприятный ком. Такого она не ожидала.

Как не ожидала и того, что всё-таки осмелится подать голос.

– Если вы хотите меня отослать – просто сделайте это. Можно даже прямо сейчас – я оставлю вашего сына заботам его друзей.

Улыбка сползла с лица Имира. Глаза рассерженно блеснули, он сделал шаг ей навстречу.

– Я советую осторожнее выбирать слова. Не стоит говорить с королём в таком тоне.

Если бы он кричал, возможно, было бы не так страшно. Но он шипел, шипел, как змея, и лицо его было ужасно.

Но Лилия слишком долго терпела.

– Вы король эльфов – не мой, – бросила она. Голос её дрожал, но девушка не замечала этого. – Вы можете запереть меня обратно в вашу темницу, можете убить меня, но вы не мой король.

Лилия не могла видеть Эльдалина – он стоял у неё за спиной. Но если бы она обернулась, то обнаружила бы страх на его лице. И решимость. Его рука легла на рукоять меча.

Имирин отпрянул от неё, как от огня. Заложив руки за спину, он сверлил её взглядом.

– Ты права, я могу всё это сделать. Прямо сейчас, – голос Имира стал тихим, но в нём буквально искрилась плохо сдерживаемая ярость. – Но, кажется, собственный сын не простит мне ни то, ни другое. Не так ли, Эльдалин?

– Ваше величество...

– Ах да, для вас я всё ещё король! Я почти забыл об этом, можешь себе представить? – И Имирин расхохотался. Тако-

го жуткого смеха Лилия ещё не слышала. Она вздрогнула и обернулась на Эльдалина. Тот, заметно побледнев, смотрел на короля. «Он же безумец!» – мысленно прокричала девушка, но больше ничего не успело прийти ей в голову.

Она почувствовала, как её хватает за шею чья-то сильная рука. Повернувшись, Лилия оказалась лицом к лицу с Имирином.

Его правая рука крепко охватывала её затылок, больно натянув убранные в косу волосы.

– Если тебе так хочется поговорить – мы поговорим, – прошипел он ей в лицо; повысив голос, почти крикнул, – Эльдалин!

– Да.

– Выйди отсюда.

Ей конец.

– Ваше величество?

Голос Эльдалина дрогнул. Это заметила даже Лилия.

– Выйди отсюда! Сейчас же! – рявкнул Имирин. У девушки зазвенело в ушах, но ей самой захотелось закричать: «Не уходи, только не оставляй меня тут, пожалуйста!»

Но через несколько секунд большая дверь, ведущая в тронный зал, открылась и захлопнулась.

Они остались одни.

Имирин сразу же отпустил её и, зашвырнув за спину плащ, который, казалось, раздражал его, быстрым шагом отошёл к одному из окон. Король сложил руки на груди, прислонился к оконной решётке и замер.

Лилия чувствовала, что сердце, кажется, сейчас выпрыгнет у неё из груди, а живот окончательно стянет ледяной металлический обруч. Теперь, без Эльдалина, стоящего за спиной, ей стало действительно страшно. Король безумен! Боги... что ей делать?

– Что ты хочешь от меня?

Имирин говорил тихо, но далеко не беззлобно – ярость кипела внутри него.

Вопрос поставил девушку в тупик с самого начала. Что она хочет от него?! Полезнее было бы задать этот вопрос, поменяв местами действующие лица...

– Говори. Что ты хочешь от меня?

На этот раз он говорил медленнее, словно она была полоумной.

«Если ты не ответишь сейчас же, будет хуже. Соображай быстро», – подсказал ей спокойный голос Индила. Что ж.

– Я не хочу, чтобы вы отправляли меня в Серебряный город.

Сначала Имирин не пошевелился. Тишина, возникшая

после её слов, казалась осязаемой.

А потом разбилась вдребезги.

– Глупая девчонка! – С силой оттолкнувшись от кованой решётки, Имирин бросился к ней через зал. – Я спрашиваю – что ты хочешь от меня?! Мне неинтересно то, что тебе не нужно! Я спрашиваю в последний раз. Чего. Ты. ХОЧЕШЬ. ОТ МЕНЯ?!

Последние слова Имирин не просто выкрикивал. Он орал на неё так, что всё его лицо перекосило от ярости, пряди белоснежных волос упали на лицо. Лилия охнула и попятилась от него, но король протянул руку, схватил её за плечо и встряхнул так, что хрустнули кости. Девушка схватилась за его руку, даже не подумав, что делает. Машинально. Она так испугалась, что из глаз брызнули слёзы.

Имирин удивлённо посмотрел на её ладони, отчаянно вцепившиеся в него. Левая всё ещё была закрыта бинтами.

«Шипы?»

Потом взгляд его переместился на лицо девушки. Крепко сжатые зубы были видны из-под приоткрывшихся губ. Щёки были мокрыми от слёз, а глаза, темные, карие глаза широко распахнулись, смотрели на него с ужасом. Она совсем ещё маленькая... но по меркам её народа прожила уже пятую часть своей жизни.

«Лилия... маленькая девочка».

Что он делает?!

3

Девушка с замиранием сердца наблюдала за тем, как меняется лицо короля. Искривлённое яростью, оно сглаживалось, становилось... каким-то по-детски удивлённым. А потом – лишь на мгновение – даже испуганным. Он отпустил её плечо так же быстро, как и налетел на неё с криком несколько секунд назад.

Имирин отступил от неё на шаг, тупо уставившись на свою ладонь. Лилия сразу же попятилась, упершись спиной в холодную кованую решётку. Беззвучно глотая слёзы, она не отрывала глаз от короля.

Кажется, он сам не знает, что с ним происходит...

– Так ты, значит, хочешь остаться здесь? – пробормотал он.

Имирин смотрел куда-то в пространство, мимо своей руки, которую он до сир пор держал на весу, и мимо Лилии. Этим он очень напомнил Марли. Лилия не двигалась. Она боялась даже дышать.

Наконец, видимо, не получив ответа на свой вопрос, Имирин словно очнулся. Взглянул на неё. Взгляд по-прежнему был холодным, но... возможно ли это?

Он перестал быть безумным.

– Ты не хочешь ехать в Серебряный город, к своему народу. Хочешь остаться здесь? – громко, отчётливо повторил

он свой вопрос.

– Да, – выдохнула Лилия, всё ещё цепляясь за решётку у себя за спиной. Подул прохладный ночной ветерок, и по спине у неё побежали мурашки.

Имирин странно посмотрел на неё, и она повторила, уже громче:

– Да. Я хочу остаться здесь.

«И что он скажет теперь? На этот раз выкинет меня из окна?»

Но король молча отвернулся от неё, отбросил плащ за спину и быстрым шагом направился к двери тронного зала.

– Эльдалин! – рявкнул он, дёрнув массивные створки на себя так, что кованые украшения тихонько зазвенели.

Эльф всё это время стоял за дверью, прислушиваясь к крикам короля и тихому голосу девушки, готовый в любой момент вмешаться. Вновь войдя в зал, он сначала отыскал глазами Лилию.

– Забирай её с собой, ничего с ней не случилось, – мрачно сказал Имирин, заметив это. Он отвернулся и пошёл прочь от двери, словно собирался раствориться в сгущающихся вечерних тенях, заполнивших тронный зал. Эльдалин повернул к ней голову – взгляд его в это время упрямо следил за королём – и протянул руку. Помедлив пару секунд, Лилия быстрым шагом... почти бегом добралась до него, взявшись за протянутую ладонь. Она оказалась холодной, и девушка поняла, что эльф крайне взволнован. Не напуган, ве-

роятно... но ещё бы чуть-чуть...

Имирин остановился. Не поворачиваясь к ним лицом, он заговорил. И хотя сказанное им вызвало восторженный отклик в сердце девушки, его тон был настолько жутким, настолько угрожающим, что Эльдалин невольно сжал её руку.

– Девушка остаётся лекарем при моём сыне и остальном гарнизоне и не покинет крепость... в ближайшее время. Мне без разницы, где она будет жить, – можешь вернуть её обратно в темницу, если хочешь. А теперь убирайтесь. Оба.

Эльдалин не стал утруждать себя ни поклоном, ни ответом – просто потащил Лилию в коридор через оставшуюся открытой дверь тронного зала.

Стражники у дверей проводили их изумлёнными взглядами и с некоторым сомнением поглядели на закрывшуюся за ними дверь.

Сначала Эльдалин тянул Лилию за собой, но когда они свернули на лестницу (из одного крыла в другое можно было попасть только через вестибюль первого этажа; всего было три крыла – замок с высоты птичьего полёта напоминал лист клевера), девушка уже шла рядом, и он отпустил её руку. Лилия была напугана, сердце колотилось, как маленькая птичка в клетке, но она уже осознала, что должна радоваться – её оставили здесь! Кажется, сейчас она даже не имеет ничего против изгороди! Похоже, там очень даже можно жить.

Вдвоем они почти бегом спустились и поднимались по лестницам. Его взволнованность никуда не исчезла, он постоянно оглядывался на Лилию.

– Тебе не показалось, что...

Эльдалин заговорил, когда они уже оказались в центральном крыле – в том, где на втором этаже и располагались покои Индила. Он хотел задать вопрос, но, заговорив, понял, насколько он будет странным, и умолк.

Но Лилия его поняла, потому что сказала:

– Ощущение, что его настроение отчего-то меняется, и очень быстро. Не знаю, отчего, – Лилия немного помолчала

– они поднимались по лестнице. – Это даже не настроение, а...

– Когда он попросил меня выйти, я бы сказал, что он безумен, – подхватил эльф её мысль, – но когда я зашёл снова... Он был в плохом настроении, но он был, ты знаешь... Как раньше.

– У него в голове словно два человека, – пробормотала Лилия.

Эльдалин коротко взглянул на неё, ничего не сказав на это. Два разума – вряд ли. Может, безумие приходит и уходит? Но раньше он этого не замечал. Заметил бы, это точно, но этого не было.

И как вышло, что два короля независимо друг от друга приняли практически одинаковое решение? Эльдалин счёл такую идею естественной, когда услышал от Цивеона – девушка была ему знакома, и он полагал, что случившееся с ней требует его участия, причем самого обширного. Но Имбирин?

Они не перешли на спокойный шаг даже тогда, когда уже почти прошли коридор, ведущий в покои Индила.

Так, ошарашенные, а Лилия ещё и запыхавшаяся и заплаканная, они буквально залетели в комнату.

– Что?! – в унисон спросили Индил и Марли. Последний вскочил на ноги прямо с пола.

Эльдалин же, напротив, плюхнулся на него прямо возле двери, и, учитывая, что он всё ещё был в парадной одежде и кольчуге, а на поясе висел меч, выглядело это довольно странно.

– Не знаю, как, – заговорил он, – но он оставил её здесь.

– ДАДАДАДАДА!!!

Марли в два прыжка оказался рядом с ней и чуть не сбил с ног, заключив в объятия, очень напоминавшие объятия ребёнка, дождавшегося домой старшую сестру.

– Ты остаёшься, я так рад, очень-очень рад! – причитал он, в то время как Лилия со смехом ухватила за дверной косяк, чтобы не вывалиться вместе с эльфом в коридор.

Такому зрелищу улыбнулся даже Эльдалин, что уж говорить об Индиле. Он лежал, немного приподнявшись на локтях, и посмеивался, насколько позволяла ему не проходящая слабость и боль, которой отзывалась рана при каждом движении. Но не только бурная радость Марли заставляла его

улыбаться.

Трудно описать то волнение, беспокойство и даже страх, которые стягивали ему сердце с того самого момента, как Эльдалин пришёл за Лилией. Индил лучше всех знал своего отца. Он лучше всех понимал, что его разум омрачился. И боялся он его, как это ни прискорбно, тоже больше всех. Втайне, конечно: он не мог себе этого позволить. Но это не мешало ему бояться за жизнь и судьбу девушки, которая по воле той же судьбы и своей собственной спасла жизнь ему.

Да, она спасла его, и это он тоже знал лучше всех. Но сам Индил ей помочь не мог. По крайней мере, пока... И это мучило его сильнее, чем физическая боль, причиняемая раной и всеми вытекающими «прелестями». Индил видел, как она справляется сама, и знал, что девушка может и большее, но ему не хотелось, чтобы ей приходилось это делать. После истории, рассказанной Цивеоном, после их разговора в коридоре он ещё острее ощутил это.

И дело тут было не в благодарности и даже не в чувстве долга. Не было и присущего людям мужского тщеславия, не позволявшего женщинам быть сильнее их.

Но было что-то другое, очень сильное, чего он не мог ещё объяснить. Оно каждый раз ярко разгоралось в его сердце, когда он видел её или думал о ней.

И как велики были облегчение и радость, когда она вошла, заплаканная, испуганная, но всё-таки счастливая.

И как он был сейчас счастлив! Так счастлив! Потому что

она оставалась с ними. В безопасности. Под защитой.

И просто рядом.

Лилия подошла к нему, когда Марли выплеснул на неё часть своего восторга, села на край кровати и обняла за шею. Очень осторожно. И он обнял её – как мог, потому что движение это вызывало боль.

Но Индил, несомненно, был счастлив.

– Марли, – Эльдалин легко поднялся на ноги, оправил меч на поясе, – пойдём. Найди Манеля; приведёшь его ко мне – я буду в оружейной.

Он повернулся к Лилии, сидящей на кровати.

– Я распоряджусь, мы устроим тебя в нашем поселении. Там, где мы все живём. Думаю, потребуется время, один, может, два дня, чтобы всё подготовить. Пока придётся посидеть здесь.

Эльдалин пропустил вперёд Марли, тут же умчавшегося по коридору (восторг всё ещё искал выход), и уже шагнул вслед за ним, как услышал, что Лилия благодарит его.

– Спасибо тебе. За всё.

Это заставило его остановиться. Что-то в ней было странное, часто она его раздражала, тем же, что и Марли... Но почему-то заставляла смягчаться.

Не оборачиваясь, он сказал:

– Я тоже рад, что ты остаёшься.

И ушёл.

Знакомство с крепостью

1

Солнечная крепость представляла собой нечто, что крепостью в общепринятом смысле этого слова назвать было сложно. Называлась она так в силу своей неприступности (огромная стена, которую и заметить не каждый может, была, бесспорно, отличной защитой), наличия замка и вооружённого гарнизона в четыреста с лишним эльфов.

Всё остальное, хоть и было защищено стеной, смахивало, скорее, на целый город с окрестностями. Или на маленькую страну. Тут уж как посмотреть.

У крыльца замка, которое располагалось прямо напротив главных ворот с двумя сторожевыми постами по бокам, лежала площадь. Что-то вроде внешнего двора замка. Она была замощена булыжником. Точнее сказать – осколками горной породы, которой было предостаточно, – леса после кленовой роши и сама крепость раскинулись недалеко от горной гряды. Кое-где осколки древних хребтов прорезали зелёный покров серыми шрамами.

С главной площади можно было попасть в любое место в пределах крепости. И, естественно, через главные ворота – наружу.

Сразу налево от ворот и вниз вела в низину та самая древняя лестница, с которой Лилия успела познакомиться в первый же день. Там лабиринты живой изгороди протянулись на несколько километров во все стороны. В основном, они были заброшены – кроме передней галереи, служащей крепости темницей.

Однако было бы честно сказать о том, что зелёные лабиринты не всегда играли столь неприятную роль. Раньше, пожалуй, очень давно, здесь был сад – проходы никогда не закрывались, в зелёных коридорах расцветали хризантемы, люпины, мартагоны, акации... Но всё исчезло – эльфы больше не спускались сюда, изгородь заросла и немного одичала.

Чуть дальше от лестницы, забирая немного вверх и вглубь, огибая замок, шла тропа к реке. Не отойдя и на пятьдесят метров, каждый может решить, что снова оказался в лесу, но растения здесь росли всё-таки реже, а высоких деревьев практически не было.

Река протекала не по всей территории, ограждённой стеной, а только по малой её части. На другом берегу была выстроена мельница, а рядом с ней – ещё несколько хозяйственных построек.

Через реку перекинут один единственный мост – уже давно его искусно вырезали из целого ствола секвойи, что однажды рухнула под напором шквалистого грозового ветра. К нему вело две тропы.

Первая – как раз та, что ведёт к реке от замка.

Вторая – из деревни, хотя туда можно попасть и другой дорогой, проложенной за конюшней и оружейной от главной площади.

Хотя деревня – не совсем точное название. Скорее – поселение. Из всех мест в крепости это стало для Лилии любимым, и именно здесь проходила большая часть времени. Поселение занимало около половины всей территории. Сравнительно немного, потому как в нём насчитывалось около тысячи хижин. Они были выстроены из речного камня, а крыши выстилала ветви секвойи. Это дерево весьма долговечно, поэтому даже давно заброшенные хижины имели благопристойный вид.

Заброшенные хижины? Конечно, они были. Ведь, как было упомянуто ранее, крепость населяло чуть более четырёхсот эльфов, не считая редких гостей. По крайней мере, так было сейчас.

Улицы были вымощены тем же булыжником, но не казались похожими на улицы в деревнях. Они постоянно петляли, иногда соединяясь и расширяясь, образуя что-то вроде крошечных площадей. На самой большой из них, центральной, рос огромный, древний клён, напоминая те, что росли в роще, хотя он и не был так велик.

Получилось так, что поселение расположилось на скалистом холме, его склонах и у подножия. Так что иногда улицы превращались в лестницы, мостики и арки.

Всё это восхищало девушку, но ничуть не упрощало за-

дачу. Когда Лилию привели к её хижине – а случилось это через три дня после разговора с королём Имирином, – она решила, что заблудится сразу, как только выйдет отсюда в первый раз, и сказала об этом вслух.

Манель рассмеялся.

– На самом деле, это не так уж и сложно, ты привыкнешь. К тому же, всё можно отыскать по цветам.

Хижины были выстроены группами по пять-семь штук и не ограждены друг от друга ничем, кроме кустарников и, действительно, цветов, растущих возле каждого жилища.

Лилия не сразу поняла, как можно умудриться найти что-то по цветам (они тут были везде!), и Манель, заметив это, сказал:

– Посмотри-ка вокруг. Внимательно!

– Ну что? – улыбаясь, спросил он, когда они остановились посреди мощёной булыжником улицы.

Лилия смотрела на хижины – они с Манелем стояли на дороге, шедшей немного под уклоном, так что обзор был хороший, – как вдруг до неё дошло.

Возле каждого жилища росли и цвели абсолютно разные цветы. Они отличались не только по родам и видам, но также и по цвету. На улице, по которой они только что шли, было четыре хижины, рядом с которыми высажены розы. Из них одни были тёмно-бордовыми, другие – нежно-жёлтыми, а у двух других росли ярко-розовые. Но одну хижину розовые побеги оплетали, словно плющом, и цветы у них были

небольшие, а у другой они были посажены ровными рядами, а цветки были махровыми, напоминающими пионы.

Позже девушка прогуливалась по улицам и наблюдала множество других цветов – гортензии, дельфиниумы, лилейники и лилии, сирень, ромашки... даже цветущий репейник!

У заброшенных хижин цвели акации.

Лилия перешла на другую сторону и присела на корточки, разглядывая куст белоснежных пионов.

– Как всё цветёт одновременно? – спросила девушка у Манеля. – Пионы уже должны отцвести, а у этого даже новые бутоны...

– Это деревня эльфов, – явно довольный её реакцией, ответил он. – Так что цветы тут не цветут только зимой.

– Это что-то... невероятное, – оглядываясь по сторонам, выдохнула Лилия. – Да, точно! Невероятное!

– Обычно каждый сам сажает то, что ему по душе, – промолвил Манель, присев рядом с девушкой, – но, узнав, что ты остаёшься здесь, я решил немного помочь. Король Цивеон сказал, что ты оценишь. Он и привёз их нам, в качестве подарка.

Лилия проследила за его взглядом и увидела хижину, в которой должна поселиться.

Вокруг неё были высажены голубые лилии.

2

Деревянная резная дверь вела в единственную комнату с единственным же окном, но большим – начинаясь в полу-метре от пола, в ширину и высоту занимало практически всю стену. Стёкол или ставен в нём не было.

В маленькой комнате помещались стул, стол и что-то вроде кушетки, на которой можно было отдохнуть. Сон эльфам был нужен гораздо реже – только если они болели или очень долго находились в пути и не отдыхали.

Лилия перенесла свои немногочисленные пожитки в хижину и начала осваиваться.

3

Хижина с голубыми лилиями была одной из пяти в группе. Возле остальных цвела белая акация.

Так распорядился король Имирин – он не желал, чтобы девушка жила вместе с эльфами, хотя до ближайшего соседа – того самого, с белыми пионами возле дома – идти всего десять шагов. Его звали Чесс, и он был молчалив. Когда они встречались, он всегда говорил только:

– Очень рад.

В конце концов, Лилия стала отвечать так же, хотя иногда они всё-таки заводили разговоры. Чесс в основном интересовался тем, что беспокоило всех, – состоянием принца, – и всегда неподдельно радовался хорошим новостям.

Вторая причина её относительно одинокого проживания – Лилия оказалась единственной девушкой.

Конечно, она подозревала, что в гарнизоне крепости число мужчин должно значительно превалировать, но чтобы настолько...

Женщин – эльфиек – среди них не было совсем. Лилия думала, что они бы могли работать на кухне, в садах и небольших огородах, что окружали селение (много эльфы выращивали сами – вылазки за зерном были делом не столь частым, как позднее выяснила девушка), но оказалось, что это не так. На кухне эльфы трудились, меняясь каждые два дня,

а у огородов и вовсе чаще всего оказывались постоянные «смотрители». Например, Манель мог целыми днями пропадать в саду с фруктовыми деревьями или на грядках с пряными травами – они были его гордостью.

Примерно так обстояли дела, но, в конце концов, влиться в общество эльфов Лилии удавалось неплохо – в основном, конечно, благодаря общительности и дружелюбию их самих.

Чаще всего, оставляя Индила отдыхать и возвращаясь в поселение, Лилия бывала в компании Марли и Манеля – к ним она уже привыкла. Они вдвоем жили недалеко от неё в соседних хижинах. Возле жилища Манеля были высажены крупные георгины необыкновенно нежного цвета. Они напоминали собой кусочки рассветного неба – розово-оранжевые... даже какие-то бархатные, хотя это немного странное определение для цвета. Хижину Марли окружали пышные и обильно цветущие кусты жасмина. Они источали великолепный аромат, особенно вечерами.

Постепенно Лилия знакомилась и с другими эльфами. Спустя неделю после её появления в поселении к ней в окно заглянул Алаальме.

Кстати, ещё одна странность заключалась в том, что эльфы никогда не стучались в дверь. Они сразу заглядывали в окно, здоровались и просили разрешения войти:

– Могу я зайти здесь?

«Здесь» – значит, через окно. Лилия посчитала это крайне интересным, но необычным способом. Эльфы предпочитали

видеть друг друга сразу – двери этому мешали и были лишь для удобства хозяина. Хотя, конечно, не все и не ко всем так приходили в гости. Например, Эльдалин заходил только через дверь, хотя, как и положено, сначала подходил к окну поздороваться.

Лилия уже видела Алальме – в первый вечер именно он помогал Марли с носилками, а потом, на второй день её пребывания в поселении, эльф заглядывал поздороваться и спрашивал, не нужна ли ей помощь.

– Ну, как тебе тут? – легко перешагнув внутрь, спросил Алальме.

У него были длинные вьющиеся волосы цвета чая с гибискусом (девушка не могла подобрать менее высокопарного описания, цвет волос Алальме был и вправду очень красив; когда Лилия сказала ему об этом при знакомстве, он жутко смутился).

– Здесь просто прелестно, – отозвалась девушка. Она как раз развешивала под потолком свежие пучки лаванды для засушки. Её, кстати, тоже выращивал Манель.

– Очень хорошо! Сейчас будет ещё прелестнее, – с уверенностью и энтузиазмом сказал эльф.

Алальме бережно положил на стол большой сверток коричневой ткани, который принёс с собой, и начал развязывать верёвку, закреплявшую её.

– Да, ты сказала, что тебе ничего не нужно, но я подумал, что лишним не будет.

С этими словами Алальме торжественно показал Лилии то, что принёс.

– О... ого!.. —только и смогла выдать Лилия.

Дело в том, что Алальме был столяром и весьма искусным резчиком по дереву – он сделал и украсил резьбой мебель в некоторых хижинах, часто подновлял или переделывал двери. Об этом он рассказывал, когда приходил познакомиться.

В руках Алальме держал свежевыточенную полочку – она ещё пахла опилками и маслом, которым он её пропитал. Полочка была длинная и, более того, двухъярусная, с небольшими бортиками спереди и по бокам. Алальме украсил её резьбой – листьями, ягодами и желудями. Снизу были вделаны несколько медных крючков, выточенных в виде листиков остролиста.

– Это великолепно! – воскликнула Лилия. – Я ещё никогда такого не видела! Ты настоящий мастер!

Алальме, довольно и смущенно улыбнувшись, кивнул на стол. Там была масса всего – все те же мешочки, бутылочки и связки трав, которые Лилия прихватила с собой из дома.

– Всё не поместится, но для начала будет хотя бы свободнее.

– Спасибо тебе! Это... —Лилия смущённо улыбалась и не знала, что сказать. – Я... не ожидала.

Это было правдой. Всегда, когда не знаешь, что говорить, – говори правду.

Алальме добродушно улыбнулся.

– Я понимаю и рад, что тебе понравилось. Кстати, – он повернул полочку боком и указал Лилии на узор, – тут соловей спрятался. Видишь?

Лилия наклонилась и присмотрелась. И правда – среди веток выглядывала головка соловья. Он был как живой.

– Очень их люблю. Хорошие создания, – доверительно сказал Алальме и посмотрел на букетики лаванды, ещё лежащие на столе. – Ты не отвлекайся, а я пока её повешу. Смотри, вот здесь, а?

Алальме приставил полочку к стене. Лилия благодарно кивнула, и эльф выудил из того же свёртка маленький серебристый молоточек и три так же маленьких гвоздика.

Лилии стало интересно, как он будет работать, – стены каменные, и стыки очень плотные. Но Алальме в два уверенных удара загнал гвоздик в щель. Она невольно восхитилась лёгкостью его движений.

Они немного помолчали, занятые каждый своим делом.

– Алальме, а ты... не мог бы дать мне совет? – спросила девушка, не отрываясь от работы.

– Постараюсь, – ответил эльф, так же полностью погружённый в примерку третьего гвоздика.

– Чем полезным мне тут можно заняться?

Алальме глянул на неё и взял со стола полочку.

– Разве ты ничем не занимаешься?

Дело было в том, что Имирин позволил остаться в крепости, но не потребовал от неё какой-либо работы. Точнее, он

оставил её лекарем при гарнизоне... но Лилия быстро выяснила, что её услуги будут требоваться только раненым, за редким исключением кому-то ещё.

Конечно, очень много времени Лилия посвящала заботам об Индиле, но ему становилось лучше, к облегчению всех. К тому же, с ним часто был Марли (хоть и не притрагивался к травам) – Индил был против того, чтобы Лилия помогала ему в личных процедурах. Всю неделю в свободное время она обустривалась и осматривалась, и дальше сидеть без дела ей казалось абсолютно невозможным.

– Если хочешь, я зайду завтра, – после минутного размышления сказал эльф, – и мы попробуем найти тебе занятие.

– Очень хочу! – Лилия проверила узелки и спустилась наконец со стула. – Чудесно!

Последнее относилось к полочке, которую Алальме уже приладил.

4

Эльф остался, и Лилия заварила чабрец и душицу. Специально для заваривания трав она соорудила под окном что-то вроде маленькой печурки – выложила небольшие камни в круг и «достроила» сооружение на четыре яруса вверх. Так туда помещалась маленькая полешка или кучка мелких веточек, а сверху на камни как раз устойчиво устраивался котелок.

Алальме выглянул в окно и приподнял брови.

– Молодец, выкрутилась.

Лилия удивленно посмотрела на него и поняла, что он говорит серьёзно.

– Не хочу мешать на кухне.

– Там были бы не против, но ты в чём-то права, да. Они там жуть как заняты, правда, не весь день.

– А кто там работает?

– Ну, я так понимаю, ты никого особенно не знаешь ещё, – протянул Алальме. – Но скажу так – там в десять пар рук работают. А потом, через пару дней, там работают другие десять пар. Значит, всего на кухне работает двадцать постоянных пар рук.

Теперь была её очередь приподнимать брови. Алальме рассмеялся.

– Ну, как смог, объяснил.

Они немного помолчали. Лилия сидела на стуле, а Алальме – в оконном проеме. За его спиной открывался вид на пустые окна хижин и немного заросший внутренний дворик. Он был вымощен тем же булыжником, что и улицы, но по центру камней не было. Там когда-то давно устроили пруд – кладка уходила под воду, образуя его чашеобразное дно. Лилия предполагала, что там мог кто-то жить, но в первый же день она убедилась, что если это и было так, то давно. Её удивило то, что вода в нём оказалась очень чистой, – было прекрасно видно каждый камушек на дне.

– Чуть не забыл, – вдруг заговорил Алальме. – Сегодня вечером, на закате, мы собираемся возле клёна. Я думаю, тебе неплохо бы присоединиться к нам, а?

– Что значит «собираетесь»? – спросила его Лилия, поставив свою чашку на стол.

– Ну, мы частенько так проводим вечера. Собираемся вместе, разговариваем, смотрим на звёзды. Иногда появляется настроение петь, – Алальме улыбнулся и немного пожал плечами. – Пока принц был болен, мы не хотели собираться, ну, ты понимаешь. А теперь, я думаю, самое время, как считаешь?

Лилия кивнула – да, Индилу теперь ничего не грозит, король Имирин стал спокойнее, как ей показалось, к тому же присутствие гостей сглаживало обстановку. Действительно, самое время.

Она хотела было задать вопрос, но Алальме опередил её

с готовым ответом.

– Сегодня там будет немного народу, так что не волнуйся. Я понимаю, ты ещё не слишком свободно себя чувствуешь, – Алальме подмигнул ей. – Там будут Марли и Манель – они обрадуются. Может быть, Эльдалин соизволит явиться. Ты его должна знать, я прав?

Лилия кивнула. Правда, они уже неделю не виделись. Девушка покосилась на свою руку, ещё перевязанную по локоть.

– Отлично! Ну что, ты придёшь? Часа через три. На закате. Знаешь, где площадь?

Она не переставала удивляться, глядя на эльфа. У него так горели глаза, как у ребёнка, которому вдруг пришла какая-то навязчивая идея. Для Лилии это было невероятно, но он действительно хотел, чтобы она согласилась. Девушка сомневалась – она очень боялась оказаться в компании эльфов... По натуре она всегда была стеснительная. Алальме, удобно расположившись в проёме, не отрывал от неё выжидающего взгляда.

– Да, я знаю, – услышала Лилия свой голос. – Я приду.

Эльф сразу просиял, и девушка невольно засмеялась.

– Будем ждать. Вот все удивятся, когда ты придёшь!

Поблагодарив друг друга, они разошлись – Алальме исчез за окном, а Лилия собрала сумку и пошла в замок, к Индилу. День потихоньку заканчивался.

Дерево

1

Лилия тихонько постучала, и, не получив ответа, заглянула в комнату. Индил спал, больше никого не было.

Стараясь не шуметь, она зашла и начала доставать нужные ей вещи – мазь, чистые повязки, холодные отвары. Последнее время Лилия чувствовала себя гораздо увереннее, когда дело доходило до лечения. Живя среди людей, Лилия очень хорошо справлялась, но работа часто вызывала у неё неприятное чувство неуверенности. Теперь этого не было, хоть Лилия и не знала толком, почему.

Оглянувшись, она обнаружила, что Индил проснулся и молча смотрит на неё.

– Привет. Как ты? – спросила его Лилия, хотя то же самое она спрашивала часа четыре назад.

Он кивнул, как всегда, как бы говоря – ничего нового, но всё хорошо, не о чем беспокоиться.

Но Лилию успокаивал не его утвердительный жест, а нечто другое. Глаза его, после болезни помутневшие, за последние пару дней немного прояснились, хоть и были ещё воспалены. Теперь они снова были изумительного ярко-голубого цвета, и время от времени в них пробегали зеленова-

тые искорки, когда он улыбался.

Улыбка снова вернулась к нему в полной мере – пока ещё усталая, но всё такая же тёплая и каждый раз разная. Лилии было удивительно, что она видит её снова, после того как Индил чуть не умер.

Она тоже кивнула и улыбнулась ему. Они очень мало разговаривали – Индил был слаб, часто он крепко спал, когда она приходила. Но если он не спал, то непременно спрашивал её, всё ли хорошо. Она отвечала, что да, тогда Индил пристально смотрел на неё и кивал. Девушка не собиралась докучать ему рассказами о том, как она устраивается, предпочитая поддерживать его, передавая частые приветы от эльфов и просто своим присутствием. К тому же, Лилия начала понимать, что всё больше возвращается к своему привычному поведению, – раньше она очень мало и редко говорила, только с Ревекой да кошкой... Воспоминание о них невольно отозвалось в сердце, и Лилия незаметно поморщилась.

Она подошла и начала развязывать узлы, закрепляющие повязки, стараясь сделать это в большей степени правой рукой. Левая болела до сих пор, хотя девушка всё равно старалась работать ею. Глубокие раны ещё не зажили до конца, хотя дело после того случая пошло заметно быстрее.

Индил вдруг протянул руку и помог Лилии, придерживая нужный конец.

– Спасибо, – тихо сказала она, улыбнувшись ему.

– Покажи, – попросил он.

Лилия помедлила, и Индил взял её за левую руку. Повязку девушка сняла на время работы – ей было неудобно. На кисти осталось всего пять глубоких порезов – один прорезал мякоть ладони со стороны мизинца насквозь. Зашить бы, похорошему, всего пара тройка стежков, но Лилия знала, что не решится сама себя чинить таким образом.

– Плохо, – Индил озабоченно изучал её ладонь, проводя по ней прохладными пальцами, как слепой, изучающий то, что перед ним.

– Нет, – совершенно искренне возразила Лилия, мягко забрав руку, – теперь-то она точно знала, что значит «плохо». Но что-то в жесте и голосе эльфа тронуло девушку. В её сердце вдруг всколыхнулось чувство нежности к нему.

– Быстро заживет, – улыбнувшись ему, тихо сказала Лилия и, сегодня с его помощью, размотала повязки. Рана была чистая, хоть выглядело всё жутковато – после повторного воспаления и лечения она стала глубже, а вокруг красовались побуревшие следы от ожогов. Но это – уже дело времени.

Пока она работала, Индил молчал. Он смотрел на Лилию – она была спокойна, даже очень.левой рукой девушка управлялась плохо, Индил это видел, но знал, что она отмахнётся, если он что-то скажет. Не из гордости, конечно, – она просто не привыкла, чтобы кто-то беспокоился о ней. Индил знал её совсем недолго, особенно если учесть, сколько вре-

мени он был в полном сознании, но это понял почти сразу.

Лилия закончила, убрала всё в сумку и спросила:

– Хочешь, чтобы я осталась?

Она всегда задавала этот вопрос, каждый раз, когда приходила. Ещё ни разу он не отказывался, хотя они могли и не говорить в это время. И девушка уходила только когда Индил снова засыпал.

Индил кивнул, и Лилия прошла к окну, чтобы взять стул. Он неожиданно остановил её за руку и жестом попросил сесть на кровать. Лилия вопросительно наклонила голову, но опустилась рядом с ним.

– Ты уже живёшь в поселении? – спросил Индил.

Лилия кивнула.

–С того дня, как Манель меня привел туда. У него возле дома растут георгины, – сказала Лилия и замолчала, подумав вдруг – зачем она это говорит? Но почему-то девушка почувствовала, что Индил слушает, что ему хочется об этом послушать. Поэтому она продолжала:

– А у Марли – жасмин. Прямо напротив меня живет Чесс – он всё время молчит, и возле дома у него цветут пионы. Я смотрела в пруд во дворике – там никто не живёт, хотя Манель говорит, раньше там жили карпы кои, – Индил кивнул, и она улыбнулась. – У Манеля хороший сад. И он выращивает травы. Я сегодня разобрала и засушила лаванду, которую он принёс.

– Манель, конечно же, посадил что-то возле твоего до-

ма? – тихо спросил Индил. Говорил он ещё немного медленно.

– Да. Голубые лилии, – с радостной улыбкой так же тихо ответила девушка.

– Голубые лилии? – Индил явно был в небольшом замешательстве.

– Да. Король Цивеон сказал ему... Это... долгая история, на самом деле.

Индил вздохнул и, казалось, задумался. Девушка помолчала немного, решив, что на сегодня достаточно разговоров. Но почему-то, уже совсем тихо, почти шёпотом, добавила:

– Алальме вырезал мне полочку для трав. И позвал на площадь, где клён растёт...

Кажется, она правильно сделала, что сказала. Озабоченность на лице Индила сменилась радостным удивлением – насколько это было возможно при ещё слабой мимике, – и он засмеялся. Хрипловато, беззвучно, но засмеялся.

– Ты над чем? – улыбаясь, спросила девушка.

– Я просто рад. Это очень хорошо – ты сможешь познакомиться с остальными, – тихо ответил он, улыбаясь; постепенно он стал более серьезен и вдруг сказал: – Прости меня.

Лилия уже совсем потеряла нить и подумала – вдруг у него опять лихорадка? Но нет, не похоже...

– За что? – непонимающе спросила она.

Индил помолчал, потом повернул голову набок и тихонько пожал пальцы на её искалеченной руке, лежащей на про-

стынях.

– Я должен был за тебя отвечать... Когда мы оказались здесь. Чтобы тебя не сажали... в клетку...

Лилия слушала его с широко распахнутыми глазами. Он говорил медленно, казалось, обдумывал каждое слово. И тон был такой... Он словно говорил не то, что слышала Лилия. Голос его будто втайне кричал: «Я виноват, виноват, везде я виноват, и я сожалею, правда, сожалею...»

Он никогда не говорил такого. Девушка сразу же почувствовала что-то неладное.

Не дав ему договорить, Лилия вдруг здоровой рукой перехватила его ладонь и крепко сжала.

– Нет, нет, нет, нет, замолчи сейчас же!

Девушка сама от себя не ожидала такого, но почувствовала вдруг, как к горлу подступают слёзы.

– Ты ни в чём не виноват, понятно тебе?! Всё случилось, как случилось, и жертвой этого стал ты, ты, а не я!

Боги, что она говорит?! Нет, это, конечно, правда, но... Испугавшись собственного тона и того, что Индил теперь, кажется, зря будет волноваться, она отпустила его руку и, ненавидя себя за то, что делает, встала и взялась за ремни сумки, собираясь как можно быстрее исчезнуть из комнаты.

– Подожди, посмотри на меня...

Тихий голос остановил её, подействовав, как ушат холодной воды за шиворот. Лилия медленно, как бы раздумывая над тем, что делает, отпустила ремень и опёрлась ладонью о

стол рядом.

– Лилия.

Она обернулась и встретилась взглядом с небесно-голубыми глазами эльфа. Да, конечно, ей бы не хотелось, чтобы Ревека пропала и сгорел дом, чтобы убили её кошку. Ей не хотелось, быть может, встречаться с королём эльфов и разгадывать его сумасбродные загадки, её не хотелось, чтобы её сажали в клетку, пусть даже такую чудную. Ей не хотелось оказаться совершенно одной и наблюдать за тем, как Индил умирает, Марли убивается, а она сама ничего не может поделать. Может, она и не планировала попадать в лесное эльфийское королевство. Ей много чего НЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ, и проще найти во всём виноватого, сказать – «Да, чёрт побери, это ТЫ виноват, что валялся под тем дурацким клёном и что твой отец – самый сумасбродный в мире король! ТЫ виноват, что не смог прогнать меня, когда была возможность!»

Но во всём этом не был виноват никто. Отчасти в этом не была виновата даже она.

– Только не говори, что я неправильно тебя поняла, – тихо сказала Лилия, совершенно чётко зная – она поняла всё правильно.

Индил долгим взглядом посмотрел на неё и, покачав головой, прикрыл глаза.

Лилия плотно сжала губы и отвернулась. Она снова взялась за ремень, как Индил вдруг тихо сказал:

– Правильно поняла. Меня это беспокоит... и я ничего не

могу поделаться... Я бы хотел...

Лилия снова обернулась, боясь увидеть лицо Индила. Но он не открывал глаз и отвернулся.

– Ты хотел, чтобы я ушла, помнишь? – осторожно, полупрошептом напомнила Лилия, не отрывая глаз от Индила. – Я сама осталась. Ты не виноват. К тому же, сейчас всё уже хорошо, ты сам сказал...

– Если бы ты ушла, я бы тоже винил себя в том, что ты могла умереть в лесу...

Лилия за спиной стиснула руками столешницу, и левую ладонь прожгла боль. Она уже собиралась что-то сказать, как вдруг Индил снова повернул к ней взволнованное лицо.

– Просто я за тебя беспокоюсь.

– Но почему? – выдавила Лилия.

Да, она действительно не понимала. Было тут что-то, что ставило её в тупик. Ей казалось, Индилу больно об этом говорить – не в физическом плане. Ему трудно давалось объяснение с ней, она это чувствовала, но в чём дело?

Ну, конечно же. Будет тут легко, после того как на тебя фактически накричали, пусть изначально с добрыми намерениями.

– Вы чего такие?..

Лилия резко обернулась – в дверях стоял Марли, переводя взгляд с одного на другую.

– Что-то случи...лось? – спросил он, запнувшись, когда встретилась взглядом с Лилией.

«Боги, это же какое у меня сейчас, должно быть, выражение лица...» – промелькнуло у Лилии в голове.

– Извините, я вас оставляю, – сказала Лилия и, всё ещё ненавидя себя за то, что делает, схватила сумку и почти выбежала из комнаты.

Не посмотрев на них, девушка хлопнула дверью у Марли перед носом. Он озадаченно поморгал, поднёс руку к затылку, подумал, опустил её обратно. Обернулся к Индилу.

– Мне стоит спрашивать, что происходит, или бесполезно?

Индил покачал головой, не глядя на него, и закрыл лицо ладонью.

2

До своего дома Лилия невольно добежала и, запыхавшись, прислонилась спиной к двери изнутри.

Она находилась в смятении. Ей было стыдно за свои реплики, за тон. Он был таким жёстким... А ведь Индилу и без того плохо, и без её неожиданных концертов, которые даже она не собиралась изначально закатывать

Хотя ей пришла в голову мысль о том, что «концерт» его смутил не так чтобы сильно.

«Просто я за тебя беспокоюсь».

За неё-то зачем беспокоиться?

–Спасибо, господа, взрослая девочка, сама справлюсь как-нибудь!

Почему это её разозлило?..

Лилия бросила сумку на стол. Потом – немного поздно – подумала о том, что там могло быть что-то стеклянное (не было). Она опёрлась здоровой рукой о стол и, задумавшись, опустила голову. Взгляд упал на завалы мешочков и бутылочек, и она оглянулась на полочку. «Как будто она здесь и была изначально», – рассеяно подумала девушка и взяла в руку бутылочку с засушенными головками чертополоха.

Она поставила все бутылочки на полку, её нижний ярус. Они по ширине входили идеально.

Девушка собралась было и часть мешочков разместить –

только уже сверху, как вдруг что-то словно ударило её по голове. Она оглянулась вокруг, посмотрела на руку, выглянула в окно, услышала, как за дверью Чесс кому-то объявляет своё «очень рад», снова выглянула в окно, зачем-то потрогала ближайший цветок лилии...

А потом она села на стул, закрыла лицо руками и заплакала.

Насколько запоздавшая реакция на произошедшее... Лилия вдруг поняла, что, пройдя через ряд совершенно непонятных и иногда ужасных событий и вещей, она вдруг оказалась одна в совершенно незнакомом месте. В крепости, поселении лесных эльфов, о которых так часто рассказывал отец! Но что ей с этого? Что делать?

3

Так частенько случается. Ты что-то делаешь, что-то происходит вокруг такое, и ты непременно оказываешься активным участником сего действия... А потом поднимаешь голову и...

Понимаешь, что всё ужасно изменилось. И страх, что ты не сможешь к этому «изменившемуся» миру приспособиться, парализует твои мысли, и ты не можешь думать о чём-то, кроме «Что делать? Зачем? Что происходит?!»

Заметьте, до этого прекрасно понимаешь, что делаешь, зачем и, главное, что происходит. И очень даже целеустремлённо движешься к чему-то. Однако в этом и есть главная загвоздка, и главная, если хотите, проблема.

Цель.

Она есть, ты её каким-нибудь образом (через известные «что делать?» и «что происходит?») достигаешь, и... всё. А проблема в чём? В том, что цель эту часто забывают себе поставить...

Вот и Лилия. Если бы она действовала не так импульсивно, точнее, в меньшей степени импульсивно, чем это было, то её цель была бы поставлена так: спасти человека\эльфа с белыми волосами со-страшной-дырой-в-боку. Но этого не произошло, хотя девушка такой цели достигла вполне успешно.

Вот только не задумывалась об этом.

А ещё забыла подумать, что будет дальше.

Но стоит ли её винить... конечно, нет. Возможно, если бы она взвесила все «за» и «против», эльфийский принц был бы уже мёртв.

Плакала Лилия недолго – пару минут, может. Целая стая мыслей вдруг буквально напала на неё.

Чудом оказалось то, что Лилия смогла взять себя в руки. Она сидела и думала о том, что произошло. И о том, чего не произошло, но могло бы. Шаг за шагом она пробиралась через дебри событий последних двух месяцев и успокоилась – ничего «вдруг» не случилось. Всё шло примерно к такому раскладу, а Лилия просто вовремя не осознала это.

Однако остался открытым вопрос «Что делать?» с одной только поправкой.

«Что *теперь* делать?»

Посидев немного и прислушавшись к своему внутреннему голосу, Лилия поняла, что нужно просто продолжать то, что она делала на автомате. А именно – попробовать как-нибудь устроить жизнь... совершенно новую. Она ведь хотела остаться здесь? С Марли, Эльдалином. Индиллом.

Теперь ей нужно было поговорить с ним. Лилия чувствовала, что их странный недавний разговор волнует её... Как минимум, тем, что Индил, вероятнее всего, остался очень расстроен её реакцией и уходом...

Она не хотела его расстраивать. Он хороший, добрый... Да... однозначно, не нужно было так делать. Вспомнив выражение его лица, его глаз... Лилия поморщилась, укоряя

себя. Она не могла понять, что на неё нашло...

– Ку-ку.

От неожиданности Лилия вскрикнула и вскочила на ноги, уронив стул.

– Тише, эй, это я, ты что! – крайне изумлённо, но смеясь, проговорил Алальме. – Прости, я не хотел тебя пугать!

– Не привыкла я ещё к визитам через окно, видимо, – рассмеявшись и приложив руки к груди, сказала девушка.

– Наверное. Всё хорошо? Ты какая-то грустная.

– Да, всё нормально. Я просто немного испугалась, действительно, – нервно посмеиваясь, ответила Лилия.

Алальме секунду посмотрел на неё и кивнул.

– Ну ладно. Ты готова?

– А?.. – девушка пару секунд соображала, возвращаясь в реальность. – Да, прости, я задумалась. Как раз собиралась пойти.

– Ну, раз так... —Алальме легко переступил через оконный проём, прошёл через комнату и, открыв дверь, сделал широкий жест наружу. – Прошу.

Когда Лилия вместе с Алальме подходили к площади, солнце уже клонилось к закату: тени стали длиннее, и всё вокруг окрасилось в густой жёлто-оранжевый оттенок. Проходя мимо дома Манеля, девушка отметила, что георгины в вечернем свете кажутся ярко-рыжими.

Она хотела спросить у Алальме кое-что касательно их «кленовых собраний», как она мысленно окрестила сие действо, но передумала. Она сама сейчас всё узнает.

До клёна оставалось не больше двухсот метров, и они слышали смех многих голосов. Потом пауза – снова смех, уже громче (они подошли ближе).

Стоит подробнее рассказать о том, что же из себя представляет место, куда идут Лилия и Алальме. Что ж, это, как уже говорилось, вымощенная булыжником площадь с клёном, растущим в центре. Она достаточно большая – около ста пятидесяти метров в диаметре. Возле клёна, в самом её центре, была устроена цельная деревянная скамья: она началась у дерева и, закручиваясь спиралью вокруг ствола, была достаточно длинной – ею можно было обогнуть всю площадь по периметру. Крона клёна полностью укрывала скамью, на которой, кстати, уже расположились эльфы. Когда Лилия с Алальме подошли ближе, девушка увидела, что с веток клёна на достаточно тонких, но, по-видимому, крепких

ниях спускаются и висают на разных уровнях светильники из цветного стекла. Внутри горели свечи.

– У нас такая привычка есть, – шепнул ей Алаальме, – мы расходимся только тогда, когда все свечи в светильниках погаснут.

Лилия улыбнулась. Ей понравилась такая идея.

Вдвоем они приблизились к скамьям, Алаальме подал ей руку. Лилия придержала подол платья, и они перешагнули через пять витков скамьи. Эльфы давно заметили их и теперь улыбались, здороваясь с ними: кто-то кивал, некоторые интересовались успехами.

– Как тебе у нас? – спросил у Лилии высокий эльф со светло-русыми волосами, кивая им.

– Спасибо... очень... всё хорошо, – запинаясь, выдала Лилия; эльф улыбнулся.

– О, наконец-то! – им навстречу поднялись Манель и Марли; девушка отметила, что Марли смотрит на неё так, будто недавно она его отругала, и он не знает, злится она ещё или нет.

Лилия и Алаальме сели на скамью рядом с ними. Про себя девушка отметила удобство конструкции – им было видно всех, а все, в свою очередь, располагались достаточно свободно и в то же время были достаточно близко друг к другу, чтобы беседовать.

Когда вы попадаете в достаточно большую компанию впервые, вам сразу же всех представляют. Эльфы считают

это дурным тоном и предоставляют вам самому узнать, кто есть кто. К новичку обычно сначала не обращаются – дают возможность понаблюдать и привыкнуть к новому окружению.

Лилии это действительно было нужно – она наблюдала. Помимо Марли, Манеля, Алальме и Чесса, девушка не видела больше знакомых. Точнее, она видела, но по именам их не знала.

Все беседовали – кто-то в парах, в группах. Иногда обсуждали или слушали кого-то вместе. В основном это были истории о вылазках в лес. Один эльф по имени Финель почему-то сразу бросился в глаза девушке, хотя говорил мало. У него были какие-то бесцветные глаза. Не бледные, а бесцветные. Лилия вспомнила, что Ревека когда-то рассказывала ей об альбиносах... Но у эльфа были тёмно-русые волосы, так что он не мог быть альбиносом.

В какой-то момент Финель, кажется, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал:

– Когда принц вернётся, мы будем петь под этим деревом даже дольше, чем будут гореть свечи.

Все замолчали, и Марли вдруг тихо сказал:

– Он был бы рад, если бы мы пели и сейчас.

Финель кивнул.

– Я уверен в этом, Марли. Но не вижу смысла.

Некоторое время все подавленно молчали. Финель так и смотрел в одну точку, как-то странно и печально улыбаясь.

Девушке понадобилось немного больше времени, чем можно было предположить, чтобы до неё дошло – этот эльф слепой.

Лилия смотрела на него широко открытыми глазами и, поздно подумав о том, что он всё равно её не видит, отвернулась.

– Я слеп, да, – тихо сказал Финель – он сидел чуть поодаль, через один виток от них. – Но это не беспокоит меня. Пусть это не беспокоит и тебя, Лилия.

Девушка вздрогнула и посмотрела на Манеля и Марли. Они улыбались.

– Он чувствует дыхание... настроение, — тихо пояснил Марли.

Сама не зная, зачем, Лилия медленно пересела на другой виток скамьи, оказавшись через проход от Финеля, и протянула ему руку.

Он, немного помедлив, взял её.

– Я всегда был слеп, – Финель «смотрел» ей в лицо, хотя, конечно, не в глаза. – Я не могу стрелять из лука, зато хорошо обращаюсь с двумя клинками сразу.

– И хорошо умеешь петь? – полувопросительно добавила Лилия.

– О, мы все хорошо поём, – слабо улыбаясь, Финель протянул руку и потрогал её косу, переброшенную через плечо.

Лилия вздрогнула. Ей не было неприятно прикосновение, но его глаза... слепые глаза... она никогда не видела такого. Эльф отпустил её руку.

– Ты боишься меня. Но я всего лишь не могу увидеть лица.

Лилия оцепенела. Она смотрела в пустые глаза и ощущала себя так, будто он видит гораздо больше, чем лица...

– Прости...

Финель широко улыбнулся и мотнул головой, как бы говоря: «Ничего страшного».

Лилия вернулась на своё место между Манелем и Марли.

– Ты ему понравилась, – прошептал Манель, наклонившись над самым её ухом, когда к слепому эльфу подели двое и начали о чём-то разговаривать.

Лилия пожала плечами. Она просто не ожидала такого.
Снова.

Прошло около двух часов; Лилия больше ни с кем не заговаривала, только слушала и наблюдала.

Эльф, что первым задал ей вопрос, был Лилии совсем незнаком. Его звали Карафóлх (эльфы старались чаще называть друг друга по имени, даже если обращение было и так чётко направлено). Он рассказывал Ниéлю (светловолосому эльфу со странно тёмными глазами) о том, как во время разведки – а, как поняла Лилия, он вернулся из неё только сегодня утром, – он видел труп... паука.

«Что? Паука? Вы это серьёзно?» – думала Лилия. Поглядев на Манеля, она поняла, что серьёзно – эльф был очень озабочен, тоже слушая Карафолха.

– У вас что... такие пауки огромные? – осторожно спросила Лилия.

Алальме очень странно на неё посмотрел, и девушка начала о чём-то, кажется, догадываться...

– Господа, не слишком ли вы выбрали мрачные темы для разговоров?

Лилия обернулась на сдержанный, но явно весёлый голос. Эльдалин. Она была рада его видеть.

Эльф ловко перебирался через скамьи, на ходу здороваясь со всеми.

– Ну да, обычно по мрачным темам для разговора у нас ты

мастер, – по-доброму усмехнувшись, сказал Ниель. – Кстати, о мрачности... Что говорит король?

Эльдалин на секунду остановился, покачав головой. Он перебросил через скамью правую ногу, устроившись боком к Лилии и остальным, и сказал:

– Ничего не говорит. И никого не принимает.

Эльфы замолчали и переглянулись. Лилия видела, что им не слишком-то нравится то, что происходит. Но своего короля они уважают. Кажется, правда, и боятся тоже...

– Очень рад тебя видеть, – обратился Эльдалин к Лилии. – Кто ж тебя сюда притащил?

Чёрные волосы Эльдалина были распущены и доставали ему почти до поясницы. Голову украшал тонкий серебряный венец. Лилия вдруг поняла, что впервые видит эльфов с неубранными волосами.

– Я притащил, – улыбаясь и кивая Эльдалину, сказал Алальме. Его волосы в свете закатного солнца отливали тысячей багровых блёсток.

– Всею своё время – король Имирин просто не в настроении.

К ним шёл Цивеон, а с ним четверо эльфов в расшитых голубых камзолах. Все, кто был под деревом, поднялись на ноги, приветствуя короля.

– Я к вам присоединюсь, никто не против? – кланяясь всем в ответ, спросил Цивеон.

Никто против не был. Лилия отметила по взглядам и го-

лосам эльфов, что они очень даже рады королю людей, а новоприбывших с ним заключали в тёплые объятия, как старых друзей.

– Господин, – Эльдалин ещё раз встал ему навстречу.

– Расслабься, друг, закончим уже с почётным караулом.

Завтра успеется.

Оба рассмеялись и сели напротив Лилии, Манеля, Алаальме и Марли.

Цивеон, кажется, был не слишком прихотлив в одежде. На нём были простые штаны и тёмно-синяя рубаха. На пояс пристёгнуты ножны.

Его, как и Эльдалина, Лилия не видела с тех пор, как Имбирин принял решение оставить её в крепости. И осадок от последнего их разговора остался довольно неприятный.

– Я заходил к Индилу, он теперь выглядит неплохо... сравнительно, – чуть улыбнулся Цивеон. – Правда, мне показалось, он чем-то расстроен.

Невольно Лилия оглянулась на Марли. «Я ни-че-го не понимаю», – говорил его взгляд».

Лилия решила, что зайдёт к Индилу, не дожидаясь утра. Она расстроила его... Это ужасно...

Видимо, её мысли сказались на выражении лица, так что Эльдалин изумлённо посмотрел на неё.

– Что-то произошло?

Лилия помотала головой.

– Дай угадаю – он снова порол чушь про то, что все про-

блемы из-за него, и вы поругались, – посмотрев на девушку, Эльдалин ухмыльнулся. – Угадал.

Марли, Манель, Алальме и Цивеон теперь смотрели на них и пытались понять, в чём, собственно, дело.

– Не удивляйся так. Я его знаю... Не самое хорошее его свойство, но, поверь, он просто очень за всех волнуется. Особенно за тебя, уж прости, что я говорю это вот так, при всех.

– Я это уже тоже поняла, – улыбнулась Лилия; ей вдруг стало легче от того, что Эльдалин сам понял, в чём дело. – Не хотела, чтобы он огорчился.

– Не велика беда, – пожал плечами Эльдалин. – Но, всё-таки, сходи к нему потом.

Лилия кивнула, и они продолжили говорить о другом. Спускались сумерки, и светильники теперь отбрасывали разноцветные радужные пятна.

– Фонарики мне нравятся по-прежнему больше всего, что есть в этой крепости, – задумчиво, задрав голову, выдал Цивеон.

Эльфы заулыбались.

– Что? Правда!

– Кстати, тебя не было, по-моему, год, – прикидывая что-то в уме и немного нахмурившись, сказал Манель. – Важные дела?

Цивеон немного помолчал. К ним прислушивались некоторые эльфы, сидящие рядом.

– Я путешествовал. Это очень долгая история, – промол-

вил Цивеон, поглядев на Лилию.

– Свечи тоже будут гореть ещё долго, – ни на кого не глядя, заметил Эльдалин.

И Цивеон начал рассказывать.

Конечно, эта история немного отличалась от той, что слышала Лилия, ведь тем вечером она не знала, что перед ней король. Дело оказалось не в простом путешествии и поиске себя – Цивеон хотел увидеть свою страну собственными глазами. Не глазами короля, коим он, несомненно, также являлся, а глазами простого человека, без прикрас, без регалий.

С этой целью он оставил на троне жену (её имя Анна, как узнала сейчас Лилия) и ушёл, и путешествие его в целом длилось восемь месяцев. Он так же, как когда-то Лилии, рассказал о том, как жил и работал. Но сейчас больше он посвятил времени рассказу о том, что увидел.

– Некоторые деревни в запустении – поля вспаханы наполовину, скотины на дворах мало. Процветающие ещё десять лет назад торговые города теперь либо сожжены дотла, либо обеднели.

– Это всё эпидемии, – резонно заметил Эльдалин, но несколько вопросительно покосился на Цивеона.

Тот кивнул.

– Да, эпидемии... но не только недугов физических, – понизив голос, сказал он; вокруг все смолкли, слушая короля. – Что-то происходит в последнее время... что-то очень нехорошее, и если на вас это отражается ещё не так сильно, – Цивеон помолчал секунду. Лилия поняла, что он имел в виду

короля, – то на нас это «что-то» уже отыгрывается вовсю.

– Ты думаешь, это может быть связано с... ними? – многозначительно подняв брови, спросил Манель.

– Я знаю, что это с ними связано. Только я бы сказал по-другому : это они связаны с тем... с чем-то, что меняется... Всё взаимосвязано, и уже сложно понять, где начало, – молвил Цивеон, – это как снежный ком, который катится с горы. Люди стали злее, подозрительнее... Начались убийства и болезни, и злость теперь – нормальное явление.

Поглядев на Лилию, он спросил:

– Можно ещё раз рассказать твою историю? Слишком уж она тесно связана с моей.

Лилия кивнула. Её никто не донимал вопросами – откуда она свалилась на их голову? Казалось, это никого не волновало, и Лилия даже радовалась этому...

Но, судя по взглядам Манеля, Алальме и всех остальных, за исключением Марли и Эльдалина, – на самом деле, им бы очень хотелось об этом знать. Втайне Лилия хотела бы, чтобы они знали. Чтобы поняли, откуда эта девчонка, которую так защищал их принц...

– Вы можете рассказать сами, – тихо сказала она, глядя в глаза королю.

Да, он всё может рассказать. Всё, что сам видел. А остальное будет не особенно важно.

Рассказ короля занял около получаса. Всё это время Лилия сидела, уперев подбородок на руки, а локти – на колени, и слушала его. Внимательно. Она смотрела на Цивеона, а остальные поглядывали на неё – словно это она рассказывала на самом деле.

– Мы распрощались на холме, – заканчивал Цивеон свой рассказ, – она ушла, я спросил её имя... И долго надеялся, что ты не та, о ком я подумал.

Последняя реплика была обращена непосредственно к ней, и Лилия, взглянув в тёмные глаза, тихо спросила:

– И как?

Лицо Цивеона вдруг помрачнело. А глаза говорили «Мне жаль».

– Не оправдалась надежда, – так же тихо сказал он.

Эльфы молча смотрели на них. Кто-то явно не ожидал подобных историй, хотя сама Лилия, пережившая это два месяца назад, чувствовала всё уже не так остро. Можно сказать, почти никак...

Было уже темно. Звёзды усыпали всё небо... Даже не звёзды – тысячи далёких галактик и миров смотрели на них с высоты небес.

У них над головой погасла свеча в синем фонарике.

Она была последней.

В сумраке, поглядывая на них, эльфы начали расходиться, тихо переговариваясь. Они тоже поднялись со скамьи. Распростившись, Алальме ушёл с Ниелем. Им предстояло отправиться в разведку этой ночью.

Они впятером стояли, глядя друг на друга. На лице Манеля читалась нескрываемое беспокойство.

– Вы рассказали мою историю, которую я знаю, – неожиданно для себя сказала она, глядя королю в глаза. – Но вы, кажется, знаете и ту, о которой я не имею ни малейшего представления.

Эльдалин вдруг поднял голову и странно, почти с испугом на неё посмотрел.

– Её знаю не только я, и раз ты спрашиваешь, то какое-то понятие ты, кажется, имеешь... Хотя я уверен, что оно не такое, какое есть на самом деле, – серьёзно сказал Цивеон. Тон показался девушке предостерегающим.

Когда Лилия услышала это, то поняла – она действительно имеет представление. Смутное, но правильное.

Она думала об этом каждую ночь перед сном, каждый раз, когда наблюдала за спящим Индиллом. Лилия слышала в своей голове шёпот изгороди.

«Девочка... С таким же именем... Поможет принцу выжить... Девочка...»

«Лилия... так тебя зовут?.. Так звали маленькую девочку...»

На мгновение Лилия перенеслась в лес, и перед ней ко-

роль Имирин – тогда он тоже был не безумен, она теперь понимала это, – одними губами что-то шептал...

Всё это она обдумывала, но только сейчас в её сознании всплыл ещё один голос. Голос Ревеки.

«...он попросил дать девочке особенное имя...» – говорил её голос, словно издалека.

Неужели...

– У меня такое же имя, – сказала вдруг девушка, снова взглянув Цивеону в глаза. – У нас имена одинаковые, только на разных языках. Лилия.

Эльдалин замер; глаза Цивеона медленно и широко распахнулись. Она видела, что попала в цель.

– Что происходит? – тихо, но требовательно спросила Лилия.

– Твой отец был лекарем, да? – голос Манеля прозвучал глухо.

Девушка кивнула.

– И от него мне досталась ваша книга.

Все молчали.

– Я тут не просто так оказалась, да? Это вышло не случайно.

– Всё в мире происходит не случайно, Лилия, – серьёзно сказал Цивеон; она плохо видела его лицо в темноте, но чувствовала, что он злится. – Просто что-то иногда удаётся предвидеть, и я не скажу, что мне это нравится.

– Я хочу знать, что всё это значит! – девушка почувство-

вала, как к её лицу приливает кровь.

– Лилия...

– Ничего это не значит! – резко оборвал Эльдалина Цивеон. – Ничего! И если хочешь знать моё мнение... – Цивеон повысил голос, а когда понял это, снова заговорил тише. – Если хочешь знать моё мнение... То хочу сказать – не лезь. Просто... не вмешивайся. Это может обернуться для тебя хуже, чем в первый раз.

Лилия поняла, что он говорит о происшедшем с ними в деревне.

– Я не была в этом виновата! – прошипела девушка.

Все молчали.

– Мы не будем к этому возвращаться. Я сказал, что хотел. Тон короля не терпел возражений, и Лилия, несмотря на то, что была раздражена, не осмелилась продолжать.

– Доброй ночи, господа... Лилия. – Цивеон поклонился им и направился вон с площади.

– Эльдалин? – голос Манеля прозвучал немного взволновано. – Что это всё значит?

Эльф в ответ промолчал.

На небе тем временем звёзды, планеты и галактики начали свой вечный танец, мерцая, тускнея, разгораясь вновь. Лилия невольно посмотрела на небо. Вдруг тучи, собирающиеся на юго-востоке, расступились, и лунный свет залил дерево, под которым они вчетвером всё ещё стояли.

– Извините меня, – сказала Лилия, сама удивившись обы-

денности своего тона, хотя ещё минуту назад она готова была кричать, – мне нужно навестить Индила.

И девушка, придерживая подол платья, пошла через скамьи прочь от них, к замку.

– Лилия, – окликнул её Эльдалин, – не говори ему ничего.

Она остановилась и оглянулась на него.

– Я ничего и не могу сказать.

– Я тоже, к сожалению... кроме того, что ты права.

Лилия, уже было направившись дальше, остановилась.

– Я не имею права говорить. Но, раз уж на то пошло...

Ты действительно недалеко от истины. Я видел твоего отца здесь, двадцать лет назад.

Не оборачиваясь, девушка ушла с площади.

– Доброй ночи, – не глядя ни на кого, сказал Эльдалин, и тоже ушёл.

Марли и Манель переглянулись.

– Почему у нас всегда проблемы? – тихо, конкретно не обращаясь ни к себе, ни к Манелю, спросил Марли.

Манель нахмурился, задумавшись.

Лилия поднималась по тёмной лестнице, освещённой лишь лунным светом, пробивающимся из окон.

В голове у неё опять роились тысячи мыслей. Ей казалось, что о ней все знают больше, чем она сама, хотя девушка и понимала, что это не так. Но какая-то тайна, связанная с ней, не давала покоя. Если раньше Лилии казалось всё это бредом, то теперь она точно знала: что-то есть в этом... какой-то смысл.

Пройдя по коридору, она остановилась у знакомой закрытой двери. Почему-то она спросила себя, вырезал ли её Алаальме. Тёмное дерево с изумрудно-зелёными прожилками... Никогда она не видела такого дерева. И никогда не смотрела на эту дверь.

Всю её окаймлял узор из дубовых листьев. Следом за ними, внутренним кольцом застыли в хороводе кленовые. Ветви, на которых они «росли», образовывали причудливый симметричный узор. Сразу после них, ближе к центру начались более хаотичные заросли, напомнившие Лилии листья и цветы лесной земляники, что росла вдоль ручьёв. Она и сейчас растёт, наверное. Но они с Ревекой в этом году за ягодами не ходили...

Девушка провела ладонью по застывшим в дереве растениям. Они казались живыми, особенно в неверном голубо-

ватом свете луны. Рука в белеющей повязке скользнула вниз, к центру полотна.

В самом сердце двери красовалась водяная лилия.

Девушка дотронулась до неё. Лепестки были гладко отполированы и казались бархатистыми, словно цветок только что расцвел на поверхности тихого водоёма.

«Индил... на твоём языке означает цветок лилии...»

– Или просто – лилия, – едва слышно произнесла девушка, пальцами проведя по одному из лепестков.

Да. У них одно имя. Лилия внезапно всё поняла.

Зачем только она пыталась добиться ответа от Цивеона? Ведь всё и так ясно... Как она глупа. Изгородь не отпустила бы её просто так. Она и не собиралась отпускать, если бы не одно обстоятельство. Имя.

«Девочка с таким же именем... Поможет принцу выжить».

Лилия прижала перебинтованную ладонь к цветку в центре деревянной двери. В темноте ей показалось, что она вдруг стала ожившим белым лепестком.

Всё с громким щелчком встало на свои места. Все тревоги оказались вдруг словно в тумане, а потом и вовсе исчезли.

Лилия поняла, в чём заключалась её роль, хотя до этого момента всё казалось ей сплошной неразберихой и хаосом.

И самое главное – она эту роль выполнила... Кажется, теперь её место действительно здесь.

Она толкнула дверь, сделав шаг в комнату.

– Индил? – тихо позвала она. Лилия почему-то знала, что он не спит.

– Я уже подумал, что ты не придёшь.

Голос эльфа прозвучал тихо, осторожно... словно он боялся, что она снова развернётся и хлопнет дверью.

Она неслышно прошла внутрь и села рядом с ним на кровать. Индил смотрел на неё, и в лунном свете голубые глаза казались чем-то нереальным... Лилия почему-то вспомнила взгляд Финеля... слепой, но осмысленный.

– Как ты? – спросила она. Девушка видела, как он расстроен и как плохо чувствует себя...

Индил помедлил. Они смотрели друг другу в глаза, и вдруг Индил приподнял руки и спрятал лицо в ладонях. Лилия вздрогнула.

Пересев поближе, она наклонилась и осторожно, чтобы не сделать больно, обняла его за шею.

– Теперь всё хорошо, – прошептала она ему на ухо, – как ты считаешь?

Индил прерывисто вздохнул. Лилия хотела сказать ещё что-нибудь, но тут он отнял руки от лица и неожиданно крепко обнял её.

– Да, – сказал он, спрятав лицо у неё на плече.

Теперь всё хорошо.

Поиск занятий.

1

Как и обещал Алальме, он пришёл следующим утром, и вдвоём они вышли на улицу. Лилия надела длинную лёгкую рубашку и брюки, которые ей принёс Марли на второй день. Она была достаточно высокой девушкой, так что одежда эльфов ей вполне подходила.

– Если честно, я так и не придумал ничего особенного... – сказал Алальме. – Видишь ли, мы уже столько лет живём здесь, и за каждым закрепились какие-то обязанности.

– Но что-то же ты придумал? – хитро улыбаясь, спросила Лилия.

– Два варианта, один из которых тебе вряд ли глянется. Так что пойдём сначала навстречу более деликатному.

Алальме деловито предложил ей руку, и вместе они пошли по лабиринтам улиц.

2

Спустя десять минут хождений по узким и широким улицам – они вдвоём миновали три небольшие площади, на одной из которых был сооружен пруд, как во дворике у Лилии, – Алальме вдруг сказал:

– Так, а сейчас налево...

Они повернули, и перед ними оказалась ковкая медная калитка. Лилия ахнула – ковка была настолько тонкая, что, казалось, стоит ударить посильнее, и калитка рассыплется на мелкие кусочки. Она изображала плющ, ползущий по решётке.

– Она не медная, – увидев её интерес, пояснил Алальме. – Точнее, не совсем. Это сплав меди с горным хрусталём. Мы его называем валюр. Очень крепкий и красивый.

Лилия кивнула.

– Удивительно...

– Пойдём, ты удивишься ещё больше, – весело и с явным энтузиазмом сказал Алальме. Ему нравилось быть чем-то вроде проводника – восхищение девушки его очень веселило.

Он отворил калитку – она даже не скрипнула – и пропустил Лилию вперед.

Приступ добродушного смеха эльф сдержать не смог.

Всё потому, что Лилия, не пройдя даже двух шагов, оста-

новилась в изумлённом восхищении, открыв рот и глядя по сторонам. Посмотреть действительно было на что – сразу за кованой решёткой начиналась зеленеющая молодой травой лужайка. Как будто не было каменных хижин – вокруг гордо и прямо выстроились фруктовые деревья. Лилия узнала яблоню, вишню, грушу. Ещё несколько деревьев ей были не известны – на ветвях росли оранжевые, тёмно-розовые и иссиня-фиолетовые плоды. На одних ветках они были зелёными, на других – уже созрели. Деревья были большие, и никаких признаков болезни, неухоженности.

– Это сливы и абрикосы. – Из-за деревьев, вытирая руки платком, вышел Манель. – Привет. Рад, что вы пришли. Хочешь посмотреть, что здесь есть ещё?

Эльф улыбался. Светлые волосы он убрал в хвост на затылке, а на голову повязал светло-зелёную косынку, чтобы пряди не лезли на лицо. На нём были простая льняная рубашка и брюки.

– Здравствуй, – Лилия обрадовалась Манелю – он ей очень нравился. – Так это твой сад?

– Скажем так, да, – улыбаясь и кивая Алальме, ответил эльф. – Давай я покажу всё. Дальше ещё интереснее.

Втроём они прошли через небольшую рощицу фруктовых деревьев.

– Они не загораживают друг другу свет – видишь, как далеко друг от друга посажены, – показывал Манель.

Деревья кончились, и они вышли на открытое место. Ли-

лия увидела ровные ряды аккуратных грядок, приподнятых над землёй на десять-пятнадцать сантиметров. Тут были капуста, редис, морковь, тыквы, кабачки, чеснок, помидоры, разнообразные перцы – некоторые до того странные, что де-вушка таких и не видала никогда. На кусте зрели плоды, формой похожие на колокольчики, очень пёстрой расцветки в жёлто-красные полосы.

– Очень острые, – указав на них, сказал Манель, – на кухне постоянно ругают меня за них – говорят, жжёт пальцы, когда режешь.

– Из чего ты готовишь площадку для гряд? – с интересом спросила Лилия; здесь было грядок раз в пять больше, чем держали раньше они с Ревекой на пару. И у них всегда основой был навоз – в нём недостатка никогда не наблюдалось.

– Это лесная подстилка. Еловые иголки, осыпавшаяся кора, – Манель знаком пригласил её следовать за ним через грядки. Они были разделены зелёными дорожками с мягкой, низенькой травой.

– Ты её стрижёшь? – удивилась Лилия.

– Нет, конечно, нет, – рассмеялся Манель, – она сама такая растёт.

Пройдя через зазор между кустами ежевики, они оказались возле маленького водоёма, приспособленного под технические нужды.

– Вот тут я выдерживаю всё около месяца, потом достаю...

– Манель повозился где-то под кустом и достал что-то похо-

жее на сачок, только на рамку была натянута тонкая проволока, образуя очень мелкие ячейки. – Вот этим. Всё сушится, можно смешать с землёй и выложить. Растениям очень нравится.

Лилия улыбалась, слушая его: Манель был воодушевлён. Чем-то он напоминал ей папу – тот тоже мог часами рассказывать о растениях, о том, что они любят и как сделать их красивыми.

– Пищу вы готовите из того, что выращено тут, правильно?

– Да, конечно. Вокруг поселения ещё несколько таких же садов и огородов.

Лилия кивнула – она их видела с берега реки. Почему-то ей ни разу не пришла мысль подойти ближе. Хотя было некогда, честно говоря.

Они снова вернулись к грядкам, где ждал Алальме.

– Манель, ты что, решил вырастить тыкву такого размера, чтобы в ней можно было потом жить? – ещё издалика крикнул он.

– Это невозможно, но в ней можно будет посидеть на корточках, – смеясь, ответил тот.

Когда они приблизились, Лилия увидела, что в середине гряды среди листьев возвышается огромная тыква. Ярко-оранжевая, она прямо блестела на солнце и уже была около полутора метров в диаметре.

– И она ещё будет расти?! Не перезреет? – изумленно вос-

кликнула она – у них на огороде тыковки вырастали совсем маленькими.

– Нет, не перезреет, я слежу за ней, – улыбнулся Манель, – тыквам лесная подушка особенно нравится, хотя я не пойму, с чем это связано.

Они побродили немного между грядок. Обнаружились здесь ещё и редис, репа, разнообразная фасоль....

Очень, очень, **ОЧЕНЬ** много фасоли; Лилия давно заметила, как эльфы её любят. Дело в том, что на завтрак, обед и ужин все собирались в большом обеденном зале на нижнем этаже замка. Он явно предназначался для большего количества трапезничающих. Лилия всегда приходила туда с Марли и Манелем – одна она немного смущалась, тем более знала ещё очень немногих. В зале стояло несколько длинных дубовых столов, и в определённое время – обычно на два часа три раза в день – те, кто работал на кухне, выставляли блюда с едой и приборы. Они были разными – на завтрак деревянными, а на обед и ужин, кажется, тоже из этого странного металла... валюра, так назвал его Алальме. Приборов было ровно столько, сколько обитателей находилось в крепости на данный момент. Когда Лилия спросила об этом одного эльфа, вышедшего из кухни, он лишь загадочно улыбнулся.

Так вот. Практически всегда в блюдах была фасоль, бобовые... учитывая, что мясо подавали крайне редко – пока Лилия была здесь, ещё ни разу – вполне резонно. И готовили эльфы прекрасно.

– Ну, это всё достаточно прозаично, – сказал Манель и провёл их дальше. Они прошли по дорожке между вишнёвыми кустами («Кисловаты, но Манель умудряется превращать их в прекрасное вишнёвое вино по осени», – прокомментировал Алальме) и вышли к новой калитке.

– Валюр, – напомнил Алальме. Очень вовремя, потому что Лилия не привыкла к новому слову.

Манель отворил калитку, и они вышли в новую секцию сада.

Лилия вместе с Алальме – хотя эльф и был тут уже не раз – так и ахнули. Они оказались на небольшой полукруглой площадке, вымощенной булыжником. От неё во все стороны разбегались извилистые, пересекающиеся дорожки.

И везде между этими дорожками цвели цветы. Самые разнообразные, и не было ни одного цветка, похожего на другой.

– Здесь все цветы, которые растут сейчас возле наших домов, – пройдя немного вперёд, сказал Манель. Лилия взглянула на него – эльф улыбался, но в его голосе ей послышалась какая-то странная печаль. Точнее, сожаление.

– Манель? – позвала Лилия, но он, кажется, задумался и не услышал её.

Они с Алальме пошли за ним среди разномастных роз, пионов, флоксов. Лилия заметила георгины, такие же, как у Манеля. И маленький куст жасмина.

– А вот и твои, – Манель остановился. Они оказались напротив огромной клумбы с разнообразными лилиями. Голу-

бые цветки расположились у самого края, возле дорожки.

Лилия не могла найти слов, оглядывая всё это великоле-
пие. И вдруг она поняла, что они оказались на краю сада –
вдоль дорожки, на которой стояли, тянулась увитая плющом
ограда. А чуть поодаль оказалась калитка.

Манель отворил её и пропустил их вперёд.

Здесь тоже были цветы. Но дорожек между ними не ока-
залось. И если там, где они находились только что, все цве-
ты были собраны в клумбы – лилии росли с лилиями, хри-
зантемы с хризантемами, – то тут, кажется, вообще не бы-
ло системы. Цветы были посажены на расстоянии полуметра
друг от друга и словно сбивались кучками. Кажется, десяток
таких посадок были недавними: Лилия заметила свежевывса-
женные глоксинии, чуть поодаль – две группки ирисов, жёл-
тые и светло-сиреневые. И дальше... Четырнадцать свежих
цветов.

– Это...

– Да, – сказал Манель, кивая и грустно улыбаясь, – да, ты
поняла правильно.

Это место было живым памятником. Кладбищем без по-
койников. Девушка окинула поляну взглядом, прикидывая.
Более пятисот цветов...

– Вы переносите их из хижин тех, кто... умер? – тихо
спросила Лилия.

– Не все умерли. Многие просто ушли. А их цветы оста-
лись.

Лилия прошла между недавно высаженными цветами. Это были цветы эльфов, с которыми ушёл Индил. Внезапно на глаза ей попались ромашки, спрятавшиеся за кустом шиповника. Она вспомнила, что видела такие же у одной из хижин рядом с домами Марли и Манеля. Но все ромашки так похожи...

– Их я перенёс последними, – оказавшись рядом с ней, сказал эльф. – Его звали Рой.

Девушка кивнула. Манель подтвердил её опасения.

– Вот такой вот... сад получается, – извиняющимся тоном сказал Манель, – давайте-ка пойдём дальше.

Алальме придержал калитку, и они снова оказались на каменной дорожке.

– А сейчас я покажу то, что тебя должно заинтересовать, – весело сказал Манель; от его печальной задумчивости не осталось и следа, – пойдём, вот здесь.

Вместе они прошли через два куста сирени – обе были белые, но у одной обнаружилась голубая каёмка на лепестках, – и снова вышли, казалось, к грядкам. По сути, так оно и было, только росли там уже не овощи.

Лилия сразу узнала розмарин и лаванду. Тут же желтели цветки календулы, цвели душица и иван-чай. Краснели «петушки» – цветки имбиря среди сочных зелёных листьев. Было что-то совсем простенькое – кинза, например. И много-много чего ещё.

– Вам же нельзя заниматься лечением, – сказала Лилия,

разглядывая богатый ассортимент выращиваемых Манелем лекарственных растений.

– Нет, нельзя, – согласился эльф. – Будем считать, что я крайне дальновиден и выращивал их специально для такого случая.

Лилия широко ему улыбнулась, а Алальме с притворным сарказмом откомментировал:

– Ах, дальновидный ты наш.

– Я так понимаю, всё зреет тут так же постоянно, как и цветут цветы, да? – спросила Лилия, разглядывая одиноко темнеющий можжевельник.

– Почти. Растения проходят свой обычный цикл, просто они делают это здесь несколько раз за весну, лето и осень.

– Удивительно, – пробормотала Лилия.

– Несмотря на то, что всё несколько изменилось в последнее время, природа по-прежнему благоволит нам, – промолвил Манель, – что-то не так?

Лилия остановилась посреди гряд и задумчиво осматривалась.

– А ты не пробовал выращивать водные растения? – спросила она, обернувшись к нему.

Манель покачал головой, внимательно глядя на неё.

– Тут можно было организовать ещё один водоём, совсем небольшой, – сказала Лилия, – и попробовать перенести ил и болотник.

Манель сразу понял, что она хочет сделать, Марли успел

рассказать ему всё, что случилось. Подойдя к ней, он задумался. Да, болотник был бы очень кстати, Лилия только теперь подумала об этом. Теперь, если кого-то ранят в разведке, будет проще заниматься ранами.

– Ну, попробовать в любом случае можно, – решил он. – Правда, придётся поменять расположение грядок.

– Некоторых трав можно посадить поменьше, – уверенно сказала Лилия; наконец-то дело дошло до того, в чём она разбиралась!

– Ты удивишься, но у меня совсем недавно была одна идея...

Манель нырнул куда-то в кусты боярышника, потащив за собой Алальме. Спустя полминуты они вдвоем вынесли что-то вроде козел, только хорошо сработанных и не таких громоздких, как обычно.

– А это... – снова начала Лилия, но Манель опять нырнул в кусты, ничего не говоря, а Алальме, удивлённо помотав головой, – за ним, – Зачем?..

Теперь они возились чуть подольше и вышли с тремя длинными деревянными ящиками в руках.

– Вот такая штука, – несколько возбуждённо начал Манель, – можно, если немного поколдовать, соорудить что-то вроде многоярусной клумбы, и...

– Посадить в ящики розмарин, кинзу и лаванду, освободив место под пруд, – договорила за него Лилия.

– Да, точно, – просиял Манель.

– Господа садоводы, я вам не сильно мешаю? – со смехом встрял Алальме.

– А ты нам поможешь! – вдруг радостно вскричал Манель, хлопнув его по плечу так, что тот аж покачнулся.

3

Алальме и Лилия вышли из сада спустя часа три. Втроем они успели обговорить конструкцию клумбы – один ящик сверху, два по бокам, – и Алальме пообещал через два дня принести заготовки, которые будут поддерживать их.

– Ну, как мы удачно нашли тебе занятие, быстро, – радостно сказал эльф.

– Куда теперь?

– Я думал отвести тебя к Чессу на мельницу, но ведь уже не надо...

– Чесс работает на мельнице? – удивилась Лилия. Почему-то она не задумывалась, чем он занимается в поселении, когда уходит утром.

– Да. Он отвечает за все вылазки за зерном, на нём амбар и помолка.

– И он там один?

– Мы помогаем ему, когда закупаем у крестьян зерно. Выгружаем. А дальше он один – тихо, мирно...

– Давай всё-таки сходим, – попросилась девушка.

Алальме был удивлен, но, конечно же, согласился, и они снова принялись бодро петлять по улочкам.

4

– Чесс! Чесс! Чесс, ты где? – орал Алальме, проходя вокруг мельницы.

Вблизи она оказалась красивее. Простая деревянная мельничка, небольшая, но очень аккуратная. Колесо, которое сейчас стояло без движения, оказалось украшено причудливым узором.

– Не ты постарался? – спросила девушка, указав на колесо.

– Что? Нет, нет, это не я. Я точил колёса механизма, – на несколько секунд прервав свой ор, ответил эльф, и продолжил, – Че-е-е-есс!!!

Лилия уже хотела попросить его замолчать, как вдруг из амбара вышел её сосед.

– Очень рад, – кивнул он ей, – Алальме, я не глухой.

– Прости, хотел тебя немного побесить, – улыбнулся эльф.

Чесс приподнял брови – видимо, никак не мог решить, говорит Алальме правду или это сарказм. Решив, что отчасти и то, и другое, он наконец спросил:

– Что вы хотели?

– Видишь ли, дорогой мой, – начал Алальме, театрально жестикулируя. – Лилия хочет чем-то заняться. Мы нашли, что она очень хорошо поможет Манелю, но ей захотелось всё же попытать счастья у тебя.

Чесс покачал головой.

– Я очень рад, но, боюсь, ты не сможешь мне помочь. Не хочу, чтобы ты надорвалась, – работа всё-таки не девичья...

– Что нужно было бы делать, если бы ты согласился? – перебила его девушка.

– Нет, исключено, я не согласен.

– Ну, просто скажи! – попросила Лилия.

Чесс с лёгким осуждением посмотрел на Алальме, но улыбнулся.

– Например, носить мешки с зерном из амбара и с мукой – обратно...

Он не договорил, как Лилия уже кивнула и уверенно направилась к амбару.

– Эй, Лилия, не надо! – повысил голос Чесс, но Алальме вдруг остановил его, положив руку ему на плечо.

– Пусть попробует. Сдается мне, она девочка не промах.

– Если она поранится... —прошипел Чесс, сбросив его руку, как вдруг Алальме, приподняв брови, указал ему за спину.

Лилия шла с мешком за плечами, держа его обеими руками за свободный конец спереди, и победоносно им улыбалась.

– А... но... – Чесс забыл, что хотел сказать дальше, а Лилия быстро юркнула внутрь мельницы, освободилась там от мешка и подбежала к ним.

– Ну, что, могу я помогать, а? – заискивающе глядя на

него, попросила она. Лилия совсем не запыхалась.

Чесс несколько секунд ошарашенно смотрел на неё, а потом замотал головой и отрезал.

– Нет. Ты молодец, но нет.

– Почему?

Чесс опешил от её упорства.

– Но...

– У меня же получается, м-м?

– Да ладно тебе, Чесс, пускай помогает, если хочет, – хотнул Алальме. – И тебе будет не так скучно.

– Я не буду мешаться! – пообещала Лилия.

– Да дело не в этом! – Чесс поднял руки, попросив замолчать. – За тебя отвечает Манель, насколько я понимаю, и он не одобрит.

– Ну, во-первых, формально отвечает за неё принц, – подняв палец вверх в поучительном жесте, проговорил Алальме, – а фактически – мы все за неё отвечаем.

– Вот именно! – немного раздражаясь, воскликнул Чесс.

– А вообще-то я взрослый ребёнок, за меня можно не так уж яро отвечать... – как бы между прочим вставила Лилия.

Чесс переводил взгляд с Алальме на неё и, кажется, был в некотором шоке.

– Ладно, – вздохнул он, в конце концов, – но только с утра и только часок!

Чесс строго посмотрел на обоих, как на нашкодивших детей.

– Ура-ура! – Лилия хлопнула в ладоши.

– Постучусь к тебе завтра, когда пойду, – со вздохом сказал Чесс, слабо улыбнувшись.

Лилия была вполне довольна – неделя проходила плодотворно. Рано утром они с Чессом шли к мельнице, где он позволял ей помогать, но строго не больше часа. Хотя Лилия видела, что он совсем не против помощи, но боится, вдруг с ней что-нибудь случится. Однако жизнь в деревне не сделала из неё неженку, а рука почти зажила, так что к концу недели Чесс несколько успокоился.

После, переодевшись в своё платье, Лилия отправлялась к Индилу и оставалась с ним около двух часов. Он был ещё слаб и лежал в постели, но девушка думала, что через неделю-другую ему нужно начать вставать. Рана к этому времени хорошо затянется, и проблем быть не должно.

После, когда к Индилу приходил Марли, она отправлялась в сад.

За неделю они закончили конструкцию, которую хотели. Помимо креплений на козлы, которые Алальме выточил меньше чем за день, он ещё пустил по краям ящичков простой, но изящный узор.

Манель и Лилия тем временем выкопали травы, часть которых перенесли в ящики, – как и предлагала Лилия, розмарин и душица внизу, а лаванда наверху, она очень любит жаркое солнце, – а часть девушка сразу разобрала для просушки. На месте гряд Манель потихоньку выкопал яму ши-

риной около двух метров и глубиной почти полтора.

– Нужно будет перенести много ила и торфа, чтобы растение смогло прижиться, – говорил он. – В итоге глубина должна выйти около полуметра. Насколько я понял, оно не любит большую глубину?

Манель привлек ещё двух эльфов (Алальме объяснил, что они каменщики), и вчетвером (пока Алальме заканчивал устанавливать ящики на козлы, Лилия тоже взялась помогать эльфам) они перетаскали камни для обкладки.

– Ты бы полегче, – говорил Манель, правда, сразу сдавался, глядя на её энтузиазм.

– Эй, друг, – сказал ему однажды Алальме, оторвавшись от работы, – прекращайте её опекать. Она не ребёнок и знает, чего хочет. – В этот момент со стороны калитки раздался смех. – Лилия – не наша подопечная. Кажется, она будет нашим другом...

– Если это ещё не так, – промолвил Манель, – но всё-таки она человек и ещё очень юна. В глубине души я отношусь к ней, как к дочери.

Алальме был моложе Манеля на несколько сотен лет и не совсем понял, что тот хотел сказать. Пожав плечами, он принялся за работу.

– И всё-таки она не ребёнок.

– Ты ещё сам почти что ребёнок, Алальме, – хохотнул Манель и взял в руки лопату.

Клубника

1

Лилия уже больше трёх недель прожила среди эльфов в отведённом ей домике с голубыми лилиями, посаженными Манелем. Девушка вполне обжилась и, помогая Манелю в саду и Чессу на мельнице, начала чувствовать себя на своём месте. Она постепенно начала понимать, что всё это – не временно. Теперь её дом здесь.

Отношения с Индиллом, Марли, Манелем и некоторыми другими становились всё более теплыми, и теперь не только чувство взаимной признательности играло роль. Постепенно все они становились друзьями незаметно для самих себя... и *хорошими* друзьями.

За прошедшее время Лилия поучаствовала в ещё одном собрании у клёна. Теперь она уже уверенно здоровалась со всеми, поинтересовалась у Карафолха, как дела в разведке (чем несказанно удивила Марли и Эльдалина – но девушка ещё в первый раз поняла, как он любит рассказывать об этом). Финель тоже приходил – немного припозднился и тихо сел на прежнее место.

Лилия сразу же подошла к нему и взяла за руки. Финель поднял на неё лицо.

– О, ты уже не такая беспокойная, – с улыбкой сказал он. – Так мне больше нравится.

Лилия рассмеялась, и они некоторое время поговорили. Не без изумления она узнала, что он кузнец.

– Самый лучший, если позволите, – весело сказал Рогон, подсев к ним.

Командир отряда, вспомнила Лилия, кивнув ему. Однако без кольчуги и с распущенными волосами он выглядел не так воинственно.

– Не самый, – тихо сказал Финель, – просто единственный.

– То есть как? – удивилась девушка.

Финель пожал плечами.

– Нас не так уж много осталось, – сказал Рогон, – так что Финель прекрасно справляется.

Лилия задумчиво поглядела на Финеля.

– И что же за мысль такая пришла тебе в голову? – спросил он, обращая к ней лицо с бесцветными глазами.

– Ты точно не читаешь мысли?! – смеясь, воскликнула Лилия.

– Нет, – наклонив голову, ответил Финель, – просто чувствую.

– Я тут подумала... Я бы хотела тебе помогать, если можно. Если позволишь.

Финель задумчиво потёр нос.

– Работа не для девушки, – сказал он.

– Ерунда, она справится. Ради всех богов, Финель, соглашайся. Я не могу отвадить её от себя – девчонка всё время норовит таскать мешки! – их разговор услышал Чесс.

– Я думала, ты мной доволен! – с притворной обидой воскликнула Лилия, скрестив руки на груди.

– Очень доволен, правда! – Чесс приподнял ладони в оборонительном жесте. – Но всё-таки лучше бы тебе заняться чем-то попроще... Ладно, хотя бы тем, где не надо так много носить!

Рогон смеялся, слушая их перебранку, так сильно, что чуть не скатился с лавки.

– Господа, прекратите, я сейчас умру! – задыхаясь от смеха, выдавил он.

– Не хотелось бы, чтобы мы стали причиной смерти такого славного капитана, – тихо и насколько возможно серьёзно сказал Финель, чем вызвал уже общий приступ хохота.

Сам он лишь широко улыбался. Дождавшись, пока они отсмеялись, эльф сказал:

– Я только «за», если ты хочешь помогать. Я могу показать много интересных вещей... —Финель задумался на секунду. – Но не лучше бы девушке работать в саду, например? Более приемлемое занятие.

– Уже, – сказал Манель, – мы соорудили деревянный каскад для трав.

Лилия оглянулась и поняла, что почти все эльфы слушают и комментируют их разговор.

– Неужели тебе мало работы? – спросил Финель и тут же кивнул. – Да, я чувствую. Тебе хочется заниматься делом. Ты привыкла.

– Ну так что скажешь? – весело спросила Лилия, чувствуя, что Финель ей не откажет.

Он помолчал, глядя в её сторону бесцветными глазами.

– Я сразу почувствую, если тебе надоест. А пока – жду завтра в полдень.

– Спасибо-спасибо-спасибо! – воскликнула Лилия и на радостях бросилась ему на шею. Эльфы вокруг засмеялись, и Лилия услышала:

– Какая забавная девочка.

Почему-то эта реплика так понравилась девушке, что ей стало ещё радостнее, и она тоже начала смеяться.

– Чесс, ты лишился помощника! – прокричал Алальме, вытянув шею в поисках друга.

– Да и спасибо на этом! – с шутливой сварливостью ответил эльф; все дружно расхохотались.

2

С Индиллом девушка проводила отнюдь не меньше времени. Лилия как раз закончила заниматься раной. Индил чувствовал себя не лучшим ещё образом, но уже мог без труда сидеть в кровати.

Девушка убрала всё и присела к нему на край постели.

– Как ты думаешь, когда я смогу вернуться в норму?

Лилия задумчиво посмотрела на Индила.

– В норму или в строй?

Индил тихо засмеялся.

– Ты меня насквозь видишь.

Лилия улыбнулась и пожалала плечами. Он был очень силён – и духом, и телом, и это спасло его, но сколько ещё времени и сил уйдёт на то, чтобы полностью вернуть прежнюю форму? Для человека, даже если бы он выжил (что тоже вряд ли), это было бы невозможно.

– Ты же сам всё знаешь, – сказала Лилия. – Только не вздумай торопиться.

– О чём ты?

– Хм... Ну, я не видела тебя в твои лучшие годы, но, сдаётся мне, при первой же возможности ты, не оглянувшись, вскочишь на коня и понесёшься в лес с мечом наперевес. Так вот – не надо.

Индил удивлено приподнял брови.

– Что? Я не права, ты это хочешь сказать?

Индил устало откинулся на подушки и тихо рассмеялся.

– Ладно, ты угадала. Но обещаю – я так делать не буду.

– Точно?

– Точно.

– Я тебе не верю.

В этих словах не было осуждения – Лилия сказала это так, как будто бы сообщила о том, что за окном идёт дождь. Просто и, кажется, без того очевидно.

– Мне очень жаль, – с улыбкой ответил эльф и слегка пожал её ладонь. Лилия ответила тем же – почему-то этот жест стал для них каким-то ритуальным. И ободрение, и благодарность, и сожаление – в нём было всё.

– Через пару дней будем над тобой издеваться, – пообещала Лилия. Встретив непонимающий взгляд, улыбнулась. – Будем заново учиться ходить, друг мой. Хотя это просто выражение такое – думаю, у тебя получится сразу.

3

Лилия пробыла у Индила ещё час. Хотя им было что обсудить, они молчали.

Вдруг послышались приближающиеся шаги. Лилия, на всякий случай, поднялась.

В дверях показалась знакомая фигура со знакомыми же вьющимися волосами и нерешительно остановилась в дверях.

– Мой принц, – поклонился Аалальме. – Боюсь, не знаю, к месту ли моё появление.

– Рад тебя видеть! – Индил, улыбаясь, сел в кровати повыше. – Понимаю, тут непривычно. Я ведь предлагал тебе соорудить лестницу к окну.

Оба рассмеялись, и Аалальме, уже спокойно и уверенно, шагнул внутрь.

Лилия не раз замечала, какие отношения связывают Индила и остальных эльфов. По рангу Индил был выше – сын короля и главнокомандующий гарнизоном, он был вторым после своего отца. Однако, в отличие от того, не любил, когда эльфы вели себя с ним подобным образом. Индил – совершенно искренне – стремился быть со всеми на равных, не любил подобострастности, поклонов и прочего. Для всех он был другом, покровителем, и авторитет его от этого был только сильнее. Его и правда любили.

– Я боюсь, наш король не оценил бы этого. А я его побаиваюсь, знаешь ли, – Алальме подмигнул Лилии. – Как самочувствие?

– Могло быть лучше. А ещё говорят, что мне пока нельзя вскакивать на коня и нестись в лес с мечом.

– Вообще-то, разумно, – с напускной задумчивостью протянул Алальме. – Да, я, знаешь ли, согласен. Кстати, Лилия, рад, что нашёл тебя здесь. По правде сказать, на это я надеялся, когда шёл сюда.

– Что-то стряслось? – на секунду Лилия заволновалась. Это осталось у неё от работы и жизни среди людей – если её кто-то ищет, значит, произошло что-то нехорошее. Или обещает произойти. Глупая, конечно, установка, но девушка не могла так быстро от неё избавиться.

– Нет, просто я не застал тебя у Финеля. Забыл, что вы с ним работаете только утром. А вообще, знаешь, для любителя поговорить – вроде меня – тебя слишком стало трудно найти! – Алальме весело рассмеялся.

Лилия прыснула, но не успела ничего на это ответить, как раздался крайне удивлённый голос Индила.

– Финель? Ты помогаешь Финелю в кузнице?

Упс... Да, Лилия ничего не рассказывала Индилу об этом. К этому моменту она уже три дня подряд проработала с эльфом. И ей это начало жутко нравиться...

– Ну, если честно, не только, – сказал Алальме, сделав Лилия знак вроде «ну, раз уж начали...» – Вообще-то сначала

мы были у Манеля, он показал сад, и у Лилии возникла идея с прудом для этого жутковатого растения – болотник, да? – вот и...

Алальме вкратце и с некоторыми комментариями, которые можно было бы опустить, рассказал Индилу про мельницу, собрания возле клёна и прочая, и прочая. Когда он закончил, Индил разве что рот не раскрыл от удивления.

– Почему ты не рассказывала? – спросил он Лилию, как ей показалось, с некоторым упрёком.

– Я подумала, что у меня может не получиться, так зачем рассказывать? – извиняющимся тоном ответила девушка, разведя руками. Хотя на самом деле это было не совсем правдой – она и сама не знала, почему не рассказывала. Может, ей казалось, что Индил не одобрит...

– Не сердись на неё, – ввернул Алальме, хотя Индил, честно говоря, и не собирался. – На самом деле, ты и представить не можешь, насколько шикарно все получилось! Правда, Чесс не в восторге был поначалу...

– Да нет, на самом деле, я очень рад, – проговорил принц, глядя, главным образом, на девушку.

– Мы все за ней присматриваем, не волнуйся, – весело сказал Алальме.

Эльф остался ещё ненадолго, а потом вышел, пожелав Индилу скорейшего выздоровления.

– Как я понял, у тебя неплохо получается здесь обживаться, – с легкой одобряющей улыбкой проговорил Индил.

Лилия пожала плечами.

– Мне тоже нужно идти. Кстати, – сказала она, собирая сумку, – завтра я приду пораньше, хорошо?

– Конечно. Что-то случилось? – по лицу Индила пробежала едва заметная тень настороженности.

– Нет, просто я собираюсь в лес. Пришла пора лесной клубники.

– Ты хочешь её собирать? – с недоумением протянул Индил.

– Да... А что?

– Да нет. Мы просто её никогда не собираем, – пожал плечами Индил. – Только не ходи в лес одна!

– Я и не пойду одна. Со мной пойдет Марли...

Индил устало покачал головой и улыбнулся.

– А кто пойдёт с вами обоими?

Почему-то Лилии показалось это немного обидным.

– Ты думаешь, мы вдвоём не сможем найти дорогу назад? – со смехом воскликнула Лилия.

– Нет, я так не думаю.

Индил посерьёзnel и неотрывно смотрел на неё. Конечно, он имел в виду не это. Он волнуется за них – Лилия это знала. Ну, что ж, раз так...

Лилия выглянула в окно – Алальме шёл по главной площади к оружейным.

– Алальме! – крикнула Лилия. – Завтра мы идём в лес!

– Хорошо! – к её удивлению, без колебаний крикнул

эльф. – Коня брать?

– Не надо! Возьми корзину! Мы пойдём собирать клубнику!

Даже отсюда Лилия видела, как недоуменно вытянулось лицо эльфа.

– Клубнику?! Ты меня удивляешь. Вечером зайду!

Алальме махнул рукой и пошёл дальше. Лилия с довольным выражением лица повернулась к Индилу.

– Так лучше?

Индил усмехнулся. Лилия подошла, легонько пожала его пальцы и вышла.

Оставшись один, эльф некоторое время смотрел на закрывшуюся дверь и на ладонь, которая ещё чувствовала прикосновение девушки. Почему-то сердце Индила наполнилось совершенно непонятной ему тоской, как в тот раз, когда Лилия убежала, хлопнув дверью. Эльф сражался с сильнейшим желанием вернуть её или пойти следом (хотя, если бы он это попытался сделать, Лилия бы точно рассердилась).

Индила в самом деле обрадовали новости, которые ему рассказал Алальме, и он собирался расспросить Лилию подробнее, чтобы знать, что она делает, чем любит заниматься, как у неё получается общаться с Манелем, Финелем и остальными...

Но отчего-то ему было очень грустно. Как-то... обидно? Нет, это не то, хотя очень близкое ощущение...

– Зачем я вообще об этом думаю? – одернул он себя вслух.

Но чувство не ушло, и Индилу волей-неволей пришлось прислушиваться к нему – оно оказалось, так скажем, новичком в спектре его обыкновенных, пусть даже сильных, эмоций.

Вскоре эльфа опять начало клонить в сон, и, уже засыпая, он вдруг понял.

Он ревновал её.

Надо сказать, что ревность его не была такой явной, перебитая букетом других смущающих его чувств, и он был не вполне уверен, что это именно она... Но Индил вдруг осознал, что хотел бы быть там... На собраниях возле дерева, в саду у Манеля видеть, как у девушки сверкают глаза, когда в голову ей приходит интересная идея. Он вдруг словно воочию представил, как девушка у себя в хижине перебирает срезанные травы, поглядывая через широкое окно в немного заброшенный садик с пустым прудом, а волосы у неё собраны в изящную косу и переброшены через плечо.

Индил вдруг похолодел – одна мысль вдруг начала проявляться в его голове... Но, быстро отогнав её, он подумал, что, должно быть, долгое бездействие и болезнь сделали его немного сентиментальным, только и всего.

И уснул.

4

Алальме пришёл вечером, как и обещал. Вместе с Марли, Манелем и ещё одним эльфом, что жил рядом с ними.

– Я Лизель, – представился он. – Очень приятно. Марли о тебе рассказывал. Надеюсь, моё желание присоединиться не слишком неуместно.

– Ну что ты, очень даже уместно! – горячо заверила его Лилия.

Собирать лесную клубнику – занятие муторное и долгое. Вместе быстрее и веселее, к тому же Лилия не забыла утренний разговор с Индиллом.

Впятером они условились встретиться у ворот в десять часов. Лизель и Марли проводили её до замка – нужно было снова навестить Индила.

Лизель оказался очень сдержанным. За час разговоров он произнёс всего несколько слов, но именно в тот момент, в который нужно. Когда все смеялись, он улыбался во весь рот, но, опять же, сдержанно.

– Он славный парень, – доложил Марли, когда они с Лирией поднимались по лестнице. Лизель вернулся в поселение, лишь сказав:

– Моё почтение вам и принцу.

Да, у Лилии не было в этом сомнений. Лизель сдержан и задумчив, но ни в коем случае не зануден.

Такого Лилия никак не ожидала.

В десять часов, даже немного раньше, она спускалась из покоев Индила.

– Будьте осторожнее, – сказал он ей, пожав на прощание пальцы.

Девушка улыбнулась, вспомнив об этом, и, толкнув тяжёлую дверь, вышла на крыльцо.

И остолбенела.

Возле главных ворот она увидела Марли – он активно махал ей рукой, – Манеля, Алальме, Лизеля... И ещё около тридцати эльфов, и среди них Чесс, Рогон, Эльдалин и некоторые другие, которых Лилия узнавала по собраниям возле дерева. Волосы все убрали в хвосты, повязав лентами, и выглядели, конечно, прекрасно – как же ещё могут выглядеть эльфы?

– На радость принцу, компания собралась большая, не находишь? – весело подмигнув, спросил Алальме, выйдя ей навстречу.

– Нахожу, – немного неловко пролепетала Лилия, – Но... как ... это?..

– Мы все живём рядом, – кивнув ей, сказал Манель. – Узнав о наших планах, многие захотели пойти с нами.

У всех эльфов в руках были корзины – и очень искусного,

мелкого плетения. Как раз то, что нужно.

Многие опоясались ремнями, к которым были пристёгнуты ножны.

– А ещё – так безопаснее. Хотя я уверен, что мы ни на кого не наткнёмся. Прогулка выйдет замечательная, – к ним подошёл Рогон и улыбнулся, – тебе кажется, нас собралось слишком много?

– Нет, признаться, это даже лучше, чем я могла предположить, – надо сказать, Лилия была приятно обрадована тем, что эльфам так пришлась по душе её идея, и в голосе это чувство было явно слышно. – Ну что, пойдём?

И все они под удивлёнными взглядами стражников вышли за ворота.

6

Поскольку этого леса Лилия не знала, вместе с ней шли Эльдалин, Марли и Манель. Последний после установившегося ненадолго молчания подал голос.

– Я предлагаю так – отойдём на полчаса пути от стены, там уже недалеко начинаются болота. Скорее всего, клубника твоя уже поспела.

Эльдалин немного недоумённо покосился на него, но смолчал. Девушка тоже заметила странный тон Манеля – так обычно старший брат разговаривает с маленькой наивной сестрёнкой, когда она упростила его сходить куда-то, а он, по доброте душевной, согласился. Однако у Манеля это вышло, по всей видимости, непроизвольно, поскольку продолжил он тоном, скорее, соратника.

– Кстати, как тебе показалось – болотник вроде приживается?

– Это наверняка, – согласилась Лилия, – один стебель начал выпускать новые листочки – они у него, оказывается, бурые... потом посереют, наверное.

– То есть мы не зря снова лазили по болотам, я правильно понимаю? – с улыбкой произнёс Эльдалин.

Лилия взяла его под руку и тут же пихнула в бок.

– Ладно тебе, мы почти не промокли в этот раз!

– Ага, только до колен, – ухмыльнулся Эльдалин, даже не

пытаясь увернуться от её тычка.

Ещё до последнего собрания под деревом они вдвоем с Эльдалином вышли за ворота и направились к ближайшим болотам, убив почти целый день на поиски болотника. Ил, к счастью, вполне пригодный для этого растения, они нашли в запруде речки – как раз там, где она входила под стену на территорию крепости. Так что его тащить не пришлось, о чём Лилия также напомнила Эльдалину.

Вся компания неспешно брела через лес, немного растянувшись и в ширь, и в длину.

– Не теряйте друг друга из виду! – командным голосом «порекомендовал» Рогон, чуть обернувшись к остальным. Он шёл вместе с Лизелем сразу же за четвёркой.

– Не сомневайтесь, капитан, в сражении с клубникой мы одержим верх! – Ниель – эльф, с которым на первом собрании разговаривал Карафолх, шедший тут же, – браво взмахнул пустой корзиной.

Все засмеялись, но Лилия про себя отметила, что многие дотронулись до своих мечей, как бы проверяя, смогут ли они быстро дотянуться до них.

– Ладно, давайте потихоньку расходиться... Кажется, тут хорошее место, отсюда и начнём, — Лилия указала рукой на расступившиеся впереди деревья и открывающуюся довольно большую поляну. Уже отсюда были видны скромные кустики лесной клубники. Лилия подумала, что тут когда-то, наверное, был пожар, и поэтому образовалась такая «плешь»

в лесном массиве. Клубника любит расти на таких местах.

Все, весело болтая, разбрелись по поляне небольшими группками. Их четвёрка осталась вместе.

Уже прошло около полутора часов, как они собирали клубнику, – эльфы сначала недоумевали всё же, зачем она нужна. После совета девушки попробовать они явно воодушевились и пытались друг друга на предмет того, почему им раньше не пришло в голову собирать клубнику.

– Кажется, мы немного забыли, что значит просто ходить в лес, – пробормотал Эльдалин.

Все сделали вид, что не слышали.

Лилия с Марли были чуть поодаль и разговаривали. От него девушка узнала, что эльфы, оказывается, действительно рады такой прогулке. Обычно они бывают в лесу на тренировках каждое утро. Ну, как утро – по словам Марли, начинают они обычно часа в четыре.

– Так рано?! – воскликнула Лилия. – Как можно проснуться так рано?!

– Мы ведь часто не спим вовсе, так что проблем нет, – напомнил ей эльф.

– А, точно... я забыла, – Лилия задумчиво приподняла листики и сорвала несколько ягод.

– Ага, – кивнул Марли. – Признаться, у меня успехи не очень... Поэтому в свободное время я тоже тренируюсь, – Марли чуть смущённо пожал плечами.

– И это у тебя с тренировок? – спросила Лилия, указав

на здоровенный синяк, выползающий с плеча из-под рубахи на шею.

– Боюсь, это я виноват, – промолвил Эльдалин.

Лилия недоумённо посмотрела на него.

– Мы вчера вечером занимались на мечях, – пояснил он.

– Друг с другом дерётесь?

– Конечно. Так можно отработать выпады, удары, шаги...

Эльдалин пожал плечами, как бы говоря «чепуху, всякую, в общем...»

Лилия немного помолчала.

– Наверное, сложно так драться.

– Почему это? – в один голос удивились Марли и Эльдалин.

– Ну, вы же... друзья.

Лилия была полностью уверена в том, что говорит. Она успела узнать не многих эльфов, но всё-таки видела, что они живут, как... как одна большая семья, вот как! Точнее – как братья. Только если между братьями очень часто бывали драки и ссоры, то здесь Лилия этого не замечала. Не могла даже представить такого!

– Ты знаешь, мы так долго вместе существуем, что уже осточертели друг другу, – ровным тоном сказал Эльдалин. Поглядев на него, Лилия заметила, что он едва заметно улыбается.

8

К вечеру вся их немаленькая компания успела наполнить корзины клубникой и сделать привал (перекусив уже знакомыми кукурузными лепёшками). Пока они отдыхали, Марли пересказал Алальме разговор о том, как они могут сражаться друг с другом.

– Ты думаешь, это сложно? – спросил Алальме, как обычно, со смехом в глазах.

– Ну... Вообще-то, да, – слегка задумчиво ответила Лилия.

– Ну что ж... Марли, может быть, продемонстрируем? – Алальме начал доставать свой меч из ножен.

– Это не тренировочные мечи, – поучительно-суровым тоном сказал Эльдалин, покачав головой.

– Не надо! – вместе с ним воскликнула Лилия немного испуганно.

– Так что давай лучше я, – довольно улыбнувшись, добавил Эльдалин и поднялся на ноги.

– Эльдалин! – в голосе девушки послышались истеричные нотки.

– Никто не поранится, не бойся! – подсев к ней поближе, сказал Марли.

Лилия уже хотела что-то возразить, как Эльдалин достал меч и ловко перебросил его из руки в руку.

– Просто покажем. Заодно потренируемся.

Лилия замолчала, но не потому, что он её успокоил. В глазах у него впервые с их знакомства вспыхнуло... что-то вроде вдохновения. Да. Вдохновение.

Алальме кивнул, и Эльдалин изящно и шутливо поклонился ему, прежде чем встать в позу.

Они начали бой.

Лилия наблюдала за ними, прижав ладони ко рту. Они сражались так, как она всегда представляла, когда к ним в деревню приходил бард с песнями о бравых сражениях... Только смотреть на это было страшнее. Её не успокаивало даже то, что все эльфы улыбались и иногда что-то кричали, подбадривая сражающихся. Мечи в их руках сверкали на солнце.

Конечно же, Эльдалин и Алальме знали, что делают. Алальме был младше и опыта имел меньше, но был всё же ловок и искусен, а все фигуры «атака-защита» были ими обоими отработаны до автоматизма. Да и дрались они больше для зрелищности.

Спустя две минуты они скрестили мечи – к чести сказать, весьма эффектно – и опустили оружие. Никто из них даже не запыхался.

– Ну, что? – ухмыляясь, спросил Эльдалин.

– Ужас.. – выдавила Лилия и тут же, тряхнув головой, выпалила: – Это просто ВЕЛИКОЛЕПНО! Только страшновато на вас смотреть...

Остальные эльфы заулыбались и что-то говорили друг другу.

– Это боевые комбинации, но волноваться было действительно не о чем – Эльдалин мастер своего дела, – беспечно сказал Алальме, забрасывая меч в ножны.

– Да, он управляется с двумя мечами одновременно, а ещё тренирует лучников! – с явным восхищением в голосе добавил Марли.

Эльдалин лишь отмахнулся.

– Он ещё и скро-о-омный! – воскликнул Алальме.

– И ты думаешь, что поколотить его было бы трудно? – вскинув брови и указывая на Алальме через плечо, спросил Эльдалин у Лилии.

Они с Марли весело рассмеялись.

К воротам подходили, когда солнце уже клонилось к закату. Шли, сами того не замечая, несколько дружнее, чем утром. Целый день, проведённый вместе за разговорами, шутками и взаимными подтруниваниями, немного «оживил» их, и, хотя никто не сказал об этом вслух, все эльфы были благодарны девушке за такую идею. Ещё некоторое время назад они относились к ней довольно снисходительно, но, кажется, не теперь...

– Как успехи? – крикнул вдруг кто-то. Лилия вскинула голову – за разговором с Лизелем (она рассказала ему о большом дятле) не заметила, как они подошли к стене.

– Как видишь! – радостно крикнул Ниель, теперь уже бравируя полной корзиной.

Ворота распахнулись, и дружная делегация, смеясь над выходкой Ниеля, прошла в ворота.

– А что теперь с ней делать будем? – рассудительно и, как всегда, коротко спросил Лизель.

– Ну, – задумалась Лилия, – из неё можно сварить неплохое варенье – мы никогда не обрывали «чашечки», так что это быстро. А ещё можно ваши скучные лепёшки превратить в кукурузные булочки с ягодной начинкой.

Несколько голосов высказалось явно «за», услышав эту идею, но девушка не успела предложить спуститься в кухню,

как её за рукав начал радостно дёргать Марли.

– Посмотрите! – кричал он, с явным возбуждением указывая куда-то вперёд.

Все повернули туда головы, и со всех сторон слышались возгласы удивления и радости.

На балконе второго этажа, выходящем на площадь, стоял Индил, опираясь на перила и весело смеясь. Рядом с ним, улыбаясь, стоял Финель, придерживая его за плечо и смотря вперёд бесцветными глазами.

– Индил!

– Вот так встреча!

– Наконец-то!

– Принц снова с нами!

– Ура!

Со всех сторон эльфы кричали, махали руками, корзинами, пихали друг друга. Рогон рядом с Лилией молчал, но вдруг молниеносным движением вытащил из ножен меч и засмеялся.

Все, абсолютно все последовали его примеру.

Сложно описать словами, что чувствовала Лилия. Конечно же, радость, облегчение – Индила поддерживал Финель, и он был бледен, но он всё же СТОЯЛ, и очень уверенно. И улыбался! По-настоящему улыбался, даже смеялся, и глаза его наконец-то были такими яркими, какими им и положено быть. Лилия поняла, что он смотрит на неё, Марли, Эльдалина... Он вышел встретить, прежде всего, их.

Девушка встретилась взглядом с голубыми глазами, и в этот момент почувствовала, как сердце её наполняется теплотой и нежностью. Именно нежностью к нему, к светловолосому эльфу с глазами цвета ясного летнего неба.

– У вас получилось! У тебя получилось! – вдруг услышала она крики.

Обернувшись, она увидела, что эти крики обращены уже к ним – к Марли, Эльдалину и...

– Лилия! УРА!

– Ты спасла его, – тронув девушку за плечо, сказал Рогон.

Лилия открыла рот, хотела было что-то сказать, но не нашлась с ответом и просто яростно начала мотать головой. Внезапно она обнаружила, что на глаза у неё навернулись слёзы.

– Идите.

Эльдалин свободной рукой взял корзину у неё, а Манель – у Марли.

– Ну же! – поторопил он.

Марли схватил Лилию за руку и понёсся через площадь к крыльцу. Они, буквально перелетая через ступеньку, добежали до двери, дальше вихрем по лестнице, по коридору, и не прошло и минуты, как они уже оказались на балконе, рядом с Индиллом, который теперь – уже точно – становился прежним. Хотя Лилия ещё не знала его таким, но была уверена, что это так.

Сначала Лилия налетела на немного удивлённого, но

счастливого Финеля и, тут же выпустив его из объятий, осторожно обхватила Индила за шею со слезами радости на глазах. Почему-то только сейчас она совершенно точно поняла, что Индил действительно жив.

– Ну наконец-то, – тихо сказал Индил, отвечая на её объятия, – а то всегда такие кислые, когда меня видите.

Марли взял его под руку, заменив Финеля.

– Ну, выглядишь ты по-прежнему прискорбно, но не отрицаю – сейчас я донельзя счастлив.

Эльфы внизу загремели клинками.

– И всё же они сущие дети – они оба, – не без улыбки заметил Манель, глядя наверх.

– Может, это и к лучшему, – задумчиво ответил Эльдалин, – только не говори, что не хотел бы сделать то же самое, – ухмыляясь, добавил он, обращаясь к Манелю.

Мельница

1

Лилия была с Финелем в кузне, переворачивая раскалённый докрасна кусок металла, по которому ровными, ни разу не сбившимися точными движениями ударял эльф, придавая ему форму. Мечи они ковали почти постоянно, хотя их в оружейной набралось уже явно больше, чем тех, кому они могли пригодиться; пусть даже весь гарнизон вооружится парным оружием, как Эльдалин.

– Кто знает, что может нам понадобиться? – отвечал на её вопросы Финель. – Время пришло очень беспокойное. К тому же, мы ведь не куём одинаковые мечи.

Лилия не совсем понимала сей последний аргумент. Но мечи действительно ковались разные.

Тупые тренировочные мечи, чуть тяжелее деревянных. Тяжёлые, для Лилии иной раз неподъёмные. Тоже тренировочные: Манель объяснил ей, что такое оружие тренирует руки, ведь они должны быть не только быстрыми и ловкими, но и сильными, чтобы не позволить мечу выскользнуть на землю.

Были и обыкновенные, боевые мечи, какие Лилия видела почти у всех эльфов. Парные клинки требовали особого ма-

стерства – им следовало быть идеально сбалансированными, они должны быть близнецами, но устроенными так, чтобы каждый из них идеально и без заминки ложился в свою руку.

В это утро они трудились как раз над одной такой парой. Пока лишь заготовки, и Лилии не терпелось узнать, что Финель сотворит с ними потом. Ведь любой клинок в руках её нового друга становился, без преувеличений, произведением искусства, не теряя при этом своей практичности. Рукояти тренировочных мечей Финель практически не украшал, но боевые... Лилия видела, как под его руками появлялись головы лебедей, лошадей. Однажды головку рукояти увенчал соловей – очень похожий на того, которого вырезал Алальме на деревянной полочке, подаренной ей. Некоторые рукояти оплетали застывшие ветви плюща, цветы, были и простые, но изящные узоры. И это всегда поражало Лилию – когда он ковал всё это, она забывала, что он совершенно ничего не видит.

– Поэтому я работаю с металлом, – улыбался Финель каждый раз, – его можно почувствовать.

А вот лезвие Финель всегда оставлял чистым, хотя Лилия слышала, что и на нём часто изображали послания, девизы, украшения и прочее... Когда она спросила его об этом, он немного задумался.

– Да, ты права, многие кузнецы, в том числе и эльфы, украшают лезвие... Но, видишь ли, мне всё представляется немного по-другому, – Финель поднял лицо, устремив на неё

невидящие глаза. – Эти клинки будут в бою. Они станут звенеть от ударов, тонуть в крови, и хорошо если не в крови своего хозяина. Им не суждено лежать на бархатном одеянии.

– Тогда зачем украшать рукоять? – спросила Лилия, перевернув заготовку.

Финель улыбнулся.

– Чтобы друг любовался ею, ведь она видна, когда оружие спокойно лежит в ножнах. И чтобы ею любовался враг, увидев её в последние секунды своей жизни.

«Или хозяин, в последние секунды своей, когда уронит оружие на землю», – подумала Лилия, но в целом объяснение ей понравилось.

2

Они сделали перерыв, Финель попросил Лилию принести воды из колодца. К её приходу он выудил откуда-то знаменитые уже кукурузные лепешки.

– Такие мечи тяжелы для тебя? – спросил Финель.

– Да, – сразу сказала Лилия, – работать с ними не тяжело, но поднять хоть один ваш меч я смогу только двумя руками. И то, если бы ты увидел это зрелище, то умер бы со смеху.

– Значит, мне суждено жить ещё очень и очень долго, – с мягкой улыбкой заметил Финель, и Лилия рассмеялась.

– Может, выковать меч и для тебя? – после минутного молчания вдруг предложил эльф. – Сделать его легче, не таким смертоносным. Но всё-таки это будет оружие.

Лилия посмотрела на него округлившимися от удивления глазами.

– И зачем, позволь спросить, мне меч?

– Чтобы защищать себя, – серьёзно ответил Финель.

– О, нет. Увольте, – Лилия стяхнула несколько крошек с фартука на землю. – Пожалуй, мне хватит вашей защиты и защиты стен этой крепости.

Финель не пошевелился, глаза были направлены вперед, но что-то в выражении его лица поменялось. Кажется, ему не понравились её слова.

– И, в конце концов, вы учитесь владеть мечом постоян-

но, – извиняющимся тоном продолжила девушка, – а я нет. Единственное, что я могу, пожалуй, – так это огреть кого-нибудь веником по голове...

Эльф не улыбнулся. С минуту они молчали, а потом он вдруг поднял и чуть наклонил голову. Это означало, что он слышит чьи-то шаги или что-то ещё.

– Когда придёт нужда, учиться придётся, – промолвил он. И добавил: – Эльдалин идёт. Кажется, он не в настроении.

Ещё через некоторое время из-за угла показался черноволосый эльф. С невероятно кислой миной.

3

– Доброе утро, – сказа Эльдалин, кивнув им обоим.

– По тебе этого не скажешь, – заметил Финель.

Эльдалин усмехнулся.

– Иногда мне кажется, что ты видишь больше, чем все в этой крепости, – криво усмехнулся Эльдалин, – не удивлюсь, если ты даже знаешь, почему это утро не кажется мне таким уж добрым.

Финель подумал пару секунд и пожал плечами.

– Прости, роль ясновидящего – не моё. Но, кажется, ты давно не отправлял отряд к нашему старому знакомому... мельнику?

Эльдалин явно удивился, но мрачное лицо от этого поменялось не сильно.

– Именно. И я вынужден попросить тебя отпустить свою помощницу со мной.

Финель насторожённо наклонил голову.

– А вот это не нравится даже мне.

– Ещё бы, – хмыкнул Эльдалин.

Лилия переводила взгляд с одного на другого и, наконец, решила спросить.

– В чём дело? Что случилось?

Эльдалин глянул на неё. И скрестил руки на груди.

– Пока ничего.

Лилия хотела уже закатить глаза, таким образом комментируя столь «исчерпывающий» ответ, но вовремя сдержалась.

– Тебе нужно кого-нибудь прислать, пока её не будет? – спросил Эльдалин, обращаясь к Финелю.

Тот покачал головой и без тени улыбки ответил:

– Нет, ты же знаешь это.

Эльдалин кивнул.

– Я могу уйти, когда мы закончим... – начала было Лилия, но Финель оборвал её

– Нет, ты пойдёшь сейчас.

Лилию немного обидел его резкий тон, но по лицу Финеля вдруг пробежала тревога. Тогда девушка взяла его руку и приложила к лицу, как всегда делала, – он говорил, что так мог её немного увидеть.

– Тогда до скорого. Только скажи – чем ты украсишь рукавочки этих мечей, что мы сейчас делаем?

Финель перехватил её руку и опустил на неё взгляд бесцветных глаз.

– Сегодня я доделаю только заготовки. Без тебя ковать рукавочки не буду, подожду, когда вернёшься, – с улыбкой сказал он.

Лилия обняла его за шею и поднялась на ноги.

– Ну, пошли, мой мрачный друг.

И девушка направилась в ту сторону, откуда пришёл эльф.

– Эльдалин, – позвал его Финель, когда тот уже повернул-

ся и собирался уходить, – постарайся сделать так, чтобы ей не пришлось потом жалеть.

Эльф постоял мгновение, и, быстрым шагом догоняя девушку, бросил через плечо:

– Если так случится, то жалеть придётся нам всем.

Финель ещё некоторое время посидел на крыльце, устремив невидящий взгляд туда, куда ушли Лилия и Эльдалин. Когда шаги стихли, он глубоко вздохнул.

– Кажется, учиться придётся быстрее.

На душе у него вдруг стало тоскливо и беспокойно.

Эльдалин действительно был крайне мрачен, и действовать ему на нервы Лилия не собиралась (обычно это выходило само собой, но иногда...), поэтому молча шла рядом. Они петляли по улицам и площадям, пересекли площадь с клёном, и она всё-таки решила подать голос.

– Мы идём к Чессу на мельницу?

Эльдалин кивнул.

– И зачем?

На секунду ей показалось, что он попросит её замолчать и прекратить задавать глупые вопросы. Однако он ответил.

– Сейчас мы придём, и тебе всё расскажут. Только одно могу сказать – хорошенько подумай, перед чем что-то решать.

Сейчас у Лилии не было желания закатывать глаза, но всё же такой ответ на её простой вопрос ей не понравился.

– Ты поняла меня?

Девушка чуть не споткнулась о булыжники, уставившись на Эльдалина. Он шёл уверенным, широким шагом, но губы его были поджаты, а в глазах появилось не свойственное ему беспокойство. А голос вдруг стал не таким, как у старшего брата, снизошедшего до общения с сестрой.

– Что случилось? – опять спросила Лилия.

Но больше он ничего не сказал, и молча они дошли до

мельницы.

У амбара их ждали Чесс и Лизель. Последний, к её удивлению, был чуть ли не мрачнее, чем Эльдалин. Коротко кивнув ей, он бросил недовольный взгляд в сторону старших товарищей. Лилия подумала о том, что не могла и представить, что эльф может так смотреть.

– Доброе утро, – сказал Чесс, и у него это получилось убедительнее, чем у Эльдалина.

– Доброе, – ответила Лилия, кивнув ему. – Давайте сразу выясним, что происходит. Мне не нравятся их лица, – девушка указала на Эльдалина и Лизеля.

С лица Чесса сошёл тот намёк на улыбку, который был, и он стал очень серьёзен.

– Нам нужна твоя помощь, однако прежде стоит всё обговорить. И, конечно, если ты не согласишься, никто не будет заставлять, как я уже говорил, – последнее относилось больше не к ней, а к Эльдалину и Лизелю.

«Кажется, эти трое крупно поспорили недавно», – подумала Лилия и кивнула, как бы говоря – ну, выкладывайте.

Вместе они зашли в полутёмный амбар, устроившись там на широких полках для хранения зерна и муки. Несколько секунд все молчали. Лилия смотрела на Чесса – ей показалось, что говорить будет он, как старший. И, действительно, угадала.

– Ты знаешь, что время от времени мы наведываемся к людям, покупаем зерно. Мы должны были отправить телегу почти две недели назад, но, сама понимаешь... Всё пошло немного не по плану, и в итоге мы задержались.

«Ну и в чём проблема?» – подумала Лилия, и, словно уловив ход её мыслей, Чесс продолжил:

– Проблема, конечно, не в этом. Телегу, как всегда, вывели из амбара на площадь, и завтра к утру Марли подготовит лошадей. Но нам нужна твоя помощь. В этот раз.

Лилия недоумённо посмотрела на эльфов.

– Помощь в чём?

– Я бы хотел, чтобы ты поехала вместе с нами.

У Лилии прямо камень с души упал. Она-то уже подумала, будто случилось что-то ужасное! Они же знают, что она всегда готова помочь, только скажите, что делать. Однако, снова посмотрев на Эльдалина и Лизеля, девушка вдруг ступевалась. Что-то всё же было не так.

– Понимаешь, как бы это банально ни прозвучало, но ты – человек. И наш старый добрый друг мельник – тоже. Мы всегда успешно маскируемся, но в этот раз нам нужен кто-то, кого он даже не подумает опасаться. Ты – по природе своей то же, что и он. К тому же девушка. И как раз это нам сейчас очень нужно.

Лилия смотрела на Чесса. О том, что она человек и (о, надо же) девушка, она, вообще-то, догадывалась... Но всё же не поняла, к чему это всё.

– И что дальше? – спросила Лилия. Кажется, на лице эльфа она увидела что-то вроде облегчения, когда он принялся объяснять.

– Я думаю, нет смысла говорить, что всё в порядке. Ты и сама видела, что случилось с Индиллом, слышала, о чём мы иногда разговариваем на собраниях. – Чесс покосился на Эльдалина – его взгляд словно предупреждал, что он вмешается в их разговор, если придётся, – но мы по-прежнему не можем рассказать тебе о том, что происходит. Прежде всего потому, что сами знаем очень мало. И многие здесь... против.

«И не сложно догадаться, кто именно», —подумала девушка.

– Людей это тоже касается. Мельник – наш ближайший сосед, и всё-таки он достаточно далеко. Как и поселения людей, их от нас отделяет густой тёмный лес.

– Наш лес, – подал голос Лизель.

Чесс усмехнулся.

– Да, наш тёмный густой лес, в который они боятся ходить. Но их тоже касаются наши проблемы.

– Ты хочешь сказать, на них тоже нападают эти ваши... чудища? – спросила Лилия.

Эльф скривился.

– Кажется, да, но в этом и проблема. Мы не знаем точно. Их видят в лесу, но потом они куда-то пропадают. Может, прячутся в норы, а может, идут охотиться в другие места.

– То есть к людям, – уточнила Лилия.

– И если это так, мы должны знать.

Чесс смотрел Лилии в глаза и был как нельзя более серьёзен. Он, кажется, сказал, что хотел, и теперь ждал, поняла ли она его.

– Мельник общается с людьми, которые приходят, чтобы продать зерно. И он должен знать, если убивают людей. Так?

Он кивнул. Немного подумав, Лилия решила задать ещё один вопрос.

– Вам нужно знать это, чтобы понять, что грозит нам, или защитить их?

– И то, и другое, – ответил Чесс, словно ожидал, когда она спросит. – Мы слишком мало знаем и потеряли из-за этого многих. К счастью, теперь у раненых есть шанс благодаря тебе, но этого не достаточно. А если они начнут вырезать и людей... – Чесс помолчал, подбирая слова. – Хоть мы и отделились друг от друга, эльфы по-прежнему чувствуют ответственность за людей. Они – наши младшие братья, так мы их называем. И не позволим, чтобы они пострадали, пока мы бездействуем и сидим в своей крепости.

– А где король Цивеон? – внезапно спросила Лилия. Она поняла, что уже некоторое время (неделю? больше?) не видела «своего» короля. Ни на собраниях под деревом, ни у Индила. – Он может что-нибудь сказать? Это касается его.

Чесс перевёл взгляд на Эльдалина.

– Он уехал. Два дня назад.

– Что? Как это?

Девушку не удивляло, что это прошло мимо её внимания. Её удивлял сам факт. Цивеон так стремился, наконец, добиться от Имираина аудиенции. Говорил, что останется столько, сколько нужно.

– Полагаю, у него есть свои проблемы и свой народ, – немного, как показалось девушке, мрачно сказал Чесс.

– И с этим не поспоришь, – тон Эльдалина был достаточно категоричен. Он повернулся к девушке. – Цивеон не смог ничего добиться. Я тоже. Он уехал и, я думаю, правильно сделал. Возможно, потом им удастся всё-таки поговорить.

– Что же это должно случиться-то? – фыркнув, пробормотала девушка.

Некоторое время все молчали. Эльдалин смотрел на Чесса, Лизель разглядывал сложенные на коленях руки.

– Мне нужно поехать, потому что мельник согласится поговорить со мной? – прервала тишину Лилия.

– Именно, – сказал Чесс. – Я езжу к нему каждый раз, и многие другие, мы не выдаём себя, но он всё равно видит в нас чужих, хоть, может, и сам не отдаёт себе отчёт в этом. Нам он может не рассказать, но тебе...

Лилия кивнула, и эльф замолчал. Ну что ж, всё логично. Раз уж она оказалась тут, кажется, пришла пора сыграть какую-нибудь роль.

– Значит, я поеду. Думаю, что это важно... не хотелось бы, чтобы с кем-то произошло что-то ужасное...

– Есть проблема, о которой ты забыла.

Лилия повернулась к Эльдалину и увидела, что он, оказывается, мог быть ещё мрачнее.

– На дороге сейчас опасно. На нас могут напасть, и тогда опасность будет грозить тебе.

– Кто ещё поедет? – спросила Лилия, прервав его.

– Эльдалин поедет, – сказал Чесс. – Я, Лизель, Алальме... пожалуй, больше ты никого не знаешь, но с вами будет ещё несколько всадников.

– Тогда, я думаю, всё хорошо, – улыбнулась Лилия, чем вызвала негодование Эльдалина.

– Что хорошо?

– Мне кажется, с вами я буду в безопасности. Так что я поеду.

Лилия не прекращала улыбаться, а Эльдалин смотрел на неё широко открытыми глазами.

– Ну вот, – как-то грустно подытожил Лизель.

– Я знал, что ты смелая девушка, – с облегчением выдохнул Чесс, тоже улыбаясь.

– Дело не в смелости, у меня её не так чтобы много, – пожал плечами девушка. – Просто... я чувствую, что это действительно может оказаться полезным. К тому же, я доверяю вам. Вы ведь меня не бросите на съедение?

Лилия подмигнула сидящему рядом Лизелю. Несколько мгновений он обречённо смотрел на неё, а потом усмехнулся.

– Будь уверена, не бросим.

Эльдалин криво улыбнулся, как бы говоря «Я не с вами, ребята», но в глазах Лилия углядела что-то, что могла бы назвать признательностью.

– Но Манелю это не понравится...

6

Ему действительно не понравилось.

– Как вам такое вообще могло прийти в голову?!

Манель почти кричал на Эльдалина, который спокойно и с почти скучающим видом выслушивал его. Они пошли к нему сразу же. До полудня оставалось часа три, и Лилия мысленно подсчитала, что ей уже пора идти к Индилу.

– Нет, ладно, я не удивлён, что вам пришло это в голову, – Манель стоял посреди садовой дорожки с лопатой в руках, и Лилия внезапно подумала, что лучше бы он её опустил. – Но как вы могли подумать, что я позволю вам такое?! Впутывать её в это....

– Она согласилась, – спокойно перебил его Эльдалин.

– Да потому что не представляет, о чём вы просите.

– Представляю, – вмешалась Лилия, – мне все объяснили. Эльдалин с Лизелем тоже были сначала против.

– Ага, то есть капля здравого смысла у вас всё-таки осталась, – проигнорировав её первые слова, бросил Манель.

– Осталась, и мы не пойдём неподготовленными. Ты же знаешь, мы вчера целый день продумывали строй и разведку. И состав группы.

Манель вперил в Эльдалина взгляд, которого Лилия никогда не видела. Кажется, эльф был в ярости, и это ещё мягко сказано.

– Вам мало того, что случилось с отрядом Индила? Он вообще чудом выжил, и чудо заключалось в том, что её саму в лесу никто не разрубил пополам! Я не позволю вам её втягивать!

– Но ехать всё равно нужно.

– Это НЕ необходимость! – Манель отшвырнул лопату, и она приземлилась на большие тыквы с глухим стуком. – Мы вполне можем обойтись и без этого мельника с его несчастным зерном!

– Ты знаешь, что не можем, – Эльдалин повысил голос, потеряв терпение, – а если то, что он расскажет, будет полезно, то мы ещё и сможем решить проблему! И дело тут не только в нас – как ты помнишь, нашим долгом всё ещё остаётся защита людей, и если не король, то Индил точно с этим согласится.

– С этим-то он согласится, – прошипел Манель, – но как ты будешь потом объяснять ему то, что девочке отрубили голову или вспороли живот, пока вы решали проблемы?!

– Манель! – с упрёком в голосе воскликнул Чесс.

Он замолчал, заложив руки за фартук. Немного постоял, кажется, стараясь успокоиться. Потом его глаза стали бродить по грядкам в поисках брошенной лопаты. Лилия аккуратно прошла между тыквами, отыскивала её и молча протянула Манелю. Тот взял её, ни слова не говоря, и взглянул ей в глаза.

– Неужели вы не можете без неё поговорить с мельником?

Он расскажет. Если он видел тварей, то они испугали его.

Голос Манеля стал спокойнее, но очень не понравился Лилии. Эльф действительно боялся, вдруг что-то пойдёт не так, и ругаться с Эльдалином для него было неприятно.

– Именно поэтому нам он ничего не расскажет, – тихо и вкрадчиво ответил за Эльдалина Чесс. – Если он будет напуган, то в нас братьев по несчастью точно не увидит. Не забывай, мы приезжаем из леса, в котором, как они друг другу рассказывают, живёт зло. Так что он даже не сочтёт нужным предупредить путников о том, что ему известно.

– А девушку пожалеет, – кивнул Чесс.

– С чего бы? Она ведь будет с вами.

– Это верно, она будет в нашей компании и под нашим покровительством. Но она юна, и, к тому же, у него не возникнет сомнений насчет её принадлежности к его народу. Он, знаешь ли, умнее, чем кажется... Ему захочется услужить молоденькой девушке и защитить ещё и от нас, так что он по секрету расскажет ей всё, что знает. Если знает.

– А если нет?

Все знали, что возможно и такое. Это могло означать, что бояться нечего, но надежды на это было мало. Им нужно было поговорить с мельником. И добиться от него всего, что тот знает. Манель понимал это, понимал, что идея, если отбросить все сантименты, прекрасная, ведь девушка в данном случае – идеальный посыльный.

Манель давно привык, что каждый из них подвергается

опасности, и это для него почти естественно, но они ведь могут постоять за себя.

– Я не хочу, чтобы она рисковала, – покачал головой Манель.

– А если я скажу, что всё равно хочу поехать с ними, ты позволишь?

Удивился даже сдержанный Лизель. Нет, они, конечно, поняли, что убедили её, но не думали, что девушка и вправду прониклась необходимостью того, что требовалось сделать.

Манель окинул её долгим взглядом. Боги, в его глазах она совсем ребёнок! И что ему с этим делать, если сердце разрывается от страха за неё? Пусть для этого он действительно видел мало причин... Они поедут отрядом, с ними будет Эльдалин – прекрасный воин. Если что-то заметят, их предупредят. Да и дорога, по которой они едут, никогда не была опасна. «Но сейчас время другое, – сказал он сам себе, – сейчас опасно везде».

Да, предположим, но они не собираются никого выслеживать. Они поедут за зерном, и Лилия поговорит с мельником, только и всего.

И тут у него в голове прозвучал голос Алальме. «Не надо опекать её, – говорит он, – она уже не ребёнок и знает, чего хочет... Она будет нам другом».

Все молчали, ожидая, что он скажет. В конце концов он был старшим, и если бы он решительно отказал, никто из них не посмел бы возразить. И Манель понимал это, и не хотел

принимать решения, опираясь на отеческие чувства, которые не покидали его последнее время, когда девушка оказалась под их покровительством. Он не хотел совершить ошибку так же, как не хотел подвергать её опасности.

В конце концов он заговорил.

– Ты точно всё понимаешь? И не боишься?

Лилия решительно кивнула. Манель вздохнул, тоже кивнул ей, рассеяно посмотрел на лопату в руках.

– Тогда готовьтесь. И ещё вот что... Индил знает о ваших планах? – спросил он, повернувшись к Эльдалину. Эльф покачал головой, и Манель снова обратился к Лилии.

– Имей в виду, что ему это все понравится меньше, чем мне.

– Ну, это вряд ли возможно, – улыбнулась девушка.

Поскольку на мельницу и в сад к Манелю Лилия пошла в том, в чём была – то есть в рабочей одежде, – девушке пришлось сделать неплохой крюк, чтобы добраться до дома, умыться, переодеться в платье и отправиться в замок. Был, кажется, уже одиннадцатый час, и девушка не торопилась – Индил обыкновенно не ждал её до полудня, но сейчас ей надо было с ним поговорить.

Поднимаясь на крыльцо, она по пути поздоровалась с Ниелем.

– Ты слышала новости? – спросил он, когда Лилия уже прошла мимо, поднявшись на последние ступеньки.

– Нет. Какие? – обернулась девушка. По правде говоря, с неё хватало на сегодня новостей.

– Король Цивеон уехал.

– Два дня назад, – кивнула Лилия. Однако Ниель не закончил.

– Именно. Но Имирин пообещал, что никогда больше нога короля людей не ступит в эту крепость.

Девушка остолбенела, невольно спустившись на пару ступеней ниже, к Ниелю. Так, значит, король людей уехал и, судя по всему, навсегда? Она не знала, почему, но такая перспектива ей не нравилась. Но Цивеон не мог принять это так, как есть. Если только...

– А эльфы? Те, что были с королём?

– Они уехали с ним, – покачал головой Ниель. – Не знаю, что происходит и что из этого выйдет, честно говоря.

Девушка не нашла ответа, а потому, распрощавшись с эльфом, прошла через тяжёлую дверь во дворец и поднялась в покои Индила. Когда она ещё только шла по коридору, дверь с резной лилией вдруг открылась, и оттуда наружу показалась знакомая голова.

– Лилия! – Марли сразу же заметил её и вышел навстречу, не закрыв дверь.

– Марли, – улыбнулась она, – привет. Как у вас де...

– Ты согласилась? – немного ошалело выпалил он, дергая пуговицу на своей рубашке.

«Да он её сейчас оторвет», – подумала Лилия, поймала руку эльфа и отняла её от рубашки.

– Согласилась. Если ты про...

– Про поездку к мельнику, да, я про неё! – снова перебил её Марли и, увидев её улыбку, немного смутился. – Прости. Я просто думал, что ты согласишься, но у меня были сомнения, да ещё и Эльдалин не хотел...

– Мы решили, что идея должна оправдать себя. И всё достаточно... безопасно, – теперь Лилия перебила эльфа, зная, что иногда его нужно было уговорить.

– И Манель дал добро?

– С трудом, – улыбнулась Лилия. – Мне теперь нужно поговорить об этом с Индилом... – Кажется, в её голосе про-

мелькнули нотки сомнения.

– Не переживай, я уже в курсе. – Лилия вздрогнула – из двери так же, как минуту назад Марли, выглядывал Индил.

И он улыбался.

– Ну и... что ты об этом думаешь? – осторожно спросила Лилия.

Индил вздохнул, покачал головой, широко улыбнулся.

– Думаю, что заставить тебя сидеть спокойно и ни во что не ввязываться – бесполезно.

– Потому что ты сам такой же, – внезапно подал голос Марли. Лилия и Индил сначала переглянулись, а потом с удивлением и смехом на лицах уставились на Марли. Тот смутился и покраснел.

– Ну, доля правды в этом есть, – согласилась Лилия, смеясь.

Она взяла Индила под левую руку, и они вернулись в комнату. То, что всё так само собой разрешилось (а точнее, этому успешно поспособствовал Марли), не могло не радовать её. Лилия ожидала, что Индил действительно будет не в восторге. Он, конечно, был обеспокоен, это видно по глазам. Но Марли прав: пусть немного, но Лилия и Индил были похожи. Тем более всё решено, а узнав, что с ними поедет Эльдалин, принц почти расслабился.

Когда спустя пару часов Марли пошёл готовить лошадей, которые завтра будут тянуть телегу, Индил спросил:

– А тебе не нужно готовиться?

Лилия немного удивилась.

– Ну, завтра до рассвета мне нужно будет надеть своё старое платье... и-и... – Лилия притворно задумалась, делая вид, что никак не может вспомнить, какое же важное дело ей нужно сделать. – Ах да, точно! И не опоздать на площадь. Вот.

Индил засмеялся – теперь это давалось ему почти безболезненно.

– Ну а мельник? Ты уже решила, о чём будешь спрашивать его?

– Зачем? – пожала плечами Лилия. – Я ещё не знакома с ним и не знаю его манеру... К тому же, я думаю, если всё пойдёт, как надо, он сам заговорит. Если ему есть что рассказать.

Индил кивнул.

– Молодец, всё правильно.

И, немного подумав, добавил:

– У меня к тебе одна просьба. Не отходи от Эльдалина ни на шаг. Пусть он всегда будет рядом с тобой.

Лилия кивнула. Он посмотрел ей в глаза, одарив долгим взглядом.

– Я бы сам защищал тебя, если бы мог, – вдруг сказал он, – почему-то я хотел тебе сказать об этом. Но Эльдалина я порой доверяю даже больше, чем себе.

Индил немного смущённо улыбнулся. Из открытого окна до них донеслись звуки. Ритмичный счёт Эльдалина и при-

глушённые удары стрел по мишеням.

На мельницу

1

Лилия слушала Манеля уже десять минут, и Эльдалин удивлялся, как она умудряется сохранять при этом непроницаемое выражение лица.

– ...С мельником осторожнее – он может что-то знать, но пугать его не стоит, так что не позволяй Алальме много болтать... лучше пусть он вообще молчит, – Манель потёр виски, словно у него заболела голова.

«Ещё один круг инструктажа, и у меня она точно заболит», – подумала Лилия, удерживая внимательную мину.

На улице ещё даже не начинало светать – серовато-синие тона потихоньку уступали место другим цветам. Иногда задувал прохладный ветер – вступал в силу последний месяц лета.

– ...и ещё раз повторяю – если мельница разрушена, если хоть что-то будет вызывать подозрения – сразу же поворачивайте назад, и...

– Такими темпами ты точно накликаешь на нас что-нибудь, – спокойно перебила его Лилия. Эльдалин хмыкнул. – И, кстати, почему ты просто не поедешь с нами?

– Приказ короля, – терпеливо и с достоинством ответил

Манель, – я являюсь начальником внутренней обороны крепости и не могу покинуть её.

– Внутренняя оборона крепости – это то, что вы будете делать, если вдруг за стену пройдут эти... неведомые твари?

– Так и есть.

– Разведчики вернулись вчера вечером, – промолвил Эльдалин. – И ничего необычного не заметили.

– Всё может поменяться, – сказал Манель тоном терпеливого учителя, втолковывающего нерадивому ученику то, что ему следует, наконец, запомнить. Сейчас Лилия и правда поверила, что он старше Эльдалина, Рогона и даже Имирина.

– Телега и лошади готовы. Мы можем ехать! – крикнул Чесс, держа в поводу своего жеребца.

– Они совершали такие поездки сотни раз, не так ли? – голос Лилии звучал беззаботно. – Всё будет хорошо, тебе не о чем волноваться, уверяю.

Манель только кивнул, но девушка видела, что её слова ничего не изменили. Хоть он и позволил им это, но мнения своего поменять не сумел. Впрочем, она особенно и не рассчитывала.

Поклонившись ему, Лилия и Эльдалин спустились с крыльца. Эльф оседлал коня, а она сама взобралась на телегу и взяла в руки вожжи. Подняв глаза, девушка увидела стоящего на балконе Индила и чуть наклонила голову. Эльф приложил руку к груди и улыбнулся.

По знаку Манеля стражники начали открывать ворота.

– Слушай, а король вообще знает, что вы делаете? – вдруг спросила Лилия. Этот вопрос у неё был давно, но взгляд на принца заставил задать его.

– Имеешь в виду, знает ли он, что мы делаем сейчас, и зачем? —переспросил Эльдалин. – Советую тебе ещё раз поднять голову и посмотреть на маленькую башню. Ту, что справа.

Девушка послушалась. Это была самая узкая и не самая высокая башенка. В ней она увидела только одно окно, а в нём, кажется, чью-то фигуру.

– Он каким-то образом всегда всё знает. И будь уверена – ему интересно, чем закончится наша вылазка. Он не волнуется ни о ком из нас, ему просто... интересно.

Последние слова Эльдалин почти что выплюнул, и Лилия больше не стала ничего спрашивать.

– Ты точно справишься с телегой? – к ней с другой стороны подъехал Чесс.

– Я не держала вожжи в руках лет с пятнадцати, но...

Повода из плотной кожи звонко щёлкнули, и Лилия голосом послала лошадей вперёд. Животные с ходу взяли рысь, и процессия из восьми всадников и двулошадной телеги выехала за ворота, тут же за ними закрывшиеся.

– Смотреть за дорогой неотрывно. Как только будут возвращаться – сразу скажите мне, – приказал Манель одному из стражников.

Строго говоря, они бы и без этих слов сделали именно так;

а ещё эльф знал, что Манель сам через час придёт на пост и будет с нетерпением ждать новостей.

Но ничего по этому поводу не сказал.

2

– Манель всегда такой беспокойный? – спросила Лилия, понукая лошадей, – им не нравились всадники, шедшие впереди, и они постоянно пытались остановиться или отойти от них.

Эльдалин вздохнул.

– Отвечу, что да, – ты слишком расслабишься, отвечу нет – будешь нервничать. Но всё равно скажу правду: – он всегда беспокойный. А в этот раз у него есть на это полное право.

Лилия задумалась.

Двигались они таким образом: по паре всадников впереди и позади телеги и по двое рядом с ней. Эльфы несколько раз менялись местами с расчётом на то, что упряжные лошади могут терпимее отнестись к другим животным и их всадникам. Но пара только усиленно прятала уши и мотала головами.

– Они не привыкли, чтобы кто-то шёл впереди, – заметила девушка, в очередной раз щёлкая вожжами.

– Мы никогда так не делали, верно. Нападение на отряд принца было самым серьёзным. Калианты никогда не атаковали первыми... и не так яростно, – сказал Чесс.

– Калианты? – переспросила Лилия.

– Так мы называем этих чудовищ, – Эльдалин одарил Чесса убийственным взглядом. – В любом случае, теперь прихо-

дится соблюдать особую осторожность.

В целях конспирации – не от чудищ, а от людей, – эльфы переоделись в одежду, более приближённую к человеческой, более простую, волосы убрали под шляпы и панамы. Чесс нацепил чёрную бороду и соломенную шляпу, так что походил теперь на безумного фермера. Про себя девушка отметила, что в следующий раз надо отговорить его от такого. В этом виде ему не стала бы доверять даже она сама.

Оглянувшись по сторонам, Лилия старалась уловить хоть что-то в лесной чаще, но ничего не заметила.

– Трое вон там, – Эльдалин указал вперёд и левее от дороги, – пятеро идут за нами. А десять моих лучников, – Эльдалин указал пальцем вверх, – как белки, на деревьях. Ты их не увидишь и не услышишь, если в том не будет необходимости.

«Надеюсь, не будет, – подумала девушка. – И весь этот эскорт только для того, чтобы купить зерно. Вот ужас».

– Сколько, говоришь, нам добираться туда?

– Будем там к завтрашнему утру, – ответил Эльдалин, – а на другое утро должны вернуться в крепость.

3

Всё шло по плану, и когда на следующий день солнце только вышло из-за горизонта, весь отряд действительно добрался до старой мельницы. В пути они сделали только одну остановку, поздно вечером – Лилия перебралась в телегу, чтобы поспать, а Чесс (всё ещё безумный фермер) занял её место. В это же время к ним по стволу дерева спустился один из лучников.

«Да он ещё ловчее, чем белка!» – подумала Лилия.
Он сообщил, что дорога свободна.

На самом деле мельница уже давно не функционировала – лопасти, разобранные, лежали поодаль, заросшие мхом и увитые вьюном. В отличие от эльфийских, на этих не было ни резьбы, ни росписи – ничего, что свидетельствовало бы в пользу попыток их украсить. Однако поляна, на которой стояла мельница, так и оставалась до сих пор местом обмена и торговли. Жители окрестных деревень в определённые дни месяца устраивали тут что-то вроде рынка, привозили овощи, фрукты, рыбу, шкурки мелких животных и мясо.

Но всё это разворачивалось на другой стороне реки, перебежавшей поляну. Точнее, на берегу весьма неясного водоёма – русло давно заросло кувшинками, ряской и, кажется, грозило превратиться в болото через десяток лет.

Эльфы же вместе с Лилией выехали именно к мельнице. Старый мельник давно уже промышлял только покупкой-продажей зерна, приобретая его у одних крестьян и сбывая другим, кто жил, как правило, совсем в другой стороне. Или таким вот «фермерам», как они. Богатых людей в этих краях не водилось.

– А почему они просто не починят мельницу? – спросила Лилия, когда Эльдалин закончил вводить её в курс дела. – Мельник занялся бы делом, у них была бы мука, а обменивать её удобнее, тем более без такого... странного посредни-

чества.

Тут девушка сделала паузу и, подумав, недоумённо спросила:

– Постой, а муку они откуда берут? Или там, у других, есть ещё мельницы?

– Нет тут никаких мельниц за двести километров вокруг, не считая, конечно, нашу... – Чесс задумчиво тряхнул головой. – Мельник говорил как-то, что надобности в мельнице теперь нет, она потому и развалилась. Какой-то здесь... грустный народ живёт, если ты понимаешь, о чём я.

Лилия пожалала плечами и покачала головой.

– Не понимаю.

– Ощущение, что им больше от жизни не надо ничего, – вздохнул Эльдалин. – Они будто по привычке живут, умирают, рожают, работают... Я толком не знаю, как объяснить.

Эльдалин замолчал и, казалось, глубоко задумался. Лилия уже не ждала от него чего-то ещё, как он поднял голову и странно посмотрел на неё.

– Мне кажется, если вдруг что-то разрушит их дома, или сожжет посевы, или что-то ещё... Они просто лягут здесь же, со вздохом облегчения закроют глаза. И умрут.

Эльдалин произнёс всё это достаточно спокойно, но у Лилии по спине пробежали мурашки, и виной тому был отнюдь не предрассветный холод.

Лошади радостно заржали, когда процессия выехала на открытое место. Из большого старого амбара им навстречу вышел не поджарый бодрый мужчина в возрасте, которого ожидала увидеть девушка. Мельник оказался низкорослым и полным, с редкими соломенными волосами, неравномерно тронутыми сединой. Он так же оказался обладателем огромных глаз и поросячьего носа. Когда мельник заговорил, Лилия отметила, что голос очень уж ему... как ни абсурдно, но голос ему «не подходил».

Он был низкий и гулкий, да, к тому же, у мельника, видимо, была привычка говорить медленно, поэтому Лилии показалось, что она буквально разговаривает с котом. С котом в человеческом облике.

Сначала мельник поприветствовал всех и придержал коня, пока Эльдалин спешил (конечно, без надобности, но эльф только едва заметно хмыкнул). Потом, как того требовала вежливость, обратился к Лилии:

– Столь юной девушке, должно быть, страшновато было ехать по лесу, не так ли? Раньше ваши спутники обходились сами... Конечно, да, я вас всех помню! – Девушке показалось, что в этом месте мельник заговорил чуть быстрее (со всем чуть-чуть).

– Что ж, я думаю, они рады этому, – сдержанно ответи-

ла Лилия, спускаясь на землю. Мельник ей уже не нравился. Особенно его снисходительный тон. Про себя она подумала, а осмелился бы он сам хоть раз зайти в этот лес? Хотя бы пару километров пройти по той дороге, по которой они ехали?

– Действительно, радостно, что вы помните нас, – вступил в разговор Чесс. – Наверняка вы помните также, что приезжаем мы всегда за одним и тем же.

Чесс так мило улыбнулся, что Лилия чуть не рассмеялась.

– Разумеется! – голос мельника опять «ожил», но это быстро прошло. – Правда, я вас ждал две недели назад... Но у меня всё готово!

Неожиданно бодрой походкой мельник двинулся в сторону того же амбара, из которого только что вышел их встречать. По знаку Чесса все, кроме Эльдалина, последовали за ним. Он остался у телеги, бросил взгляд в лес, а потом оглянулся на Лилию. Приподнял брови, как бы спрашивая: «Всё в порядке?»

Лилия постаралась как можно красноречивее состроить гримасу, обозначающую: «Какой же он мерзкий!»

Эльдалин широко улыбнулся – обалдеть! – и пожал плечами.

6

Чесс убедил мельника, чтобы тот не волновался, – они сами всё, что нужно, перенесут в телегу, а он пусть контролирует и считает. И, «если изволит», составит пока компанию их спутнице.

Собственно, мельник изволил всё своё внимание обратить именно на последний пункт.

– Вам повезло с друзьями, – наблюдая, как «люди» легко переносят мешки с зерном, заметил мельник, остановившись рядом с Лилией. Они стояли чуть поодаль от телеги, так что их взгляды невольно устремлялись в лес.

– Жуткое место... Неужели моя мельница – самый ближний к вам торговый двор?

– Что вы хотите этим сказать? – Лилия старалась как можно правдоподобнее имитировать абсолютную беспечность и даже некоторую несообразительность.

Кажется, у неё получилось, потому что в этот же момент мельник чуть ли не подпрыгнул.

– Но вы ведь едете сюда через этот... лес, я правильно понимаю?

– Ну да, через какой же ещё, – улыбаясь, ответила Лилия. Мельник откашлялся и взглянул на неё с явным сочувствием.

– Вы очень юны и, я полагаю, действительно не знаете, на-

сколько он опасен... этот лес. Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, с какой лёгкостью ваши спутники преодолевают его по нескольку раз за год, и, честно говоря...

Мельник вдруг замолчал, кажется, сообразив, что соби-рался сказать лишнее. «Честно говоря, ты и моих спутников побаиваешься, да? Это ты хотел сказать?»

Лилия молчала. И мельник продолжил разговор.

– Я вас раньше не видел. Кто-то из них – ваш родственник?

Девушка промедлила с ответом только секунду, точно зная, что может вызвать у мельника недоверие, а что покажется достаточно правдоподобным.

– Нет, – покачала она головой, как будто говоря: «Неужели не видно?!» – Мы все из разных семей. Видите ли, совет нашей деревни предпочитает, чтобы в этом участвовали представители разных фамилий. Ну, вы понимаете... традиции. А я в семье старшая, к тому же, нас трое девочек.

Лилия улыбнулась, и мельник кивнул, пробормотав: «Да-да, дело понятное».

– Однако, если вам интересно, то вот этот молодой человек – мой двоюродный брат, – с этими словами Лилия указала мельнику на Эльдалина, внимательно следившего, казалось бы, за работой.

– О, правда? Очень приятный юноша, да, очень приятный....

«Ещё бы», – усмехнулась про себя девушка.

– Знаете, хотела бы похвастаться, – понизив голос и наклонившись к мельнику, начала девушка, – мой брат – самый сильный в деревне. Он может одной рукой заарканить быка!

– Превосходно! Превосходно, – мельник улыбнулся, немного нервно, как показалось девушке. Она уже собиралась продолжать завоевывать его доверие, но...

– Скажите, юная леди, никто из ваших не видел там что-нибудь... необычное? – мельник кивнул головой в сторону леса. Вопрос он постарался задать как можно более будничным тоном, Лилия заметила это, но уж очень фальшиво у него получилось.

– Там? – переспросила Лилия и сделала вид, что задумалась. – Не скажу, будто что-то необычное... Хотя нет, постойте! – Мельник весь подобрался. – Пару месяцев назад нашли мёртвую лесную кошку. Вы же знаете, какие они огромные! Но, наверное, хищники дрались за территорию, или за добычу, или... ну, ещё за что-нибудь.

Лилия удовлетворённо заметила, что мужчина не вздохнул с облегчением, узнав, что самое опасное, что есть в лесу, – это дикие кошки. Отнюдь.

– Что-то не так? – с участием спросила Лилия. – Вы так не волнуйтесь, кошки, они пугливы. Пара факелов, и они убегают в чащу, как...

Мельник вдруг схватил её за руку повыше запястья, и Лилия с удивлением отметила, что силы у него предостаточно. Краем глаза она заметила, что Алальме пристально за ними

наблюдает, рассказывая Лизелю какую-то явно весёлую шутку.

– Вы не должны меня бояться, юная леди, но мне кажется, что вы уж очень отличаетесь от своих спутников, – понизив голос и вцепившись в неё взглядом огромных водянистых глаз, сказал мельник.

Внутри у Лилии тревожно щёлкнуло. «Если что-то покажется вам подозрительным, сразу уходите оттуда».

«Не отходи от Эльдалина».

Мельник не ослабил хватку, и это совсем не понравилось девушке. А ещё больше ей не понравилось осознание: если он продолжит в том же духе, эльфы могут решить, что пора перестраховаться.

Нужно что-то с этим делать. А заодно решить, чего хочет этот человек.

– Ну, может быть, вам кажется. Просто они не такие общительные, и...

Мельник снова не дал ей договорить.

– Если вы думаете, что я глупец, то ошибаетесь, юная леди, – это его обращение к ней уже начало выводить из себя, но девушка промолчала.

Эльдалин едва заметно переглянулся с Чессом. Любому показалось бы, что он лишь с вниманием наблюдает за работой и считает, сколько мешков им нужно ещё погрузить. Но он начинал волноваться. Ему мельник, конечно, тоже не нравился, но сейчас появились на то более веские причины.

– Я далеко не глупец, и я всё вижу, – продолжал мельник. Теперь он говорил почти шёпотом. У Лилии внутри всё похолодело – на самом деле она ожидала трудностей в общении, но это уж было чересчур.

«Неужели он знает, кто они?» – промелькнуло у девушки в голове. И как долго, если действительно знает? И при чём здесь она? Или теперь он сочтёт её предательницей и шпионкой? Мало ли, какое у них здесь отношение к эльфам, пусть даже об их существовании они могут только догадываться. Или нет?

– Вы тут кажетесь единственным искренним человеком, и мне жаль вас. Поэтому мне придётся сообщить, что вас обманывают, юная леди, да, обманывают.

Голос мельника стал быстрее, причём намного, и теперь он уже не так сильно напоминал кота. Когда Лилия услышала, что сказал мельник, то едва не улыбнулась от облегчения.

«И всё-таки он не настолько умён», – промелькнуло у неё в голове.

Но свою роль она ещё не доиграла. А потому округлила глаза и тоже перешла на шёпот.

– О чём вы говорите? – Лилия надеялась, что её голос был достаточно изумлённым.

Мельник взглянул на эльфов и отпустил её руку, убедившись, что «юная леди» будет его слушать.

– Вас подвергают опасности, вот что я хочу сказать.

– Да что вы! Лес, конечно, не место для прогулок, но я

же говорила – мой брат самый сильный. Он не даст меня в обиду, – изобразив облегчение, улыбнулась Лилия.

– О, я в этом не сомневаюсь, но вы переоцениваете его возможности, – мельник немного помолчал, а потом выпалил: – Когда они пойдут за вами, ничего не поможет! Ничего!

«Вот оно», — подумала Лилия.

– Лес всегда был опасен, о да, но раньше его боялись только потому, что матери рассказывали своим детям байки о разбойниках и колдунах, что там живут. Но там живёт кое-что пострашнее разбойников, да, гораздо страшнее!

Мельник говорил шёпотом, а на его лице Лилия увидела неприятное выражение, которое заставило её содрогнуться. Где-то в глубине души она всё же надеялась, что бояться нечего, и разговор с мельником ничего не даст. Но, кажется, ошиблась. На лице мельника читался ужас, причудливым образом смешавшийся с благоговением.

– Я мельник, и только в кабак люди приходят чаще, чем ко мне, и многое рассказывают, да, очень многое. И я им верю, потому что сам видел то, о чём они рассказывают, и мне повезло, что я лишь видел издалека, о да, повезло, очень повезло. – Мельник оглянулся снова, а потом его лицо перекосила страшная гримаса. – Люди умирают, вот что. Иной раз целые семьи, вот что. А ещё больше скота. Те быки, которых ваш брат арканит одной рукой, переламываются, как буханки хлеба, да, именно так. И приходят они, – мельник протянул руку к лесу, – вон оттуда.

Теперь Лилии не было нужды притворяться. Она была напугана.

– Кто убивает людей? – тихо спросила она.

Мельник оскалил зубы в нервной улыбке.

– О, вам их лучше не видеть, да, лучше не видеть. Если вы встретите их в лесу, то горько пожалеете, что вас не предупредили об опасности вовремя, да, пожалеете.

На глазах у Лилии мельник становился похож на безумца – глаза выкатились из орбит, а лицо постоянно дёргалось, словно от боли.

– Как они выглядят?

Лицо мельника стало вдруг серьёзным.

– Ночью их видно плохо. Но вы увидите, – он странно посмотрел на неё. – Хотя я вам этого искренне не желаю. После их прихода хоронить мертвецов особенно страшно.

Лилия во все глаза смотрела на мельника. И, кажется, в этот момент поняла, чего боялся Манель.

Чего боялись они все, кроме неё.

Они тронулись в обратный путь через полчаса после прибытия. Мельник тепло со всеми распрощался. Бросив долгий взгляд на Лилию, пожелал им удачи. И смотрел им вслед до тех пор, пока нагруженная телега не скрылась в лесу.

– Двоюродный брат? – изогнув бровь, Эльдалин, усмехнувшись, обернулся на неё, когда они отъехали достаточно, чтобы мельник не слышал их.

– Ты против? – лучезарно улыбнулась девушка.

Несколько минут все молчали. Наконец, Лизель решился нарушить это молчание.

– Насколько я понимаю, всё немного хуже, чем мы все надеялись.

Лилия кивнула и пересказала им то, что услышала от мельника.

– И он их тоже видел, – в голосе Эльдалина не было слышно вопросительных интонаций, но девушка всё равно кивнула.

– Я поняла, что да. Может быть, на другой стороне реки, ведь он всё повторял, как ему повезло, что ему пришлось только увидеть.

Эльфы сняли с себя шляпы и панамы, а Чесс наконец-то отцепил свою бороду, так что теперь все выглядели, как обычно. Одежда, конечно, преобразала их, но не слишком

уж сильно.

«Каким глупцом надо быть, чтобы принять их за людей?» – подумала Лилия. А потом в голове возникла ещё одна мысль.

«Ты же приняла Индила за человека. А он тогда даже не пытался маскироваться».

– Они и правда настолько страшны или мельник просто трус? – вдруг выпалила Лилия. Она не стала бы отрицать – всё, что она увидела и услышала, правда испугало её. И ей хотелось знать, зря или нет.

– Мельник трус, – сказал Эльдалин, с сочувствием взглянув на девушку. – Но они действительно ужасны. Вспомни, что случилось с Индиллом и с теми, кто с ним... был.

– Не могу даже представить, – задумчиво произнесла Лилия. Лошади почему-то шли охотнее, их не приходилось попускать каждые сто метров. Может, привыкли или чувствовали, что идут домой.

– Я думаю, мы тебе всё расскажем. Когда доберёмся домой.

Голос Алальме никогда не звучал так серьёзно. И Эльдалин никогда с ним не соглашался, но сейчас он кивнул.

– Да. А теперь, думаю, нам стоит ускорить шаг. Эти новости пугают даже меня.

Лилия заметила, что Алальме хотел пошутить, но всё-таки удержался от этого.

Они пустили лошадей рысью.

Ночь выдалась ясная – свет луны и звезд освещал площадь, балкон и даже комнату, в которой, скрестив ноги, на полу сидел Марли. Индил устроился на стуле, чуть наклонившись, чтобы не тревожить рану.

– Может, ты всё-таки ляжешь? – в который раз спросил Марли, взглянув на друга.

– Со мной всё нормально, – уверил его Индил. – Я просто нервничаю.

Марли кивнул.

– Я тоже. Хотя я всегда нервничаю, так что это не показатель.

Индил усмехнулся.

– Как ты думаешь, я зря её отпустил?

– Я думаю, что она в любом случае поехала бы с ними. А ещё я думаю, что мы зря переживаем.

– Мы ещё не переживаем. Ты Манеля не видел. Я вообще удивлён, что он дал добро.

– Я Манеля как раз видел, – усмехнулся Марли. – Мы же живём рядом. Вчера ночью он заглянул ко мне и сказал, что если я надумаю так же геройствовать, то он меня пристрелит.

– А что ты? – с интересом спросил Индил.

– А что я? Я ответил, что сам его попрошу об этом, если в мою светлую голову придёт такая мысль.

Оба рассмеялись. Потом, чтобы отвлечься, Индил выспрашивал у Марли о его успехах в стрельбе из лука. Марли любил Индила и всегда старался больше для того, чтобы не разочаровывать его, но, как бы это ни было странно, у него получалось с трудом. Он великолепно справлялся с лошадьми, лучше всех держался верхом. Но владение оружием ему никогда не давалось легко. Индил часто видел, каким расстроенным Марли всегда уходит с тренировок. Особенно, если Эльдалин бывает не в настроении.

Но больше всего ему не нравилось, когда Марли отвечал так, как ответил теперь.

– Всё нормально. Вроде как, не слишком уж плохо.

Это означало, что он особенно напортачил. И Индил никогда не пытался ругать его, убеждать в том, что он не старается. Потому что точно знал, что это не так. Но как помочь Марли, которого он взял под свою защиту с самого первого дня, пока не придумал...

– Когда мне будет лучше, снова начнём вместе учиться. Покажешь, чему тебя научил Эльдалин, – Индил улыбался, но Марли вдруг как-то странно изменился в лице, словно у него внезапно заболел живот.

– Послушай, ты же не думаешь, что я буду смеяться над тобой? – спросил Индил, пытаясь поймать взгляд друга.

Марли помотал головой.

– Тогда что не так?

Молчание длилось минуты две. Его молодой друг сидел у

стены неподвижно, не меняясь в лице.

– Марли?

– Я так плохо справляюсь, а ты всё равно опекаешь меня, – вдруг сказал Марли. – Мне кажется, я постоянно тебя подвожу.

Индил оторопел.

– Не смей так говорить, ты слышишь меня? Внимательно слушаешь? – Его же голос показался ему грубее, чем он сам хотел бы, и он продолжил тише. – Если меня, может быть, кто и подведёт, то это явно будешь не ты. Я догадываюсь, что наводит тебя на такие мысли, но, прошу тебя...

Марли не поднял на него глаз, и сердце Индила дрогнуло. Порой он даже не догадывался, каким несчастным себя чувствует его друг.

– Ты мне как младший брат, и никого преданнее не знаю. И хочу, чтобы ты об этом всегда помнил. – Индил вдруг улыбнулся. – А Лилия вообще любит тебя больше всех.

– Больше всех она любит тебя. Но, надеюсь, я хотя бы в десятке.

От изумления Индил чуть не свалился со стула. Марли наконец поднял на него глаза и, увидев его выражение лица, расхохотался. Мгновением позже к нему присоединился Индил – от смеха заживающую рану начало неприятно дёргать, но он этого не замечал.

– Марли! – воскликнул он, но не нашёлся, что сказать дальше, а просто улыбался. Индил почувствовал, что кровь

приливает к лицу.

Раздался тихий стук в дверь.

– Войдите! – все ещё смеясь, крикнул Индил.

Комната осветилась слабым светом нескольких факелов, как обычно, оставленных в коридоре.

– Приятно вас слышать. Я вам не помешаю? – спросил Финель. «До чего же у него всё-таки тихий голос», – подумал Индил.

– Конечно, нет, заходи.

Индил понаблюдал, как Финель закрыл за собой дверь и достаточно уверенно, если учитывать его положение, прошёл внутрь. Он сел рядом с Марли.

– Неужели ты слышишь, как я дышу? – улыбаясь, спросил он. – Я ведь даже слова не сказал.

– Ты очень, очень громко дышишь, друг мой, – тихо сказал Финель, чем вызвал очередной взрыв смеха. Сам он, как всегда, только улыбался.

– У тебя всё в порядке, Финель? – спросил Индил через минуту, когда успокоился.

– Да, благодарю тебя. Знаю, что ты тоже неуклонно идёшь на поправку, и я рад.

– Хорошо, что у нас есть Лилия, – сказал на это Марли. – Кстати, она говорит, что ей очень нравится с тобой в кузнице.

– Я знаю, – улыбнулся Финель, пустыми глазами глядя куда-то в сторону окна. – У неё хорошо получается.

Индил вглядывался в его лицо. Финель редко искал чьё-то общество, ему всегда нравилось быть в одиночестве. Работать и размышлять.

– Финель?

Эльф повернул лицо к Индилу.

– Тебя беспокоит, что я пришёл?

Индил подумал несколько секунд. Он боялся обидеть давнего друга, но тот всегда чувствовал, если с ним разговаривают неискренне. Поэтому Индил ответил честно.

– Да. Я очень рад, что ты пришёл. Но мне кажется, ты расстроен.

Марли озадаченно посмотрел на Индила и с сочувствием – на Финеля.

– У тебя что-то случилось? – Марли тронул его за руку.

Финель покачал головой.

– Работать не могу.

– Ты здоров? – с беспокойством спросил Индил. Голос Финеля ему не понравился: всегда немного печальный, сейчас он звучал подавленно. – Что-то случилось?

– На самом деле, ничего, но я чувствую что-то странное. Я обещал, что не буду ковать рукояти для мечей без неё. А позавчера обнаружил, что мне стало грустно одному. Не хочется работать.

Марли и Индил переглянулись.

– Но ведь ты всегда любил работать один, – осторожно заметил Марли. – И никогда не соглашался на помощь.

Финель наклонил голову.

– А Эльдалину никогда бы в голову не пришло идти в лес с плетёной корзинкой.

Марли в замешательстве уставился прямо перед собой. Индил выпрямился на стуле.

«А ведь он прав...» – подумал он. И вдруг вспомнил о том, что почувствовал той ночью... Когда ему нестерпимо захотелось, чтобы Лилия никуда не уходила.

– А я никогда ещё так быстро не привязывался ни к кому, – вдруг изрёк Марли с таким видом, словно его только что ударили по голове. Причём, сильно.

– Кажется, цветочек стал нам очень дорог. Хотя мы через одного – высокомерные эгоисты.

Индил, казалось, уже не мог удивляться.

Потому что он сам подумал о том же.

С наступлением темноты Эльдалин сообщил, что они преодолели больше половины пути.

– Может, перезапряжём лошадей? – предложил Алальме.

– Это займёт много времени, к тому же в темноте, – покачал головой Чесс. – Кстати, Лилия, мне ещё не пора занять твоё место?

– Нет. Мне кажется, я не сомкну глаз, пока мы не вернёмся.

Эльдалин покосился на неё, но ничего не сказал.

Лошади часто переходили на рысь, несмотря на гружёную повозку. Несколько раз девушке приходилось придерживать их.

– Кажется, они с тобой одного мнения, – заметил Алальме, пытаясь разрядить обстановку.

Они миновали буковую рощу, и всем стало немного легче – столетние деревья скрывали землю даже от лунного света, и ехать приходилось в почти полной темноте. Лилия подумала, что прошлой ночью им это далось спокойнее. Знала бы она, что остальные думали точно так же...

Рассказ противного старого мельника не выходил у Лилии из головы. Иногда ей казалось, что он всё ещё сжимает её руку. «Ночью их видно плохо... Но вы увидите», – послышалось над самым её ухом, и девушка вздрогнула.

Вдруг Эльдалин поднял руку, и все остановились.

– Эльдалин? – испуганно позвала его Лилия.

– Всё хорошо, не бойся. Видимо, лучники ждали, что мы остановимся, как в прошлый раз.

Словно в подтверждение его слов, на землю бесшумно прыгнул один из эльфов – тот же, что и прошлой ночью. Алальме и Лизель переглянулись, остановив лошадей прямо под носом у упряжных.

– Капитан, у нас проблема.

Эльдалин заметно напрягся.

– Говори, – процедил он сквозь зубы.

– Мы потеряли из виду трёх разведчиков, – взволнованно заговорил эльф. Глаза его блестели под капюшоном. «Тех, что шли впереди?» – подумала девушка.

– Не могли же они потеряться, – спокойно сказал Эльдалин. Он умел быстро взять себя в руки. Хотя бы создать видимость.

– Мы думали, они зашли глубже в чащу. Но... их нигде нет.

Все всадники смотрели на лучника, и в глазах читалось замешательство. Жеребец Чесса переступил с ноги на ногу и тихонько заржал.

– Вы следите за дорогой? – Эльдалин вел себя так, словно ничего не произошло, однако его голос едва заметно, но изменился.

Эльф кивнул.

– И что?

– Ничего, капитан. Никого нет.

– А что с разведчиками, с которыми остался Карафолх? – спросил его Чесс.

– Идут за вами. Они тоже ничего не видели, – кивнул лучник.

Эльдалин оглянулся на Чесса, потом перевёл взгляд на Лилию. Выражение его лица словно говорило: «Я не знаю, что происходит, но не паникуй».

Но Лилия уже успела испугаться.

– Нам надо повернуть назад, – быстро сказал Чесс.

– И что потом? – Эльдалину явно не понравилось это предложение.

– Пошлём за помощью. Если они где-то здесь, то ехать дальше – опасно!

– Не опаснее, чем возвращаться назад. – Лизель развернул лошадь, чтобы видеть Эльдалина и Чесса. – А если повернём обратно, мы ещё и будем дальше от крепости.

– Я согласен с Лизелем, – кивнул Алальме.

Чесс хотел сказать что-то ещё, но Эльдалин взглянул на него, заставив закрыть рот.

– Рог при вас? – обратился он к лучнику, который терпеливо ждал.

– У Глирдана, – кивнул он.

Эльдалин задрал голову, словно стараясь разглядеть кого-нибудь в вышине. Он думал. Лилия смотрела на него ши-

роко открытыми глазами, едва сдерживаясь, чтобы снова не позвать его по имени и не потребовать что-то сделать. Только что?

Кажется, у них у всех проблемы... а что случилось с разведчиками? Лилия стиснула вожжи, так что костяшки пальцев побелели.

Наконец, эльф заговорил.

– Не отходите от нас слишком далеко. Смотрите за дорогой. И пусть Глирдан держит рог наготове, – приказал Эльдалин.

Лучник коротко поклонился, и, ловко подпрыгнув, исчез, вскарабкавшись по ветвям. Эльдалин сразу же запрыгнул на свою лошадь.

– Нам придётся ускориться, – сказал он.

В абсолютном молчании все послали лошадей резвой рысью.

10

– Кажется, они будут через пару часов? – спросил Финель.

Они полночи просидели втроём, молча, лишь несколько раз перебросившись парой слов.

– Нет, – покачал головой Марли, – думаю, позже. Телега на обратной дороге уже не пустая.

– Сдаётся мне, их скорость будет зависеть от новостей, которые они узнали.

Индил молчал дольше остальных. И вдруг тяжело вздохнул и, опираясь о стену, вышел на балкон.

– Кажется, наш друг чем-то обеспокоен, – грустно заметил Финель.

– Кажется, я даже знаю, чем, – пробормотал Марли. Его бросило в жар – он лихорадочно соображал, стоит ли оставить Индила одного ненадолго или пойти с ним. Может, ему нужно...

Его терзания внезапно разрешил Финель. Слепой эльф наткнулся на его руку и сжал её.

– Мне кажется, он захочет поговорить.

Марли вздрогнул. Он очень любил Индила, но даже с ним ему трудно было говорить... в такие моменты. К тому же, ситуация оказалась серьёзнее, а они подумали об этом только прошедшим вечером.

Конечно, он будет винить себя...

– Пошли вместе, – немного беспомощно, по-детски попросил Марли.

– Естественно, – кивнул Финель.

Оба легко поднялись на ноги, Марли взял Финеля за руку, и вдвоём они вышли вслед за Индиллом. Он стоял, опираясь на каменные перила и вглядываясь куда-то вдаль, словно старался увидеть далеко-далеко в лесу хоть кого-нибудь. Марли немного расслабился, увидев на лице друга упрямое выражение, – такое всегда бывало с ним, когда он чего-то ждал.

Но он не мог даже догадываться, что Индиллу стоило огромных усилий нацепить его на себя.

Финель и Марли встали рядом с принцем. Марли, покосившись на Индила, тоже невольно уставился на тёмные верхушки деревьев. Финель не смотрел никуда, зато, как всегда, всё чувствовал.

– Ты переживаешь, просто потому что девочка дорога тебе, не говоря уже о наших храбрых друзьях, которые её сопровождают, или в твоей голове сбиваются в стаи плохие предчувствия?

Индил улыбнулся, сам не зная, как ему это удалось.

– Я думаю, и то, и другое, — честно ответил он. – А теперь скажи мне, Финель. Роятся ли у тебя в голове какие-нибудь предчувствия?

На лице эльфа появилась его обыкновенная призрачная улыбка.

– Предчувствия у меня только в сердце, — промолвил он и помрачнел. – И они предательски соглашаются с мыслями в голове...

Индил хмыкнул, опустив глаза на пустой двор. Впрочем, не совсем – он увидел там Манеля, который о чем-то разговаривал со стражником.

Кажется, мысли Финеля были более чем ему знакомы. Если Лилии удалось узнать новости, то они почти точно были плохими. О другом речи просто не идёт. Но как он мог быть так беспечен, не подумав об этом раньше?! Неужели, пока она была рядом, ему казалось, что всё просто обязано закончиться хорошо?

Неужели им всем так казалось, пока они не отправили своих друзей в этот поход?

Пожалуй, в этой ситуации оказался прав только Манель. Но и он поддался их уверенности.

Только не это... Он опять пытается найти виноватых! Индил криво усмехнулся. Откуда у него эта неприятная черта? Почему он никак не может понять, что невозможно предотвратить всего, что может или не может произойти?

Его мысли прервал Марли.

– Почему мы думаем только о плохом? Может, стоит подождать ещё пару часов, и, когда они въедут в ворота, наконец...

Эльфю не удалось договорить.

Из леса до них донёсся звон рога.

Три коротких сигнала.
«Бегите».

Лошади, кажется, почувствовали страх хозяев. Рысь постепенно переходила в галоп, но Эльдалин не позволял им этого.

– Нельзя загонять их зря.

Лилия бросала на него встревоженные взгляды. «Загонять раньше времени, ты это хотел сказать?»

Вдруг Алаальме развернулся к Эльдалину.

– Нужно остановиться и распрячь лошадей! Телегу они далеко не утащат!

Теперь уже никто не притворялся, что всё происходящее – просто перестраховка. И Лилия это тоже понимала.

Эльдалин думал всего несколько секунд, но они растянулись в целые минуты. Когда Чесс уже открыл рот, чтобы высказать свои соображения, тот, наконец, ответил:

– Пожалуй, придётся.

По его знаку все остановили животных. Лошади встали, как вкопанные, почти не переходя на шаг. Но им явно это не понравилось – некоторые тревожно заржали. Упряжные забили копытом. Как только топот лошадей и голоса смолкли, воцарилась душная, почти осязаемая тишина. Ночные птицы молчали, и слышно было только сверчка, стрекотавшего где-то далеко.

– Алаальме, помогай, – бросил Эльдалин, спрыгивая со

спины лошади. – Остальным не спешиваться!

Лизель взял поводья у друга – животное слишком сильно беспокоилось и могло сорваться. Лилия закусил губу и оглянулась. Эльфы, ехавшие позади, невольно опустили ладони на рукоятки мечей.

– Когда мы их распряжём, ты... — начал Эльдалин, обращаясь к Лилии.

Но не закончил.

Тишину ночного леса разбил зов рога.

Три коротких сигнала.

«Бегите», – промелькнуло в голове у Лилии. Манель заставил её выучить все условные сигналы.

Эльдалин и Алаальме замерли лишь на мгновение. Они не успели ничего сделать.

–Быстро! – диким голосом проорал Эльдалин, со всей силы ударив запряжённую лошадь по крупу. В ту же секунду они с Алаальме уже оказались верхом.

Теперь они неслись сквозь деревья галопом, не заботясь о том, что загонят лошадей раньше времени.

12

В голове у Лилии проносились одни и те же мысли:

«Надо было слушать Манеля»

и

«Надо что-то делать с телегой».

Насчёт последнего у неё соображения, конечно, были, даже в такой момент, что её саму удивляло. Лошади не остановятся, даже если она бросит вожжи, – слишком напуганы, да к тому же их собратья несутся во весь опор, подгоняемые всадниками. Можно было перебраться назад и скинуть из телеги мешки. Но позади две лошади – что если они споткнутся?

Кобылы уже начали ронять пену с губ. В голову девушке ударила ещё одна мысль – а что если при такой бешеной езде разобьются или слетят с осей колёса? Это очень хорошая телега, но она всё равно не была предназначена... вот для такого.

– Ты можешь что-нибудь сделать с этим? – прокричал Эльдалин. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить: он обращается к ней.

– Прямо сейчас?! – в испуге воскликнула Лилия.

Кажется, последний раз она так испугалась, когда ей в голову чуть не прилетела стрела. Хотя больше девушке сравнивать было не с чем, но она изо всех сил старалась не впа-

дать в истерику.

Эльдалин бросил на неё короткий взгляд, напряжённый, но говоривший всё о том же.

«Только не бойся».

– Почему у нас всегда проблемы? – отчаянным, немного плаксивым голосом простонала Лилия.

Любимая фраза Марли, хотя сама она её слышала только раз и, конечно, не могла знать об этом.

Три отрывистых коротких сигнала прозвучали вновь. Либо им напоминали, что сбавлять скорость не стоит, либо что-то изменилось в худшую сторону.

Лилия надеялась, что не последнее.

Щёлкнув вожжами – больше для храбрости, – девушка обернулась назад. Главное, никуда не свалиться, подумала она и перебросила ноги назад, в телегу. По закону, никогда не играющему в её пользу, колёса налетели на кочку, и телегу тряхнуло с такой силой, что на одно мгновение Лилию подбросило вверх. Она вскрикнула и, больно ударившись спиной о скамью, приземлилась обратно.

Алальме обернулся и что-то крикнул, но Лилия решила, что это было нечто не особенно информативное.

Мешки оказались большими, но не нужно было их поднимать. Стараясь унять дрожь в руках, она выбрала самый верхний мешок.

Эльфы, конечно, поняли, что она хочет сделать, сразу, когда она перелезла назад. Они повели лошадей ближе к краю

дороги, за теми, кто скакал сбоку от телеги. Так что она могла не волноваться о них, стаскивая мешки.

Это оказалось труднее, чем она ожидала, но всё-таки первый мешок полетел на землю, порвавшись и раскидав беловатое в ночном свете крупное зерно (опять кукуруза?!).

Второй мешок, третий. Эльдалин постоянно оглядывался на неё, мысленно умоляя не упасть с телеги следом за очередным мешком. Однако, в очередной раз обернувшись через плечо, он внезапно ощутил прилив гордости.

«Она храбрее, чем казалась», – мелькнуло у него в голове.

Вдруг, совсем близко, раздались крики. Прямо у них над головой рог пропел дважды. Короткий, отрывистый сигнал, а за ним – длинный.

Она выучила, что это означает «чудовища».

«Не чудовища, – мысленно поправила она. – Калианты».

Она не успела испугаться этой мысли, как телегу потрянуло так сильно, что ей пришлось буквально вжаться в мешки, чтобы не вылететь на землю. Кобылы закричали и встали на дыбы, Алальме и Лизелю пришлось развернуть лошадей боком, чтобы удержать. Гóлоса они уже не слушались, так что эльфы подхватили и натянули повода. Жеребец Эльдалина начал брыкаться.

Всё произошло в одно мгновение. Впереди, в пяти метрах от них, из леса появилось нечто.

Лилия громко закричала.

13

Не прошло и десяти секунд, как крепость огласил продолжительный рёв большого рога, находившегося в одной из сторожевых башен над воротами. Тут же слышались голоса, площадь осветили факелы.

Звучали громоподобные приказы Рогона.

Ни слова не сказав, трое эльфов бросились с балкона внутрь.

– Стой, оставайся тут! – Марли схватил Индила за руку, которую тот тут же сбросил, поморщившись от боли.

Он ринулся к двери, и в голове у него что-то разбивалось на куски. Случилось самое худшее. В сознании вдруг всплыл образ – встающие на дыбы лошади посреди тёмного леса. И чёрные тени среди стволов.

– Им нужно помочь, пока не поздно!

Голос его был твёрд, но тихий голосок в голове услужливо подсказывал: «Если не поздно».

Нет, ещё не поздно. Три коротких сигнала – ещё не поздно!

Он уже выбежал в коридор, когда его остановил твёрдый, уверенный жест.

Финель.

– Позволь нам разобраться самим. Ты знаешь, что ещё не можешь помочь, как бы ни хотел.

Голос его звучал как всегда тихо и спокойно, но тон не терпел возражений. Индил почувствовал прилив ярости, тут же сменившийся сильной болью. В глазах расплылись тёмные пятна, и он опёрся о стену и, невольно, о руку Финеля.

– Кузнец прав, – холодный голос заставил его разум проясниться.

С факелом в руке, в тёмно-синих штанах и плотной куртке, брошенной на простую рубашку, стоял Имирин.

– Финель, остаёшься здесь. Юноша – за мной.

Марли сразу же последовал за королём. Индил стоял и широко открытыми глазами смотрел на отца. Он почти не вспоминал о нём последние две недели. А не видел и того больше.

– Отец, – вырвалось у него, но он не знал, что хотел сказать дальше.

Имирин обернулся и бросил на него холодный взгляд. Ничего не выражающий, как всегда. Кроме приказа.

Ни слова больше не сказав, король широким шагом пошёл прочь. Эльфы услышали, как вдвоем Имирин и Марли быстро сбегают по лестнице вниз, направляясь на главную площадь.

Финель дотронулся до его бока. Индил взглянул туда и увидел, как на ткани расплывается небольшое красно-коричнево пятно. Приподнял рубашку. Через повязку просачивалась кровь.

Ощупав намокшие бинты, Финель покачал головой.

– Ей это точно не понравится.

Но самого Индила мало интересовало, что там у него случилось. До них снова донёсся зов рога.

– Выведи моего коня, – коротко приказал Имирин.

Марли побежал в конюшню.

Огонь на площади уже полыхал всюду – те, кто не седлал лошадей, держали факелы. Кто-то забросил их в четыре «клетки» с сухими ветками, стоящие у ворот, – по две с каждой стороны. Тридцать эльфов, которые должны были заступать в разведку утром, вооружались сейчас, чтобы выйти на помощь. Времени у них было мало.

Имирин повернул голову и увидел бегущего к нему Марли. Не дожидаясь, пока юноша приблизится, король стремительным шагом направился навстречу и взял у него повод. Конь тёмной игреневого масти заржал, приветствуя хозяина.

– Я могу отправиться с вами? – неожиданно спросил Марли. В другой ситуации он бы не произнёс ни слова, даже если бы его заставляли, подумал Имирин.

– Твоё оружие при тебе, – холодно ответил он, бросив короткий взгляд на меч, висящий у Марли на поясе.

Мгновение эльф таращился на короля, но быстро кивнул и бросился обратно в конюшню.

Имирин вскочил на коня и быстрым шагом направил его во главу колонны, уже собравшейся перед воротами. Эльфы сначала бросали на него мимолетные взгляды, а потом их лица вытягивались, когда он проезжал мимо.

Рогон не был исключением, но он поклонился королю, не спешиваясь. Имирин ответил ему коротким кивком.

– Где они? – спросил он.

– Совсем рядом, если судить по рогу, – быстро ответил Рогон. – Пустим в галоп – встретим их через двадцать минут.

– Но они тоже не шагом идут, верно? – приподняв бровь, спросил Имирин.

И, словно отвечая на его вопрос, снова послышался рог.

«Будь они прокляты, эти рога», – спокойно подумал король.

Один короткий, один длинный. Он длился бесконечно...

– Кажется, теперь точно нет, – ответил он на свой же вопрос.

«Теперь им придётся остановиться».

По приказу Манеля стражники открыли ворота, и, не успели створки раскрыться до конца, колонна эльфов во главе с королём и галопом понеслась по дороге.

Эльдалин что-то крикнул, но приказа никто не дожидался. Мечи вылетели из ножен, и эльфы приготовились защищаться.

Лилия не могла не смотреть на то, что возникло перед ними на тропе.

Эта тварь была в полтора раза выше всадника на лошади, хотя серые в яблоках скакуны были самыми высокими из всех, что когда-либо видела Лилия. Поначалу казалось, что оно и само – всадник... Но если бы это было так! Перед ними был паук и человек... всё вместе. И тот, и другой были чудовищны в своем единстве. Добрая сказка о кентаврах превратилась в кошмар...

Огромное паучье туловище, чёрное, мохнатое, возвышалось над землёй почти на два метра. Восемь длинных лап, которые заканчивались острыми загнутыми когтями длиной около тридцати сантиметров, толщиной были, кажется, с её талию. Человеческий торс, внезапно оказавшийся частью паучьего туловища, начинался там, где, по всем понятиям, должна была быть голова паука. Бледно-серая кожа, обтягивающая неестественно жилистые мышцы груди, живота и рук, словно светилась в темноте.

Руки... их оказалось четыре. Из-за этого грудная клетка была неестественно длинной. Лилия разглядела нормальную

кисть, державшую что-то вроде топора на длинном древке. Остальные руки были изуродованы – вместо пятипалой кисти их венчали длинные кожистые клешни.

Больше девушка ничего не успела разглядеть – с невероятной скоростью для такого большого чудовища калиант бросился на них.

– Берегись! – крикнул Алальме, преградив ему дорогу. Металл невыносимо заскрипел, когда меч эльфа встретился с огромным топором. Послышался странный звук... Хрип. Словно задыхающийся человек, пытающийся сделать вдох, только гораздо, гораздо страшнее.

И этот звук издавала тварь.

Всё произошло очень быстро – Лизель, подскочив на лошади к калианту, вонзил меч ему между рёбер. Пониже груди, но этого хватило. Паук упал, и на мгновение воцарилась напряжённая тишина.

А потом – тихий свист стрел и громкие хрипы. Слева от них из леса возникла ещё одна тварь. Жеребец Чесса закричал и, встав на дыбы, сбросил всадника. Бледная жилистая рука взметнулась в воздух, и обезглавленный труп животного рухнул на землю. Лилия закричала.

Этот паук был чуть меньше, чем первый. И оказался слишком близко.

Она не тратила время на то, чтобы разглядывать его. Разорвав платье, она почти перепрыгнула на передок телеги, и очень вовремя. Секундой позже топор глубоко вонзился в

деревянное днище. Послышался злобный хрип.

Дорога в этом месте была узкая, а потому лошади не могли развернуться, не навредив друг другу. Эльф, ехавший за Чессом, наскочил на калианта. Но животное боялось – или хрипов, или самого чудовища – и взбрыкнуло, поэтому меч лишь задел руку.

Это разозлило паука.

Со звоном лезвие выскользнуло из дерева и не преминуло опуститься навстречу эльфу. Тот упал с лошади с разрубленной грудью.

Лилия зажала рот руками. К горлу подкатывал ужас, на языке появился гнилой привкус.

Она невольно подняла глаза и на мгновение увидела обращённое к ней лицо. Носа и ушей не было совсем. Крикая пасть, которую и ртом назвать было невозможно, словно шрам, пересекала всё лицо. Тварь оскалилась, хрипя, обнаружив редкие, острые и кривые зубы. И на этом нечеловеческом лице были паучьи глаза. Всего одна пара. Как потом оказалось – не чёрные. Кроваво красные.

Девушке казалось, что прошла целая вечность, хотя она успела бросить лишь один взгляд на калианта перед тем, как из его шеи вдруг выросло древко стрелы.

Паук рухнул на землю, по дороге тяжело ударившись о телегу. Лилия не заметила сразу, как на мешках с зерном возник Чесс.

– Быстрее, быстрее, трогайся!!! – проорал он. Но лошади

и без этого взяли галоп с места, жалобно крича. Лошадь, потерявшая всадника, понесла, исчезнув в темноте.

Чесс, сжимая меч в правой руке, ловко перебрался на скамью. Лилия подхватила вожжи и ошалело посмотрела на мельника.

– Их не могло быть только двое! – услышали они крик Алальме. Он и Лизель по-прежнему скакали впереди.

Повернув голову, она увидела, что одежда, руки и лицо Чесса забрызганы кровью. Взглянула на своё платье, тоже оказавшееся в кровавых потёках.

И весь ужас происходящего тяжело обрушился ей на голову.

– Эльдалин! – со слезами на глазах и отчаянием в голосе позвала она.

Эльф сразу же отреагировал.

– Ты ранена? – повысив голос, чтобы перекрыть топот и раздающиеся из леса хрипы, спросил он.

– Нет!!! – воскликнула Лилия, яростно щёлкнув вожжами по спинам лошадей. При чем тут она?! Только что на них напали огромные чудища, одним ударом обезглавили лошадь и убили эльфа. Не исключено, что они убили всех разведчиков. При чём тут, скажите на милость, она?!

– Они же нас убьют! – вскричала Лилия, одной рукой удерживаясь за скамью, чтобы не вылететь из телеги, хотя в данный момент это казалось не слишком плохой альтернативой. Девушка знала, как, должно быть, трусливо это зву-

чит, но ничего не могла поделать. Тем более чем сейчас мог помочь Эльдалин, когда их дело – нестись во весь опор и попытаться убежать?

На какие-то мгновения показалось, что им это удастся. Глухой топот копыт и грохот телеги не заглушали всех звуков. Они все могли слышать хрипы, которые раздавались со всех сторон, то совсем близко, то, казалось, в десятках метров от них, и голоса эльфов.

«Их не двое, – подумала Лилия, – лучники пристрелили гораздо больше».

Не успела она подумать о том, умеют ли пауки стрелять из лука, как из темноты у дороги возник огромный силуэт.

Девушка натянула вожжи, разворачивая лошадей в сторону от выросшего перед ними чудовища. Телега заскрипела, и два колеса с левой стороны оторвались от земли. Ожидая, что они вот-вот перевернутся, Лилия стегнула лошадей, и они рванулись вперёд. Заскрипели ремни. Телега покачнулась, но, обогнув калианта, пронеслась мимо. Всадникам пришлось повторять тот же манёвр, но Эльдалин чуть не наскочил на телегу, выправившись в последний момент.

– Да что ты творишь?! – испуганно, но с невольным восхищением в голосе вскричал Чесс, ухватившись за скамью свободной рукой.

– Делать-то что дальше?! – истерично прокричала в ответ Лилия, дрожащими руками подбирая вожжи. Обернувшись, она увидела, что эльфы, скакавшие сзади, заняли позиции

Чесса и убитого эльфа слева от телеги. А тварь, мимо которой они пролетели, мчалась за ними.

– Осторожнее!

Лилия не успела обернуться, как её бросило вперёд. Но Чесс протянул руку, удержав девушку от падения, – она лишь больно ударилась грудью. На несколько секунд перехватило дыхание.

Дорогу им преградили три паука. Один, как первые, увиденные им этой ночью, держал в руке секиру. Двое – длинные, тяжёлые копья с наконечниками, очень уж напоминавшими их собственные клешни.

Только гораздо смертоноснее.

Справа от дороги они услышали чей-то крик. «Похоже, стрелять они всё-таки умеют», – подумала Лилия, и тут же вспомнила упрямое и решительное лицо лучника, когда он докладывал Эльдалину. Может быть, его убили сразу же, как только начали трубить в рог. А может, только что.

Чесс рядом с ней поднялся на ноги, подняв меч перед собой. Без лошади сражаться с калиантами было почти невозможно, и он ждал.

Зато Лизель, Алальме и светловолосый эльф, занявший место Чесса, не медлили. Завязалось сражение, и Лилия, удерживая порывающихся скакать вперед лошадей, только краем глаза могла видеть, что происходит, и мысленно умоляла эльфов быть поосторожнее.

– Им надо помочь! – воскликнула она, увидев, как одна из

тварей ухватила Алаальме клешнёй за бедро, отчего он сдавленно вскрикнул.

Но Эльдалин уже подскочил к ним и отсёк руку вместе с клешнёй. Чья-то лошадь вместе с всадником споткнулась и соскользнула в придорожные кусты, чудом уклонившись от удара огромного меча. Чесс и трое эльфов остались на месте, с оружием наготове, озираясь по сторонам. Справа до них опять донёсся какой-то странный звук, и все повернулись туда, ожидая появления очередной твари.

И это было ошибкой.

Послышался оклик одного из эльфов, треск... И что-то сильно толкнуло телегу. Лошади заржали и, натянув поводья, попытались сделать пару шагов, но становились, взбрыкивая, когда наткнулись на всадника и его лошадь.

Но это длилось лишь пару мгновений. Обернувшись, Лилия не смогла сдержать вопль. На мешках лежало тело эльфа, и девушка с ужасом осознала, что за треск услышала. Его шея была свёрнута так, что, рухнув на спину, он лежал лицом вниз.

– Чесс! ЧЕСС! – завопила она, увидев, как возникший из ниоткуда паук заносит меч.

Эльф уже всё увидел, пусть и слишком поздно. Темнота и лошади, дёргающие телегу, мешали ему сосредоточиться. Он поднял руку, чтобы защититься, и тяжёлое оружие калианта грохнуло о него с громким лязгом. Лезвие собственного клинка зависло в паре сантиметров от лица Чесса. Сначала

ла девушке показалось, что он всё-таки поранился, но крови не увидела. Бросив отчаянный взгляд туда, где эльфы сражались с калиантами, она поняла, что пауков осталось всего двое.

А всадников – трое.

«Что делать? – лихорадочно думала она. – Что мне делать?!»

Странное ощущение собственной беспомощности, которое она ещё ни разу так ясно не испытывала, вдруг парализовало её. Неожиданно спокойно она рассудила, что раз эльфы погибают от руки этих тварей так легко, то ей и подавно можно расслабиться. Ничего не попишешь – она знала, что поездка может быть опасной.

Хотя какое она вообще имела представление об опасности, когда, казалось бы, почти успешно осуществлённая идея пришла в голову эльфам, а она согласилась? Никакого.

Но они узнали важные новости. Да, эти твари стали нападать на людей. Да, они выходят из леса. Да, они опасны.

Да, они, кажется, хотят убить и их.

Лилия машинально натягивала повод, удерживая лошадей на месте, и вздрогнула, когда животные подались назад, испуганные калиантом, одним из оставшихся двух, приблизившимся к ним слишком близко. Лилия разглядела Алальме, который сражался с пауком, отметив, что это совсем не похоже на то, что она увидела тогда, на поляне, во время сбора клубники. Но что-то похожее.

«Боевые комбинации, так это называется?» – пронеслось у неё в голове.

Чесс сумел вывернуться из-под неудобного удара и теперь, опершись одной ногой о скамью, продолжал отбиваться почти на равных с чудищем.

На плече у него оказалась порвана рубашка, но калиант, скорее всего, только задел её – лёгкая кольчуга, которую эльфы надели под одежду, осталась цела. Чудовище что-то хрипело, немигающими глазами уставившись на упорного соперника. Чесс раздумывал над тем, что нужно поскорее нанести удар, прежде чем...

Внезапная острая боль пронзила бедро повыше колена, он вскрикнул. Из ноги торчал кинжал, удерживаемый клешнёй. Краем глаза он заметил, как кто-то приближается к ним, и решил, что отвлечь внимание паука он точно сможет, иначе чудовище наверняка доберётся до девочки...

Ногу словно захлестнуло расплавленным железом. Калиант провернул кинжал в ране, и Чесс почувствовал, как острие чиркнуло по оголившейся кости. Боль была такой сильной, что перед глазами у него поплыли розоватые пятна. Изо всех сил сжав зубы, он старался твёрдо удержать руку с мечом.

Лилия видела, как эльф, оставшийся у телеги с её стороны, двинулся на помощь Чессу. Видела, как в лапе чудовища блеснул кинжал и вонзился в ногу эльфа. Резкое движение – и лезвие провернулось в ране. Чесс вскрикнул, пошатнулся.

Девушка ахнула, но не успела открыть рта, чтобы позвать на помощь. Всё произошло в считанные секунды. Паук оттолкнул Чесса, оставив рукоятку кинжала торчать из его левого бедра. Меч блеснул в лунном свете, описав широкую дугу и глубоко врезавшись в грудь лошади, наскочившей на него. Животное рухнуло на землю, сбросив всадника.

Чесс потерял равновесие от боли и неожиданности, и ему пришлось удержаться рукой о скамью, чтобы не упасть. Он не успел выправиться.

Следующий взмах меча снёс эльфу голову.

Кровь брызнула на лицо и грудь девушки и в считанные секунды залила всю скамью, когда обезглавленное тело Чесса тяжело рухнуло ей под ноги. Лилия не могла оторвать от него взгляд. Её рот и глаза были в ужасе распахнуты, по щекам, оставляя светлые дорожки в кровавых следах на коже, пролились слёзы.

– Нет, – выдавила она, чувствуя накатывающий приступ рвоты, – нет, нет, нет...

Судорожно сжимающиеся пальцы Чесса разжались, и меч со стуком ударился о днище телеги. Не задумываясь над тем, что делает, она подняла его, сжав в ладони липкую от крови рукоять.

Слёзы хлынули у неё из глаз. Она вспомнила, как забавно выглядел Чесс, нацепив дурацкую бороду... Безумный фермер.

«Я не хочу умирать...», – с тоской подумала она и медленно подняла глаза на калианта.

Тварь, казалось, улыбалась, наблюдая за ней.

Эльдалин убил одного калианта. Второй ранил Лизеля – рана неприятная, но не слишком тяжёлая. Лошадь Алаальме соскользнула с дороги, оступившись, но он быстро выправился. Чудом никто из них больше не пострадал, хотя двое чудовищ продолжали яростно атаковать. Впервые Эльдалин увидел, как они пользуются своими клешнями, – никогда до этого они не использовали их для того, чтобы держать оружие. Двумя мечами они сражаются, по-видимому, ещё не умели, однако кинжал, возникший у одного из них, чуть не стоил Лизелю жизни, если бы тот вовремя не увернулся.

Эльдалин слышал ржание лошади возле телеги, но в этот же момент один из калиантов внезапно переключил всё своё внимание на него. Эльфу пришлось атаковать, стараясь не прибегать к сложным манёврам. С этим пора было заканчивать побыстрее, он не знал, есть ли в лесу ещё кто-нибудь из этих тварей.

Наверняка есть.

Эльдалин единственный, кто услышал рог, далёким эхом долетевший до них из крепости. Он был уверен, что помощь придёт, но понимал также, что надеяться они сейчас могут только на себя. По его подсчетам, до крепости скакать галопом не меньше четверти часа, а то и больше.

Точным ударом Эльдалин отрубил кисть, сжимавшую ко-

пъё. Алаьме нанёс чудовищу смертельный удар сразу же, когда клешни яростно хрипевшего калианта потянулись к Эльдалину.

Лес взорвался нечеловеческим воплем, полным ужаса и отчаяния.

– ЭЛЬДАЛИН!!!

Кричала Лилия. Эльдалин, увернувшись от копыя, предназначенного Алаьме, но чуть не лишившего его носа, развернул коня. В телеге лежало два мёртвых тела, а девушка, вся в крови, стояла на козлах, сжимая меч дрожащими руками. Она не смотрела на Эльдалина – всё её внимание было обращено на калианта, нависающего над ней, как огромная гадюка. Был слышен прерывистый, тихий хрип чудовища... словно он смеялся.

– Только попробуй, тварь! – взревел Эльдалин, бросившись на калианта.

Паук не обратил на него, казалось, ни малейшего внимания.

До самого последнего момента.

Мгновения, что она простояла с мечом в руках, глядя в немигающие паучьи глаза, показались ей часами. Он смеялся, действительно смеялся, теперь она в этом не сомневалась. Похоже, он думал о том же, о чём и она. Его глаза, ничего не выражающие, словно говорили: «Смотри, я убил твоего защитника. Я убил тех, кто шёл за вами, и тех, кто шёл впереди. А что мне мешает убить тебя?»

Но если всего минуту назад Лилия была согласна с этим, то теперь...

Нет, умирать ей решительно не хотелось, но у неё под ногами лежало обезглавленное тело, кровь до сих пор изливалась на деревянные доски, а чудовище, сотворившее это, стоит и смеётся, видимо, наслаждаясь её страхом.

«Как ты будешь потом объяснять ему то, что девочке отрубили голову или вспороли живот, пока вы решали проблемы?!» – прокричал Манель в её голове.

«Нет, нет, я не хочу умирать!»

«А он хотел?» – резонно заметил голос в её голове.

Не замечая этого, Лилия зарыдала, не в силах пошевелиться. Она не знала, что струсит, и злилась на себя. Но что ей было делать? Сложно быть храброй, когда ничего не можешь.

«Я смогу поднять такой меч только двумя руками. И если

бы ты увидел это зрелище, то умер бы со смеху».

Она сказала это Финелю, забыв о том, что он слеп. И только сейчас поняла это. Впрочем, сейчас, кажется, именно такой момент – так что хорошо, что ему не дано увидеть это жалкое зрелище.

Боги... она ведь полюбила их всех. Особенно Марли, Манеля, Эльдалина. А Финель? Он обещал, что подождёт её, прежде чем украшать рукояти новых мечей. Как он огорчится, когда они не вернуться...

А что скажет Индил? Когда они не вернуться, что он скажет? Наверное, будет обвинять себя во всем. И переживать.

«У него же сердце разобьётся...» – шепнул тихий голос.

Хорошо, что она хотя бы не дала ему умереть. С неё хватит, может быть, она достаточно поучаствовала в его жизни.

Несколько недоумённо она взглянула на меч. Зачем-то она всё ещё крепко сжимала его в руках, словно намеревалась сразиться с чудовищем, стоящим напротив. Медленно она начала опускать клинок, в её руках ставший бесполезным. К тому же, зверски тяжёлым.

Как-то не подумала она, что не сможет сама себя защитить. Как тогда, в деревне.

«Я бы сам защищал тебя, если б мог. У меня к тебе одна просьба. Не отходи от Эльдалина ни на шаг. Пусть он всегда будет рядом с тобой».

Лилия вздрогнула и вскинула голову. Чем она занимается? Стоит и жалеет себя?! Её словно ударило громом, и безумное смирение разом исчезло. Должно быть, это как-то отразилось в её глазах – калиант перестал смеяться.

Не помня себя от ужаса, она снова подняла окровавленный меч Чесса и завопила изо всех сил, зовя на помощь.

Калиант двигался с ужасающей скоростью, Эльдалин никогда такого не видел. Они всегда нападали на них из засады, но продолжать сражаться... Нет, после убийства калианты сразу скрывались. Что-то изменилось. Но Эльдалину неоставало времени, чтобы подумать об этом.

Калиант не отрывал огромных глаз от девушки, пока Эльдалин не подскочил к нему вплотную. Тогда он развернулся и ударил – так, как только что убил лошадь другого эльфа. Но Эльдалин смог отразить удар. Калиант захрипел, видимо, в ярости от того, что ему помешали и дальше наслаждаться шуткой, и набросился на эльфа.

Удары его были неосторожны, он размахивал огромным мечом словно недоумок, не заботясь ни о защите, ни о самом сопернике. Но огромный размер и сила делали смертоносными и такие выпады.

Калиант мог махать мечом сколько угодно, не задумываясь. Эльдалин же был вынужден следить за всем и сразу – за своим конём, потому что он норовил наскочить на упряжных кобыл, за девушкой и самим калиантом, который мог в любой момент сделать то, чего от него не будет ожидать Эльдалин.

Эльф смог переключить внимание калианта на себя, но этого мало – нужно убить тварь. И быстро.

«Если мы сможем добраться до крепости хотя бы таким составом, я буду благодарен судьбе и оружию», – подумал он. Хотя уже не мог с полной уверенностью сказать, как обстоят дела с составом за его спиной.

Узкая дорога всё-таки сыграла с ним злую шутку. Один опасный выпад чудовища чуть не пришёлся на голову коню. Животное метнулось в сторону, чуть не сбив с ног кобылу, которая сразу же взбрыкнула, задними ногами угодив точно по телеге. Эльдалин краем глаза успел увидеть, как от этого удара девушка покачнулась, взмахнув рукой с мечом в воздухе.

А потом – удар клешней в грудь, и Эльдалин оказался на земле.

Ему удалось вскочить на ноги – дыхание не выбило из лёгких ни при ударе калианта, ни при падении. Однако теперь у него было гораздо меньше шансов.

Паук возвышался над ним на добрые полтора метра. Эльдалин сражался двумя мечами, но левая рука вдруг онемела. Кажется, он всё же повредил её при падении. Эльф забросил один из мечей в ножны и крепко сжал второй в правой руке.

Удар калианта был страшен. Эльдалин не знал этого, но именно так тварь минуту назад напала на Чесса. Они стали сражаться лучше, но разнообразием их атаки всё-таки не отличались. Клинок Эльдалина оказался всего в нескольких сантиметрах от его лица. «Я никогда не сражался с ними пешим», – вдруг подумал Эльдалин.

Но ни он, ни чудище не успели ничего предпринять – каждый в свою пользу.

Эльдалин вздрогнул, услышав совсем близко от себя удар. Так меч входит в спину, пробивая плотные мышцы и рёбра. Противный, чмокающий звук и хруст. «Неужели Алальме и остальные отступили так близко к телеге?» – вдруг подумал он.

И вдруг давление большого, в зазубринах, меча ослабело. Из горла твари вырвался, как показалось эльфу, возмущённый, негодующий хрип.

А потом он упал, чуть не придавив своей тушей Эльдалина.

На телеге, переступив через обезглавленное тело, стояла Лилия. Между лопаткой и позвоночником из спины чудовища торчал меч Чесса.

Она безумными глазами посмотрела на труп твари, на Эльдалина и, наконец, на свои окровавленные руки и платье.
– Молодец, – дрожащим голосом сказал Эльдалин.
После этого девушку вырвало.

У Лизеля и Алальме возникли сложности с оставшимися пауками, после того как убили эльфа, пришедшего им на выручку. Одного, чуть не отрубившего Алальме руку, застрелил кто-то из лучников Эльдалина. «Значит, вы живы, ребята!» – подумал Алальме.

Второго убил Лизель, за несколько секунд до того, как это же проделала и девушка. Так что они тоже видели, что случилось.

Но времени у них не было. Алальме поймал лошадь Эльдалина, Лизель взял к себе в седло эльфа, который пытался помочь Чессу. Из раны у него на голове хлестала кровь.

Эльдалин хотел крикнуть Лилии, что они должны уходить, но, обернувшись, увидел, что она уже заняла своё место и сдерживала лошадей, ожидая, когда все всадники окажутся верхом. Её лицо посерело, Эльдалин испугался, что её снова вырвет или она выпадет с козел. Стеклянными, широко открытыми глазами она смотрела на брыкающихся лошадей. Вся была в крови, но в основном это была кровь Чесса. Его труп и труп эльфа со свёрнутой шеей все ещё оставались в повозке.

«Куда мы её потащили!»

Однако она убила калианта. Одним ударом, пусть и со спины. Эта мысль почему-то пугала Эльдалина больше, чем

её полубморочное состояние.

Лучники действительно были живы – некоторые из них точно. Прямо над ними прогремели три коротких сигнала. Их бедам ещё не пришёл конец. Пятеро оставшихся лошадей рванули с места в карьер. Двое – увлекали за собой телегу. Остальные – четырёх эльфов.

Впереди они услышали один долгий сигнал. Рог крепости. К ним навстречу шла помощь.

Помощь на самом деле не шла – неслась во весь опор. Серые животные едва успевали за мощным, но легконогим жеребцом короля. Они не замедлили ход даже тогда, когда навстречу им пронеслась лошадь без всадника.

Однако бешеная скачка продолжалась меньше десяти минут. Впереди на тропе послышался грохот телеги и топот копыт. Через несколько секунд король и тридцать эльфов разведки, не считая Марли, увидели троих всадников и телегу, возникших из темноты. Мчались карьером, даже упряжные.

– Они живы! – воскликнул кто-то, когда король приказал остановиться.

«Только всадников было в два раза больше», – мрачно заметил про себя Имирин.

– Освободить дорогу! – проревел он.

Эльфы легко разошлись, образовав что-то вроде пятнадцатиметрового коридора из лошадей. Они должны были пропустить их. А потом, если будет такая возможность, уничтожить тех, кто придёт следом.

«Если телегой правит не девушка...»

Но маленькая группа быстро приближалась, не сбавляя хода, даже заметив их. Так что уже через несколько мгновений король увидел, что на козлах телеги по-прежнему девочка.

А с ней два мертвеца.

Алальме немного отстал от Эльдалина и скакал теперь рядом с телегой.

– Ты цела?

Лилия на мгновение отвлеклась от дороги, взглянув на Алальме, коротко кивнула. Губы были плотно сжаты, глаза такие же бессмысленно-безумные. Но она сейчас не плакала, хотя светлые дорожки слёз были видны на размазанных по щекам следах крови.

«Потом будет, – подумал Алальме, – как только мы окажемся в безопасности, она всё поймёт. И одну её никто не оставит. Бедняга Чесс!»

Даже Алальме не мог смотреть на обезглавленный и, кажется, уже обескровленный труп. Что же касается девушки... То она уже всё поняла. В тот момент, когда её вырвало рядом с телегой. Но она не позволяла эмоциям разорвать её, пока нет. Могут появиться ещё пауки, и тогда...

– Не оборачивайтесь назад и не сдерживайте лошадей! – крикнул Эльдалин.

Конечно же, они все обернулись.

За ними – очень быстро для таких туш! – следовали калианты. Четверо, может, пятеро. Или больше. Не имело значения. Останавливаться не было смысла, сражаться они с ними не смогут – двое из них ранены. Оставалось только бежать,

надеясь, что никто из лошадей не сломает ногу, а от телеги не оторвётся колесо.

Увидев впереди отряд, девушка решила сначала, что пауки поджидают их и там. Однако ржание лошадей и окрик с той стороны сразу позволили понять, в чём дело.

Им пришли на помощь.

А пауки, кажется, догоняли.

Она хлестнула лошадей, и без того почти летевших над землей. Увидела, как всадники впереди – никак не меньше двадцати, подумала она, – расступились. Они пропускали их. Те, кто был впереди, уже наложили стрелы, приготовившись встречать врага.

И самым первым был король. Лилия увидела не Имирина, а его красавца-жеребца, тёмно-игреновой масти, грива которого поблёскивала серебром в предрассветной темноте.

Всадники вырвались вперёд, входя в живой коридор. Телега проследовала точно по центру, не сбавляя хода. На мгновение взгляды карих и голубых глаз пересеклись. И впервые за всё время девушка увидела на лице короля не безразличие, не презрение.

«Он не волнуется ни о ком из нас», – сказал Эльдалин ранним утром, когда они выдвигались из крепости.

«Кажется, ты ошибся, – смутно расслышала девушка свои собственные мысли, – ведь именно это сейчас застыло на его лице. Волнение».

Лилия не знала, волнуется он о ком-то конкретно, или обо

всех, или о том, что его долг, как короля, защищать своих подданных. Но это не имело особого значения. Он пришёл к ним на помощь.

Итог

1

Стражники из башен над воротами кричали:

– Они едут! Едут!

С натужным гудением открылись створки ворот, и в них буквально влетели трое лошадей с всадниками (одна несла двоих).

И телега.

Финель понял Индила, когда тот не успел даже слова произнести – подставил свою руку и сказал:

– Идём.

Они начали спускаться – как могли, быстро, хотя Индил неплохо справлялся с помощью твёрдой руки Финеля. Ужасная картина предстала их глазам (и слуху), когда они вышли и ещё не спустились по крыльцу.

Эльдалин спешился и помог эльфу с раной на голове, кровь из которой залила всё лицо и рубашку, спуститься с лошади. Протянул руку Лизелю. Эльф принял её и, побледнев, чуть не упал, когда оказался на ногах. Подоспевший к ним Алальме поддержал его. Все были в крови, в своей и чужой. Алальме немного хромал и нервно улыбался.

Эльфы, так и оставшиеся на площади после выезда отряда

во главе с королём, сразу же подросли к ним. Двое отвели эльфа с разбитой головой на крыльцо, усадили на ступени. Кто-то нёс приготовленную заранее воду, и они принялись смывать кровь с его лица.

Кто-то взял под руку Лизеля, но тот отмахнулся – он почти ровно стоял на ногах. Его ранили в голень – штанина на левой ноге ниже колена потемнела от крови. Эльф, хромя, пошёл к телеге.

Девушка слезла с козел почти сразу, как только лошади остановились. Платье порвано, лицо и руки в крови.

– О, нет, – выдохнул Индил. – Только не это.

В телеге было два трупа. Один, обезглавленный, полусидел-полулежал на скамье. Всё вокруг него было залито застывающей кровью. Она и сейчас капала на землю вязкими, тёмными каплями. Второй труп со свёрнутой шеей лежал среди мешков с зерном.

Индил и Финель начали спускаться с крыльца.

К девушке подошёл – приковылял – Лизель. Взял её под локоть.

– Лилия, пошли. Ты слышишь меня? Ты не ранена? Ну же, пойдём.

К нему присоединился Алальме. Но девушка словно не замечала их – её взгляд был прикован к тому, что ещё совсем недавно было Чессом.

– Он ему голову... отрубил, – севшим дрожащим голосом выговорила она.

Лизель и Алальме переглянулись. К телеге подошли другие эльфы. Кто-то уже признал в обезглавленном трупe мельника. В глазах появился ужас. Многие смотрели на тех, кто приехал, с явным страхом и жалостью.

– Пойдём, – Лизель потянул её за собой, намереваясь хотя бы увести с площади. Подальше от всего этого.

– У тебя кровь идёт. Из ноги, – высвободившись от него, сказала девушка.

– Всё нормально, потом разберёмся, только пошли! – уже умоляющим голосом воскликнул Лизель.

Она взглянула на него.

– Я думала, они нас убьют.

– Мы живы, ты тоже. Тебе даже удалось убить одного, ты спасла Эльдалина! – вкрадчиво, наклонившись к самому её лицу, сказал Алальме.

Лучше бы он промолчал.

– Он... голову ему... отрубил... – снова выдавила из себя девушка.

Она разрыдалась. Так сильно, как никогда в жизни. Опустилась на колени прямо там, где стояла, почувствовав, что ноги её больше не слушаются. «Они убили лошадей, убили эльфов, отрубили ему голову. Я убила одного. Боги, какой ужасный звук, какой ужасный запах!»

– Тихо, тихо, успокойся, – Эльдалин опустился рядом с ней, обхватил за руки. – Всё уже хорошо, ты справилась! Спасла мне жизнь, понимаешь? Успокойся!

– Он! Отрубил! Ему! Голову! – крикнула она куда-то, даже ни к кому не обращаясь, и буквально взвыла, закрывая лицо руками и размазывая кровь и слёзы по щекам.

Эльдалин крепко держал её, ловил за руки, зная, что пока больше ничего не может сделать. Увидеть, как твоему другу сносят голову одним ударом...

«А она ведь ехала в телеге рядом с ним. Как будто он живой», – с ужасом подумал Эльдалин, прижимая рыдающую девушку к себе.

Несколько эльфов с горестными возгласами снимали трупы с телеги. Кто-то принёс саваны. Их отнесли к лестнице, ведущей в лабиринт.

Рядом Манель тряс Алальме за плечи, наперебой задавая вопросы, на которые тот даже не успевал отвечать. Эльф, хотя был цел, всё же испытывал глубочайшее потрясение; лицо побледнело, кулаки сжимались и разжимались сами собой. Алальме тоже потерял друзей.

А Манель схватил его за ворот рубашки и кричал:

– Почему вы не бросили телегу?! Вы же знали, что это случится, почему не повернули назад, почему не позвали на помощь, когда было ещё не поздно?!

Вдруг Алальме закусил губу, кулаки окончательно сжались. Он оттолкнул Манеля и, кажется, если бы Лизель не удержал его руку, то ударил бы своего командира.

– Мы не знали, что случится! До последнего не знали! Да, ты говорил, да, предупреждал, я это прекрасно ПОМНЮ! –

эльф повышал голос до тех пор, пока не перешёл на срывающийся крик. – Мы чуть не погибли там, а ты спрашиваешь про телегу?! ПРО ТЕЛЕГУ!

– Алальме, успокойся, – тихий голос Лизеля не перекрыл его ора, но, кажется, действовал на друга каким-то образом. – Он тоже ни в чем не виноват.

– Никто его не винит! Никто! Зато ОН винит ВСЕХ, ВСЕГДА И ВО ВСЁМ!

С этими словами он сбросил руки Лизеля, с размаху пнул ногой колесо телеги – ещё не распряжённые лошади взволнованно заржали.

– Мы выяснили, что хотели. Не наша вина, что на собственном опыте тоже. Такого никто не мог ожидать, – Лизель говорил спокойно, как всегда, но даже его голос подрагивал.

– Лилия! Лия!

К ним спешили Индил и Финель. Кузнец поддерживал принца, а тот – направлял.

К удивлению – и облегчению – Эльдалина рыдания словно оборвались. Лилия всё ещё дрожала, заламывала руки, но подняла голову, услышав знакомый голос. Индил что-то сказал Манелю, крепко обнял Лизеля. Опустился на колени, прежде чем Эльдалин успел возразить, – он видел расплывшееся пятно крови на его рубашке. «Лучше бы тебе остаться у себя», – подумал он.

«Но ты ей нужен сейчас больше всех остальных», – такой была следующая мысль.

Индил взглянул ему в глаза, крепко сжал плечо ладонью. Эльдалин ответил тем же и кивнул. Даже попытался улыбнуться.

– Тебе ещё рано так много ходить, – сквозь слёзы сказала ему Лилия, когда он оказался на коленях напротив неё.

– Я знаю, – ответил он. – И мне очень жаль. С тобой всё хорошо?

Он смотрел ей в глаза. Протянул руку, заправил выбившиеся из косы волосы за уши. Он сам чуть не плакал, увидев её. В основном, от облегчения. Она жива, жива! И больше такого никогда не повторится.

У неё из глаз снова брызнули слёзы. Она яростно замотала головой. Индил поцеловал её в лоб, прижал к себе.

Теперь девушка тихо плакала, уткнувшись ему в плечо, а Индил что-то говорил, гладил её по голове, как ребёнка. Алаальме, разбитый и злой, наблюдал за ними, сидя возле телеги, опираясь спиной о колесо. Лизель прихромал к нему, опустился рядом.

– Мои юные друзья, – к ним подошёл Финель. Бесцветные глаза смотрели мимо них, но Лизель взял его за руку. Кузнец опустился на колено перед ними и горячо обнял.

А Эльдалин стоял рядом, не слыша задаваемых ему вопросов. «Она ведь и правда спасла мне жизнь», – думал он, уронив руки, безвольно повисшие по бокам.

2

Отряд короля очень скоро вернулся. И не только он – пятеро лучников и четверо из пяти разведчиков были с ними. Эльф, который докладывал Эльдалину, остался жив. Как и Глирдан, чьей главной обязанностью был рог. Сейчас он висел у него на поясе, а сам эльф, кажется, получил ранение – рука болталась плетью. Были ранены и разведчики.

Остальные оказались целы и невредимы. Пауков-преследователей было шестеро. Всех застрелили ещё до того, как телега успела выехать из их живого коридора. Задержаться им пришлось, чтобы дожидаться уцелевших.

Все уже знали, какие жертвы понесли. Всё видели. А потому обошлось без новых вопросов. Кто-то направился к лестнице – туда, где лежали лишь двое из тех, кто погиб этой ночью. Многие подходили, что-то говорили Алальме, Лизелю, которого никак не удавалось увести от друга, несмотря на раненую ногу.

Марли чуть не плакал. По широкой дуге обошёл залитую кровью телегу, увидел друзей и, для начала, чуть не сбил с ног Эльдалина.

– Я так рад, что ты жив, так рад! – говорил он, обнимая его. Эльдалин опешил, но поднял руку, похлопал юного друга по плечу.

– Заканчивай с приступами нежности.

Марли не обиделся, только улыбнулся. Присел рядом с Индиллом и Лилией. Девушка почти успокоилась – по крайней мере, безумное выражение сменилось испугом и печалью, и сейчас она уже не плакала. Но всё ещё прижималась к Индиллу, иногда вздрагивая.

Все старались поддержать друг друга, как могли. Финель и Марли поменялись местами. Финель ничего не говорил, только призрачно улыбался, что могло означать: «Вот вы и здесь, и я очень рад».

А ещё: «Я боялся, что теперь навсегда останусь один в кузнице».

Но если бы он сказал это вслух...

Король спешился последним. Он смотрел на всех и видел всех. Скорбящих и радующихся, испуганных и потерянных, тех, кто улыбался от облегчения, находя своих друзей живыми, и стоял с побледневшими лицами, не найдя их вовсе.

Передав коня в руки конюхов, он направился к телеге. Взглянул на окровавленные козлы и мешки. Алальме и Лизель всё ещё сидели возле телеги, пытаясь прийти в себя. Возле них – Марли.

«Юноша выстрелил первым, – подумал Имирин. – И попал точно в цель».

– Ни к чему, – остановил он эльфов, намеревавшихся подняться при его приближении. Он заметил, что Лизель был ранен. Но Марли уже успел вскочить на ноги.

– Молодец, мальчик, – рука короля тяжело легла на его плечо, сжала его. Марли залился краской.

Король посмотрел на Алальме и Лизеля. Эльфы не отрывали глаз от него. Ждали, зачем же он подошёл к ним. Если быть абсолютно честными, так близко они его не видели уже много лет...

И король сказал то, что потрясло всех до глубины души. Тон его был сух и холоден, но этих слов от него не ожидал никто.

– Я счастлив видеть вас живыми.

Глаза Алальме округлились, он даже покосился на Эльдалина. Тот был удивлен не меньше.

– Ваше величество, – Алальме склонил голову и больше не нашёл, что сказать.

Король повернулся к Эльдалину. Тот не отвел глаз. Король склонил голову, и Эльдалин, всё ещё не зная, как расценивать то, что происходит, повторил его жест.

– Благодарю за помощь.

Имирин вскинул брови. А затем, неожиданно для всех, губы его сложились в некоторое подобие улыбки.

– Меня не волновала ваша судьба, командир, так вы сказали. Но пресловутое чувство долга заставило проигнорировать это правило.

Видно было, что Эльдалин с трудом удерживает готовую отвиснуть челюсть. Как и все остальные.

А вот Лилии это не удалось. Она вместе с Индиллом и Финелем уже стояла на ногах и теперь смотрела на короля с открытым от удивления ртом.

Но как только Имирин взглянул на неё, улыбка сползла с его лица.

– Чья это кровь?

Девушка закрыла рот, снова открыла, но не смогла ничего сказать. Растерянно оглянулась на Индила, потом на Эльдалина. Она ожидала, что король потребует ответа, но он только нахмурился и обернулся к Эльдалину, который ещё не оправился от последних его слов.

– Чесса, лошадей... – не зная, для чего, начал эльф и, взглянув на девушку, добавил странным голосом: – Паука.

На мгновение глаза короля широко распахнулись.

– Вот как.

Он снова обернулся к девушке. Задумчиво оглядел её, взгляд зацепился и за сына. Увидел он и пятно крови, расплывшееся на боку, хотя на рубахе у него сейчас было предостаточно других следов. Сын упрямо смотрел ему в лицо.

«Что выйдет из всего этого?» – подумал Имирин.

– Я хотел бы услышать от вас обо всём, что произошло. – Он смотрел на Лилию, но обращался ко всем, повысив голос. – Сразу, как только вы будете к этому готовы.

Не отрывая глаз от девушки, он ждал. Лилия взглянула на Лизеля, тот кивнул. Алальме повёл плечами, как бы говоря: «Я с тобой хоть сейчас». Эльдалин усмехнулся.

– К вечеру мы сможем рассказать вам, что вы хотите, – чуть склонив голову, сказала девушка. – Нам нужно помочь тем, кто ранен.

– Благодарю тебя.

Имирин приложил ладонь к груди, поклонился. А потом, помедлив, коротко обнял девушку. Она даже не ответила на этот жест – настолько он был... почти противоестественным.

– А тебе пора вернуться в постель, – хлопнув Индила по плечу, сказал король и пошёл прочь, управляя и без того ровно лежащие манжеты.

Несколько секунд над площадью стояла тишина. А потом

Алальме вдруг сказал:

– А теперь я согласен вернуться на проклятую дорогу и умереть с мечом в руке. Я увидел всё, что мог на этом свете.

Эльдалин переглянулся с Индиллом, Лилией, оглянулся на остальных. И все рассмеялись, нервно, тихо, но рассмеялись.

Ошибки

1

Лилия взяла себя и ситуацию в руки достаточно быстро. Попросила Финеля проводить Индила в замок, пообещав, что придёт, как только сможет. В общем обеденном зале они устроили что-то вроде лазарета.

С эльфом, который разбил голову, приложившись к телеге во время падения, эльфы справились сами. Девушка только обработала рану и выдала настойку, объяснив, как её принимать. Алальме от помощи отказался – он хромал, потому что клешня калианта хорошенько отдала ему бедро. Но в целом действительно был в порядке. Она отправила его отдыхать вместе с Эльдалином.

Но эльф ушёл не сразу.

– Лилия.

– Да?

Девушка не переоделась, но отмыла руки и лицо. И всё равно он увидел у неё на шее пропущенную полоску запёкшейся крови.

– Спасибо.

– Иди отдыхай, – бросила девушка, улыбнувшись, но сразу отвернулась и пошла туда, где на лавке, немного удручён-

но, сидел Лизель.

«Она не хочет вспоминать то, что сделала. Что она его убила», – подумал Эльдалин. Но не мог понять, почему.

С Лизелем дела обстояли сложнее. Марли уже разрезал его штанину, открыв глубокую узкую рану, кровь из которой залила всю ногу до ступни. Его ранили кинжалом, видимо, таким же, который вонзился Чессу в бедро, прежде чем тот умер.

От этой мысли девушка содрогнулась. Осмотрев рану и смыв кровь с кожи, она спросила:

– Кинжалы у них тоже отравлены?

– Без понятия, – мрачно ответил Лизель.

– Они никогда ими не пользовались. Мы думали, их клешни не могут удержать оружие.

Эльфы уже рассказали кое-что друг другу, конечно. И всё это никому не нравилось.

Лилия задумалась. Но ненадолго.

– Лизель, я думаю, придётся всё-таки подпалить. Ты не обожжёшься, но мне нужно как-то заложить туда лист. Это больно.

Лизель улыбнулся.

– Я не маленький ребёнок.

Через полчаса она уже забинтовала его ногу, оставив на попечение Марли. К тому времени взошло солнце. Давно задушили факелы и костры в кованых корзинах. Телегу с площади убрали, лошадей конюхи увели в стойла.

Больше всего времени она провела, залечивая разы разведчиков. У одного оказались сломаны рёбра.

– У них очень сильные лапы, – объяснил разведчик.

Карафолх тоже остался жив. И почти невредим, если не считать того, что половина его лица приобрела тёмно-сиреневый оттенок, а глаз совсем заплыл.

– Это пройдёт быстро, – отмахнулся он от неё.

– Будет не так болеть, – уговаривала его Лилия, держа в руках баночку с мазью, которая пахла, надо сказать, весьма отвратно.

Но эльф покачал головой. Он уже поддерживал товарища, намереваясь отвести его домой.

– И знаешь что? – девушка вопросительно посмотрела на Карафолха, и он почти выплюнул следующие слова: – Уж будь добра, лучше разбей мне и вторую половину лица, только чтобы я не видел совсем.

– Что ты говоришь такое? – немного испугано спросила она.

Эльф вдруг бросил раздражённый взгляд ей за спину. Там стоял Финель.

– Друг мой, ты расстроен и ранен, и я прошу тебя не говорить того, что ты хочешь. Это глупость.

Карафолх, решив действительно промолчать, с ещё одним эльфом повели раненого к дверям обеденного зала.

– Я ничего не поняла, – призналась девушка, застыв на месте. – Кажется, у него сдали нервы?

– Можно сказать и так, – Финель смотрел в сторону двери обеденного зала. – Я думаю, мы узнаем причину его настроения вечером.

Вечером... да, вечером они должны будут рассказать о том, что случилось. Лилия только сейчас поняла, что начинать, кажется, придётся ей. Рассказать то, что она услышала от мельника.

«Зато обо всём остальном пусть рассказывает Эльдалин. Или Лизель. Кто-нибудь, только не я».

– Кажется, у тебя ещё один пациент, – тихий, вкрадчивый голос Финеля заставил её вздрогнуть, вернувшись из раздумий в реальность. Поначалу она решила, что он имеет в виду Индила. А потом вспомнила про лучника.

– Ой! – она подхватила сумку и оглянулась, поискав глазами Глирдана.

– Он снаружи. Друг не может убедить его в том, что ему нужна помощь.

– О... Финель, ты точно слеп?!

Эльф беззвучно засмеялся.

– К сожалению, – и «взглянул» прямо на неё.

Лилия взяла его руку, поцеловала и поспешила к выходу.

2

За дубовыми дверями действительно сидели и препирались двое эльфов. Точнее, говорил только один – старший, тот самый лучник, который спускался к ним. Глирдан, кажется, почти его не слушал, с рассеянным выражением лица разглядывая рог, лежащий у него на коленях.

– Ребята? – осторожно встряла в девушка в возбуждённый монолог лучника. Оба сразу же повернулись к ней.

– Доброе утро, – поздоровался Глирдан.

– Нужна помощь? – решила спросить она, указав на его руку.

– Полагаю, нет, – с улыбкой ответил он. – Просто ушиб...

Его командир хотел, кажется, возобновить свою тираду, но Лилия остановила его.

– Позволь, я всё-таки посмотрю.

Глирдан взглянул на неё, отложил рог в сторону. Принялся растёгивать рубашку, немного поморщившись.

– Как тебя зовут? – спросила Лилия второго эльфа.

– Я Тиритс, – представился он.

– Полагаю, мы обязаны вам жизнью. Спасибо, – она чуть поклонилась обоим, – что произошло, Тиритс?

Он молчал несколько секунд.

– Я не могу сказать точно... Мы, те, кто остался, уже спрашивали друг друга о том, что произошло. Потому что... всё

слишком странно. Одно скажу точно – мы перебили их много. Считайте, что месть свершилась.

– Что толку в мести? – странно спокойным голосом спросила девушка. Она присела рядом с Глирданом, пытавшимся стащить рукав с плеча левой руки.

– Давай помогу.

Под рубашкой не было кольчуги. Зато всё плечо заливал багровым цветом свежий кровоподтёк. Девушка тихо присвистнула, чем вызвала смех Глирдана.

– А ты чем-то похож на Алальме, – взглянув на него, заметила девушка.

Он рассказал, что им пришлось спуститься вниз, – пауков не было видно, но они слышали их, замечали движения. Эльф назвал это «фокусом» и не мог объяснить, как это вышло. И там он получил удар древком копья от калианта, внезапно оказавшись возле него.

– Эта тварь просто перепутала концы своего же оружия! – воскликнул Глирдан, объясняя ей, что случилось. По правде говоря, эта новость удивила Лилию.

– Мне показалось, они отменные бойцы, – сказала она; Тиритс кивнул, соглашаясь с ней. – Но тебе повезло, что это всего лишь древко.

Видимо, плечо всё-таки болело достаточно сильно, потому что Глирдан уже не сопротивлялся, пока Лилия делала холодные компрессы. Препоручив это занятие Тиритсу, она снова вернулась в обеденный зал. Там остались только Ли-

зель, Марли и Финель. Лизель что-то рассказывал им, и голос его звучал так, словно он пытался убедить самого себя в правдивости того, что говорит. И Лилия быстро поняла, о чем именно шла речь.

Финель повернулся к ней, когда закрылась дверь.

– Кажется, ты начала учиться на поле боя.

Голос его звучал удрученно, так, будто девушка сделала что-то, глубоко его расстроившее.

– Я испугалась. И всё вышло само собой.

Финель «смотрел» на неё бесцветными глазами. Покачал головой.

– Да что ты хочешь этим сказать?! – Лилия вдруг взорвалась, бросила сумку на стол. – Я. Больше. Никогда. Этого. Не повторю. Понятно?

Она взглянула на Марли и Лизеля. Эльфы смотрели на неё с недоумением и, в какой-то степени, уважением.

– Ты убила калианта! – воскликнул Марли. – Одним ударом!

– Это случайность, – сказала она, снова посмотрев на Финеля. – Это чудовище убило Чесса. Я боялась, что то же самое случится с Эльдалином. Да и самой умирать не хотелось, честно говоря, если ты меня понимаешь.

Попытка закончить всё шуткой не увенчалась успехом. Финель всё тем же странным голосом ответил:

– Понимаю.

Собрание решено было провести в тронном зале – девушка была там только один раз, когда Имирин определил её место в крепости. К вечеру почти все пришли в себя. Не явился к назначенному времени только разведчик со сломанными рёбрами (девушка велела ему отлеживаться) и всадник с разбитой головой. Лилия к вечеру успела поспать, отмыть волосы и заплести косу. Изорванное и забрызганное кровью платье решила сжечь. Переоделась девушка в свою рабочую одежду, в которой работала в кузнице Финеля: простые коричневые штаны и тёмно-зелёная лёгкая рубашка. В таком виде Индил никогда её не видел и, неожиданно для девушки, сказал, что выглядит она в этом невероятно.

Он тоже пришёл на собрание, хотя Лилия была против.

– Твоя рана снова открылась, а ты собрался куда-то идти, – проворчала она, когда утром заново лечила и перевязывала его.

– Я должен знать, что происходит. Да и, в конце концов, я чувствую себя просто превосходно!

Лилия покосилась на него. Уж в этом она не сомневалась. Эльф так быстро выздоравливал (учитывая, в каком состоянии и какой глубины была рана, даже слишком быстро).

Ей не удалось убедить его остаться в покоях. Хотя, когда она осталась одна и была честна с собой, то поняла – он ей

нужен. На собрании. Что-то в приближающемся вечере пугало её, заставляло вздрагивать от одной только мысли. Наверное, это всё из-за того, что снова придётся вспоминать произошедшее. Но оно всё равно не выходило из головы. Может быть, какой-то частью мозга девушка понимала, что плохие новости, которые они всё-таки смогли узнать, не останутся просто плохими новостями. Что-то будет меняться. Кажется, потом умрёт ещё кто-нибудь...

И всё же пугало её что-то другое. Правда, она забыла об этом сразу же, как только зашла вместе с Индиллом и Марли в тронный зал.

Там уже расставили стулья. Их хватало на всех, но многие предпочли стоять, отодвинув их к стене. Усадили, кажется, только двоих – Индила и Лизеля. Возле них стояли Эльдалин, Алальме, Марли, Финель и, естественно, Лилия. Поскольку большинство из них оказались, скажем так, «главными лицами» произошедшего, то остались стоять особняком, в центре зала. По бокам от них, тоже стараясь держаться друг друга, стояли лучники и разведчики.

Остальные, кажется, почти все, кто был в крепости, образовали подобие полукруга. Имирин стоял, заложив руки за спину, напротив тех, кого все собирались выслушать. Чуть поодаль стоял Манель. Индил не захотел занять место рядом с ним, как было положено.

Первой, как она и думала, пришлось говорить Лилии. Она пересказала то, что услышала от мельника. Несколько раз ей пришлось отвечать на вопросы. Ответы никому не понравились, лица всех были серьёзны, кто-то казался испуганным.

– Значит, опасность грозит и людям, – подытожил Имирин. – И почему же вы двинулись в обратный путь после того, что узнали?

По-видимому, этот вопрос предназначался не ей. Однако девушка вспомнила, как что-то подобное говорил Манель, и на Алальме это подействовало весьма болезненно.

– Путь к мельнице был абсолютно безопасен.

– И вы надеялись, что таким же будет и обратный? – спросил Имирин. Без издёвки, без сарказма. Он пытался понять, почему случилось то... что случилось.

– Так и было на самом деле.

– До какого момента?

– До тех пор, пока нас не остановил Тиритс.

Имирин знаком разрешил ей вернуться на своё место.

Вперёд вышел лучник.

– Почему вы их остановили?

– Мы потеряли троих разведчиков. Они шли впереди, но в какой-то момент...

– Когда вы предупредили своего командира? – перебил его Имирин.

– Сразу, как только потеряли из виду тех троих. Но мы не знали, что на самом деле случилось, – полагали, что они по каким-то причинам могли просто оказаться в другом месте.

– Когда подали первый сигнал?

Тиритс обернулся к Глирдану.

– Мы не нашли разведчиков, и нам пришлось самим следить за дорогой и лесом. Мы увидели пауков. Тогда я затрубил в рог первый раз.

– Второй сигнал?

– Второй... – Глирдан раздумывал секунду. – Второй сигнал я дал без приказа.

– Почему?

– Мы продолжали сопровождать телегу, но теперь никто из нас не видел ни пауков, ни кого-то ещё. Я решил, что сигнал даст понять, что мы не знаем, в чём дело.

– Если вы потеряли тех, кто шёл впереди, – Имирин говорил медленно, не глядя ни на кого конкретно, – то почему не повернули назад?

– Мы отправили четверых вперёд, как разведчиков, – сказал Тиритс. – К тому же...

– Что? – холодные глаза Имирина буквально сверлили эльфа.

– Было поздно поворачивать назад. Если бы они развернулись, то никто не смог бы добраться сюда.

Имирин ещё на несколько секунд задержал на нём взгляд. Потом посмотрел на стоящего рядом с Алальме Эльдалина. Тот не стал опровергать сказанное лучником. Это полностью совпадало с тем решением, которое он принял в лесу.

– Расскажи всё, что случилось в лесу. То же самое после вас расскажут разведчики. А потом, – ярко-голубые глаза скользнули по окружавшим два стула лицам, – будете рассказывать вы.

Так все, в том числе и Эльдалин, Алальме, Лизель и Лилия, узнали о том, что произошло помимо их собственного боя.

Как оказалось, количество их врагов исчислялось десятками. Почти тридцать пауков убили лучники. Семь – оставшиеся разведчики.

– Мы долго не могли понять, в чём дело, – начал рассказывать Тиритс. – Это не мог быть никто другой, только калианты. Это мы понимали. Но не видели их. Ни одного. Было темно, да, в лесу видимость хуже. Но вы же знаете... Они ведь тоже не маленькие. – Эльф глубоко вздохнул, обернулся на Эльдалина. Тот кивнул, подбадривая его. – Мы заметили их... только когда они начали выходить на дорогу.

В зале стояла тишина, хотя краем глаза девушка заметила, как эльфы взволнованно переглядываются друг с другом.

– Как такое возможно? – требовательно спросил Имирин.

– Я не знаю. Я не могу сказать.

– Кажется, они прятались, – вмешался Глирдан со своего места. – И это была не просто засада... Пауки... Эти твари... Они словно научились растворяться в воздухе. Даже потом, когда всё началось, когда им пришлось остановить телегу. Мы не видели тех, кто был в лесу. Мы могли их слышать. Уловить движение. Но их самих...

Имирин теперь не перебивал. Лицо его оставалось бесстрастным, но он внимательно слушал.

– Лучники стреляли, когда слышали что-нибудь, – про-

должал Тиритс.

«Почувствовали себя в шкуре Финеля», – подумала Ли-
лия.

Эльф рассказал, что так им удалось подстрелить не больше десятка тварей. Одного из них – на дороге.

– А потом они, видимо, решили, что мы серьёзная помеха. И напали на нас. Ещё одна неприятная новость – эти твари научились обращаться с луком. Кисть, – Тиритс поднял свою руку, – натягивает тетиву. Клешня держит оружие.

Эльф сложил вторую ладонь так, чтобы получилось подобие изуродованных кистей калианта, и выстрелил из невидимого лука, показывая, как это выглядит.

– И теперь вы их видели, – в голосе Имираина вопросительных интонаций не было.

– Да, теперь мы их видели. Но не могли позволить остальным пропасть у нас из виду. Я оставил шестерых...

Это из них остался в живых лишь один. Но каждый погибший забрал с собой как минимум одного. А то и двоих.

Остальные сопровождали телегу до второй остановки, убив пятерых тварей, порывающихся выскочить на дорогу. Лилия вспомнила, как им чудом удалось не столкнуться с одним из них... и с ужасом поняла, что они даже не обернулись на него! Отвлеклись на тех, кто перегородил им дорогу, и просто забыли о преследователе. Его, по счастью, кто-то застрелил. Но что если бы он промахнулся?

Индил взял её за руку – она стояла рядом, слева от него, и

вопросительно приподнял брови. Лилия покачала головой. «В конце концов, это уже позади».

Когда им пришлось остановиться во второй раз, к лучникам присоединились разведчики. Вперёд выступил Карафолх. Он объяснил, что им пришлось...

– ...догонять остальных.

– Догонять? – после немного затянувшегося молчания переспросил Имирин. Его раздражала пауза, но он, что удивительно, сохранил ровный тон и бесстрастное выражение лица.

– На нас никто не нападал. Мы видели лучников, знали, что передовых разведчиков они потеряли. Нам пришлось приблизиться к самой дороге. Успевали за ними до первого сигнала.

– Почему вы сразу не присоединились к их отряду?

Карафолх замолчал. В зале снова установилась тишина.

– Разведчики-сопроводители в случае нападения должны присоединиться к конному отряду для защиты... и увеличения своих шансов выжить, насколько я помню наши правила.

Имирин говорил холодно. Эльдалин побледнел.

Значит, они нарушили... что? Что-то вроде военного устава? Лилия не знала их законов, а потому немного медленно соображала. Но в голову ей пришла мысль – а сколько законов нарушили они сами? Пустились в обратную дорогу, несмотря на непосредственное предостережение, не распрягли из телеги лошадей... что ещё?

– Я жду ответа.

– Мы ждали от них другого, – наконец заговорил Карафолх. «Он знал, что это было ошибкой. Вот в чём дело!» – подумала девушка. Она вздрогнула, обнаружив, что Финель повернул лицо в её сторону. Карафолх тем временем продолжал: – Они всегда нападали на меньшие отряды. На пешие отряды. На сопровождающих. Чтобы спокойно напасть из засады.

– Но в этот раз вы ошиблись, – заключил Имирин.

– Я понял это, когда раздался первый сигнал.

– Враг просто проигнорировал вас. И поэтому вы не смогли вмешаться.

Имирин криво усмехнулся. Конечно, он знал, о чем говорит. Ему показалось интересным такое решение, которого, как сказал Карафолх, от калианта никто не ожидал. На несколько мгновений его лицо снова стало напоминать безумную гримасу, так пугавшую девушку. И Лилии показалось уже, что король снова стал чем-то невменяемым.

Но Имирин быстро вернул своему лицу бесстрастное выражение. Хотя холодность на нём теперь проглядывала всё-таки отчетливее, чем раньше.

– Продолжай! – рявкнул он.

– Мы догнали их в последние минуты сражения. Видели, как один из них отрубил голову мельнику. Чессу. Мы собирались выйти на дорогу, когда на нас тоже напали.

– До этого вы тоже не видели пауков? – уже спокойнее

спросил Имирин.

– Нет, – Карафолх покачал головой. – Только тех, кто был на дороге.

О дальнейшем отряд, сражавшийся возле телеги, в принципе мог догадываться, вспомнив доносящиеся из леса звуки битвы. Погибший разведчик умер первым – и единственным. Его проткнули копьём. После этого они смогли увидеть нападавших и вступили в бой, присоединившись к лучникам. Разведчики тоже обнаружили, что пауки используют кинжалы, успешно подключая к сражению клешни. Лилия не знала, как пауки сражались до этого, но, кажется, этот факт оказался весьма осложняющим моментом. В конце концов, не они ли сами в этом убедились?

6

После того как Карафолх вернулся на своё место, прошло несколько минут. Все молчали. Некоторые поглядывали на них – тех, кто стоял в центре. Тех, кто должен был продолжить рассказ.

Но ни король, ни кто-либо ещё не просил их об этом. А Эльдалин (он согласился говорить за всех) стоял совершенно спокойно, не отрывая взгляда от короля.

– Полагаю, все успели обдумать то, что случилось, – тихий холодный голос Имирина заглушил установившуюся тишину. – Независимо друг от друга вы совершили одну и ту же ошибку.

Голубые глаза скользнули по отряду разведчиков, центральному отряду, задержался на разведчиках.

– Вы недооценили врага. Ждали от него тех же действий, что прежде. Пренебрегли правилами. И это повлекло за собой несколько смертей.

По залу пробежал едва слышный ропот. Холодный взгляд двинулся в обратном направлении, а потом задержался на Эльдалине.

– Теперь я хочу услышать, что видели вы. Я хочу, чтобы вы рассказали всем о сражении. Как сражались чудовища. Как сражались вы. – Вдруг взгляд его переметнулся на Лилию. – Как сражались те, кто убит. Такого не должно по-

вториться. И для этого я хочу, чтобы вы рассказали всё. До мельчайших подробностей.

Эльдалин вышел вперёд. Его шагов не было слышно, несмотря на вновь установившуюся тишину.

А потом он начал говорить. Многое из сказанного оказалось новостью даже для Лилии (потом она рассудила, что ничего удивительного в этом нет). Эльдалин рассказал про то, как она решила остаться править телегой, про лучника, про то, что распрячь лошадей они пытались, но спохватились слишком поздно. Про первых пауков.

Когда он добрался до момента их решающей остановки, Имирин перебил его.

– Девушка оставалась в телеге?

– Да.

– И она видела, как убили мельника?

– И ещё одного эльфа. Ему...

Но Имирин поднял руку, останавливая его.

– Я хочу, чтобы об этом рассказывал не ты.

Взгляды всех обратились на Лилию. Эльдалин обернулся. Обнаружил, что девушка испуганно и вопросительно смотрит на него.

– Он не скажет тебе, что делать. Пока ещё ты не под его командой, – сурово сказал Имирин, наблюдая за ними. – Выходи и рассказывай, что случилось.

Лилия бросила взгляд на своих друзей, вышла вперёд, встала рядом с Эльдалином. Она постаралась говорить так

же, как он, – спокойно, по порядку.

– И что ты сделала потом? – спросил Имирин, когда она замолчала, рассказав, как калиант снёс Чессу голову.

– Я подняла его меч. Он... выронил его.

Девушка чувствовала, как взгляды удивления направляются на неё. Индил, скорее всего, нахмурился. Она вспомнила печальный голос Финеля и поняла, что совершенно не горит желанием рассказывать о том, что сделала совершенно случайно.

– Зачем ты его подняла? – требовательно спросил Имирин, когда молчание затянулось.

– Я не знаю, – быстро ответила она.

– Ты умеешь обращаться с оружием? – Имирин буквально давил на неё своим тоном, приблизился к ним на два шага. Выражение лица наполнилось неподдельным интересом.

– Не умею, – отрезала девушка.

– Тогда зачем? Что ты собиралась делать?

Лилия открыла рот, снова закрыла. С выражением загнанного зверя посмотрела на Эльдалина.

– Полагаю, она хотела защититься. Рядом с ней не осталось никого из нас.

Имирин даже не взглянул на Эльдалина, но не пропустил его реплику мимо ушей. И, когда дальше продолжил рассказывать Эльдалин, не перебивал его. Он смотрел на девушку до тех пор, пока она не отвела взгляд.

– Мой конь сбросил меня на землю, – продолжал Эль-

далин; девушка вдруг отметила, что говорит он всё неувереннее. Он описал, как калиант нанёс удар, как он задержал его. – Я почувствовал, что он хочет просто разрубить меня напополам, вероятно, то же самое он собирался сделать и с Чессом. Я удерживал его меч, а потом...

Эльдалин осекся, замолчал. Взглянул на Лилию.

– Я его убила.

Сказав это, она на секунду зажмурилась, словно ожидая, что сейчас ей по голове ударит что-нибудь тяжёлое. Теперь Лилия не только чувствовала удивлённые взгляды. По залу пробежал ропот. Словно она убила не паука, а одного из эльфов.

У Индила буквально отвисла челюсть. Обернувшись к Алальме и Лизелю, он дикими глазами смотрел на них, не произнося не слова. Алальме улыбнулся. «Гордись, это было на самом деле достойно», – говорил его взгляд.

– Как? – спросил Имирин. По его лицу нельзя было понять, удивился он или нет. Но интерес никуда не пропал, это точно.

– Мечом... Он оказался ко мне спиной, когда Эльдалин напал на него.

Имирин задумался, потом поднял открытую ладонь, требуя тишины. Все умолкли.

– Спину трудно пробить мечом, – сказал он. – Мышцы. Кости. – Говорил король вкрадчивым тоном, словно пытаясь убедить её в том, что она ошибается, рассказывая такое.

– У них четыре руки, а лопатки – длинные и узкие. Кажется, я случайно попала между ней и позвоночником. Ребра не такие крепкие. Мышцы там натянуты туго, но они тонкие. Иначе их руки бы имели ограниченную подвижность в су-

ставе, – Не ожидая от себя такого, объяснила Лилия («Я ведь не думала об этом до этого момента»). Кажется, на самом деле, как раз наоборот. Её подсознание подумало. Та его часть, которая внимательно слушала Ревеку, когда та рассказывала об анатомии.

Брови Имирина взметнулись вверх, потом он нахмурился.
– Вот как...

Он молчал, глядя куда-то мимо них. Лилия нервно оглянулась на Эльдалина. Тот стоял и смотрел на неё круглыми от удивления глазами. «Откуда ты это всё взяла?» – спросил он её одними губами.

«Просто так и есть», – ответила она.

Имирин велел им вернуться на свои места. Оба повиновались с едва слышными вздохами облегчения.

Индил сразу крепко сжал её руку. Взгляд был наполнен тревогой. «Ещё бы», – подумала девушка. Она вспомнила, как однажды он сказал, что волнуется за неё.

Что ж... сейчас повод для волнения, кажется, был веский.

Все, абсолютно все сейчас смотрели на них. Теперь они узнали, что случилось. Кажется, калианты были врагами эльфов пока ещё не долгое время. Сколько? Год, пять лет? Это Лилии было неизвестно, она поняла лишь, что выясненное ими пугает их. Нападения на людей. Кинжалы. Луки.

А что сказать об их невидимости? Это изумляло и пугало и её тоже. Они-то видели каждого паука, потому что на них нападали. А что до этого? Они правда невидимы? Или их па-

учья природа, пусть и частичная, даёт им возможность скрываться и выжидать? Но раньше они этого не умели. Раньше их можно было выследить. Ни Тиритс, ни Карафолх, ни Эльдалин не сказали об этом. Но всё и так ясно. Иначе зачем с ними отправили разведчиков?

И что теперь? Король их выслушал. Все их выслушали. Они будут что-нибудь решать. Или, может, обсудят?

Может, Имирин хоть что-нибудь скажет... по этому поводу? Как плохо, когда нельзя спросить, что думают остальные.

Она посмотрела на своих друзей, но те, кажется, тоже ждали.

– Все могут идти, если не хотят задать вопрос.

«Отлично. Кажется, сам король эльфов не знает, что с этим теперь делать». Почему-то эта мысль заставила девушку усмехнуться.

Индил сразу же потянул её за руку. Вопросительно приподнял брови.

Эльфы, как по команде, начали выходить из зала. Никто ничего не спрашивал. Знали, что ответа не получают. Пока, по крайней мере.

Алальме протянул руку Лизелю, чтобы помочь тому подняться. Лилия уже обняла Индила за талию.

– Вы остаётесь здесь, – холодно сказал Имирин, указав на них.

Алальме и Эльдалин с беспокойством переглянулись. Индил смотрел на отца, Лилия вопросительно взглянула на Ма-

неля, которого король тоже оставил на месте. Остальные эльфы, включая разведчиков и лучников, быстро и почти строем выходили из зала.

– Кажется, наша вина требует отдельного обсуждения, – довольно будничным тоном сказал Эльдалин.

Манель, явно нервничая, покосился на Имира – тот повернулся к ним спиной. Лилия сообщила, что он даже не переоделся. Остался в той же простой одежде. Эльф медленно пересёк зал и встал рядом с ними, по правую руку от Эльдалина.

Неужели дело в нарушенных уставах? Да, кажется... Иначе зачем оставлять их здесь?

Эльдалин, Алальме, Лизель и она сама – члены «центрального отряда». Манель – пусть не сразу, но дал добро на их поездку, так плачевно завершившуюся.

А что насчет Марли, Финеля и Индила? Они оставались в крепости.

«Индил командует гарнизоном, пусть он и ранен».

Точно.

А Финель и Марли? Или король посчитал, что их участие косвенно, но весомо?

Имирин повернулся к ним только после того, как последний из эльфов вышел из зала.

Прошлое – будущему.

1

– Надеюсь, вы не думаете, что я собираюсь перекладывать на вас вину за смерть товарищей?

Лилия вздрогнула. Имирин заговорил неожиданно. Громко. И не так отстранённо.

Видимо, решив добить их окончательно, король эльфов улыбнулся. Грустная немного получилась улыбка. Но настоящая.

– Вижу, всё-таки решили, – сказал он; немного помолчал, глядя куда-то в сторону, а потом лицо его снова стало серьёзным. – Но есть ещё кое-что, что я обязан сказать.

Все молчали. Лилия всё ещё сжимала ладонь Индила. Алальме оставил руку на плече Лизеля.

– Лилия. Подойди ко мне.

Она посмотрела на всех по очереди. «Что происходит, кто-нибудь может сказать?» – спрашивал её взгляд.

Ответил только Индил.

«Без понятия, но мы же здесь, значит, тебе нечего бояться».

Кажется, подобное пытался ей внушить Эльдалин прошлой ночью. Ну что ж... С ней действительно ничего не слу-

чилося. Несомненный плюс.

Имирин терпеливо ждал, пока она сделала несколько шагов и остановилась в том же месте, с которого рассказывала о мельнике, смерти Чесса и убийстве паука. Когда он заговорил, в его тон не вернулись холодные ноты. Но в серьёзности сомневаться не приходилось.

– Здесь остались те, кого ты знаешь достаточно, чтобы называть своими друзьями. Кому ты доверяешь. Я хочу, чтобы ты в этом убедилась.

«Так ваше величество действительно знает всё?»

– Так и есть, – без промедления сказала она.

– Я хочу, чтобы ты в этом убедилась, – повторил Имирин, медленно, немного раздражённо. – Подумай.

Нужды оборачиваться не было – Лилия и так знала, кто остался у неё за спиной. Даже знала, какие выражения сейчас на их лицах.

Индил.

Марли.

Эльдалин.

Финель.

Алальме.

Манель.

Лизель.

Она всё-таки обернулась. Не верилось ей, что за спиной у неё стоят семеро друзей. Которыми она действительно дорожит. Которым доверяет. Её встретили немного насторожен-

ные, но ободряющие взгляды. Даже Финель, совсем слепой, и тот, казалось, смотрел прямо ей в глаза.

Как их много! Сколько она времени провела здесь? Месяц? Два? Как незаметно они подружились... А если бы их экспедиция закончилась не так трагично, вместе с ними мог стоять и Чесс.

Но с этим ничего не мог поделать даже король эльфов.

Лилия снова обернулась к Имирину. Тот встретил её взгляд. Он ждал.

– Я в этом убедилась.

– Отлично.

Они стояли друг напротив друга, как бойцы на дуэли. Имирин, казалось, изучал её. Она ждала, что последует дальше.

2

– С тех пор как ты имела неосторожность появиться здесь, тебе удалось сделать больше, чем я ожидал. Смогла использовать книгу. Нашла растение. Спасла жизнь моему сыну.

Имирин замолчал, скользнув взглядом туда, где сидел на стуле Индил. («Наверное, он редко так его называет», – промелькнуло в голове у девушки).

– А вы построили достаточно препятствий для того, чтобы этого не произошло, – сухо заметила Лилия.

– Полагаю, за это я должен извиниться, – серьёзно сказал Имирин, вновь посмотрев ей в глаза. – И делаю это прямо сейчас.

Он поклонился, приложив руку к груди. Выпрямился только, когда девушка повторила этот жест.

«Интересно», – немного отстранённо подумала девушка.

– Однако тебе удалось преодолеть и это. Стражник пропустил тебя.

«Стражник?..»

Лилия не успела подумать о том, что сказал король, как почувствовала странное тепло, коснувшееся левой руки. Взглянув на неё, она едва слышно ахнула. Шрамы на кисти вскрылись, и из них по коже струилась кровь, капая на каменный пол. За своей спиной она уловила нервное движение. Пара секунд... и кровь побледнела. Исчезла с пола, по-

том с кисти. На её глазах шрамы снова затянулись и на коже осталось только множество светлых, едва заметных отметин.

Имирин покачал головой в отчет на ошеломлённый взгляд девушки.

– Моих талантов для этого уже не хватает.

«Значит, изгородь. Точнее... Стражник».

– Так или иначе, вопреки моим ожиданиям, тебе удалось стать частью нашего гарнизона.

Имирин снова взглянул ей за спину.

– Заботы связали тебя с Эльдалином и Марли. Алальме привёл тебя в круг. Манель допустил тебя в свой сад. Лизель первый раз вышел за ворота без приказа, последовав за устроенным тобой сбором. Кузнец... насколько я помню, Финель никогда не допускал к себе помощников.

Лилия невольно снова обернулась на своих друзей и не могла сдержать улыбку. Лизель стоял и удивлённо таращился на Алальме, улыбающегося во весь рот. Эльдалин и Манель... эти двое стояли примерно с таким же выражением лица, которое было у одного из них на болоте после встречи с попрошайкой. Лилия тогда назвала его «мистер Я-В-Восторге-От-Милых-Животных».

Финель склонил голову набок – он всегда так делал, когда слушал. Эльф немного смущённо улыбался. Как Индил и Марли. Лилия, конечно, не могла знать, о чём они говорили прошедшей ночью. Насколько это было близко к тому, что сейчас говорил Имирин. И насколько удивительно.

Они все молчали. Имирин сделал несколько шагов и оказался между Лилией и остальными. Наконец, заговорил снова.

– Ты знаешь, кто дал тебе имя?

Девушка взглянула на него, упрямые тёмные глаза сверкнули.

– Имя мне дал мой отец. С вашего благословения.

Имирин был серьёзен.

– Ты говоришь верно. Когда он был здесь, когда я передал ему книгу и знания... Он попросил моего благословения. Оно уже тогда ничего не могло значить, не имело никакой силы. Но он мне не верил.

Лилия ловила каждое слово. Впервые за всё время Имирин так прямо говорил о её отце. О том, что тот действительно познакомился с ним. Был, возможно, и в этом зале. «А был ли он у Стражника?» – подумала девушка. Но побоялась задавать вопросы.

– В чём-то он оказался прав, – продолжал Имирин. – Двадцать лет назад моих знаний хватило на то, чтобы верно предсказать ему рождение дочери. Я не верил этому. До тех пор, пока ты не назвалась тем именем, которое я когда-то давно передал лекарю.

– Если вы узнали имя, – Лилия начала говорить медленно, словно пробираясь по тёмному коридору, – то почему так обошлись со мной?

У неё в голосе не прозвучало обиды, обвинения (хотя де-

вушка была честна с собой – она даже хотела, чтобы они прозвучали). Было только непонимание. Искреннее и беззлобное.

Имирин долго не отвечал. Он посмотрел на неё, затем его взгляд натолкнулся на каменный пол. Когда Имирин поднял глаза к потолку, Лилия невольно взглянула туда же. Потолок под крышей дворца был украшен резными ветвями деревьев. Девушка подумала, что это клёны, но точно сказать не могла – на них не было листьев. Были только животные. Из-за одного ствола выглядывал олень. Красивую, с умными и необыкновенно живыми глазами голову венчали ветвистые рога. Чуть поодаль на дереве сидела куница. Она смотрела вниз, туда, где в маленьком пучке травы пряталась мышь.

Девушка увидела там и знакомую фигуру. Заяц. Много ли зайцев в лесу, но ей показалось, что это именно тот рыжий заяц, который отличился необыкновенно хорошим пониманием человеческой речи. Он смотрел куда-то в сторону. Переместив взгляд туда же, Лилия увидела эльфа. Искусно вырезанное изображение! Эльф был так странно похож на короля... или на принца? Нет, кажется, это был всё-таки король... Глаза. Отец и сын были безумно, странно похожи, почти близнецы. Но глаза, пусть у обоих небесно-голубые, были разными. Не такими обречёнными они были у сына даже в моменты приближающейся смерти. Не такими холодными. Не такими одинокими, кажется...

Высеченная из дерева фигура изображала эльфа, короля.

Он стоял, прислонившись к голому стволу дерева, сложив руки на груди. Плащ струился по траве, лежал у его ног. Эльф был силён, немолод, но прекрасен.

И тень ложилась на его фигуру. Солнце из окон не освещало его. Свет путался в голых ветвях, в рогах молодого оленя, освещал маленького мышонка, искрился в глазах рыжего зайца.

А до фигуры эльфа он не мог добраться. Кажется, пытался. Но эльф стоял в тени и не смотрел ни на деревья, ни на оленя, ни на куницу. Но никто их стоявших в тронном зале не ускользал от его взгляда.

– Мой разум давно омрачает тень безумия, – в гулкой тишине голос короля прозвучал как шёпот ветра в каменной темнице.

– Отец...

Имирин взглянул на Индила, грустно улыбнулся, но не дал ему ничего сказать.

– Поэтому мой сын защищает от меня мой же народ. Поэтому тень пролегла в тронном зале. – Имирин пронзил её взглядом холодных глаз. – Поэтому я так с тобой обошёлся. Ты оказалась дерзкой, но, что хуже всего, ты была действительно той девочкой, которую я когда-то увидел.

– Это лишь подтверждает то, что вы не так безумны, как думаете, – вдруг сказала девушка. Слова сами сорвались с языка.

Имирин застыл. И, когда снова заговорил, голос его зву-

чал не так, как раньше. Он больше не играл, не сдерживал себя. Но все слышали голос короля. Настоящего короля.

– Он попросил дать ему благословение. А я, сам того не зная, дал его тебе. Может, я ошибаюсь. Но твой отец мёртв, а ты стоишь передо мной. И по праву благословения и наречения теперь я отвечаю за твою судьбу. Пользуясь этим правом, я спрашиваю: желаешь ли ты стать частью нашего народа не по крови, но по преданности и призванию? Признаёшь меня своим королём и покровителем? Называешь ли мой народ своими друзьями и братьями не по принуждению, а по любви? Соглашаешься жить по нашим законам и доверить нам свою жизнь? Будешь ли защищать честь своих друзей так же, как свою?

Имирин и Лия смотрели друг другу в глаза. Девушке казалось, что биение её сердца отзывается эхом в пустом тронном зале. Имирин задавал свои вопросы, а у неё внутри всё холодело. Она должна дать клятву верности и стать одной из эльфов. Не по крови, но по преданности и призванию. Но может ли она пойти на это? Оставаясь человеком, оставаясь смертной.

Оставаясь дочерью своего отца.

Но разве она уже не стала одной из них? Разве не они, те, кто стоит у неё за спиной, стали ей друзьями и братьями? Не доверила ли она уже им свою жизнь?

И при этом осталось ли у неё хоть что-то от прежней жизни? Есть ли теперь у неё хоть что-нибудь, кроме их дружбы?

– Я признаю ваше право отвечать за мою судьбу и поведывать ею по праву благословения и наречения. И отвечаю «да». На все вопросы, которые вы задали, я отвечаю «да».